ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ЦЕССИ)

РОССИЯ В ЕВРОПЕ

По материалам международного проекта
«Европейское социальное исследование»

Под общей редакцией
А.В. Андреенковой и Л.А. Беляевой

ACADEMIA

Москва
2009

УДК (470)
ББК 60.55
Р 74

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (грант № 09-03-00849 д/Р)

Рецензенты:
доктор философских наук В.Г. Федотова,
доктор социологических наук М.Ф. Черныш

Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей редакцией А.В. Андреенковой и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. – 384 с.

Коллективная монография посвящена анализу состояния современного российского общества, его основных социальных характеристик, ценностных и структурных особенностей России в сравнении с другими странами Европы. Этот анализ проведен на основе социологических данных Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS) – международного сравнительного проекта в области социальных наук. Исследование носит мониторинговый характер (проводится каждые два года) и на сегодняшний день является наиболее авторитетным источником данных о динамике и векторах движения европейских обществ на всем пространстве от Пиренеев до Курил. В монографии представлены данные первой волны ESS в России, проведенной в 2006 году (в Европе исследование началось в 2002 г.).

Главы книги написаны российскими учеными из разных областей социальных наук и отражают современный уровень знаний по целому ряду основных направлений социологических исследований. Монография дает возможность получить комплексное представление о социальных процессах в России на фоне других, близких и далеких европейских стран, определить место России в европейской семье народов по самым разным социальным, экономическим, политическим, демографическим, психологическим показателям.

Для научных работников и преподавателей вузов, работников органов государственного управления и бизнесменов, журналистов, студентов и аспирантов, а также всех, кто интересуется развитием российского общества и международными сравнительными социальными исследованиями.

ISBN 978-5-87444-344-3

© Авторы, 2009 г.
© А.В. Андреенкова, Л.А. Беляева, составление 2009 г.
© Издательство «Academia», 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
А.В. Андреенкова, Беляева Л.А. 7

Глава 1
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
Андреенков В.Г. 13

Глава 2
РОССИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ
Лапин Н.И. 47

Глава 3
РОССИЯ И ЕВРОПА: СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
Беляева Л.А. 53

Глава 4
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН
Андреенкова А.В. 95

Глава 5
СФЕРА ТРУДА: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В МЕЖСТРАНОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ
Монусова Г. А. 141

Глава 6
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЕЕ ФАКТОРОВ
Андреенкова Н.В. 170

Глава 7
НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ
Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М. 194

Глава 8
СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН
И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ: МЕЖСТРАНОВЫЕ И МЕЖИНДИВИДУАЛЬНЫЕ
СРАВНЕНИЯ
Магун В.С., Руднев М.Г. 225

Глава 9
ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МАКРОРЕГИОНОВ
РОССИИ ПО ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ»
Лапин Н.И. 271

Глава 10
РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ И ЕВРОПЕ
Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М. 285

Глава 11
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ, СЕМЬЯ И БРАК В РОССИИ И ЕВРОПЕ
Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. 320

Глава 12
СЕМЬЯ И БРАК НА ЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ
Синельников А.Б. 326

Глава 13
ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ «РАСПИСАНИЯ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН О ТОМ, КОГДА ДЕВУШКА
СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛОЙ
Захаров С.В. 347

Вместо заключения
Андреенкова А.В. 380

Об авторах 382
Content 383

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРЕДЛАГАЕМАЯ читателю коллективная монография «Россия в Европе» написана по результатам Европейского социального исследования (ESS), в котором в 2006 г. впервые участвовала Россия. Этот проект стартовал в Европе в 2002 г., и первоначально в нем приняли участие 22 страны, в 2004 г. — 26 стран, а в 2006 г. исследование проводилось в 25 европейских странах, включая Россию. В числе этих стран присутствуют и 10 стран бывшего социалистического лагеря, в том числе четыре государства, входивших ранее в состав СССР (Россия, Украина, Латвия и Эстония), что для наших сравнений особенно интересно. Исследование представляет собой социологический опрос населения, проведенный по единой методологии, с использованием общего инструментария, с методическим контролем всех этапов реализации проекта со стороны Международного координационного комитета.

ESS — результат сотрудничества ученых, работающих в разных концах Европы, представляющих разные научные школы и культурные традиции. Усложнение социальной реальности приводит к необходимости поиска новых способов, подходов к ее изучению. В ESS реализован новый подход к такого рода сравнительным исследования — с первых шагов проекта и в продолжение всех этапов работы в нем сотрудничают специалисты разных стран. Важной особенностью ESS является его междисциплинарный характер, поскольку он создается учеными, работающими в самых разных общественных дисциплинах, — социологами, методологами, демографами, социальными психологами, экономистами. Для российских ученых и России в целом очень важно, что появилась возможность стать равноправным членом всемирного научного сообщества, пользоваться данными, иметь возможность вносить свой вклад в создание проекта. К результатам ESS привлечено широкое общественное внимание: уже сейчас пользователями данных являются более 27 тысяч человек из всех стран мира.

В результате реализации проекта по каждой стране раз в два года одновременно собирается репрезентативная информация по широкому кругу проблем, характеризующих человеческий капитал страны в самом широком его понимании, отношение населения к социальным институтам и участие населения в политике.

Качество человеческого капитала страны оценивается в рамках ESS по нескольким комплексам показателей: здоровье, демографический состав, демографическое поведение населения; уровень и качество жизни, социальная эксклюзия; образование и профессиональная подготовка, социально-профессиональная структура и интеллектуальный потенциал; социокультурная активность, моральные и социальные ценности[1]. Кроме того, ESS включает богатую информацию по вопросам политических ориентаций и политического поведения населения, что позволяет анализировать направление и степень демократического развития страны и особенности ее политической культуры.

Возможности, которые предоставляются данными ESS для анализа и сравнения стран, не ограничиваются названными темами. Содержащаяся здесь информация может быть использована для исследований и решения других научных и практических задач, тем более что данные по всем странам, включая Россию, доступны любому исследователю[2]. Для нашего авторского коллектива было важно сравнить Россию с Европой, где сосредоточены страны, находящиеся на разных уровнях модернизации экономики и на разных этапах движения к информационному обществу. Это позволяет определить, на какой стадии трансформации от традиционного к современному обществу находится Россия и насколько быстро и успешно Россия двигается по этому пути по сравнению с другими странами. Чтобы более глубоко понять внутренние процессы, происходящие в нашей стране, полезно рассмотреть их в более широком европейском контексте и определить, какие стороны развития России являются сугубо специфическими, а какие — частью более общих, глобальных тенденций, характерных для многих стран.

Научный коллектив, который подготовил эту монографию, рассматривает Россию как европейскую страну, обладающую чертами поликультурности, полиэтничности и поликонфессиональности, требующими как минимум толерантности в отношениях внутри страны и на уровне диалога с другими странами. Вместе с тем Россия как часть Европы имеет свои цивилизационные особенности, связанные с культурой, историей, ценностными установками, религиозными императивами сознания. В последние 20 лет в России произошли грандиозные преобразования, которые коснулись всех сфер общественной жизни и жизни людей. Общество перестало представлять собой закрытую систему, изменилось политическое устройство, наряду с государственной собственностью появились частная и корпоративная, созданы новые механизмы макроэкономического регулирования, Россия стала частью общемирового процесса «глобализации», она открыла свои границы для перемещения капиталов, информации, людей. На фоне этих структурных трансформаций произошли глобальные изменения в системе ценностей населения. Европа стала ближе России и в экономическом, и в

[1] В ESS собирается подробная информация о многих компонентах качества человеческого капитала, что отличает ее от широко используемого Индекса развития человеческого потенциала, интегрирующего только три показателя: ожидаемая продолжительность жизни, образование, ВВП на душу населения. ИРЧП удобен для межстрановых сравнений, но его лаконичность оборачивается утерей важных подробностей о человеческом капитале и его использовании в стране. См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации// www.undp.ru

[2] С результатами исследования можно ознакомиться на сайте: www.ess-ru.ru

политическом, и в информационном плане, но насколько близки системы ценностей, представлений и модели поведения жителей России и Европы, остается во многом неизвестным, поскольку не было достаточных возможностей для обоснованных сравнений.

Авторы не ставили перед собой задачу выделения «особости» России, а рассматривали ее в общеевропейском контексте, полагая, что так мы можем увидеть те черты нашей страны, которые характеризуют современный этап российской действительности, и в то же время попытаться рассмотреть ее новые качества, носителями которых являются отдельные группы населения. Лучший способ сделать это — сравнить себя с другими, увидеть сходства и различия, чтобы лучше понять — кто мы.

В представляемом труде рассмотрен широкий круг проблем, их по числу глав книги — 13. Представим их читателю, объединив их тематически. Две главы посвящены методологическим и теоретическим проблемам сравнения России и стран Европы. История и проблемы проведения международных сравнительных исследований и характеристика с этой точки зрения Европейского социального исследования как наиболее методологически обоснованного сравнительного проекта, отвечающего современным стандартам эмпирических исследований в социологии, содержится в главе В.Г. Андреенкова. Теоретический анализ положения России в социокультурном пространстве Европы представлен в главе члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, который показывает, что базовой основой для дифференциации социокультурного пространства Европы является разность технологических укладов национальных хозяйств разных стран.

В двух главах проанализированы несколько срезов структуры российского общества и субъективные оценки уровня и качества жизни населения России в сравнении со странами Европы. Л.А. Беляева сосредоточивается на образовательных, профессиональных, доходных, статусных и ресурсных характеристиках, структурирующих современное российское общество и определяющих в конечном счете его глубокую социальную дифференциацию и чрезмерное социальное неравенство. Н.В. Андреенкова обратилась к проблеме измерения уровня и качества жизни населения стран Европы и попыталась дать комплексное объяснение, от чего зависит удовлетворенность жизнью в России. Оказалось что в современной России личные обстоятельства и индивидуальные характеристики людей менее значимы для их удовлетворенности жизнью, чем макро-экономические, политические и социальные условия. Особенно сильное влияние на уровень субъективного благополучия оказывают восприятие успешного экономического развития страны, такое качество личности как общий уровень оптимизма и состояние здоровья. Даже наиболее благополучные слои населения, которые живут в хороших условиях и имеют неплохой доход, показывают более низкую удовлетворенность жизнью, чем люди в схожих обстоятельствах в западных европейских странах.

Изучению политических взглядов и политического поведения людей в разных европейских странах посвящается глава А.В. Андреенковой. В результате комплексного анализа различных элементов политической культуры России был выявлен целый ряд сходств и различий в политических ценностях и политическом поведении россиян по сравнению с другими, как западными, так и восточноевропейскими странами. По своей политической культуре в настоящее время Россия входит в группу стран «новой», развивающейся

демократии вместе с большинством восточноевропейских стран. Их объединяет время вступления на путь демократического развития, тип прежней политической системы, сходный экономический уровень и качество жизни, длительность существования новых демократических институтов, правил и норм. Сходство политических культур этих стран позволяет говорить о том, что эти культуры являются переходными и соответствуют определенному этапу, который вынуждены пройти многие страны. Политическая культура России характеризуется умеренным интересом населения к политике, низким уровнем субъективной политической компетентности, довольно низким уровнем политического участия. При этом электоральное участие находится в России на среднем для стран Восточной Европы уровне, а неэлекторальное участие — одно из самых низких. Базовая политическая поддержка конкретных политических институтов и политической системы в России в целом довольно низкая, а на уровень доверия политическим институтам и оценку работы политической системы в целом оказывают влияние многочисленные ситуативные факторы.

Несколько глав книги посвящены ценностям населения, которые эмпирически сложны для изучения, но их анализ чрезвычайно важен для понимания того, насколько в сознании широких слоев получили распространение традиционные и современные, либеральные ценности. Комплекс жизненных ценностей россиян и других европейцев анализируется в главе В.С. Магуна и М.А. Руднева, которые показали, что население России дифференцировано по своим ценностным устремлениям: лишь пятая часть россиян имеет систему ценностей, доминирующую в развитых западноевропейских странах, а большинство (80%) по своим ценностям сходны с населением бывших социалистических стран и умеренно поддерживают новое при не всегда обоснованном желании добиться богатства, власти и успеха. Не подтвердилась приписываемая россиянам склонность к покорности и послушанию, как и их сильное стремление следовать обычаям и традициям. Н.И. Лапин провел сравнительный анализ жизненных ценностей населения 10 российских макрорегионов по шкале «открытость изменениям — сохранение» и показал, что в половине макрорегионов страны для населения приоритетными являются ценности сохранения базовых условий существования, в четырех регионах наблюдается небольшое преобладание ценностей сохранения над ценностями изменений и только на Севере и Северо-Западе существует паритет этих групп ценностей, что говорит о большей готовности населения к новому, к переменам по сравнению с другими макрорегионами России. Г.А. Монусова анализирует проблему ценностей применительно в трудовой сфере, рассматривая удовлетворенность трудом в разных странах в целом и в зависимости от тех трудовых функций, которые выполняет человек, и от комфортности и безопасности рабочих мест. Оказалось, что высокий уровень удовлетворенности трудом в наибольшей степени детерминирован содержанием труда, его творческим характером и возможностью принимать самостоятельные решения, при этом влияние страновых различий несущественно. Низкая удовлетворенность трудом в России (последнее место, по соседству с Болгарией и Украиной) обусловлена в первую очередь низким технологическим уровнем большинства предприятий и высоким удельным весом «плохих» рабочих мест, не обеспечивающих к тому же достойное вознаграждение за труд.

После распада СССР и для России как страны в целом, и для каждого

отдельного жителя встала проблема поиска собственной идентичности. Особую актуальность на современном этапе развития приобретает национально-государственная, этническая, региональная идентичность жителей страны и толерантность по отношению к многочисленным иммигрантам. Эти проблемы обсуждаются в главе Л.М. Дробижевой и Е.М. Арутюновой. На фоне в целом негативных установок по отношению к иммиграции в российском обществе, молодежь настроена несколько более позитивно. Это характерно для всех регионов России, как и для всех стран, участвовавших в ESS.

Религиозность как фактор идентичности российских жителей обсуждается в главе М. М. Мчедловой. Она изучила уровни религиозности населения России и других европейских стран в целом, а также в разрезе различных социально-демографических, имущественных и других групп и сделала вывод, что в России, как и в большинстве европейских стран, приверженность к определенным конфессиям больше выступает как способ идентификации с определенной культурной традицией, чем проявление веры в Бога, поэтому и граница между верующими и неверующими не является непреодолимой. Россия остается светской страной, имеющей положительный исторический опыт сосуществования различных конфессий.

Три главы книги посвящены демографическим проблемам, точнее, семейно-брачным отношениям и изучению жизненного цикла современного человека и ценностно-нормативных регуляторов в его жизни. А.И. Антонов с коллегами, основываясь на фамилистической парадигме, анализируют уровень удовлетворенности жизнью в зависимости от семейного положения респондентов в России и других странах Европы. Они фиксируют сохранение семейного традиционализма в составе жизненных ценностей и норм россиян, в отличие от жителей большинства других европейских стран. Более того, в России наличие благоприятной семейной атмосферы хотя бы отчасти компенсирует низкий уровень и удовлетворенность жизнью, и напротив, при напряженных отношениях в семьях удовлетворенность жизнью падает. Эти наблюдения позволяют подчеркнуть самостоятельное и значимое влияние фактора семейности на особенности качества жизни в России.

Проблемы кризиса семьи и брака в современной Европе анализируются в главе А.Б. Синельникова. Данные ESS наглядно демонстрируют, что социальный институт семьи, который основан на браке, претерпевает острый кризис, и здесь Россия «идет в ногу» с большинством стран Европы. И в России, и в странах Европы широко распространено не только юридическое, но и фактическое безбрачие, что говорит о социальной приемлемости этого явления для россиян и всех прочих европейцев. Происходящая сегодня трансформация семейно-брачных отношений зависит в том числе и от изменений в ценностно-нормативных представлениях относительно жизненных циклов человека. Один из аспектов этих изменений — представление жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой, — рассматривается в главе С.В. Захарова. Многокритериальность этого представления, основанная на данных ESS, позволила оценить возрастные параметры «идеального» расписания целого ряда событий, символизирующих смену социально-возрастного статуса. Анализ данных по России в сравнении с другими странами Европы позволил предположить, что и в нашей стране будут укрепляться нормы поведения, ориентирующие на получение образования и повышение экономического статуса молодых девушек, влияющие соответственно на их демографическое поведение и увеличение среднего возраста наступления

материнства. Модернизация общества со всей очевидностью будет вызывать необратимые изменения в социально-экономическом балансе между поколениями.

В России научный анализ данных ESS только начался, и можно ожидать, это не последняя публикация по данному международному проекту в России. Тем не менее мы надеемся, что наша работа внесет свой вклад в понимание того, *что* сближает Россию с Европой, *что* делает ее не похожей на Европу, тем более что и сама Европа не является чем-то единым с экономической и социокультурной точек зрения. При этом мы опирались на такие веские аргументы, как качество человеческого капитала и мнение населения 25 стран Европы по актуальным проблемам их повседневной жизни.

В заключение весь коллектив ESS-Россия и авторский коллектив книги хотел бы выразить благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, при поддержке которого стала возможна эта публикация и с помощью которого была проведена четвертая международная волна ESS в России в 2008 г.

Мы также очень благодарны профессору сэру Роджеру Джоуэлу (Roger Jowell) – директору международного совета ESS, главному энтузиасту и организатору исследования, который вдохновил нас своей верой в то, что без участия России международный сравнительный европейский проект не может полностью выполнить свою роль и предназначение и необходим как России, так и Европе. Очень большую роль в том, чтобы Россия стала частью столь авторитетного международного исследования, сыграли выдающиеся европейские ученые-методологи Вильям Сарис (Willem Saris) и Жак Билльет (Jaak Billet). Их интерес к исследованиям в России возник еще в начале 90-х годов, когда по их инициативе и с их помощью на базе ЦЕССИ проводились многочисленные методологические эксперименты по измерению качества (надежности и стабильности) вопросов и шкал для массовых опросов в рамках российско-голландского панельного исследования RUSSET и международной методологической группы MTMM. Результаты этой работы сейчас широко используются для создания ESS и в качестве методологических экспериментов продолжаются во всех волнах этого проекта.

Большую помощь при организации ESS в России оказали европейские консультанты – ведущий специалист по вопросам построения выборки Питер Линн (Peter Lynn) и консультант по переводам проф. Джанет Харкнес (Janet Harkness).

Исследование в нашей стране было проведено благодаря профессиональной и очень большой работе специалистов по массовым опросам ЦЕССИ – И.А. Чусляевой, А.В. Федотова, А.Е. Бронниковой, Е.С. Поздняковой, М.А. Стуловой, О.Р. Каретниковой, Е.В. Обиюх, С.В. Ивановой, а также более 300 интервьюеров и полевых менеджеров по всей России, качество работы которых признано одним из лучших среди всех стран – участниц ESS.

А.В. Андреенкова,
Л.А. Беляева

В.Г. Андреенков

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сравнительные исследования в России и Европе

ЗАДАЧА сравнения является одной из ключевых в социологии. В любом теоретическом или эмпирическом исследовании объектом сравнения могут выступать отдельные люди, социальные классы, национальные группы, государства, другие социальные общности, целые регионы или континенты и т.п. Однако под термином «сравнительные исследования» в социологии чаще всего принято подразумевать сравнение таких объектов, как страны или нации. Значение сравнительных исследований для России нельзя переоценить. Межстрановые сравнения позволяют не только лучше понять и больше узнать о других странах, но в первую очередь лучше узнать и понять самих себя.

Временем начала и интенсивного развития эмпирических сравнительных исследований являются послевоенные годы XX века. После окончания разрушительной Второй мировой войны, расколовшей мир на враждующие лагеря, встала задача выстраивания системы мирного сосуществования наций и восстановления международного сотрудничества, а для создания такой системы жизненно важным является сбор и анализ информации о восприятии наций друг другом, поиск общих для разных народов тем и проблем, попытка смягчить национальные стереотипы, двигаться вперед по пути понимания друг друга. Первым широко известным в научном мире сравнительным эмпирическим проектом явилось исследование «Какими нации видят друг друга» (1948/49), целью которого было изучение представлений о странах, нациях, отношениях между народами населения бывших стран-союзников и противников в войне Австралии, Великобритании, Франции, Германии (Западный Берлин и «британская зона»), Италии, Нидерландов, Норвегии, Мексики и США. Россия в этом исследовании участия не принимала. В последующие годы предмет больших сравнительных международных проектов расширился и включил такие темы, как сравнительная социальная стратификация (проект «Международная стратификация, мо-

бильность и политика»), политическая культура и политическое участие («Гражданская культура» Алмонда и Вербы, 1959; «Политическое участие и равенство в семи странах» С. Вербы, Найя и Кима, 1966), образ жизни и бюджеты времени («Исследование бюджетов времени» А. Сцалаи и Ф. Стоуна, 1965). Большая часть этих исследований проводились на Североамериканском континенте и в Западной Европе. Важной вехой в истории сравнительных международных опросов стало исследование 1962 г. «Установки населения по отношению к объединенной Европе». Предметом его было изучение отношения европейцев (Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии и Люксембурга) к идее европейской интеграции и оценки общеевропейских политических институтов. Это исследование стало прямым предшественником и по сей день одного из наиболее значимых международных сравнительных проектов — Евробарометра. Евробарометр, первая волна которого была проведена в 1970 г., ознаменовал собой переход от сравнительных исследований небольшого количества объектов, изучаемых в одном или на небольшом количестве временных точек, к многолетним трендовым многострановым сравнительным проектам. Расширение сравнительных исследований во времени и в пространстве показало, что методологические и организационные задачи, которые стоят перед этим видом исследований, отнюдь не тождественны проблемам и задачам, стоящим перед организацией опроса населения в одной стране. Примерно с этого момента можно говорить о выделении методологии сравнительных исследований в самостоятельную проблемную область, научную дисциплину.

Россия долгое время оставалась выключенной из активного исследовательского процесса в этой области, хотя и принимала участие в отдельных международных сравнительных проектах[1]. Количество научных публикаций, посвященных сравнению состояния и динамики социальных процессов в России с аналогичными процессами в других странах (в частности, европейских), основанных на эмпирических данных, до сих пор относительно невелико. В последние годы в связи с изменением политической карты мира, появлением новых независимых государств и интеграционным процессом в Европе, а также в связи с поиском Россией своего нового места в Европе и в мире задача сравнительных социологических проектов стала как никогда актуальной. Недостаток научно обоснованной информации ведет к распространению предвзятой, недостоверной информации о России в мире, что не способствует открытости российского общества.

Не только академические ученые, но и политики, руководители разного уровня постоянно ощущают нехватку надежной сравнительной информации о России в соотношении с общеевропейскими и мировыми социальными процессами. Между тем такие данные способствуют пониманию природы различий между странами и их влияния на экономические, социальные, культурные и структурные особенности их развития. В контексте европейской интеграции надежные сравнительные данные являются не только полезным

---

[1] *Андреенков В.Г.* Проблемы сравнительного анализа в современных социологических исследованиях // Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях. — М.: ИСИ АН СССР, 1982. Кн. 1, 2.

дополнением, но и жизненно необходимой основой для принятия стратегических политических решений. Любое современное правительство, если оно заботится об эффективности своей деятельности, должно учитывать взаимосвязь между изменениями социальных и политических институтов, с одной стороны, и изменениями в нормах, ценностях, ориентациях и социальных практиках населения страны — с другой.

В 90-е годы прошлого века и в первые годы нового века количество сравнительной социологической информации постоянно растет. Важность прямых международных сравнений и необходимость централизованных международных усилий для получения информации, которая может быть использована для сравнений, то есть собранной по единой методологии, все больше и больше осознается как академическим сообществом, так и государственными службами. В частности, Евростат (Европейское статистическое агентство) и национальные статистические службы европейских и ряда других стран разработали международные стандарты сбора, анализа и представления статистических данных о населении, что позволяет проводить сравнение базовых демографических, экономических и социальных характеристик и положения населения разных стран. Целый ряд изменений, направленных на интеграцию в международную систему государственной статистической информации о населении, были приняты и для работы российской государственной статистической службы. Данные, собранные национальными статистическими службами на основе принципов сравнительной методологии, позволяют проводить анализ объективных характеристик населения, условий жизни индивидов и домохозяйств, трудовых отношений и т.д. Здесь нельзя не упомянуть такие важные общеевропейские сравнительные проекты, направленные на получение данных о труде и занятости, а также об условиях и качестве жизни домохозяйств в разных странах Европы, как «Labour Force Survey» и «European Community Household Panel».

Однако для комплексного понимания положения населения разных стран сегодня одних объективных показателей недостаточно. Задача измерения субъективных показателей разных сторон жизни людей и обществ находится за пределами интересов национальных статистических служб, такие показатели не являются частью официальной государственной статистики. Информацию о мнениях, взглядах, установках, ценностях людей, их социальных связях, включенности в социальную жизнь и взаимоотношениях с разными общественными институтами можно получить либо из отдельных сравнительных исследований общественного мнения, которые проводятся время от времени различными исследовательскими организациями, либо из специальных сравнительных многолетних трендовых исследований.

Межстрановые опросы общественного мнения являются очень важным и полезным источником информации о международном общественном мнении и о мнении населения разных стран об острых насущных проблемах. Однако чаще всего такие опросы организуются и проводят нерегулярно, а темы, которые изучаются в этих опросах, касаются острых в определенный момент времени тем (например, реакция населения разных стран на события 11 сентября в США или на войну в Ираке), редко затрагиваются вопросы базовых ценностей и установок людей в разных обществах. Межстрановые опросы

общественного мнения редко выстраиваются в длительные временные ряды и поэтому не могут быть использованы для анализа динамики или изменений в общественном развитии. Кроме того, строгое соблюдение всех принципов сравнимости в опросах общественного мнения достигается редко. Чаще всего они объединены в таких проектах лишь базовыми общими принципами построения выборки и организации сбора информации, общими вопросами и временем проведения опросов.

Хотя опросы общественного мнения редко могут служить надежной или даже пригодной эмпирической базой для сравнительного анализа различных социальных процессов, однако не стоит недооценивать большую положительную роль таких опросов в развитии сравнительных исследований в целом. Именно в таких опросах возможно апробировать новые методики, создавать и тестировать новые вопросы, разрабатывать новые темы, т. е. то, что редко может позволить себе исследователь в многолетнем многострановом сравнительном проекте. Если межстрановые опросы общественного мнения предназначены для отслеживания краткосрочных, текущих изменений во мнениях, взглядах, настроениях и поведении людей, то данные многолетних межстрановых проектов академического характера позволяют анализировать глобальные тренды, изменения, проверять гипотезы и теории о разных социальных процессах и социальных группах.

Многолетних трендовых межстрановых сравнительных исследований на европейском пространстве, которые решали бы такие цели и задачи, всего несколько.

Старейшим исследованием такого типа является уже упоминавшийся нами **Евробарометр**. Этот проект был инициирован Европейской Комиссией, поэтому цели исследования во многом определяются целями, стоящими перед руководством Европейского Союза, — изучение взглядов и отношений населения к европейской интеграции, общеевропейским политическим и общественным институтам и европейской политике. Начиная с 70-х годов прошлого века, когда в исследовании принимали участие лишь несколько европейских стран (6 стран в первой волне 1970 г., 9 — в 1973 г.), география исследования постоянно расширялась и в настоящее время оно охватывает все страны ЕС, а с 2004 г. и многие страны Восточной Европы. Методология исследования включает опросы населения разных стран от 15 лет и старше методом личных интервью на дому, размер выборки составляет около 1000 человек в каждой стране. Как пионеру в сфере многострановых многолетних опросов Евробарометру досталась и значительная доля критики, особенно относительно методологической части исследования. В последние годы методология опроса все время совершенствуется. Например, с 1989 г. в исследовании больше не допускается использование квотных выборок и сделан шаг к переходу на единый стандарт — вероятностные выборки (что декларировалось с самого начала исследования, но очень часто не выполнялось). Исследование имеет уже 30-летний тренд данных для целого ряда стран, и это огромная ценность для изучения социальных процессов в Европе. Но долговременность является и существенным ограничением данного исследования — возможностей для изучения новых проблем, новых вопросов остается немного. В России результаты Евробарометра не столь часто используются

в аналитической академической литературе, так как проблемы европейской интеграции затрагивают Россию лишь косвенно, однако публицистической информации по данным этого исследования в прессе очень много.

Вторым очень влиятельным многолетним многострановым сравнительным проектом является **Европейское исследование ценностей** (European Value Survey, руководители Jan Kerkhofs и Ruud de Moor), из которого берет начало **Всемирное исследование ценностей** (World Value Survey, руководитель Ronald Inglehart). Основные задачи проекта состоят в изучении изменений в моральных и социальных ценностях людей в современном мире, особенно религиозных ценностей, представлений о смысле и предназначении жизни. Это исследование хотя и является многолетним, цикл его проведения нерегулярный. Первая волна была проведена в 1981 г., вторая – в 1990 (начало Всемирного исследования ценностей), третья – в 1999/2000. Всемирное исследование ценностей после 1990 г. проводилось в 1995, 2000, 2005 годах и новая волна планируется на 2010–2011 гг. Данные исследования широко используются в академических публикациях, на этих данных основано много работ и современных теорий. В методологическом плане исследование много раз критиковалось, так как в нем не используется практически никаких единых стандартов в процедуре построения выборки – ее размера, типа, определения генеральной совокупности, а также перевода инструмента на национальные языки[2]. Тем не менее исследование остается очень важным источником данных по целому ряду социальных индикаторов. Россия приняла участие в нескольких волнах этого исследования. Пилотный этап проекта в 1986 г. в одном российском регионе – Тамбовской области и полномасштабный опрос на основе общероссийской выборки населения в 1990-м был проведен под руководством В.Г. Андреенкова ЦЕССИ/Институтом социологии АН РАН. Россия приняла участие и в двух последующих волнах исследования 1995 и 1999 гг. (РОМИР).

Третий сравнительный многострановый многолетний трендовый проект, занимавший до последнего времени одно из лидирующих мест по методической надежности, данные которого широко используются как академическими учеными, так и публицистами, журналистами, политиками уже на протяжении ряда лет в силу высокого качества собранной информации, – **ISSP (Международная программа социальных исследований)**. Проект был инициирован в 1985 г. четырьмя исследовательскими институтами Великобритании, США, Германии и Австралии. ISSP построена как добровольное сообщество научных организаций из разных стран, которые ежегодно включают общий для всех модуль по разным темам в свои регулярные исследования. Каждый модуль (тема) повторяется через разные временные интервалы.

С увеличением объема знаний и накопленного опыта в проведении многолетних многострановых сравнительных исследований увеличилось

---

[2] Например, в первой волне в США размер выборки составил 2325 человек с дополнительной выборкой национальных меньшинств и тип выборки не описан, в Швеции и Норвегии использовалась случайная территориальная выборка размером около 1000 человек, в Испании – квотная выборка около 1000 человек, в Италии квотная выборка – 1348 человек.

и понимание проблем и трудностей, которые связаны с планированием и осуществлением таких проектов, усилилась критика методологии подобных опросов[3]. Часть этих трудностей и методологических проблем сходны с теми, с которыми сталкиваются исследователи при проведении исследования лишь в одной стране. Ведь внутри стран существуют разные группы и сообщества, а значит, проблема сравнения этих групп обязательно стоит. Более того, иногда различия между группами внутри одной страны даже более значительны, чем различия между странами[4]. Вместе с тем сравнительные межстрановые исследования обладают и своей спецификой, в них свои проблемы и задачи. Накопленный опыт в организации многолетних трендовых многострановых сравнительных проектов, усовершенствование методологии и значительный рост научных знаний по этой теме в последние десять лет — все говорило о том, что настало время применить эти знания на практике и попытаться начать новый временной тренд, новое трендовое исследование, при организации которого можно было бы попытаться избежать ошибок и проблем, допущенных в проектах-предшественниках, и показать, что может современная сравнительная социологическая методология на практике. Такой попыткой является **Европейское Социальное Исследование (ESS).**

Цель ESS — измерить и интерпретировать изменения во времени установок, ценностей, восприятия и моделей поведения населения Европы, показать зависимость этих изменений от социальных, экономических и политический условий. При этом применение современных сравнительных методов в организации исследования и анализе данных является приоритетной задачей. Для выполнения такой задачи нужно выполнить как минимум три условия: привлечь лучших экспертов в самых различных областях методологии массовых опросов и экспертов в содержательных социологических научных направлениях, сделать коллектив, работающий над проектом, не только международным, но и междисциплинарным; во-вторых, создать эффективную с точки зрения международной кооперации организационную структуру, где учитывался бы как принцип независимости и значимости каждой национальной группы, так и принцип единообразия и централизации; в-третьих, привлечь для реализации проекта лучшие европейские исследовательские организации. Начало кропотливой работы в этом направлении было положено в 2000 г., а в 2002 г. уже была проведена первая волна нового проекта, в 2004-м — вторая. Во время второй волны к ESS присоединилась Украина (руководители — Е.И. Головаха и В.С. Магун). Россия вошла в ESS в

---

[3] *Hantrais L.* and *Mangen S.* 1996. Method and management of cross-national social research. In L. Hantrais and S. Mangen (Eds.) Cross-national Research Methods in the Social Sciences. London.

Hakim C. 1991. Cross-national comparative research on the European community – the EC labor force survey in work, Employment and Society. Vol. 5. No. 1, p. 101–117.

Samuel N. 1985. Is there a distinct cross-national comparative sociology, method and methodology? In L. Hantrais, S. Mangen and M. O'Brien (elds), Doing cross-national research (cross-national research papers, No.1). Birmingham: Aston University.

[4] *Scheuch E.K.* 1989. Theoretical implications of comparative survey research: why the wheel of cross-cultural methodology keeps on being reinvented, in International Sociology. Vol. 4. No. 2, p. 147–167.

2006 г. (третья волна), когда к международному коллективу ESS присоединился Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Для России и российской социологии включение в этот исследовательский проект является особенно важным. Во-первых, проект сравнительно новый, что позволяет российским ученым (как организаторам проекта в России, так и самому широкому кругу российских ученых, что заложено в самой структуре ESS) приобщиться к работе международного научного коллектива на этапе становления проекта и принимать равноправное участие в организационном планировании и создании программы исследования. Во-вторых, проект «Европейское социальное исследование» — один из наиболее методологически обоснованных сравнительных многострановых проектов, который базируется на самых современных методологических стандартах проведения эмпирических социологических исследований, а это, в свою очередь, дает основания ожидать высокого качества данных, а также распространения знаний о современной методологии сравнительных опросов и массовых опросов в целом в более широкой среде. В-третьих, ESS является одним из немногих надежных источников эмпирических данных о населении разных стран, в том числе и России, который находится в открытом доступе и может свободно использоваться всеми учеными, журналистами, политиками любых стран. Такой способ распространения информации важен как для того, чтобы расширить возможности эмпирического анализа для российских ученых, так и для того, чтобы международное сообщество получило доступ к надежной информации о социально-политических процессах в России.

Методология многолетних межстрановых сравнительных исследований

Основные задачи, которые нужно решить при разработке методологии сравнительного многостранового исследования, сконцентрированы вокруг задачи достижения «эквивалентности» или «сопоставимости». При этом высокая степень эквивалентности данных сравнительных исследований может быть обеспечена лишь за счет достижения эквивалентности в нескольких базовых параметрах исследования:

a) эквивалентность исследовательского инструмента (концепций, их операционализации в виде вопросов анкеты, перевод анкеты на разные языки). До сих пор это одна из наиболее слабых частей большинства больших сравнительных проектов[5];

b) эквивалентность выборок (единое определение генеральной совокупности, схема выборки, характеристики размера выборки или ошибки выборки, уровень достижимости единиц отбора);

---

[5] *Jowell R.* and *Park A.* 1996. «Questioning British Attitudes» in Taylor B. and Thomson K. (eds.). Understanding change in social athtudes, Aldershot: Dartmouth.

Halman L. 2001. The European Values Study: a third wave. Source Book of the 1999/2000 European values Study Surveys. Tilburg: EVS, WORC, Tilburg University.

Alwin D.F., Braun M., Harkness J. and *Scott J.* 1994. Measurement in multi-national surveys in Borg, I and Mohler, P. Ph (eds). Trends and Perspectives in empirical social research. Berlin: Walter De Gruyter and Co.

c) эквивалентность метода опроса (сбора данных) — проблема, которая некоторое время назад считалась решенной. Более 30 лет в большинстве многолетних трендовых сравнительных исследований использовался единый стандарт сбора информации методом личных интервью на дому. Однако в последние 10–20 лет стали опять возникать все бóльшие различия в методах сбора данных, используемых в национальных опросах в разных странах. Некоторые страны постепенно перешли от опросов методом личных интервью к телефонным опросам, а затем и к Интернет-опросам. Сбор информации методом личных интервью стал все более проблематичен во многих странах из-за снижения уровня кооперации в опросах со стороны респондентов, а также резкого роста стоимости опросов, проводимых этим методом. В одних странах эти процессы идут быстрее, в других медленнее. Вследствие всех этих причин единые стандарты в методах сбора данных между странами опять постепенно размываются;

d) единый метод обработки и представления данных (система кодирования, стандартизация форм представления данных) — задача, которая только на первый взгляд кажется простой и технической, а на самом деле именно отсутствие стандартизации в обработке данных привело к тому, что многие результаты более ранних сравнительных исследований вообще нельзя использовать (проблемой, в частности, являются даже сравнения такой базовой информации о населении, как образование или профессия, что связано во многом с несовершенством стандартов в системе кодирования).

Сама организация международного сотрудничества в рамках ESS является инновационной. Долгое время специалисты по сравнительной методологии классифицировали межстрановые исследования на две базовые категории:

— *централизованно-управляемые* (обычно речь шла о доминировании одного научного коллектива или школы, чаще всего американской, когда одна ведущая сторона устанавливала правила и стандарты, а все остальные лишь копировали созданную методологию);

— и организованные по принципу *свободной ассоциации заинтересованных групп и ученых.*

Если первый тип критиковали за америко- или европоцентризм, игнорирование национальных и культурных особенностей, перенесение чуждых понятий на новую почву и т.п., то последние страдали от слишком слабой стандартизации всех исследовательских процессов, доминирования взглядов о «национальной специфике» над принципом сопоставимости, а иногда предрассудков, укоренившихся в конкретном научном сообществе, над здравым смыслом. В ESS эту проблему попытались решить, объединив принцип международной кооперации и совместной работы над каждым этапом проекта с принципом централизации управления проектом. Для этого были созданы международные группы экспертов по отдельным направлениям организации исследования (группа экспертов по выборке, по переводам, по предварительному тестированию анкеты и т.п.), которые совместно разрабатывали каждый шаг, каждый этап проекта, используя знания именно в своей области. В качестве законодательного органа был создан Научный Совет, куда входят представители всех стран-участниц, именно этот Совет рассматривает, обсуждает и принимает все рекомендации экспертных групп.

При этом дискуссия по каждому вопросу, все аргументы за и против каждого выбора документируются и находятся в открытом доступе, что позволяет на любом этапе проанализировать основания каждого шага и каждого выбора. В стране-участнице работает руководитель проекта, который отвечает за практическую реализацию исследования в своей стране (в России это А.В. Андреенкова). В России создан свой Научный Совет, состоящий из специалистов в разных областях социологии и представителей разных научных учреждений. Руководитель Совета – Н.И. Лапин, в Совет также входят В.Г. Андреенков, Н.В. Андреенкова, Л.А. Беляева, Л.М. Дробижева, В.С. Магун. Этот Совет занимается разработкой всех тем и проблем ESS применительно к России. По данным проекта ведут работу ведущие российские ученые в самых разных областях социологии.

Общую координацию работы всех групп и национальных советов проводит Центральный координационный комитет во главе с профессором Роджером Джоуелом. Финансирование всей организационной деятельности проекта на международном уровне осуществляется из долгосрочного гранта Европейской Комиссии. Финансирование исследования в каждой стране осуществляется из самых разнообразных источников. В большинстве стран-участниц финансовую поддержку проекту оказывают национальные научные фонды и министерства науки. В России первую волну 2006 г. ЦЕССИ финансировал из собственных средств, в 2008 г. поддержку проекту оказал Российский гуманитарный научный фонд, которому мы выражаем благодарность российского коллектива ESS, его Научного Совета и всего международного сообщества ESS, для которого участие России в этом проекте было чрезвычайно важным.

Рассмотрим отдельно каждый этап создания и реализации сравнительного многостранового исследования, чтобы показать состояние научных знаний по каждому направлению и решения, которые могут быть предложены для каждой из задач.

Создание инструмента для проведения сравнительных межстрановых опросов – от концепций к операционализации понятий

ESS ставит перед собой очень широкую задачу – систематическое изучение изменяющихся ценностей, установок, моделей поведения на территории Европы. В нее входят как академические, научные цели (получение нового знания о современном обществе и направлениях его развития), так и практические (направление и скорость развития отдельных стран в европейском контексте, социальный климат в отдельных странах, выявление закономерностей на примере стран с разными политическими системами, уровнем экономического развития).

Задачей ESS является измерение и изучение долговременных трендов, а не кратковременной реакции общества на сиюминутные проблемы или решения, а также включение в исследование многих стран сразу, что говорит о фундаментальном характере этого исследования. Исходя из таких целей, легко увидеть, что не является предметом исследования ESS – особенности и специфические проблемы отдельных стран не могут быть охвачены и во всех деталях изучены в подобном проекте.

В задачу ESS входит изучение:

— ценностей людей и их идеологическая ориентаций (различные аспекты их мировоззрения, в том числе онтологические, этические взгляды, религиозность, социально-политические и моральные ценности);

— национальная и культурная идентичность;

— конфигурации социальной структуры европейских обществ (социальные статусы, включая социальный класс, образование, уровень социальной включенности и т.п.).

Для определения наиболее значимых проблем были привлечены международные специалисты в самых разных областях, многие из которых сделали свои предложения и рекомендации, основываясь на последних достижениях и теориях в своих областях знания. В результате следующие разделы составляют «ядро» ESS, включены во все волны, т.е. повторяются каждые два года.

Ценности людей и их идеологическая ориентация. Большой вклад в разработку этого раздела ESS внесли такие специалисты, как Жак Биллье (Jaak Billiet), Джон Кертис (John Curtice), Шалом Шварц (Shalom Schwartz) и Жак Томассен (Jacques Thomassen).

Понимание концепции ценностей и идеологических ориентаций в ESS базируется на определении, предложенном в начале 70-х годов М. Рокечем, согласно которому под ценностями «понимаются глубоко усвоенные, абстрактные ориентации, которые направляют, оправдывают или объясняют мнения, установки и действия людей»[6]. Надежное измерение различий в структуре ценностей населения разных стран, изменений характера ценностей и распределения среди населения является одной из основных задач ESS. Однако теоретических и методологических проблем на пути решения этой задачи стоит немало, и в первую очередь они связны с отсутствием стройной и эмпирически проверенной теории и инструмента для измерения ценностей. Хотя многое в этом направлении было сделано в рамках Евробарометра, Европейского Всемирного Исследования Ценностей и ISSP, результат до конца удовлетворительным считать пока нельзя.

В ESS включены три вида ценностных ориентаций:

a) базовые ценностные ориентации людей. Наиболее часто используемыми шкалами для измерения базовых ценностей в сравнительных межстрановых исследованиях являются шкала Хофстеда, шкала Рокеча, шкала Инглхарта и шкала Шварца. Методика Инглхарта использовалась во всех волнах Всемирного исследования ценностей, международные данные по этой шкале доступны для анализа. Шкала Рокеча и Хофстеда редко используется в сравнительных межстрановых эмпирических исследованиях из-за большого количества методологических проблем. В ESS было решено использовать шкалу ценностей Ш. Шварца, которая позволяет классифицировать население разных стран по 10 ценностным категориям на основе их базовой социально-психологической мотивации, такой как мотивация на «достижение», «конформность», «традиции» и т.п.;

b) политические ценности и политическое поведение — партийная идентификация, электоральное поведение, идеологические взгляды, а также от-

[6] *Rokeach M.* 1973. The nature of human values, London: Collier-Macmillan.

ношение к функционированию политической системы (удовлетворенность уровнем демократии, экономики, доверие политическим и общественным институтам), интерес к политике, политическое и гражданское участие, восприятие личной политической и социальной эффективности;

с) социальные и социально-политические ценности — ценности экономического либерализма-консерватизма или «левые-правые» ценности; либерально-авторитарные ценности и ценности инвайронментализма.

Культурная и национальная идентичность и ценности. Для Европы на этапе объединения, когда разные страны находятся в разных фазах этого процесса, вопрос о распространенности и укорененности среди населения разных стран традиционной идеи национальной идентичности и новой, наднациональной идентичности, является очень актуальным. Вместе с этим процессом в Европе происходит и процесс национальной диверсификации, расширение этнического и национального разнообразия, остро стоят вопросы сосуществования различных культур, гражданства. Население разных стран испытывает самые разные чувства — от гражданственности и патриотизма до национализма и этноцентризма. Этническая идентичность является одним из главных типов социальной идентичности[7], которая возникает в результате контактов с другими, и характеризуется реальной или субъективно воспринимаемой привязанностью к наиболее значимой (ценимой) группе среди всех национальных и этнических групп. Измерение национальной идентичности — довольно сложная задача для сравнительных исследований, так как «этническая идентификация есть самораспределение человека в определенную социальную категорию», а природа такого расположения может быть самая разнообразная. В ESS национальная принадлежность измеряется с помощью целого ряда показателей, разработанных в разных научных школах, что позволяет рассматривать идентичность с разных точек зрения. Так, изучается религиозная идентификация, родной язык, страна происхождения и гражданство, страна происхождения отца и матери, этническая идентификация. В российскую часть исследования по предложению Л.М. Дробижевой был дополнительно включен набор показателей о субъективной оценке близости различным национальным группам, так что проблема может быть проанализирована как с точки зрения западных научных теорий, так и в рамках теорий, разрабатываемых в отечественной науке.

Социальная структура европейских обществ. В современной социологии существует согласие по поводу того, что невозможно адекватно понять и проинтерпретировать существование определенных ценностей и их изменение без учета социально-экономических и социально-демографических факторов. Перед ESS стоит задача изучить и попытаться объяснить связь социально-экономической структуры разных стран и их социально-политического и морального климата. Эта тема была разработана в ESS такими видными специалистами в области социальной структуры, как Роберт Эриксон (Robern Erikson) и Ян Йонсон (Jan Jonsoon). В ESS включены самые разные показатели положения индивидов в социальной структуре, которые позволяют анали-

[7] *Erikson R., Johnsson J.O.* 1999. How to ascertain the socio-structural position of the individual in the society. Suggestions for the core ESS questions.

зировать данные, исходя из разных теорий социальной структуры, чтобы как можно меньше ограничивать исследование предпочтениями и взглядами на теорию социальной структуры самих авторов проекта. Одновременно решалась задача достижения максимальной сопоставимости данных между странами. Так как в современных западных обществах принадлежность индивидов к определенным социально-структурным позициям в наибольшей степени определяется их трудовыми отношениями или профессией, то в ESS включены такие вопросы как трудовое положение, трудовые отношения (работодатель, наемный работник, работающий на себя), профессия и информация о рабочем месте (размер организации, отрасль, степень автономности в работе и управленческие функции). Профессия респондента кодируется по Международному классификатору социально-профессионального статуса ISCO88, который позволяет отнести респондентов к определенной категории в классовой схеме Ериксона-Голдторпа[8]. В России дополнительно к этому так называемому «объективному подходу» используется метод субъективного отнесения себя респондентами к различным социально-классовым группам, предложенный Л.А. Беляевой.

Изучая социальную структуру общества и связанные с ней характеристики общественной жизни в качестве единицы анализа можно использовать как отдельных индивидов, так и нуклеарные семьи или домохозяйствах (например, когда предметом анализа является распределение ресурсов и благ в обществе или межпоколенная передача культурного капитала или экономических ресурсов). Чтобы решить эти исследовательские задачи, в ESS включена информация о социально-структурной позиции как самого респондента, так и супруга/партнера, а также информация о структуре семьи (всех членов семьи – их пол, возраст и кем приходится респонденту). Кроме того, по данным ESS можно определить, на каком этапе жизненного или семейного цикла находится каждый респондент. В ESS включены также данные о социальном происхождении семьи – профессия и образование родителей, включая данные о трудовых отношениях и управленческих функциях родителей во время подросткового возраста респондента. Эти данные позволяют изучать жизненные шансы людей различного социального происхождения, межпоколенную мобильность и многие другие ключевые для сравнительной социологии вопросы в области социальной структуры.

В ESS затрагиваются вопросы **социальной уязвимости (отверженности),** которые вызывают большой интерес в современной социологии, однако эмпирически до сих пор мало исследованы. Чаще всего исследования по теме социальной уязвимости базируются на докладе о 33 компонентах социальной включенности Аткинсона[9], к этой линии примыкает и все направление изучения «социальных показателей» и социального благополучия, или «качества жизни». В ESS сделана попытка эмпирически операционализировать некоторые компоненты, которые не включены пока в стандартный

[8] *Erikson R., Goldthorpe J.H.* 1992. The constant flux. A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press.

[9] *Atkinson A.* et al. 2001. Indicators for social inclusion in the European Union, paper presented at the Antwerp conference of the Belgian Presidency. 14–15 September 2001.

набор статистической информации национальных служб государственной статистики. Среди них — показатели социальной уязвимости в нескольких основных сферах жизни — в области трудовых отношений (опыт безработицы, стабильность рабочего места, тип трудовых контрактов), материальной обеспеченности, здоровья, жилищных условий, в сфере социальных связей и физической безопасности (виктимизации).

В ESS включены вопросы о **роли средств массовой информации** в формировании взглядов и ценностей населения европейских стран, политической и социальной информированности, компетентности. Разработкой этого раздела занимался в ESS Кен Ньютон (Ken Newton). В изучение включены как старые традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты), так и новые (Интернет). Изучение последних и их роли в современных европейских обществах особенно интересно и важно, так как мы находимся на относительно начальных этапах развития Интернета и отправная точка для изучения чрезвычайно важна. Такие замеры не были сделаны в свое время в сравнительных исследованиях в отношении телевидения, о чем ученые, анализирующие проблему влияния средств массовой информации на ценности и представления населения, сожалеют до сих пор.

Кроме вопросов, которые являются основной частью анкеты и повторяются каждой волной, в ESS существуют «ротационные модули» — две темы, раскрываемые примерно 40–50 вопросами, которые разрабатываются и включаются в ESS лишь один раз (или могут быть повторены через более длительный промежуток времени, если этому будет дано теоретическое обоснование). В третьей волне ESS, на которой базируется эта книга, были включены два ротационных модуля.

Личное и социальное благополучие. Модуль был разработан международным коллективом ученых под руководством профессора Кембриджского университета Филисии Хьюперт (Felicia Huppert). Достижение благополучия граждан является ключевой темой как для современной социологии, так и для современной политологии. В этом разделе сделана попытка совместить две ведущие и конкурирующие гипотезы о природе социального благополучия — гедонистическую и самореализации, личных достижений. Социальное благополучие измерялось такими показателями как эмоциональное восприятие себя и своей жизни, когнитивная оценка качества разных аспектов своей жизни, оценка самореализации, чувство контроля над своей жизнью и событиями, интерес к жизни и ее различным сторонам, оценка достижения целей своей жизни.

Вторым ротационным модулем стал модуль «Время и события в жизни людей, календарь жизни». Авторами этой части проекта являются Франческо Биллари (Francesco Billari), Гунхильд Хагештад (Gunhild Hagestad), Аарт Лифброер (Aart Liefbroer) и Жолт Шпедер (Zsolt Spéder). Тема «календаря событий в жизни» сравнительно новая, начало ее изучения относят к середине 70-х годов прошлого века. Особенностью этой темы является междисциплинарный подход (демографический, социологический, психологический, экономический). Задача ESS состоит в проверке двух базовых гипотез об изменении выбора жизненного пути современным человеком:

— теории «институционализации» жизни, которая говорит о том, что время жизни все больше зависит от возможностей и ограничений, накладываемых на человека государством, и от обстоятельств в сферах, связанных с деятельностью государства, — рынок труда, рынок жилья и т.д.;

— и теории «индивидуализации» жизни. Эта теория говорит о том, что жизнь человека в меньшей степени строится сегодня на основе норм и ожиданий, поддерживаемых разными социальными институтами (такими как семья, церковь и т.п.) и оказывающими нормативное давление на человека, а в большей степени становится результатом индивидуального выбора.

В ESS включены показатели структурного анализа жизненных этапов, социальных норм, оценки возможностей для планирования своей жизни.

Разработка анкеты для трендового многострановой сравнительного исследования

Разработка и адаптация инструмента для массового опроса, который проводился бы в разных национально-культурных средах с целью сравнения, является одной из наиболее трудных задач для многострановой сравнительного проекта и одной из наиболее уязвимых точек для критики. Трудно сегодня поспорить с теми, кто сказал бы, что создать и адаптировать вопросы, которые понимались бы одинаковым образом в разных странах и на разных языках, задача на грани возможного. Важно подчеркнуть, что в современном словаре методологов «создание» анкеты и «перевод» анкеты являются двумя равноправными этапами работы над инструментом.

Работа над содержанием инструмента для опроса включала несколько этапов.

Этап 1. Анализ теоретических положений и достижений в каждой из исследуемых областей, всех конкретных параметров, поиск теоретически обоснованных и экспериментально проверенных способов операционализации этих понятий и концепций. В ESS по вопросу о социально-структурной составляющей различных обществ такую работу проделали Р. Эриксон и Я. Йонсон, по вопросу о гражданстве и идентичности — Д. Линц, религиозной идентичности — Ж. Биллье, социальной включенности — Й. Фогель, политическом поведении — Ж. Томассен, ценностных ориентаций — Ш. Шварц, использовании СМИ — К. Ньютон, социально-политической стратификации — Д. Кертис и Трейсон, многоуровневом управлении — Керсберген и Ван Ваарден, личной безопасности — П. Молер.

Этап 2. На этом этапе была собрана специальная группа из специалистов по созданию инструментов для массовых опросов. Задача группы состояла в том, чтобы найти эмпирические подтверждения надежности и стабильности предлагаемых вопросов (двух основных параметров качества вопросов для массового опроса) в других признанных научным сообществом исследованиях, основанных на национальных выборочных опросах. Тесты на валидность и стабильность предлагаемых вопросов в разных культурных средах были проведены известным голландским методологом Вильямом Сарисом и его коллегами из методом компьютерного моделирования прогноза стабильности

и надежности вопросов с помощью программы SQP методом MTMM[10]. Кроме того, предлагаемые вопросы были проверены по таким характеристикам, как возможности использования в вопросе шкальных ответов, внутренняя непротиворечивость, сопоставимость информации, полученной из этого вопроса во времени и пространстве, ожидаемый уровень пропущенных данных на уровне вопроса, подверженность влиянию социальных норм («социального одобрения»), возможности для множественности интерпретаций, смысловая неопределенность, два вопроса в одном.

Этап 3. Эмпирическое тестирование вопросов на ограниченном количестве объектов. Целью этого этапа было тестирование анкеты как целого инструмента и отдельных вопросов на реальной выборке, а также тестирование анкеты в разных культурных контекстах. Для этого анкета, которая первоначально была сделана международным коллективом на английском языке, была переведена на другой язык (немецкий). Стадия тестирования включала проведение ряда экспериментов с различными формулировками вопросов на отдельных подвыборках. Кроме проверки качества отдельных вопросов и анкеты в целом на этой стадии были выявлены проблемы, связанные с переводом, адаптацией вопросов для других языковых и культурных сред; трудные и проблемные места, требующие специального обучения интервьюеров и пояснений; выработаны рекомендации по созданию общего плана и методических руководств по работе над инструментом.

На сегодняшний день известны два основных способа создания и адаптации инструмента для опроса на разных языках — последовательный или параллельный. При последовательном способе сначала создается анкета на языке-источнике, она тестируется и принимается в окончательном виде и больше не подлежит изменениям, а затем делаются переводы анкеты-источника на разные языки. Такая модель получила также название ASQ («ask-the same-question», «задай-тот же-вопрос»). При этом подходе очень высоки требования к этапу создания анкеты-источника, в котором сразу нужно учесть все национальные и культурные особенности, а основные требования к переводу сводятся лишь к эквивалентности источнику[11]. Другой возможный подход — параллельный — состоит в том, что создание анкеты и ее перевод на другие языки осуществляется одновременно, т. е. в идеале язык-источник вообще отсутствует, а создание анкеты происходит сразу на нескольких языках. При этом подходе очень высоки требования к организации международного сотрудничества по созданию анкеты, но одновременно решается проблема адаптации к культурному и национальному контексту, так как эта адаптация проводится на самом раннем, а не на последнем этапе создания

---

[10] *Scherpenzeel A., Saris W.* 1997. The validity and reliability of survey questions: a meta analysis of MTVV studies, Sociological methods and practice 25, p. 341–383.

Saris W., Veld W.w.d., Gallhofer I. 2003. Development and improvement of questionnaires using predictions of reliability and validity. In Presser S., Rothgeb J., Couper M., Lessler J., Martin E. and Singer E. (eds.) Questionnaire development, evaluation and testing, New York, Wiley.

[11] *Harkness J.A., Van der Vijver F.J.R.* and *Johnson T.P.* 2003. Questionnaire design in comparative research. In: Cross-cultural survey methods. Harkness J.A., van de Viyver F. and Mohler P. (eds), New York, John Wiley and Sons.

инструмента. К сожалению, из-за очень большой сложности в организации параллельного процесса этот подход использовался только в исследованиях с малым количеством стран-участниц и не применялся, по крайней мере насколько нам известно, ни в одном многострановом сравнительном проекте. ESS использует последовательную стратегию создания анкеты, разработав многоступенчатую методику ее тестирования в разных национальных контекстах и на разных этапах ее создания.

Методы тестирования инструмента для массовых опросов

Важнейшим этапом работы над созданием анкеты является процесс ее предварительного тестирования. При этом методы и время тестирования могут быть самыми различными — от разового тестирования на конечном этапе разработки анкеты до многоэтапного тестирования в процессе ее разработки. Очень важным в данном случае является не только организация самого процесса тестирования, но и последовательное выстраивание процесса создания анкеты, чтобы после каждого тестирования оставалась возможность использования его результатов — внесение правок, изменений в анкету, что делается далеко не всегда.

В зависимости от того, используются ли в создаваемом инструменте «старые вопросы», т. е. вопросы, по которым уже собраны данные на определенной группе населения (что происходит довольно часто в больших сравнительных исследованиях, которые основаны на разработанном теоретическом и эмпирическим фундаменте), или новые вопросы, можно применять либо статистический вторичный анализ данных, либо проводить новое тестирование. В ESS использовался и тот, и другой подход. При этом вторичный анализ уже существующих данных проводился на раннем этапе создания анкеты, этапе отбора вопросов для измерения исследуемых концепций и понятий, а на более поздних этапах проводилось несколько новых тестирований — одно из них после разработки анкеты-источника и перевода на один язык, затем после перевода на национальные языки в каждой стране-участнице. Методы проведения предварительного тестирования могут быть самыми разными — количественными, качественными или смешанными. Новой тенденцией в сравнительных исследованиях является метод «когнитивных интервью», который до сегодняшнего момента пока еще редко применялся в больших межстрановых опросах[12], но сейчас активно разрабатывается в ESS на ротируемых модулях анкеты[13]. Хотя

---

[12] *Smith T.* 2004. Developing and evaluation cross-national survey instruments. I In Presser S., Rothgeb J., Couper M., Lessler J., Martin E. and Singer E. (eds.) Questionnaire development, evaluation and testing, New York, Wiley.

[13] *Miller K.* 2007. Design and analysis of cognitive interviews for cross national testing, paper presented at the second European survey Research Association conference (ESRA). — Prague. 25–29 June 2009–08–05.

Miller K., Fitzgerald R., Caspar R., Dimov M., Gray Nunes D., Padilla J.L., Pruefer P., Schoebi N., Schoua-Glusberg A., Widdop S. and Willson S. 2008. Design and analsis of cogtinive interviews for cross-national testing, paper presented at the 3MC conference. — Berlin. 25–28 June 2008.

предварительное тестирование анкеты является стандартным этапом разработки анкеты для любого массового опроса, его роль в создании и адаптации анкеты для сравнительного исследования обладает определенной, и немалой, спецификой. Кроме стандартных параметров качества вопросов, таких как надежность, стабильность, вопросы проверялись также на соответствие следующим характеристикам: внутренняя непротиворечивость, адекватность образовательному, социальному и профессиональному уровню респондентов, лингвистическая нейтральность, подверженность влиянию социальных норм и социального давления, смысловая неопределенность или неоднозначность и т.п. Для сравнительного исследования очень важна сопоставимость во времени и пространстве, низкая зависимость от случайных изменений и культурного контекста, многозначность в мультикультурном контексте и т.п. В этом случае предварительное тестирование нацелено на то, чтобы выявить несколько основных типов ошибок измерения: а) ошибки в анкете-источнике; б) ошибки, возникшие при переводе анкеты-источника на другой язык; в) ошибки, связанные с вопросами, трудными для перевода (т. е. вопросами, в которых нет проблем в анкете-источнике, но эти проблемы возникают при переводе, в частности это возможность появления при переводе многозначности, даже если перевод эквивалентен источнику); и г) ошибки, связанные со спецификой социокультурной среды (например, отсутствие определенных понятий, концепций в некоторых культурах).

Перевод и адаптация анкеты на национальные языки

Первоначально анкета была разработана на «британском английском», а затем переведена на другие языки стран–участниц ESS. Важным для сравнительного исследования является выработка правил о том, на каких языках проводится опрос для отдельных групп населения. И решение это должно учитывать две, часто мало согласующиеся между собой задачи: с одной стороны, в идеале хотелось бы говорить с респондентом на том языке, который он(а) знают лучше всего, с другой стороны, увеличение количества языков опроса неизбежно приводит к увеличению общих финансовых и временных затрат на перевод, увеличивает требования к языковым знаниям интервьюера, его подготовке более того, перевод на каждый новый язык приводит к увеличению количества вариаций в ответах лишь за счет лингвистических различий. В ESS было решено переводить анкету на те языки, на которых говорят как на своем основном языке не менее 5% наличного населения в конкретной стране согласно данным последней государственной переписи. Всего анкета ESS была переведена на 24 разных языка. В России все интервью проводились на русском языке.

Традиционно подход к переводам на различные языки включает несколько этапов:

a) непосредственно перевод;

b) верификация перевода на эквивалентность по отношению к языку-источнику;

c) верификация перевода на применимость к данному культурному, соци-

альному, политическому контексту, группе (лингвистическая правильность, адаптированность к целевой группе, для которой сделан этот инструмент, и т.п.).

Для каждого из этапов перевода возможны свои подходы и решения. В частности, существуют две основные формы организации перевода инструмента для опроса на другие языки: централизованный перевод анкет на разные языки (одна команда переводчиков делает первоначальный перевод, а этап тестирования и адаптации анкет проводится национальными командами) и децентрализованный перевод (его осуществляют отдельные национальные команды). Есть различия и в подходах к тому, кто должен выступать переводчиком инструмента для массовых опросов, — профессиональный лингвист-переводчик или исследователь. Зачастую приверженность первому или второму взгляду на личность оптимального переводчика диктует и выбор формы организации перевода, хотя здесь роль играют и такие факторы как система финансирования проекта (централизованная или децентрализованная) и методологические взгляды на второй этап адаптации анкеты к национальному контексту — верификации перевода на эквивалентность по отношению к основному языку, и т.п.

В большинстве сравнительных исследований 80-х—90-х годов прошлого века применялся децентрализованный перевод на отдельные языки с верификацией на эквивалентность по отношению к основному языку (чаще всего английскому) с помощью «обратного перевода» и верификация перевода на применимость к культурному, социальному, политическому контексту, группе респондентов на самом последнем этапе работы. Этот подход хорош своей практичностью, его можно реализовать почти в любых организационных и финансовых условиях и при минимальных требованиях к квалификации и уровню вовлеченности национальных команд в процесс создания инструмента для опроса. Однако он обладает и существенными недостатками, часть из которых организаторы ESS попытались преодолеть.

Перевод анкеты на разные языки в ESS осуществляется также децентрализованно, т. е. этим занимаются команды исследователей в каждой стране. Каждая страна делает перевод на все языки, которые используются в этой стране, независимо друг от друга. При этом возникает задача гармонизации перевода на одни и те же языки в разных странах (например, перевода на русский язык в России и на русский язык в Украине), которая в ESS решена лишь правилом добровольных консультаций национальных команд друг с другом без обязательности выработки совместных решений по спорным вопросам[14]. Но это дает возможность учесть различные диалекты, национальные лингвистические особенности одного и того же языка в разных странах, правильно отразить понятия в конкретной интеллектуальной и литературной традиции. В контексте сравнительного исследования в Европе девять языков являются «совместно используемыми языками» с точки зрения организации исследования и перевода. При этом наиболее часто совместно

[14] *Andreenkova A.V.* Translation into shared language in comparative surveys. Paper presented at the 3MC conference. — Berlin. 25—28 June 2008.

используемым языком является русский (перевод на этот язык был сделан в России, Украине, Эстонии, Латвии, Литве и Израиле).

За ним следуют французский, на который переводили четыре страны (Бельгия, Франция, Люксембург и Швейцария), и немецкий (Австрия, Германия, Люксембург и Швейцария);

– английский (Великобритания, Ирландия и Люксембург);
– голландский (Бельгия и Нидерланды);
– венгерский (Венгрия и Словакия);
– итальянский (Италия и Швейцария);
– португальский (Португалия и Люксембург);
– шведский (Швеция и Финляндия).

В целях достижения сопоставимых, эквивалентных переводов для ESS была разработана специальная схема-метод, получившая название TRAPD (от английского translation, review, adjudication, pretesting and documentation). Этот метод включает в себя пять основных компонентов, на которых строится достоверный и надежный перевод: перевод, проверка-обсуждение, принятие решения, тестирование, документация. Целью этого метода было избежать или минимизировать проблемы, которые возникали при использовании других методов, и подчинить процесс перевода строгим и ясным правилам. В частности, известными проблемами перевода является его субъективность, проверка на лингвистическую, а не на смысловую или концептуальную эквивалентность («обратный перевод»), непрозрачность принятия решений по выбору одного из возможных вариантов перевода.

На первом плане при организации перевода стоит выбор личности переводчика, количества переводчиков и выбор метода перевода. Чаще всего используется профессиональный переводчик-лингвист, работу которого проверяет исследователь, принимающий решение об окончательном варианте на основе своего опыта и знаний, реже – используется профессиональный исследователь-переводчик. В ESS была разработана процедура не индивидуальной, а «командной» работы над переводом. При этом каждый вопрос анкеты переводится дважды независимыми переводчиками (предпочтительно одним лингвистом и одним исследователем). Эти два перевода не являются окончательными, а служат лишь материалом для следующего и основного этапа работы – командного обсуждения, в котором принимают участие как сами переводчики, так и другие исследователи, специалисты по конкретным темам и проблемам, а также те, кто занимается полевой частью проекта и обработкой данных. На этой стадии происходит обсуждение каждого вопроса анкеты, переведенного дважды, выявляются причины различий в переводах, генерируются новые идеи, ставятся вопросы о потенциальных проблемах в конкретном переводе и путях их решения, принимается окончательное решение о варианте перевода каждого вопроса. Все основные аргументы дискуссантов документируются, как и причины окончательного решения, такая документация находится в открытом доступе для всех, кто занимается работой над проектом или анализом данных. Целый ряд предыдущих экспериментальных работ показал, что такой командный подход к переводу инструмента для массового опроса и оценке его качества дает наиболее приемлемый результат с точки зрения всесторонности,

количества версий перевода и сбалансированности критики различных вариантов[15].

Построение выборки в сравнительных межстрановых опросах

Задачи и проблемы построения выборок для сравнительных опросов

Одной из ключевых задач достижения сопоставимости данных разных стран в сравнительных исследованиях является построение эквивалентных выборок. Каждое сравнительное исследование состоит из построенных независимо выборок населения нескольких (в случае ESS 30) стран. При этом характеристики генеральной совокупности, географический размер, административные особенности, юридические правила и законы, научная традиция и многое другое приводят к серьезным отличиям в методах построения выборки в разных странах. В большинстве крупномасштабных сравнительных проектов, в которых участвуют значительное количество стран, эта проблема решалась либо уже после проведения полевых работ путем взвешивания данных, либо определением базовых принципов построения выборки (редко — на последних этапах выборки — отборе домохозяйства и респондента, чаще — на уровне отбора первичных точек в случае многоступенчатых выборов) и установлением одинакового для всех стран размера выборки (1000 человек на страну в ISSP, 1000 человек в Евробарометре и т.п.). Однако такой подход трудно защищать от критики из-за проблем с отсутствием эквивалентности либо в определении генеральной совокупности, либо в расчете стандартной ошибки выборки (которая может быть разной даже при одинаковом размере выборки, если использованы разные модели построения выборки, например многоступенчатая или прямая, кластерная и т.п.), либо в других параметрах. Вместе с тем создать совершенно одинаковую модель выборки в разных странах не представляется возможным из-за причин, описанных выше. Одним из наиболее важных достижений ESS в области методологии сравнительных опросов является то, что коллектив международных экспертов в области выборки (Sabine Haeder, Peter Lynn, Siegfried Gabler, Matthias Ganninger, Seppo Laaksonen) разработал новые подходы к

---

[15] *Guillemin F., Bombardier C., Beaton D.* 1993. Cross-cultural adaptation of health-related quality of life measures: literature review and proposed guidelines. Journal of clinical epidemiology, 46, 12, 1417–1432.

Acquadro C., Jambon B., Ellis D., Marquis P. 1996. Language and translation issues. In: quality life and pharmaeconomics in clinical trials, Spilker B (ed), 2nd edition, Philadelphia: Lippincott-Raven, 575–585.

McKay R.B., Breslow M.J., Sangster R.L., Gabbard S.M., Reynolds R.W., Nakamoto J.M., Tarnai J. 1996. Translating survey questionnaires: lessons learned. New Directions for evaluation, 70, 93–105.

Harkness J.A. and Schoua-Glusberg A. 1998. Questionnaires in translation. In: ZUMA-Nachrichten Spezial No. 3. Cross-cultural survey equivalence. Harkness J.A. (ed). Mannheim: ZUMA.

достижению максимально возможной на сегодняшний день эквивалентности выборок в разных странах, которую можно реализовать в условиях каждой конкретной страны.

Понимание эквивалентности выборок, которое используется в ESS, включает эквивалентность представляемой генеральной совокупности и эквивалентность степени точности, с которой выборка представляет генеральную совокупность.

Четкое и строгое определение генеральной совокупности является важным этапом построения выборки любого типа как для индивидуального, так и для сравнительного исследования. Однако в сравнительном исследовании любые исключения из генеральной совокупности или неоговоренные включения могут привести к серьезным проблемам в сопоставимости данных, которые иногда невозможно скорректировать на этапе обработки или анализа данных. Генеральная совокупность в ESS определяется как наличное население в возрасте 15 лет и старше, проживающее в неинституциональных жилых в границах определенной страны помещениях независимо от их национальности, гражданства, языка и юридического статуса. При всей внешней простоте данного определения оно включает в себя целый ряд очень важных понятий, которые нужно пояснить специально, и которые определяют характер представленного в ESS населения. В первую очередь это понятие «наличного населения», которое определяется для целей опросов как население, проживающее в единице отбора в течение периода, в который проходит опрос (т. е. включает трудовых мигрантов, временно переехавших лиц, проживающих в жилых помещениях, студентов в общежитиях, но не включает гостей, приехавших на 2–3 дня). В данном определении генеральной совокупности не делается исключений ни для каких территорий (если они в конкретной стране не оговорены специально как недоступные), типов населенных пунктов и ни для каких групп населения. Вместе с тем генеральная совокупность не включает людей, которые проживают в институциональных образованиях, таких как тюрьмы, военные поселения, госпитали, места временного проживания людей – гостиницы, пансионаты, дома отдыха и т.д. К жилым помещениям относятся дома, квартиры, студенческие или другие общежития для длительного проживания. Такое определение генеральной совокупности не представляет собой проблемы для одних стран, но может оказаться довольно сложным для других. Например, установление нижней возрастной границы в 15 лет приводит к большим сложностям в построении выборки для стран, использующих электоральные списки для отбора респондентов, в них чаще всего включают лиц 18 лет и старше. Более того, в некоторых странах (Ирландии, Польше) законодательно закреплено требование о необходимости согласия родителей для проведения интервью с несовершеннолетними. Во многих странах существуют географические территории, которые исключаются из выборок в обычных исследованиях (труднодоступные, острова, территории, опасные для посещения). В случае ESS каждая страна должна была следовать общему правилу, несмотря ни на какие местные трудности и особенности, а все исключения были заранее оговорены.

Точность оценок была выбрана как базовая характеристика выборки в каждой стране–участнице ESS, так как именно она позволяет решить главную

задачу сравнительного межстранового исследования — сравнение распределений, дискриптивной статистики, ассоциаций/связей между переменными и более сложных многомерных связей. При этом точность оценки различий между параметрами двух стран будет максимальной, если точность оценок этих параметров на выборке в каждой отдельной стране приблизительно одинакова.

В качестве основного принципа построения выборки был взят тип вероятностной выборки, т. е. когда каждый человек в очерченной генеральной совокупности имеет шанс быть включенным в выборку и этот шанс больше 0, при этом вероятность отбора каждого человека в выборке известна. Если бы при этом не возникало проблемы недостижимости выборочных единиц, то такая выборка давала бы возможность получить статистически несмещенные оценки характеристик населения, составляющего генеральную совокупность, то есть была бы полностью «репрезентативной». Кроме статистической несмещенности оценок, для целей сравнительных исследований к выборке предъявляются такие требования как достаточный уровень точности этих оценок. Только при таком подходе можно будет заметить различия между странами и различия во времени в случае, если различия не очень велики, что часто бывает при измерении социальных параметров. Уровень необходимой точности оценок будет, естественно, зависеть от характеристик конкретного вопроса анкеты, и поэтому в случае большого количества таких вопросов он может быть установлен лишь как «средний» или на основе экспертного суждения. В ESS за такой уровень точности был принят уровень, который достигается при простой случайной выборке (SRS) с размером 1500 человек. Дальнейшая задача состоит в том, чтобы создать модель вероятностной выборки для каждой страны, которая обеспечивала бы именно такой уровень точности (так как использовать модель простой случайной выборки можно лишь в нескольких странах, в большинстве же приходится прибегать к более сложным — кластерным или многоступенчатым стратифицированным выборкам), а также предсказать влияние отклонений от простой случайной выборки на точность оценок (так называемый «дизайн-эффект»), чтобы определить требуемый номинальный размер выборки для каждой страны.

При решении вопроса о том, какой именно вид вероятностной выборки может быть применен в каждой стране, ключевыми являются несколько факторов — географическая протяженность (влияющая на стоимость и время проведения интервью), наличие, доступность и характеристики перечня выборочных единиц, наличие и доступность статистической информации о населении для выборочных единиц разного уровня. В некоторых странах-участницах ESS отбор выборочных единиц (респондентов или домохозяйств) проводится прямо из централизованного списка — чаще всего это возможно в странах небольшого размера, где существует доступный и достаточно полный с точки зрения охвата генеральной совокупности, перечень единиц отбора (например, в Эстонии, Финляндии, Исландии, Словакии, Словении, Швеции используется общий регистрационный список населения страны, в Ирландии — общенациональный список избирателей, в Люксембурге — национальный список социального обеспечения). В некоторых странах, где централизованного национального списка не существует или он не доступен,

строится многоступенчатая выборка, где первоначальной единицей отбора является административная территория (населенный пункт, район и т.п.), а затем домохозяйство или респондент прямо отбирается из территориального списка (как это делается, например, в Германии). В некоторых странах, в том числе в России, Украине, Франции, используется многоступенчатая территориальная выборка.

Хотя все страны–участницы ESS используют вероятностную выборку в этом исследовании, типы выборки самые разнообразные – от простой случайной выборки SRS (в Дании) до сложных многоступенчатых кластерных выборок (в России, Украине, Великобритании, Чехии и др.).

Построение выборки для России на примере ESS

Для проведения ESS в России использовалась четырехступенчатая стратифицированная кластерная выборка, разработанная российскими специалистами В.Г. Андреенковым и А.В. Андреенковой с консультациями профессора Университета Эссекс (Великобритания) П. Линном.

Первичной единицей отбора (ПЕО) были населенные пункты (городские и сельские, всего в России их насчитывается 157 тысяч), вторичной (ВЕО) – избирательные участки, на третьем этапе отбора единицей являлись домохозяйства, на четвертой – индивидуальные респонденты.

Этапы построения выборки были таковы:

Этап 1. Разделение всех населенных пунктов страны на 10 географических страт на основе социально-экономических районов России (территориально-экономическое деление). Общее количество отобранных ПЕО составляет 150. В данной модели выборки 13 крупнейших городов России являются самопредставительными ПЕО – т. е. это большие города, численность населения которых от 15 лет и старше превышает средний размер ПЕО ($N_i > N/150$) и поэтому отобранных с вероятностью 1. Всего они образовали 30 ПЕО (кластеров), представляя 19,8% генеральной совокупности. Остальные 120 ПЕО (кластеров) были отобраны внутри каждой страты с вероятностью, пропорциональной численности населения страты от 15 лет и старше, методом систематического случайного отбора.

Этап 2. На этом этапе из общего списка избирательных участков кластера было отобрано 3 избирательных участка с вероятностью, пропорциональной численности (средний размер вторичной точки отбора составляет около 2000 человек).

Этап 3. На этом этапе нам необходимо было отобрать домохозяйства на выбранных избирательных участках. При отсутствии доступа к полному списку, включающему все единицы генеральной совокупности, был выбран очень трудоемкий метод составления списка всех жилых помещений в выбранных избирательных участках и изготовления карт участков, которые потом были централизованно объединены в базу жилых помещений (большинство из которых было равно домохозяйству, за исключением коммунальных квартир) в указанных избирательных участках. Затем был произведен отбор домохозяйств методом случайного компьютерного отбора. Количество отобранных домохозяйств в среднем составило 17–18 на избирательный

участок и варьировалось с учетом предыдущей информации о доле успешности интервью (в среднем 85% в сельских населенных пунктах и около 50% в крупных городах).

Этап 4. На последнем, четвертом этапе отбора интервьюер, посетив указанное домохозяйство, составлял список всех членов домохозяйства от 15 лет и старше в указанном в методике порядке (от самого старшего мужчины до самой младшей женщины), а затем использовалась Таблица случайного отбора члена домохозяйства, индивидуально закрепленная за каждым отобранным адресом, чтобы отобрать респондента в семье (метод Киша).

Расчетный номинальный размер выборки для России составил 2450 респондентов для достижения эффективного размера выборки в 1500 респондентов. Целью ESS являлось получить уровень достижимости или «успешности интервью» (количество интервью, которое удалось провести среди всех отобранных домохозяйств) в 70%, поэтому количество отобранных домохозяйств в России составило 3500. В целом интервью были проведены в 134 городских/сельских населенных пунктах по всей России (319 избирательных участков). В результате в России было проведено 2437 интервью и уровень достижимости (успешности интервью) составил 68,6%.

Реализация выборки в межстрановом контексте

Процент достижимости (успешности) является одной из наиболее важных характеристик качества реализации выборки и одной из наиболее трудных задач на полевой стадии исследования. Схожий уровень достижимости, реализации выборки между разными странами является важным фактором эквивалентности самих выборок. Методы, которые применялись для увеличения процента достижимости в ESS в России, были самыми разнообразными: специальное обучение интервьюеров методам контакта с респондентами, информационные письма в отобранные домохозяйства с объяснением целей и важности исследования, требование не менее 4-разового посещения каждого отобранного домохозяйства в разные дни недели и разное время суток, чтобы увеличить вероятность застать респондента, различные методы конвертации «отказов» (повторные попытки убедить респондента принять участие в исследовании уже после того, как был получен первоначальный отказ от участия), длительный срок полевых работ (около четырех месяцев), чтобы увеличить вероятность застать мобильную часть респондентов. Пока получить схожий уровень достижимости единиц выборки между странами в ESS достигнуть не удалось. В третьей волне ESS он варьировался от самого высокого уровня в Словакии (73%), Португалии (73%), Румынии (72%), Латвии (71%) и Польше (70%) до самого низкого во Франции (46%), а также Дании (51%), Швейцарии (52%), Германии (54%), Великобритании (55%) и Ирландии (57%). Достигнутый уровень успешности интервью в России довольно высок, он составил 69%. Основные причины недостижимости в России видны из табл. 1.

Разработка методов увеличения достижимости единиц отбора в рамках ESS продолжается. Сами сведения о контактах с отобранными единицами отбора, которые детально документируется (включая информацию об истории

Таблица 1

Окончательный результат контактов с отобранными единицами отбора (домохозяйствами) после всех визитов

	Количество	Доля от всех отобранных единиц
Законченное действительное интервью	2437	69%
Отказ респондента или за респондента	835	24%
Никого не застали в течение всех визитов	186	5%
Нежилой адрес	38	1%
Респондент временно или хронически болен, не может дать интервью по состоянию здоровья	23	1%
Длительное отсутствие респондента (дольше времени полевой стадии опроса)	21	1%
Языковой барьер	2	0%
Другие причины	9	0%
Всего отобранных единиц (домохозяйств)	3551	100%

всех контактов — времени контакта, субъекте контакта, результате контакта, условиях, в которых проходил контакт, причинах отказа и т.п.), являются важной научной информацией, которая позволяет работать над проблемой недостижимости и ее влиянием на качество данных в отдельных странах и качество межстрановых сравнений, анализировать типы возникающих смещений.

Метод случайного вероятностного отбора домохозяйств и респондентов в России используется крайне редко, чаще всего в опросах общественного мнения и маркетинговых исследованиях применяется маршрутный отбор на уровне домохозяйств и квотный отбор на уровне респондента. Кроме того, что вероятностный отбор на этапе выборки с большим количеством возвратов очень трудоемок и ресурсоемок, он требует также больших временных и финансовых затрат (многочисленные возвраты по отобранному адресу с целью достичь конкретного человека в семье), а также сложной организации и управления полевыми работами (контроль возвратов, ротация интервьюеров, документация визитов и т.п.) и определяется высокими требованиями к квалификации интервьюеров. Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) использует такой метод отбора на протяжении уже 20 лет, и хотя большая часть интервьюеров и полевых менеджеров, работающих с ЦЕССИ, была хорошо подготовлена к использованию этого метода, тем не менее, даже для нас задача, поставленная в ESS, была непростой и потребовала больших наших усилий и умений[16]. Как и во многих других странах Европы в

[16] Организацией полевых работ по проекту ESS руководили такие отличные специалисты, как Инна Александровна Чусляева и Ольга Романовна Каретникова, сложную задачу обработки данных выполнила Марина Анатольевна Стулова, работу по переводу и подготовке материалов исследования провел Александр Валерьевич Федотов. Мы также благодарны всем 373 интервьюерам и 78 региональным полевым менеджерам, которые потратили почти 4 месяца своей жизни и напряженно работали, чтобы мы все могли пользоваться данными ESS по России.

последние 20 лет, в России уровень достижимости единиц отбора при личных интервью на дому постоянно падает и требуется все больше и больше усилий для получения приемлемого уровня успешности. Однако относительно других стран Европы он до сих пор может считаться довольно высоким. Наиболее трудными единицами для достижения успешных интервью в России являются жители самых крупных городов (Москвы, Санкт-Петербурга), отдельные социально-демографические группы (молодые мужчины, жители в возрасте 35–44 лет, люди с низким уровнем образования) (см. табл. 2).

Как и во многих других странах, количество эффективных контактов (контакты, которые заканчиваются проведением интервью с отобранным респондентом) постоянно увеличивается с каждым визитом вплоть до четвертого контакта. В России после одного визита удается достигнуть уровня сотрудничества в 37%. Половину интервью от всех проведенных удается получить после одного посещения респондента. После двух визитов достигнутый уровень кооперации составляет 52% (или 76% от всех полученных в результате интервью), третий визит – 61% кооперации (90% от всех полученных интервью). После проведения четырех контактов уровень кооперации составил 66%. С каждым дополнительным визитом по всей выборке удается получить еще около 1% к достигнутым интервью вплоть до седьмого визита, а затем 0,2–0,4%. Всего в России потребовалось осуществить до 10 контактов с отобранными единицами, чтобы достигнуть уровня кооперации в 68,6%.

Наибольшее количество визитов необходимо для достижения приемлемого уровня кооперации в городах-миллионниках (40% от всех законченных интервью удалось получить после одного контакта), наименьшее – для проведения интервью в сельской местности (68% от всех законченных интервью удалось получить после одного контакта) (см. табл. 3).

Основной причиной недостижимости единиц отбора составляют отказы домохозяйства или отказ отобранного респондента от участия в интервью.

Таблица 2

Достижение эффективных интервью в зависимости от количества контактов

	Количество единиц отбора, с которыми был контакт	Количество законченных интервью с каждым новым визитом	% кумулятивный от всех отобранных единиц (успешность после каждого визита)	Доля законченных интервью от общего количества интервью во время каждого контакта
Первый визит	3551	1314	37,0	53,9%
Второй визит	1848	1844	51,9	21,7%
Третий визит	1116	2181	61,4	13,8%
Четвертый визит	544	2329	65,6	6,1%
Пятый визит	209	2380	67,0	2,1%
Шестой визит	109	2398	67,5	0,7%
Седьмой визит	69	2416	68,0	0,7%
Восьмой визит	44	2423	68,2	0,3%
Девятый визит	30	2433	68,5	0,4%
Десятый визит	11	2437	68,6	0,2%

Таблица 3

Достижение эффективных интервью в зависимости от количества контактов (% от количества всех законченных интервью) в населенных пунктах разного размера

	Всего по выборке	Города свыше 1 млн. чел.	Города 250 тыс. – 1 млн. чел.	Города 50–250 тыс. чел.	Города менее 50 тыс. чел.	Села
Первый визит	54	40	46	53	56	68
Второй визит	22	25	26	19	21	18
Третий визит	14	16	15	16	14	10
Четвертый визит	6	10	9	4	7	2
Пятый визит	2	4	1	3	2	1
Шестой визит	1	1	1	2	0	0
Седьмой визит	1	1	2	1	0,2	0,2
8—10-й визиты	1	2	1	2	0,2	0

Таблица 4

Основные причины отказов

(% от всех случаев отказов от участия в исследовании, от интервью, каждый отказавшийся мог назвать несколько причин отказа)

	Отказ во время 1-го визита	Отказ во время 2-го визита	Отказ во время 3-го визита	Отказ во время 4-го визита и больше	Всего
Нежелание респондента давать личную информацию	25	28	31	31	28
Опросы — бесполезная трата времени	27	26	20	26	25
«Не интересуюсь опросами»	25	22	18	19	22
«Никогда не участвую в опросах»	12	12	20	13	14
Неудобное время посещения (болезнь, ребенок, другие домашние дела)	7	6	5	9	7
«Не доверяю исследованиям»	6	7	4	10	7
Участвовал в опросах слишком много раз, надоело, не понравился прошлый опыт участия	2	3	3	5	3
Ничего/недостаточно знаю на эту тему	3	2	1	1	2

В России в 2006 г. доля недостижимости по этой причине составила 23,5% от всех отобранных единиц. Мотивация отказа от участия в опросе у потенциальных респондентов строится вокруг следующих основных факторов:

a) вопросы «частной жизни», вторжения в частную жизнь, личное пространство и связанная с ней проблема анонимности;

b) отсутствие веры в эффективность опросов, их полезности;

c) отсутствие интереса к общественным проблемам (см. табл. 4).

Основные социально-демографические и территориальные характеристики достигнутой в России выборки отражены в табл. 5.

Таблица 5

Основные социально-демографические и территориальные характеристики достигнутой выборки

	Количество интервью	% среди всех интервью
1	2	3
ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА		
Мужчины 15–24	177	7%
Мужчины 25–34	165	7%
Мужчины 35–44	147	6%
Мужчины 45–54	158	6%
Мужчины 55 и старше	336	14%
Женщины 15–24	213	9%
Женщины 25–34	204	8%
Женщины 35–44	189	8%
Женщины 45–54	218	9%
Женщины 55 и старше	630	26%
УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ		
Начальное	209	9%
Незаконченное среднее общее	198	8%
Неполное среднее профессиональное	100	4%
Законченное среднее общее	405	17%
Законченное среднее профессиональное	229	9%
Среднее специальное	666	27%
Незаконченное высшее	105	4%
Законченное высшее	525	21%
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ		
Русский	2007	82%
Татарин	123	5%
Украинец	38	2%
Другая	225	10%
Затруднились определить свою национальность	44	2%
РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ		
Север и Северо–Запад	256	7%
Центр	510	14%
Волго–Вятский	133	4%
Центрально–Черноземный	125	4%
Поволжье	294	8%
Северный Кавказ	312	9%
Урал	337	9%
Западная Сибирь	215	6%

Продолжение таблицы 5

1	2	3
Восточная Сибирь	141	4%
Дальний Восток	114	3%
ТРУДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ		
Работающий на оплачиваемой работе	1238	51%
Учащийся, студент	236	10%
Безработный (без работы и активно искали работу)	32	1%
Без работы, но не в поиске работы	43	2%
Инвалид	51	2%
На пенсии	640	26%
Занят домашним хозяйством	191	8%
Затруднились, отказались	6	0%

Метод проведения опроса и организация полевой стадии исследования

В настоящее время в Европе массовые опросы населения чаще всего проводятся одним из трех методов сбора информации: личные интервью на дому, телефонные интервью, самозаполнение анкеты респондентом в присутствии или в отсутствие интервьюера. При этом в качестве документа опроса в каждом из этих методов может использоваться как бумажная версия документов, так и компьютеризированное интервью (компьютеризированное телефонное, личное интервью или интернет-опрос). Каждый из этих методов сбора информации обладает своими достоинствами и своими недостатками, которые неоднократно были показаны в различных методологических экспериментах и описаны в литературе, как и влияние каждого из этих методов на качество данных. В больших сравнительных исследованиях чаще всего стараются использовать единый метод сбора данных, чтобы избежать проблемы, когда различия в данных между странами можно объяснить как содержательно, так и спецификой метода сбора данных. При этом решение принимается исходя из темы опроса, длины анкеты, сложности вопросов, а также из возможностей большинства стран-участниц использовать какой-либо метод. В частности, очень распространенные в некоторых странах телефонные опросы трудно применить в сравнительном проекте, если среди стран-участниц есть такие, где уровень телефонизации существенно ниже других или вообще низкий (что происходит даже в случае с европейскими странами, в частности и с Россией).

Метод сбора информации, который был выбран в ESS, – это личные интервью на дому у респондентов. В качестве документа для опроса используется либо бумажная версия анкеты и карточек, либо компьютеризированное интервью (КАПИ). Для России такой метод сбора информации не представляет особых проблем, так как это наш основной метод, который используется в большинстве крупных и значимых массовых опросах на общероссийской

выборке населения. Однако для некоторых европейских стран это стало очень нелегкой задачей, так как в последние двадцать лет доля исследований, проводимых с помощью личных интервью на дому, стремительно падала за счет роста сначала телефонных опросов, а потом и интернет-опросов. Этим странам пришлось заново создавать инфраструктуру для применения этого очень сложного в организационном плане метода.

Проблема метода сбора информация начинает занимать все большее место среди проблем сравнительных межстрановых исследований из-за усложнения и удорожания сбора информации методом личных интервью и падения уровня достижимости. Идет постоянный поиск новых подходов в этом направлении. В частности, изучаются возможности для использования смешанного метода сбора данных (когда в разных странах будет использоваться разный метод сбора данных, кроме того, можно говорить и об использовании разных методов сбора данных для разных социальных, демографических или экономических групп, которые требуют особого подхода). Но в этом плане еще многое предстоит сделать. В рамках ESS проводятся различные методологические эксперименты по сочетанию различных методов сбора информации и изучается их влияние на качество и сопоставимость данных. Возможно, в будущем будут выработаны новые подходы к решению этих проблем.

В первых трех волнах ESS все страны использовали единый метод сбора данных — личные интервью на дому. Средняя длина интервью в России составила 65 минут (длина интервью связана с особенностями языка опроса и некоторыми другими факторами проведения интервью и поэтому отличается в разных странах). Само интервью состоит из 200 вопросов основной анкеты, которые повторяются каждую волну, двух ротационных модулей по50 вопросов в каждом. Дополнительно задаются еще 12 вопросов, которые являются частью методического модуля по измерению качества разного типа вопросов (их валидности и стабильности, используя MTMM-дизайн[17]) в разных социально-культурных контекстах. Эти вопросы могут быть либо заданы методом интервью в конце анкеты, либо их оставляют респонденту для самозаполнения. В России дополнительная анкета является частью основного интервью и проводится методом интервью сразу после основной части. В рамках ESS сбор данных проводится каждый второй год осенью-зимой.

В большинстве стран координация и аналитическая часть работы над проектом проводится Научным Советом и руководителем проекта, а сбор данных и их обработка осуществляются профессиональной организацией, специализирующейся на массовых опросах и обладающей высокой репутацией в академических и исследовательских кругах. В некоторых странах сбор и обработку данных проводит национальные статистические агент-

[17] Экспериментальный статистический метод оценки надежности и стабильности измерения путем выявления влияния метода (шкалы ответов, контекста, названия точек шкалы и т.п.) на оценку параметра. Для такой оценки требуется как минимум два замера одного и того же параметра, используя разные методы оценки (multi-trait-multi-method), что и используется в ESS для отдельных вопросов. См.: например, *Scherpenzeel A., Saris W.* 1997. The Validity and Reliability of Survey Questions. A Meta-Analysis of MTMM Studies. Sociological Methods & Research. Vol. 25. No. 3).

ства (как это происходят в Скандинавких странах), в нескольких странах это делают университеты (в Польше, Словении и на Кипре), в некоторых – специализированные опросные организации. В России сбор и обработку данных выполняет Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) – организация, которая с 1989 года проводит всероссийские опросы по сложным вероятностным выборкам с высокими требованиями к организации полевых работы. Руководителем проекта ESS в России является А.В. Андреенкова.

В большинстве стран Западной Европы (кроме Португалии) проводится личное компьютеризированное интервью (CAPI), в большинстве восточноевропейских и центральноевропейских стран, в том числе и в России, – личное интервью с документами на бумаге. Всего в России в осуществлении проекта в 2006 г. участвовали 373 интервьюера, работу которых организовывали и контролировали 78 полевых менеджеров в разных частях страны. Руководителями полевой части исследования являлись специалисты ЦЕССИ Инна Александровна Чусляева и Ольга Романовна Каретникова.

Обработка, документация и представление данных

Заключительный этап любого сравнительного эмпирического исследования – обработка, документирование и представление данных. Только на первый взгляд этот этап выглядит техническим и простым. На самом деле именно из-за проблем на этом этапе многие хорошие сравнительные межстрановые проекты и отдельные исследования мало или вообще не используются научным сообществом, практически недоступны для вторичного анализа. Часть проблем и задач по обработке и представлению данных сравнительных многолетних исследований схожи с теми, которые стоят сегодня и перед отдельными национальными исследованиями. Однако в межстрановых исследованиях многие эти проблемы еще более усложняются, либо являются уникальными.

Основными задачами при обработке данных, полученных из разных стран, и их представлении для последующего анализа являются:

a) стандартизация данных;
b) документация всех этапов проекта;
c) обеспечение доступа к данным.

Стандартизация данных необходима для того, чтобы иметь возможность анализировать весь массив данных как единое целое, хотя он состоит из данных, полученных в разных странах с разными характеристиками населения, на разных языках и зачастую в разных статистических компьютерных программах по обработке, с разными национальными научными традициями и стандартами представления данных. Для достижения этой цели на самых ранних этапах исследования необходимо разработать:

– стандартную форму представления данных опроса из разных стран, где были бы подробно описаны все переменные – как основные, так и служебные, единообразно присвоены названия этим переменным и перечислены все возможные категории ответов, включая служебные (такие как пропущенные данные и т.п.);

— правила, по которым определяется база респондентов для каждого вопроса и систематически разрешенные пропуски вопросов;

— определены правила работы с вариантами ответов на вопросы с открытыми или частично открытыми категориями (например, где возможен «другой» ответ, который респондент может дать спонтанно, кроме перечисленных в анкете);

— правила и кодификаторы для кодирования открытых вопросов и социально-демографических переменных.

Особые трудности в стандартизации обычно возникают в сравнительных межстрановых проектах в отношении структурных переменных, которые отражают профессиональную, образовательную, религиозную, экономическую и т.п. системы, уникальные для каждой страны. К таким переменным относятся образование, профессия, родной язык, отрасли экономики, категории дохода, а иногда и само определение «дохода», религиозные деноминации, формы собственности предприятий (виды предприятий), виды трудовых соглашений и контрактов, региональное деление.

Документация к данным исследования. Любой исследователь, который имел дело с данными, собранными другими коллективами, т. е. занимался вторичным анализом данных, знает, насколько непросто бывает разобраться с форматом представления «чужих» данных, разыскать все необходимые документы, понять систему кодирования и т.п.[18] Стандарты для представления данных, полученных методом опроса населения, разработаны и приняты уважаемыми международными организациями исследователей. Например, такие стандарты существуют у Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR) и поддержаны Всемирной ассоциацией исследователей общественного мнения (WAPOR)[19], в Европейском обществе маркетинговых исследований и опросов общественного мнения (ESOMAR)[20]. Разработаны определенные стандарты представления данных опросов и ведущими архивами социальных данных[21]. Однако следуют этим стандартам редко, а в сравнительных межстрановых исследованиях еще реже.

К стандартной документации, которую необходимо представлять вместе с данными, полученными методом опроса населения, и предназначенной для широкого использования, относятся:

— информация об организации, которая проводила исследование, а иногда и об организации, которая финансировала опрос;

— описание основной цели и конкретных задач исследования;

— полная анкета (со всеми вопросами, категориями, инструкциями), вклю-

---

[18] О значении документации данных опросов для использования во вторичном анализе можно прочитать у *Mohler P.* and *Uher R.* 2003. Documenting Comparative surveys for secondary analysis in Cross-Cultural Survey Methods, ed. Harkness F., F. van de Vijver, Mohler P., Wiley.

[19] AAPOR, Best Practices for Survey and public opinion research: www.aapor.org

[20] ESOMAR Guide to Opinion Polls www. Esomar.nl/ guidelines/opolls.htm

[21] О стандартах в представлении данных опросов можно прочитать в *Sommer R., Unholzer G., Wiegand E.* 1999. Standards for Quality Assurance in market and social research. Frankfurt: ADM Arbeitskreis Deutscher Markt- und Sozialforschungsinstitutue e. V.

чая отдельные материалы, которые показывались респонденту (карточки) и инструкции для интервьюера на языке-оригинале;

— описание выборки, которое включает описание генеральной совокупности, метода отбора единиц на всех этапах, результаты контактов (уровень достижимости);

— описание процедур, использованных при обработке и редактировании данных (принципы кодирования, правила работы с пропусками, ошибками);

— описание и принципы построения весов;

— описание метода опроса, времени проведения опроса, характеристики интервьюеров.

В случае сравнительных межстрановых, а тем более многолетних трендовых исследований, кроме этих документов очень важным оказывается и так называемая *«мета-документация»* и *информация о событийном окружении данных опроса.* К «мета-документации» относится информация о структурных и юридических характеристиках и нормах страны, которые влияют на интерпретацию и работу с отдельными вопросами, например информация об образовательной системе страны, партийной системе, результатах и датах национальных выборов, базовая социально-демографическая статистика. Такая информация чрезвычайно полезна, а часто просто необходима исследователям, которые начинают работу с данными, полученными в разных странах. В ESS подобную информацию собирают руководители проектов в разных странах, и она публикуется вместе с данными опроса как «Национальный методологический отчет». Информация о событийном окружении опроса — это сведения о событиях, которые происходили в каждой отдельной стране непосредственно перед проведением полевой части исследования и во время его и которые могли бы оказать влияние на результаты опроса или уровень кооперации респондентов. К таким событиям могут относиться предвыборные кампании или выборы, смена правительства или важных политических деятелей, природные катаклизмы и катастрофы, эпидемии, существенные изменения в законодательстве, международные конфликты или события, забастовки, акции протеста, террористические акты, национальные праздники и т.п. Такая информация хорошо известна исследователям во время проведения полевых работ и часто считается само собой разумеющейся. Однако по прошествии даже небольшого времени такая информация стирается из памяти, а в отношении других стран ее просто нет, что часто приводит к неверной интерпретации данных при вторичном анализе или требует очень большого времени для ее восстановления.

В ESS разработана система сбора информации о событийном окружении данных опроса, который осуществляется в каждой стране руководителем проекта во время полевой стадии исследования. Затем эта информация представляется в стандартной форме, которая позволяет осуществлять легкий поиск и систематический анализ по каждой стране или всем странам вместе и находится в открытом доступе для всех пользователей ESS.

Последним элементом представления данных сравнительного многострановой многолетнего проекта является **обеспечение доступа пользователей к данным исследования.** На протяжении долгих лет это была непростая

задача как из-за технических ограничений (отсутствия электронных средств коммуникации), так и из-за проблем и требований, связанных с анонимностью данных, а также с практикой ограничения доступа к исходным данным со стороны руководителей и организаторов научного проекта (определенный, часто очень длительный период «эмбарго» на использование данных исследования за пределами коллектива авторов, например до времени появления в научно-рецензируемом журнале первой публикации с базовым описанием данных). В последние годы политика доступа к данным больших сравнительных проектов, которые чаще всего финансируются из открытых общественных фондов, либерализируется, и доступ к ним получить все легче. Такие данные чаще всего помещаются в какой-либо архив социальных данных, который и занимается обеспечением доступа исследователей к этим данным. Очень большое количество информации, полученной с помощью межстрановых опросов, содержится в архиве Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований в Энн-Арборе, Мичиган, США (ICPSR, Inter-University Consortium for political and social research). Крупнейшими архивами таких данных в Европе являются Британский архив в Эссексе (www. data-archive.ac.uk) и Германский архив в Кельне (www.gesis.org), последний является официальный архивом данных ISSP.

С самого начала проект ESS создавался как открытое исследование, доступ к которому должны иметь все желающие – как академические ученые, так и политики, журналисты, просто интересующиеся, без каких-либо временных или технических ограничений. Архивацией и обеспечением доступа к данным ESS занимается Норвежская служба данных социальных исследований в Бергене (NSD, Norwegian Social Science Data Services). Немедленный доступ к данным и всей документации исследования можно получить на сайте http://ess.nsd.uib.no. Такая политика ESS обеспечила очень широкую известность проекта в научных, образовательных, публицистических и политических кругах. На сайте ESS зарегистрированынесколько тысяч пользователей и само исследование является одним из наиболее часто цитируемых в научных публикациях в области социальных и политических наук в Европе. Мы надеемся, что публикация этой книги будет способствовать тому, что данные ESS будут широко использоваться и в России.

Н.И. Лапин

Глава 2

РОССИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ

Многомерность социокультурного пространства как предмета исследования

ПРЕДМЕТОМ Европейского социального исследования является не только эмпирическое множество аспектов социальной и культурной жизни европейских стран, но и целостность этих аспектов, которая представляет собой *социокультурное пространство* Европы. Согласно социокультурному, точнее — антропосоциетальному подходу, такой объект представляет собой взаимопроникающую связь культуры и социальности — социетальное целое как результат человеческой деятельности, взаимодействий между людьми[1]. Многообразие его аспектов как раз и выражает многомерность этого пространства как объекта изучения.

Можно выделить три среза социокультурного пространства. Это, во-первых, *символическое пространство* духовной культуры, объективированное в ценностях и нормах поведения, в совокупности творений человеческой души и разума — сакральных и светских, мифологических и рациональных, традиционных и современных, закрытых и открытых. Такое символическое пространство не имеет физических границ; оно многослойно и включает несколько типов культур. Их способом бытия служит *диалог* — внутри каждой культуры, между культурами и субкультурами. Различные слои этого пространства противоречиво взаимодействуют, проникают один в другой.

Во-вторых, *институциональное пространство* социальных отношений, включая экономические, политические, идеологические. В настоящее время в большинстве европейских стран это пространство характеризуется не только существованием национально-государственных институтов, но и становлением наднациональных институтов Европейского Союза. В России для этого пространства характерны: территориальная многовариантность и

---

[1] Подробнее см.: *Лапин Н.И.* Антропосоциетальные основания общей социологии // Общая социология. — М.: Высшая школа, 2006. — Раздел 1.

региональная закрытость (автаркия), которая лишь отчасти может компенсироваться проникновением административной вертикали.

В-третьих, *предметное пространство* материальной культуры: различные технологические уклады и многообразные предметы, создаваемые человеком, – орудия труда, машины, обработанная природа, предметы быта, одежды и т.д. Оно заключено в физическое пространство и время.

Совокупность этих срезов социокультурного пространства дифференцирована по вертикали и по горизонтали. *Вертикальная дифференциация* означает иерархическое неравенство (по принципу «выше – ниже») статусов различных компонентов пространства, их престижей в сознании населения. *Горизонтальная дифференциация* означает структурные различия между странами и регионами одной страны, находящимися на одном уровне иерархии статусов/престижей.

В итоге большинство населения, как граждане и как личности, включены в несколько разных, часто противоречивых компонентов структуры социокультурного пространства. Наиболее активные индивиды и группы населения, обладающие сильным социальным ресурсом, воспринимают такой плюрализм как пространство своей свободы, которое позволяет им активно адаптироваться к спонтанно возникающим структурам, подниматься вверх по лестнице статусно/престижной иерархии, создавать «под себя» недостающие ступени этой лестницы, навязывать другим людям и группам собственную волю, даже вседозволенность. Но для многих индивидов и слоев населения со слабым ресурсом плюрализм социокультурного пространства оказывается фактором неустойчивости их положения, нисходящей мобильности по наклонной статусно/ престижной иерархии, нередко на ее дно.

Учитывая конкретную тематику Европейского социального исследования, можно выделить 10 комплексных измерений социокультурного пространства. Из них ЕСИ позволяет получить требуемую информацию по шести измерениям, а для анализа еще четырех измерений требуется дополнительная информация – статистическая и документальная.

Измерения, по которым ЕСИ непосредственно создает необходимую информацию:

социальная структура населения (**СС**);

политические взгляды и поведение граждан (**ПП**);

ценности, образование, религия, социальное самочувствие и другие компоненты культуры (**К**);

структура семьи, фамилистическое поведение населения (**С**);

социальная и этническая идентичность, отношение к мигрантам (**Ид**);

удовлетворенность людей своей работой, состоянием экономики, демократии, своей жизнью в целом (**Уд**).

Измерения, для анализа которых требуется дополнительная информация:

технологические уклады в каждой стране, группах стран (**ТУ**);

состояние экономики страны, группы стран (**Эк**);

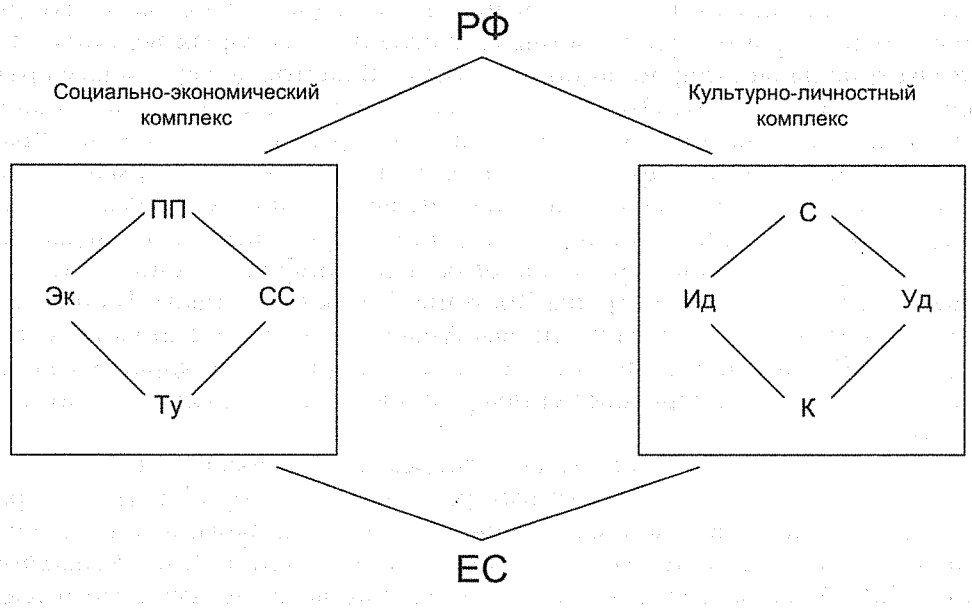
институты Европейского Союза (**ЕС**);

институты Российской Федерации (**РФ**).

Из этих 10 измерений восемь образуют два комплекса: социально-экономический и культурно-личностный. Оба они взаимосвязаны и сопря-

жены с институтами ЕС и РФ. Структура и взаимосвязи десяти измерений социокультурного пространства стран Европы, включая Россию, схематически представлены на рис. 1.

Рис. 1. Структура измерений социокультурного пространства

Дифференциация европейских стран по лидирующему технологическому укладу (ТУ)

Объективной предпосылкой межстрановых сопоставлений служит характер и структура технологических укладов национального хозяйства соответствующих стран. Под *технологическим укладом* понимается совокупность производственных процессов, которая сложилась в рамках единой технологической парадигмы (комплекса технико-технологических принципов) и качественно отличается от иных их совокупностей. Различают три таких уклада: аграрный, индустриальный, постиндустриальный (информационный)[2].

Жизненный цикл каждого технологического уклада продолжается около 100 лет и включает две длинные волны (типа циклов Кондратьева). Первая волна означает движение новых технологий в чужеродной, сопротивляющейся социально-экономической среде; вторая волна означает, что среда изменилась и в обществе быстро растет спрос на соответствующие инновации.

---

[2] *Нижегородцев Р.* Проблема формирования нового качества экономического роста // Инновации и экономический рост / Отв. ред. К. Микульский. – М.: Наука, 2002.

В наше время в большинстве стран одновременно существуют несколько технологических укладов. В этой многоукладности необходимо отличать лидирущий в настоящее время уклад от предшествующих, а также видеть появление нового, перспективного уклада, сопряженного с базовыми технологическими инновациями.

Экономика всех стран Европейского Союза (ЕС) является рыночной. Вместе с тем по характеру технологических укладов можно выделить две группы стран. Первую группу составляют страны, в которых ведущим стал постиндустриальный, информационный уклад. В настоящее время развертывается вторая его стадия. Это прежде всего страны Центральной, отчасти Западной, а также Северной Европы – Англия, Германия, Финляндия, Франция, Швеция и некоторые другие; они образуют технолого-информационное ядро экономики ЕС. Вторую группу составляют страны с преобладанием индустриального уклада; в них в той или иной мере представлен аграрный уклад и одновременно формируется первая стадия информационного уклада. Это постсоциалистические страны Восточной Европы, а также Греция, Испания, Португалия и ряд других; они выступают в качестве технологической периферии ЕС, которая получает импульсы ускорения от ядра. В каждой стране, относящейся к ядру или периферии, различные уклады соотносятся по-своему.

Структура технологических укладов современного хозяйства России относится к тому же типу, что и структура хозяйства второй группы стран Европейского Союза. В нем представлены все три технологических способа производства (аграрное, индустриальное, информационное), но ***доминирует индустриальный способ***: механические орудия, паровые, бензиновые и электрические двигатели, атомная энергетика. В условиях системного кризиса российского общества (90-е годы XX столетия) произошла деградация технологического уровня многих производств, даже архаизация структуры технологических укладов. В промышленности возобладали добывающие отрасли, аграрный сектор вернулся к преобладанию ручного труда.

Одновременно в эту архаику вторглись из западных стран множественные фрагменты новейшего, информационного технологического уклада – как первой, так и второй его стадии. Появились и стали быстро распространяться дешевеющие персональные компьютеры; из столиц Интернет стал плести свои сети по всей стране; быстро размножилась и охватила огромные пространства сотовая мобильная сеть. Информационное пространство России из иерархизированного, рыхлого и заторможенного становится сетевым, плотным и быстрым. Время деловых и личностных информационных контактов между россиянами, прежде всего среди молодежи, сократилось с недель и месяцев до минут и мгновений. Жизнь большого числа россиян обрела совершенно новые информационные краски.

А из более раннего, индустриального способа производства, сохраняющегося на Западе, хлынули в Россию потоки автомашин и другой продукции. Многие отрасли, производившие продукцию массового потребления, обнаружили свою неконкурентоспособность и стали сдавать позиции зарубежным фирмам. Но некоторые выстояли и в своем отечестве теснят западных конкурентов.

Этому динамизму способствовала благоприятная конъюнктура на рынке нефти и газа. Но в последнее время она становится все более заметным тормозом перехода экономики в постиндустриальную стадию развития.

Неоднозначность положения России в социокультурном пространстве Европы

Данные, полученные российской рабочей группой по методологии Европейского социального исследования, показывают, что технологической разноукладности хозяйства России соответствует неоднозначность соотношения различных ее социокультурных структур с соответствующими структурами стран Европейского Союза. Но в этой неоднозначности есть и определенность: не подтверждаются суждения некоторых отечественных и зарубежных специалистов ни о тотальной непохожести России на Европу, ни о столь же тотальном отставании России от стран ЕС, включая многие страны Восточной Европы. Наши данные подтверждают обратное: по ряду существенных параметров Россия достаточно похожа на Европу и опережает многие восточноевропейские страны ЕС либо находится на их уровне. Вместе с тем имеется немало параметров, по которым наша страна отстает от них или вовсе на них не похожа.

Это хорошо видно из публикуемых ниже материалов, содержащих конкретный анализ различных аспектов исследуемого предмета. Здесь достаточно привести лишь несколько примеров, опирающихся на результаты конкретного анализа. Так, по уровню образования и доле профессионалов высокой и средней квалификации Россия опережает восточноевропейские и некоторые западные страны, но одновременно превосходит их по доле рабочих низкой квалификации и уступает по доле занятых в сфере услуг. Этому соответствует наблюдающийся в нашей стране самый низкий в Европе уровень удовлетворенности работой: он снижается как из-за устарелости оборудования на рабочих местах, так и в силу высоких запросов образованного населения к содержанию своей работы. Но если сравнивать россиян и европейцев с одинаковым уровнем образования и содержания труда, то они вполне похожи и по удовлетворенности своей работой.

Или посмотрим на структуру ценностей населения России и стран ЕС. С одной стороны, в России многие ценности находятся на краю европейского ценностного пространства; впрочем, и они оказываются отнюдь не в одиночестве, а по соседству с ценностями населения не только ряда восточноевропейских, но и некоторых западных стран. С другой стороны, совокупность ценностей или ценностный кластер, с которым соотносит себя почти половина россиян (48%), одновременно является самым большим кластером общеевропейского ценностного пространства (36% всех европейцев); для 10 из 20 стран ЕС он, как и для России, является лидирующим, а в Португалии, Словакии и Румынии с ним соотносят себя свыше половины населения (соответственно, 51%, 52% и 60%).

Содержание этого кластера определяется двумя факторами-векторами: очень высокой ориентацией на самоутверждение (реализация своих способностей, успешность, стремление быть богатым, иметь власть) и средней от-

крытостью изменениям (самостоятельность, готовность к риску, гедонизм). Первый из этих факторов характерен для населения стран, находящихся на индустриальном этапе развития, а второй естественен для стран, переживших социетальную трансформацию, — население этих стран устало от крутых перемен и сдержанно относится к возможности новых поворотов в своей судьбе. Следовательно, доминирование этого ценностного кластера в странах, для которых характерны одновременно индустриализм и постреволюционная травма, вполне объяснимо.

Выделены еще три ценностных кластера: один большой, включающий почти треть россиян (31%), и два небольших (15% и 6%). Их также можно соотнести с ценностями различных категорий населения, связанных с тем или иным технологическим укладом. Но это вовсе не однозначная связь: ее интерпретация требует учета исторического этапа страны, профессии, типа поселения (село или город, его размеры), возраста и некоторых других факторов.

Очень актуален и сложен для адекватной интерпретации вопрос об отношении населения, давно живущего в тех или иных регионах страны, к приезжим из других регионов и стран. Исследование по методике ЕСС подтвердило, что и по этому вопросу население России не выпадает из европейского ряда. Но имеет существенные особенности, в том числе региональные.

В заключение напомню, что в настоящее время речь идет о результатах, в которых фиксировано одномоментное положение российского общества в европейском пространстве: мы получили его снимок, сделанный в 2006 г. В 2008 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проведено второе полевое исследование. Это означает, что российская исследовательская группа переходит в мониторинговый режим изучения динамики нашего объекта. Надеемся получить в недалеком будущем первые выводы о векторах движения современной России в европейском социокультурном пространстве.

Л.А. Беляева

Глава 3

РОССИЯ И ЕВРОПА: СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ[1]

Для реализуемой в данном исследовании методологической позиции принципиальное значение имеет наличие адекватной эмпирической базы, позволяющей анализировать социальное устройство общества как целого. Поэтому мы привлекаем данные всероссийской статистики и, самое главное, результаты эмпирических опросов, проведенных по национальным выборкам в России и Европе. В Европе это данные ESS 2006 г., в котором впервые участвовала Россия. Кроме того, используются материалы Всероссийского мониторинга (ВРМ ЦИСИ), проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН с 1990 г. Мониторинг проводится с периодичностью раз в четыре года. Последняя волна состоялась в 2006 г. Проведенный ранее анализ данных мониторинга позволил отработать некоторые методики изучения социальной стратификации, которые будут использоваться в настоящей работе. Теперь появилась возможность сравнить данные и сделать выводы, опираясь на два независимых исследования. Конечно, для межстранового сравнения социальной структуры и стратификации приоритетными являются данные международного исследования ESS, анализируемые в соответствии с теоретическими и методическими разработками Дж. Голдторпа.

В исследованиях ESS представлена информация, позволяющая анализировать структуру населения России в сравнении со странами Европы, а также рассмотреть проблему социального неравенства, другими словами, представить социальную стратификацию российского населения. Сравнение России и европейских стран по структуре занятого населения и по уровню образования позволяет увидеть социальное пространство нашей страны, во-первых, как совокупности социальных статусов ее жителей, во-вторых, посмотреть на страну с точки зрения обладания ее населением культурным капиталом и профессиональными навыками. Эти качества населения имеют решающее значение для реализации программ инновационного развития

[1] Глава подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 08-03-00109а).

экономики и для работы в условиях рынка. В-третьих, определить ту стадию трансформации к современному обществу, на которой находится Россия в сравнении с другими европейскими странами.

Россия и Европа: сходства и различия в статусной структуре населения

В ESS представлена многообразная информация, позволяющая анализировать социальное расслоение общества как по отдельным показателям, так и используя их комбинацию. Сравнение населения России и европейских стран по уровню образования, по профессиональной подготовке, по отраслевой структуре, по источникам дохода, по типам трудовой занятости, по самоидентификации с социальным слоем и социальным классом само по себе представляет интерес, т.к. характеризует особенности страны с точки зрения обладания культурным капиталом, ее производственной структуры, развития рыночных принципов в экономике и вообще той стадии трансформации к современному обществу, на которой она находится.

Начнем с наиболее общего, но для России и самого, пожалуй, нового и главного. Посмотрим, какие статусы занятости имеет население России и европейских стран, другими словами, насколько продвинулась Россия по пути формирования слоя частных собственников, какой доле населения удалось уйти от патерналистской заботы государства и обрести самостоятельность в тех рамках свободы экономического поведения, которая сложилась в постсоветский период. Одномерность социально-статусной структуры российского общества в советский период с точки зрения отношения к собственности, когда практически 100% населения были наемными работниками у государства, была нарушена в период перестройки и закрепилась в 90-е годы. К настоящему времени складывается смешанная экономика с увеличивающейся долей частного (в том числе акционерного) сектора. По данным государственной статистики, в 2007 г. только 32,1% занятого населения работало на государственных и муниципальных предприятиях, а 56,3% – на частных, включая акционерные (табл. 1).

Таблица 1

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности *(в %)*

	1995	2006	2007
Занято в экономике — всего,	100	100	100
в том числе по формам собственности			
государственная и муниципальная	42,7	32,8	32,1
частная	34,3	55,4	56,3
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,7	0,6	0,6
смешанная российская	22,2	7,2	6,7
иностранная, совместная российская и иностранная	0,6	4,0	4,3

Источник: Регионы России. 2007. С.116; Регионы России. 2008 (табл. 4.5).

Численность занятого населения, работающего не по найму, в 2007 г. составляла 5,6%, в том числе работодателей было 1,1%, самозанятых — 4,4%. Общее число работающих не по найму сократилось с 2005 г. на 1,1% (табл. 2).

Социальный статус населения в ESS измерялся по положению респондентов на основной работе. Полученные данные по России практически повторяют данные государственной статистики. Оказалось, что среди населения европейских стран в России доля наемных работников самая высокая — 95%. Отличия России от большинства других стран Европы по этим показателям еще значительны, но сам факт формирования новых статусов занятости у 5% населения весьма красноречив для российского общества (табл. 3). Близкие позиции — свыше 90% наемных работников — занимают все страны Восточной Европы, кроме Польши. А вот среди западноевропейских стран наемные работники занимают в населении менее 90%, за исключением Дании и Франции.

Основная часть занятого населения в Европе и в России является наемными работниками, но в то же время в Западной Европе почти 13% населения составляют предприниматели, самозанятые, работающие в семейном бизнесе. Низкая доля этих категорий в России — свидетельство неразвитости малого и среднего предпринимательства, семейного бизнеса. Очевидно, здесь сказываются, с одной стороны, объективные условия для развития частного дела: противодействие бюрократического аппарата, коррупция, незащищенность бизнеса, несовершенство кредитной политики и т.д., а с другой стороны, неготовность самого населения рисковать, брать ответственность на себя, отсутствие материальных ресурсов для инвестиций.

Таблица 2

Распределение численности занятого населения по ствтусу
(по данным выборочных обследований населения Госкомстата по проблемам занятости на конец ноября в %)

	Всего			Мужчины			Женщины		
	2005	2006	2007	2005	2006	2007	2005	2006	2007
Занято в экономике — всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:									
работающие по найму	92,7	93,3	93,5	92,2	92,6	92,5	93,3	94,1	94,4
из них:									
у юридических лиц	84,4	84,6	84,3	83,9	84,0	83,2	85,0	85,2	85,5
у физических лиц	8,3	8,8	9,1	8,3	8,6	9,3	8,3	8,9	9,0
работающие не по найму	7,3	6,7	6,5	7,8	7,4	7,5	6,7	5,9	5,6
из них:									
работодатели	1,3	1,2	1,5	1,5	1,5	1,8	1,1	0,9	1,1
самостоятельно занятые	5,7	5,1	4,9	6,0	5,4	5,5	5,5	4,8	4,4
члены производственных кооперативов (артелей)	0,1	0,3	0,1	0,1	0,4	0,1	0,1	0,2	0,0
помогающие на семейном предприятии	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. — М., 2005 (табл. 3.3).

Таблица 3

Структура населения по положению на основной работе. ESS 2006 г.

Страна	Положение на основной работе (% от всех работающих)		
	Наемный работник	Работает на себя, не по найму	Работает в семейном деле
Россия	95	4	1
Страны Восточной Европы	93	6	1
в том числе:			
Болгария	93	5	3
Венгрия	92	6	2
Латвия	95	4	1
Польша	83	16	1
Румыния	95	4	1
Словакия	91	9	0
Словения	90	7	3
Украина	95	4	1
Эстония	94	5	1
Страны Западной Европы	87	12	1
в том числе:			
Австрия	87	10	3
Бельгия	85	13	2
Великобритания	88	10	2
Германия	87	12	1
Дания	90	9	1
Испания	81	17	2
Ирландия	84	14	2
Кипр	81	14	5
Нидерланды	88	11	1
Норвегия	89	10	1
Португалия	84	15	1
Финляндия	86	11	3
Франция	91	8	1
Швейцария	84	14	2
Швеция	90	9	1

Недостаточное развитие частного предпринимательства и семейного бизнеса сказывается и на структуре доходов семей в России в сравнении с другими европейскими странами (табл. 4). Два основных источника – заработная плата и социальные выплаты составляют основной доход для 94% населения в России, и только 4% имеют основной доход от бизнеса, предпринимательства, самозанятости, в том числе в сельском хозяйстве (1%). Доход от бизнеса респонденты в России имеют в 1,7 раза реже, чем в среднем по странам Западной Европы, но также реже, чем во всех странах Восточной Европы, кроме Латвии и Эстонии (табл. 4).

Таблица 4

Структура населения по основному источнику дохода семьи
(% от всех опрошенных, которые дали ответ на этот вопрос)

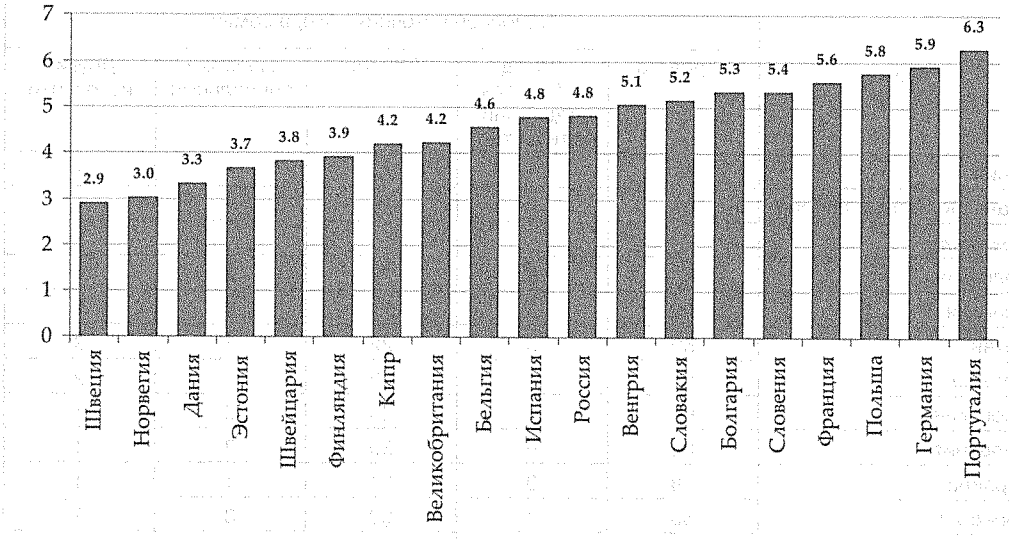
Страна	Основной источник дохода семьи				
	Зарплата	Доход от бизнеса, предприни-мательства*	Пенсии	Пособия социальные	Другие источники
Россия	72	4	22	1	1
Страны Восточной Европы	67	6	25	2	1
в том числе:					
Болгария	62	6	28	2	1
Венгрия	55	6	34	4	1
Латвия	69	3	22	4	3
Польша	55	11	32	1	2
Словакия	69	6	20	5	1
Словения	62	6	30	2	1
Украина	58	9	31	1	1
Румыния	53	9	33	3	3
Эстония	72	2	24	1	1
Страны Западной Европы	62	7	24	5	2
в том числе:					
Австрия	70	10	17	2	1
Бельгия	59	9	25	6	1
Великобритания	63	4	22	8	2
Германия	58	8	26	7	2
Дания	63	7	25	3	2
Ирландия	65	12	15	6	2
Испания	60	16	22	2	0
Кипр	76	4	16	1	2
Нидерланды	64	9	16	9	2
Норвегия	69	6	18	3	4
Португалия	64	3	27	3	3
Финляндия	58	7	28	6	1
Франция	68	4	23	3	2
Швейцария	68	8	21	1	2
Швеция	69	4	21	3	4

* *Примечание*: В категории «доход от бизнеса и предпринимательства» также включен доход от занятия сельским хозяйством.

В это же время разного рода социальные пособия (кроме пенсий) как основной источник дохода семьи респонденты в России отметили в четыре раза реже, чем в западноевропейских странах. Эти данные можно расценить, с одной стороны, как свидетельство весомости социальных пособий на Западе, которые позволяют существовать на них семье и считать их основным

График 1

Уровень обеспокоенности возрастом выхода на пенсию. Средний балл по стране.
(Шкала: 0 — совсем не беспокоюсь, 10 — очень сильно беспокоюсь)

источником дохода, и их недостаточности в России, а с другой — никак не поддерживают идею об иждивенчестве и патернализме населения нашей страны. По крайней мере, государство не дает этим патерналистским устремлениям в полной мере реализоваться для тех слоев, которые нуждаются в социальной защите. Кстати, об этом говорят и данные о пенсиях: их как основной источник дохода назвали в исследовании только 22% опрошенных россиян, в то время как численность пенсионеров в нашей стране составляет около 27%. Можно сделать вывод, что для части пенсионеров более весомы другие источники дохода, в том числе заработная плата и т.д.

То, что пенсионное обеспечение тревожит население России (равно как и население почти всех бывших социалистических стран и части западных стран), хорошо продемонстрировали данные исследования. В опросе предлагалось оценить по 11-балльной шкале уровень беспокойства о возрасте выхода на пенсию (от 0 баллов — «совсем не беспокоюсь» до 10 баллов — «очень сильно беспокоюсь»). На графике 1 представлен средний балл «беспокойства» по каждой из стран, участвовавших в исследовании.

На этом графике видно, что Россия находится примерно посередине со средним баллом 4,82. Характерно, что, кроме Эстонии, все бывшие социалистические страны еще более встревожены этой проблемой. Высокий уровень беспокойства показывают и жители Франции (5,56 баллов), Германии (5,92), а самый высокий уровень беспокойства у жителей Португалии (6,28). В России в СМИ периодически всплывает тема увеличения возраста выхода на пенсию, но в последние годы будущие пенсионеры получали заверения, что в ближайшие годы этого не произойдет, поэтому и средний балл беспокойства по этой проблеме ниже, чем во многих других странах. В то же время проблема материальной обеспеченности довольно сильно беспокоит жителей России. И это беспокойство имеет под собой серьезные основания.

Материальная дифференциация населения

Данные ESS позволяют измерить уровень дохода домохозяйств в абсолютном выражении, но сравнить страны по этому показателю не представляется возможным, поскольку трудно учесть уровень цен в каждой стране, социальные нормы потребления, национальные структуры расходов с учетом социальных трансфертов и другие факторы, влияющие на уровень жизни населения. Корректное сравнение может быть проведено не по абсолютным показателям, а по субъективным оценкам, которые дали респонденты своему доходу (табл. 5).

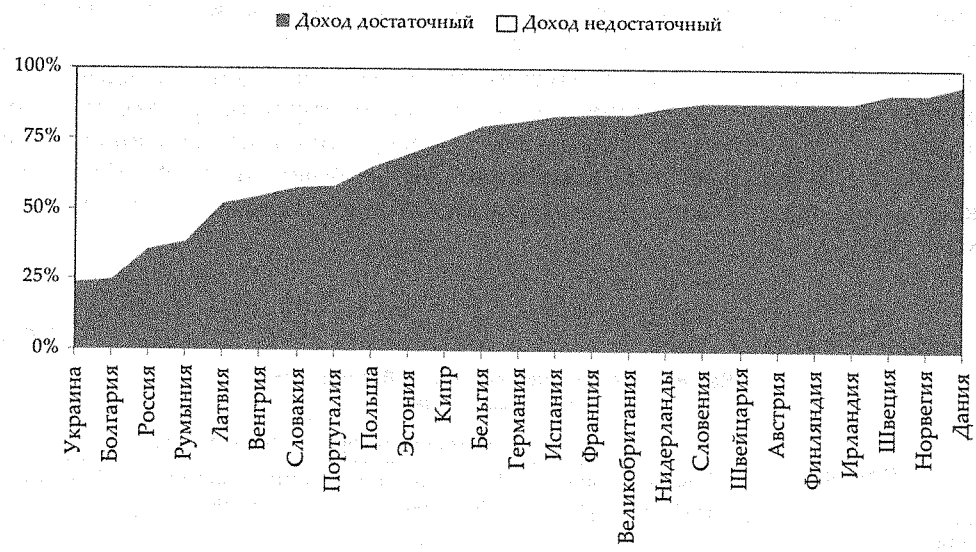
Таблица 5

Как Вы можете оценить доход Вашей семьи?
(валидный процент)

Страна	Характеристика уровня дохода семьи			
	Нет материальных затруднений	Дохода в принципе хватает	Жить довольно трудно	Жить очень трудно
Россия	4	32	39	25
Страны Восточной Европы:				
Болгария	1	24	36	39
Венгрия	6	48	33	13
Латвия	6	46	31	17
Польша	6	59	32	3
Словакия	11	47	30	12
Словения	45	43	10	2
Украина	2	22	45	31
Румыния	8	30	38	24
Эстония	9	60	23	8
Страны Западной Европы:				
Австрия	37	51	8	4
Бельгия	38	42	16	4
Великобритания	41	43	13	3
Германия	23	58	14	5
Дания	68	27	4	1
Ирландия	46	42	10	2
Испания	33	50	14	3
Кипр	22	53	22	3
Нидерланды	46	41	10	3
Норвегия	55	36	7	2
Португалия	7	51	27	15
Финляндия	23	65	10	2
Франция	29	54	15	2
Швейцария	50	38	9	3
Швеция	58	33	7	2

График 2

Доля населения с достаточным и недостаточным доходом для жизни (валидный %)

Обратим внимание на тех респондентов, которые признали, что на их доход жить очень трудно. Таких респондентов в России оказалось 25%, что больше, чем во всех странах Западной Европы и в большинстве стран Восточной. Только в двух странах, участвовавших в исследовании, — в Болгарии (39%) и Украине (31%) респондентов с такой характеристикой дохода больше, чем в России.

На графике 2 представлены оценки дохода населением в двух градациях — дохода достаточно («нет материальных затруднений» и «дохода в принципе хватает») и дохода недостаточно («жить довольно трудно» и «жить очень трудно»). Среди большинства западноевропейских стран больше 80% населения считают, что их доход достаточен, среди бывших социалистических стран такое положение только в Словении (87,7%). Самый широкий слой населения (более 90%), имеющего достаточный доход, — в Дании, Норвегии и Швеции. В этих же странах самая большая часть населения живет вообще без материальных затруднений.

Среди восточноевропейских стран с хорошими оценками уровня жизни («дохода в принципе хватает» и «нет материальных затруднений») лидируют Словения, Эстония и Польша. В России доля населения с таким доходом, по самооценкам, равна 36%. Этот результат близок тем данным, которые были получены в пятой волне (2006 г.) мониторинга ЦИСИ ИФ РАН. В мониторинге три верхних материальных слоя охватили 40% опрошенных, а для 60%, составляющих три нижних слоя, по их самооценкам, не хватает дохода даже для покупки самого необходимого, например одежды. Это, нужно признать, именно тот уровень, когда жить на получаемый доход довольно трудно. Таким образом, субъективные оценки, данные населением своему доходу в двух разных исследованиях, проведенных в один и тот же год, практически совпадают. Они показывают, что материальное расслоение российского обще-

Таблица 6

Самооценка материального положения
(% от числа опрошенных)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	Категория, к которой отнесены респонденты
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	«нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	«бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	29	21	30	21	«необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	«обеспеченные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	«зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	–	6	

ства на две большие группы населения — имеющих достаточный доход для жизни семьи и не имеющих такого дохода — относятся как 40% и 60%.

Но такое положение сложилось только к 2006 г. Об этом свидетельствуют данные ВРМ ЦИСИ за 1994–1998–2002–2006 гг. Ранее это соотношение было значительно хуже. Мониторинг позволяет более детально рассмотреть проблему расслоения российского общества за весь период реформ. На шкале, имеющей шесть уровней и разделяющей массив опрошенных на шесть групп — от условно «нищих» до условно «богатых», население в разные годы наблюдений размещалось следующим образом (табл. 6)[2].

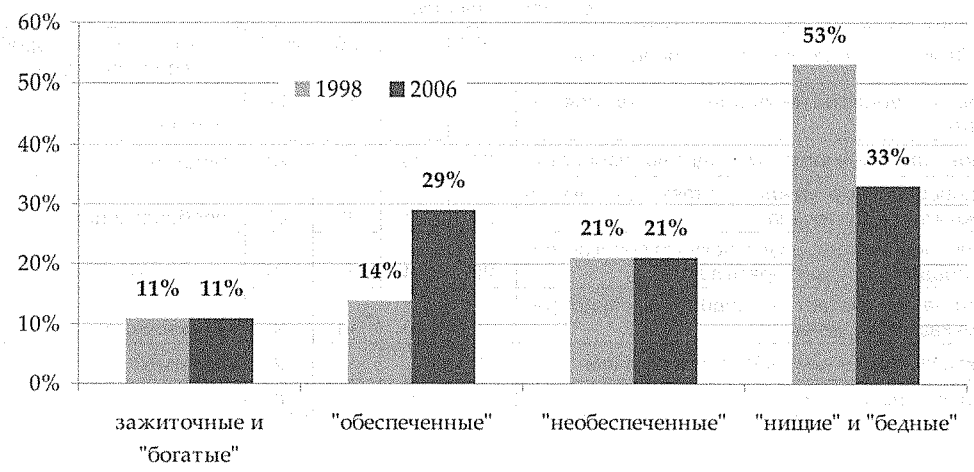
Обращает на себя внимание 1998 г., когда резко выросла группа, отнесенная нами к «нищим» — самому бедному слою: почти четверть населения идентифицировала себя с таким уровнем жизни. Сюда переместились многие представители трех более обеспеченных слоев и произошла своего рода массовизация бедности в самых крайних проявлениях. Особенно интенсивно вымывался 3-й и 4-й слои, небольшая часть этих людей переместилась в слой зажиточных, а основная часть, по самооценкам, понизила свой материальный уровень. К 1998 г. оказались исчерпаны материальные ресурсы, которые были накоплены населением за социалистический период. Кроме того, у людей появилась более трезвая оценка характера перемен, произошла своего рода «расколдованность» от тех обещаний, которые давались реформаторами в первые годы реформ. Одновременно к 1998 г. произошло становление слоя состоятельных граждан — около 11% населения отмечали в российском опросе, что имеют достаточные доходы для безбедной жизни (5-й и 6-й слои). Количественно эти слои сохранялись все последующие годы.

При сравнении 2002 и 2006 г. с ситуацией в 1998 г. отмечается переломом в тенденциях материального расслоения и социального благополучия населения. Теперь уже неубедительно звучит широко распространенное мнение, что основной характеристикой современного общества является расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Процессы дифференциации

[2] В 1990 г. этот вопрос в интервью отсутствовал.

График 3

Материальная дифференциация российского общества. 1998—2006 гг.

в последние годы — более сложные по своей направленности. Наблюдаются две новые положительные тенденции — уменьшение численности бедных и рост доли обеспеченных граждан. В условиях легитимации неравенства и усиления дифференцирующих практик эти положительные тенденции могут быть объяснены только все более глубокой адаптацией к переменам и выходом на авансцену экономики новых поколений. Эти новые поколения прошли социализацию в годы реформ, привержены ценностям достижительности и индивидуализма, для них сформированная в России своеобразная рыночная среда является естественной, а занятость в частном секторе престижной и экономически выгодной.

Те характеристики уровня жизни, которые были заложены в шкале, а также социальное самочувствие представителей имущественных слоев дают основание разделить в настоящее время все население России на четыре материальных слоя (график 3):

— тех, кто по-настоящему беден, — это «нищие» и «бедные» из табл. 6. Этот слой с очень низкими показателями социального самочувствия;

— слой «необеспеченных» занимает промежуточное положение и отличается от первого слоя немного более позитивным социальным самоощущением;

— слой «обеспеченных» — тех, кто уже достиг приемлемого уровня жизни, численно в последние годы очень быстро растет;

— самый верхний слой объединяет наиболее успешных («зажиточные» и «богатые») и количественно практически не меняется с 1998 г., когда он был сформирован. Первая группа включала в 2006 г. 33% населения, вторая — 21%, третья — 29%, четвертая — 11%[3].

Как можно видеть, в 2006 г. по сравнению с 1998 г. значительно сокра-

[3] 6% не ответили на вопрос о своем материальном положении. Посмотрев социальные характеристики этих людей, мы увидели, что они в основном могут претендовать на включение в группу «обеспеченных».

тилась крайняя бедность (слой «нищих» и «бедных»), но количественно это самый значительный слой населения (33%). Здесь сосредоточиваются слабые социальные группы, которые не могут из-за отсутствия социальных ресурсов преодолеть бедность, и им требуется специальная социальная помощь и защита.

По данным ВРМ ЦИСИ 2006 г., два слоя – богатые и обеспеченные составляют 40% населения. Но для остальных 55–60% борьба с бедностью и необеспеченностью продолжает оставаться главной жизненной проблемой, поскольку они не могут качественно изменить свое материальное положение. В составе бедных и необеспеченных около 60% не работают по разным причинам, а получаемая социальная помощь (пенсия, пособие) обрекает их на бедность (в их числе только 8% безработных). Другая часть – около 40% работает на таких местах, где заработная плата предельно низкая. Главная причина существования такой большой группы бедных и необеспеченных заключается в низкой оплате труда в России, а также в безнравственно низком и социально опасном размере пенсий и пособий.

В 1998–2008 гг. практически постоянен размер слоя «необеспеченных» (20–21%), который образует буферную зону между нижним и верхними материальными слоями. Можно предположить, что этот слой принимает в свои ряды бедных из нижнего слоя, поставляя, в свою очередь, своих представителей в более высокие имущественные слои. Несмотря на недостаточность материальных ресурсов, этот слой отличается от бедного слоя тем, что позитивные оценки, данные ими своей жизни, количественно превышают негативные. Кроме того, его представители препринимают более активные действия для повышения своего материального уровня: учатся, стремятся лучше работать и т.д. Можно предположить, что эта группа имеет социальные резервы для развития, к тому же она на 18% состоит из молодых людей до 24 лет, еще не утвердившихся в жизни.

Третий материальный слой («обеспеченные») растет в последние восемь лет наиболее динамично (почти на 15%), его представители успешно вписались в предложенные общественные условия, поняли правила «игры» и сейчас вполне освоили свою нишу в экономике России. Сегодня доля этого слоя в населении приближается к 30%.

Наконец, сложился устойчивый, но небольшой (немного более 10% населения) слой «богатых» и «зажиточных людей», которые чувствуют себя комфортно в стране, не опасаются за свое будущее и успешно аккумулируют материальные средства в своих руках. Если воспользоваться коэффициентом фондов, то можно увидеть, что у 10% верхнего имущественного слоя продолжается концентрация доходов. В 2000–2007 гг. коэффициент фондов неуклонно повышался – с 13,9 до 14,8 раза в 2005 г., в 15,3 раза в 2006 г. и, наконец, в 2007 г. он составил 16,8 раза. Коэффициент Джини за этот же период увеличился с 0,397 до 0,422[4].

Концентрация доходов у верхнего имущественного слоя в России самая высокая среди европейских стран. При этом по фактическому конечному потреблению домашних хозяйств Россия опережает только Болгарию, Ру-

[4] Российский статистический ежегодник. 2008. М., 2008. Табл. 6.1.

Таблица 7

Концентрация доходов и потребление домашних хозяйств

	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности, 2005 (Россия=100)	Коэффициент Джини, %%		Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности, 2005 (Россия=100)	Коэффициент Джини, %%
Россия	100	42,2	**Страны Западной Европы:**		
Страны Восточной Европы:			Австрия	296	29,1
Болгария	92	29,2	Бельгия	273	33,0
Венгрия	156	26,9	Великобритания	318	36,0
Латвия	123	37,7	Германия	275	28,3
Польша	130	34,5	Дания	271	24,7
Словакия	140	25,8	Ирландия	266	34,3
Словения	189	28,4	Испания	243	34,7
Украина	59	27,3	Кипр	–	–
Румыния	92	31,0	Нидерланды	285	30,9
Эстония	142	35,8	Норвегия	311	25,8
			Португалия	193	38,5
			Финляндия	246	26,9
			Франция	282	32,7
			Швейцария	291	33,7
			Швеция	276	25,0

Источник: Россия и страны мира — 2008 г. — М., 2008. Табл. 5.1.

мынию и Украину. В табл. 7 представлены эти данные по 24 европейским странам, участвовавшим в ESS.

Сложившийся высокий уровень концентрации доходов в верхней имущественной страте и низкий уровень конечного потребления домохозяйств в России по сравнению с западными странами и большинством восточноевропейских стран свидетельствует об ограниченных возможностях большинства населения в повышении уровня потребления и является отличительным признаком переходного периода в нашей стране.

В материальной дифференциации общества наблюдаются процессы восходящей мобильности, но они имеют ограниченный характер и локализованы преимущественно в средней и нижней частях имущественной пирамиды. Верхний слой устойчив, закрыт для проникновения, сохраняет значительную социальную дистанцию со всеми другими имущественными слоями и концентрирует в своих руках все большую долю материальных ресурсов. Положительным итогом реформирования является рост слоя «обеспеченных», где также сосредоточены высокоресурсные социальные группы. Но, насколько можно судить по данным государственной статистики, слой «обеспеченных» по доходам далеко отстоит от слоя богатых. Если

сравнить две верхние 20-процентные группы, то оказывается, что объем доходов, получаемых самыми богатыми, в 2 с лишним раза больше, чем у следующей доходной группы. Такого разрыва нет ни у каких других рядом стоящих групп (1,8 раза разрыв в доходах 1-й и 2-й группы, 1,5 раза – между 2-й и 3-й и 3-й и 4-й группами).

Материальное неравенство отражает только один, хотя и очень важный срез социального неравенства в обществе. При комплексном подходе к социальному неравенству учитываются и другие критерии, которые определяют положение индивидов на разных ступенях социальной иерархии. Вследствие этого образуются социальные слои с неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей, которые определяются не только материальными возможностями семьи. При этом, как правило, представители одного слоя имеют близкие компоненты сознания. Данные эмпирических исследований позволяют представить социальную структуру и стратификацию общества в соответствии с разными теоретическими моделями. Этому будет посвящен соответствующий подраздел главы, но сначала рассмотрим, как отличается Россия от других стран Европы по профессиональному и образовательному составу населения.

Профессиональная структура занятого населения

Социально-экономическое неравенство имеет несколько срезов, по которым возможно провести измерения. Обратимся к профессиональной структуре занятых в России и других странах Европы. Как показывают отечественные исследования, за последние 15–20 лет в России произошли такие изменения, которые говорят о деквалификации значительной части населения[5].

Какова же картина в межстрановом сравнении? Мы будем использовать здесь базу данных ESS. Речь идет прежде всего о группах, обладающих разным объемом культурного, социального и физического капитала. Операционализируются эти ресурсы в данном случае в понятиях профессий, занятий. В табл. 8 представлены группы по европейской классификации профессий – ISCO88.

Большинство восточноевропейских стран и часть западных стран, представленных в табл. 8, находятся на этапе преобразования профессиональной структуры занятости. Эта структура одновременно зависит от развитости социальных институтов: государства, системы образования, сферы услуг и т.д.

Структура занятых по профессиям в России отражает противоречивые тенденции: доля профессионалов высокой и средней квалификации интел-

[5] Массовым проявлением этих процессов является деквалификация части рабочих, которые в результате реформ покинули промышленные предприятия. По оценкам, за 1992–2001 гг. численность рабочих сократилась более чем на 6 млн человек. (См.: Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 115–116.) Столь массовый характер «расставания» с индустриальной сферой приводил к неминуемой деквалификации части бывших рабочих и их превращению в маргиналов.

5 – 2266

Таблица 8

Социально-профессиональные группы в странах Европы по классификации ISCO88

Страна	Руководители, менеджеры	Профессионалы высокой квалификации	Профессионалы средней квалификации (техники)	Конторские работники (клерки)	Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве	Рабочие в сфере услуг	Рабочие средней квалификации на мелких производствах	Рабочие высокой квалификации в индустр. секторе	Рабочие неквалифицированные
Россия	5	15	15	7	3	11	19	13	12
Страны Восточной Европы	6	13	14	7	5	12	18	13	18
Болгария	8	11	12	5	7	15	20	9	13
Венгрия	2	12	7	14	1	15	15	10	24
Латвия	5	11	13	7	3	21	15	11	14
Польша	10	6	10	6	10	13	16	12	16
Румыния	5	10	17	5	7	11	24	8	13
Словакия	8	13	13	7	2	12	18	12	15
Словения	8	14	14	12	1	13	19	10	9
Украина	9	14	15	6	1	13	15	11	15
Эстония	11	15	12	5	1	12	18	13	13
Россия	5	15	15	7	3	11	19	13	12
Страны Западной Европы	8	12	17	13	3	15	13	7	14
Австрия	6	12	17	18	3	21	11	4	8
Бельгия	10	17	20	11	2	13	2	8	10
Великобритания	14	12	11	14	1	18	9	7	13
Германия	5	14	22	13	3	13	16	7	8
Дания	14	17	19	8	2	12	11	6	10
Ирландия	13	17	11	14	4	19	8	8	8
Испания	7	7	9	13	5	18	17	8	17
Кипр	0	12	12	17	3	22	19	5	11
Нидерланды	15	10	16	13	2	12	8	5	9
Норвегия	6	12	24	8	4	22	12	8	5
Португалия	3	6	6	11	6	19	23	10	12
Финляндия	9	16	15	7	7	16	12	8	10
Франция	9	14	22	13	2	12	9	6	12
Швейцария	6	12	25	13	4	13	19	4	12
Швеция	7	18	19	10	2	20	8	10	6

лектуального труда (первые три колонки) составляет 35%, в этом Россия опережает все бывшие социалистические страны и некоторые западные страны – Кипр, Испанию, Португалию, но значительно отстает от большинства развитых западноевропейских стран (кроме Великобритании). В то же время индустриальные квалифицированные рабочие в России, в отличие от стран западной Европы, составляют значительную часть населения, как и рабочие низкой квалификации. В совокупности они составляют почти 32%, что в 2–3 раза больше, чем в развитых странах Запада. Это наглядная характеристика того этапа развития, а именно, индустриального, на котором находится наша страна. Соответственно, меньше в России и занятость в сфере обслуживания, длительное время не развивавшейся в стране. Эта сфера также относится к постиндустриальному сектору экономики, и она еще недостаточно развита в России.

Можно прогнозировать, что для перехода к постиндустриальному развитию Россия должна будет решать серьезную проблему изменения профессиональной структуры населения. Между тем эта структура развивается довольно инертно, к тому же в последние годы усиливаются тенденции ее межпоколенного воспроизводства в России, в том числе и посредством системы образования. Система образования плохо выполняет свои функции в восходящей социальной мобильности нижних социальных слоев. При накопленном формальном культурном капитале (высокая доля специалистов с высшим и средним специальным образованием) России, если она намерена осуществить модернизацию своей экономики и придать ей современные постиндустриальные черты, предстоит так преобразовать профессиональную структуру населения, чтобы решалась задача замещения физического труда преимущественно интеллектуальным и осуществлялся переход к высокотехнологичной и информационной экономике, и, следовательно, формировалась социальная структура общества с большой долей среднего класса.

Уровень образования населения России в сравнении с Европой

Исторически сложившаяся структура образования в Советском Союзе, а затем унаследованная Россией, была обусловлена ставившимися задачами индустриализации страны, модернизации экономики и научно-технического развития. Уровень образования российского населения довольно высокий и по показателю «среднее число лет обучения» Россия превышает большинство стран Восточной Европы (табл. 9).

Но по сравнению с некоторыми развитыми странами Западной Европы – Швейцарией, Германией, Данией, Великобританией, Норвегией, мы отстаем в среднем более чем на один год обучения. Другие западные страны имеют приблизительно такой же уровень образования, как и Россия, или превышают его незначительно, за исключением Португалии.

Среди принявших участие в исследовании европейских стран самый высокий уровень образования населения (по среднему числу лет обучения) зафиксирован в Великобритании – 13,5 года. Самый низкий уровень показала Португалия – 7,4 года. В двух бывших социалистических странах – в Словакии и Эстонии – уровень образования близок к развитым странам Запада и превышает уровень России.

Таблица 9

Уровень образования населения европейских стран
(данные ESS 2006 г., валидный %)

Страна	Среднее число лет обучения	Стандартное отклонение
Россия	12,08	3,143
Страны Восточной Европы:		
Болгария	11,21	3,355
Венгрия	11,90	3,712
Латвия	11,69	3,595
Польша	11,38	3,265
Румыния	10,68	3,991
Словакия	12,45	3,271
Словения	11,62	3,648
Украина	11,50	3,665
Эстония	12,25	3,167
Страны Западной Европы:		
Австрия	12,53	3,063
Бельгия	12,10	3,682
Великобритания	13,50	3,916
Германия	13,17	3,470
Дания	13,17	5,126
Ирландия	12,72	3,536
Испания	11,56	5,362
Кипр	11,57	3,654
Нидерланды	13,16	4,567
Норвегия	13,36	3,803
Португалия	7,40	4,818
Финляндия	12,41	4,249
Франция	12,55	3,956
Швейцария	13,22	3,652
Швеция	12,58	3,636

Основываясь на сравнении данных по России и другим европейским странам, можно сказать, что население России довольно неплохо образовано, если говорить о длительности обучения. Другое дело – качество образования, его профессиональная направленность и то, насколько обучение соответствует задачам ускоренного развития современных технологий и инноваций в экономике и социальной сфере.

В России очень большая часть населения – 36,5%, не имеет никакой профессиональной подготовки. Это в основном старшие возрастные группы, но в последние годы растет и вес в этой группе молодежи. Отметим, что по сравнению с Украиной доля не имеющих профессионального образования, в России на 15% выше.

Сегодня техническое и инженерное образование – наиболее распространено среди населения России (табл. 10). Почти каждый четвертый житель страны имеет именно такую подготовку. Ни в одной стране мира кроме Гер-

Таблица 10

Основные группы населения по профессиональной подготовке *(валидный %)*

Страна	Общее образование, без профессиональной подготовки	Техническое или инженерное образование	Экономическое	Естественные науки, математика, физика	Медицинское
Россия	37	23	8	2	4
Страны Восточной Европы	36	23	9	2	4
в том числе:					
Болгария	48	17	10	1	4
Эстония	39	21	9	2	4
Венгрия	14	19	20	2	6
Польша	42	21	11	2	3
Словения	14	28	24	5	6
Словакия	10	34	14	2	5
Страны Западной Европы	28	19	12	6	7
в том числе:					
Бельгия	28	19	12	4	7
Швейцария	19	17	12	4	11
Кипр	59	5	18	2	3
Германия	16	27	15	3	7
Дания	20	18	17	4	11
Испания	59	7	8	5	4
Финляндия	32	20	13	2	10
Франция	30	19	12	7	7
Великобритания	16	17	11	12	10
Норвегия	22	21	13	4	12
Португалия	70	3	6	4	2
Швеция	19	20	13	6	13

мании доля такого населения так не велика. В группе восточно-европейских стран низкой долей технических специалистов отличается Латвия (13%), а в Германии и Норвегии одни из самых значительных групп в населении инженеры и техники — 26,8% и 21,2% соответственно. Распространенность технического образования в России — прямое следствие упора на индустриализацию страны в первые десятилетия Советского государства и военно-технического соревнования с Западом после Второй мировой войны. В последние два десятилетия произошла девальвация этой подготовки, упал спрос на таких специалистов и выросла их профессиональная мобильность в другие отрасли хозяйства.

В то же время Россия слишком сильно отстает от Европы по доле специалистов, получивших образование в области естественных и точных наук: по математике, вычислительной технике, физике, биологии и т.д. Их доля в населении России в 3,4 раза ниже, чем в западных странах, особенно сильно

отставание от Франции и Великобритании. Здесь, очевидно, сказывается недооценка подготовки кадров для фундаментальных наук в последние годы, плохое финансирование науки и слабый приток молодежи в эту отрасль, а также влияние процессов эмиграции научной интеллигенции в последние два десятилетия. Неудивительно, что процесс развития высокотехнологичных производств идет в стране очень медленно.

Другая составляющая модернизации – развитие рыночных механизмов и структур – обеспечивается специалистами в области экономики и управления. Россия пока отстает от развитых стран Европы по доле специалистов с такой подготовкой в населении в 1,45 раза, но, учитывая бурное развитие этого направления в образовании, это отставание постепенно преодолевается. По данным статистики, в 2004 г. среди выпускников государственных и муниципальных высших и средних учебных заведений специальность по экономике и управлению получили 30%, а среди выпускников негосударственных учебных заведений – 50%[6]. Здесь мы не обсуждаем проблему качества подготовки этих специалистов, а просто констатируем их количественный рост, вызванный потребностями хозяйственного развития. Впрочем, сегодня речь идет уже о перепроизводстве таких специалистов, но этот вопрос не так уж и прост. Эти специалисты нужны в больших количествах при развитии рыночной инфраструктуры и новых частных предприятий, если же эта сфера экономики не расширяется, то и необходимость в росте числа соответствующих специалистов невелика.

Обращает на себя внимание низкая доля в занятом населении России лиц с медицинской подготовкой по сравнению с развитыми странами Запада. Это еще одно свидетельство отставания России от других стран в развитии сектора услуг.

Подводя итог, можно отметить, что по структуре занятого населения и по уровню образования Россия занимает свое место в ряду других европейских стран экономического развития страны, сложившимся в предыдущие социалистические периоды, когда осуществлялась ориентация на приоритет промышленности и недооценивалась сфера социальных услуг населению. Профессиональная подготовка занятого населения соответствует индустриальному этапу развития и потребуются неординарные усилия для того, чтобы изменить структуру экономики страны, особенно если учесть большую инерционность экономических и структурных процессов. Население России имеет значительный культурный капитал для превращения страны в современное, постиндустриальное общество. Но это может осуществиться при условии, во-первых, модернизации экономики, и, во-вторых, если система образования будет более успешно решать задачи подготовки специалистов для высокотехнологичных отраслей и сектора услуг и обеспечивать восходящую социальную мобильность для лиц из нижних социальных слоев.

---

[6] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. – С. 384, 386, 388.

Социально-классовая структура европейских обществ по версии Дж. Голдторпа

Ниже рассматривается социально-классовая структура европейских обществ в соответствии с социологической традицией, базирующейся на теоретических положениях Дж. Голдторпа. Он утверждает, что классовые позиции определяются статусом занятости. Кроме того, характер занятости и тип заключенных контрактов дают представление об объеме власти и автономии в работе, которым располагает данный социальный класс. Дж. Голдторп выделяет три основные классовые позиции: наниматели, самозанятые, наемные работники. Внутри этих классовых позиций выделяются группы, обладающие разным объемом власти и автономии в работе. Развивая свою теорию, Голдторп выделил в составе наемных работников тех, кто работает на основе трудового контракта, и тех, кто вступает с работодателем в служебные отношения, имея возможность получать за свой труд не только заработную плату, но и бонусы, гарантии занятости и т.д. Дальнейшее дополнение теории социальных классов Голдторпа идет в направлении теории контрактов — их дифференциации в зависимости от статуса занятости наемных работников. Подробное рассмотрение эволюции теории Голдторпа содержится в книге украинских социологов, в которой анализируются материалы второй волны ESS с участием Украины (2004 г.)[7].

Данные ESS дают возможность изучить социально-классовую структуру населения стран Европы, основываясь на схеме класса, совместно разработанной социологами Дж. Голдторпом, Р. Эриксоном и Л. Портокарреро. Эта схема построена в традициях неовеберианства и позволяет выделить в населении группы, дифференцированные по положению на рынке труда. Главное отличие от профессиональной структуры, о которой мы говорили раньше, — выделение такого критерия как отношение к собственности и выполнение управленческих функций разного уровня. Эта схема получила широкую популярность, и за ней утвердилось название EGP-схема[8]. Она позволяет проводить типологию профессий, объединяя профессии в социальные классы по отмеченным выше основаниям.

В табл. 11 представлены основные 11 социальных классов, соответствующих EGP-схеме[9]. Эта схема на русском языке опубликована в работе украинских коллег[10], но замечу, что два верхних класса не совсем корректно названы ими «служебные классы». По сути, это «верхние» классы, если учитывать иерархичность в построении этой схемы.

В схеме EGP выделены те, кто владеет средствами производства — с на-

---

[7] *Симанчук Елена.* Классовые структуры в сравнительной перспективе // Украинское общество в Европейском пространстве / Под ред. Евгения Головахи и Сергея Макеева. — Киев, 2007. — С. 33–48.

[8] Название схемы образуется по начальным буквам фамилий ее создателей — Erikson R., Goldthorp J., Portocarero L.

[9] Замечу, что два верхних класса не совсем корректно называть «служебные». По сути, это «верхние» классы, как и названы они в этой таблице в отличие от термина, который используют другие исследователи.

[10] См.: *Симанчук Елена.* Указ. соч. — С. 46.

Таблица 11

Классовая схема EGP

	Социальные классы
I	Профессионалы, руководители, чиновники высокого уровня, управленцы крупных промышленных предприятий, крупные собственники. Высший класс 1
II	Профессионалы, руководители, чиновники более низкого уровня, технический персонал высокой квалификации, управленцы небольших промышленных предприятий, менеджеры в сфере нефизического труда. Высший класс 2
IIIa	Работники нефизического труда (рутинный, нефизический труд, высокий уровень — в сфере администрирования и коммерции). Промежуточный класс
IIIb	Работники нефизического труда нижнего уровня (в сфере торговли и услуг). Промежуточный класс. В теоретической модели контракта Голдторпа относится к рабочему классу
IVa	Самозанятые с наемными работниками (мелкие собственники, ремесленники и т.д. с наемными работниками). Промежуточный класс
IVb	Самозанятые без наемных работников (мелкие собственники, ремесленники и т.д. без наемных работников). Промежуточный класс
IVc	Самозанятые в сельском хозяйстве (фермеры, крестьяне, другие производители в мелком частном производстве). Промежуточный класс. В некоторых схемах объединяется с рабочими в сельском хозяйстве
V	Техники и управленцы низового звена (техники низового уровня, управленцы в сфере ручного труда). Нижний слой промежуточного класса. В теоретической модели контракта Голдторпа относится к рабочему классу
VI	Квалифицированные работники физического труда. Рабочий класс
VIIa	Неквалифицированные рабочие, занятые не в сельском хозяйстве. Рабочий класс
VIIb	Рабочие, занятые в сельском хозяйстве. Рабочий класс. В некоторых схемах объединяется с фермерами из IV

емными или без наемных работников. Крупные собственники, численность которых очень мала, отнесены в этой схеме к верхнему слою управленцев и экспертов, поскольку реально практически все крупные собственники выполняют управленческие функции.

Наемные работники дифференцируются по профессиональным позициям, которые определяются трудовыми функциями, квалификацией, сектором занятости и дают основание для ранжирования социального статуса. На основе этой схемы разработано несколько электронных программ-версий анализа классов в Европе, среди которых к современному этапу развития России ближе всего так называемая «Trento version», поскольку она наиболее точно и подробно описывает состояние классовых позиций в нашей стране и позволяет сравнивать Россию и другие страны Европы по значимым социальным различиям[11]. В табл. 12 представлена классовая структура населения европейских стран по схеме EGP. Страны расположены по двум группам — бывшие страны социалистического лагеря, условно названные странами Восточной Европы, и остальные страны, названные странами Западной Европы. Социальные классы расположены слева

[11] В данной статье используется разработанная специально для ESS так называемая «Trento version». См.: Leiulfsrud H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe // Social Survey 2002/3. NTNU Samfunnsforskning / NTNU Social Research Ltd., 2005. ISBN 82-7570-161-9.

Таблица 12

Социальные классы в европейских странах по EGP-схеме. 2006 г.
(валидный %)

Страны Европы	Высший класс		Промежуточный класс						Рабочий класс		
	I Служ. класс 1	II Служ. класс 2	III a	III b	IV a	IV b	IV c	V	VI	VII a	VIIb
Россия	9	13	11	6	2	0,2	0,1	3	17	19	5
Страны Восточной Европы:											
Болгария	9	11	7	9	1	2	1	2	19	15	7
Венгрия	4	12	8	15	1	2	1	2	14	26	5
Латвия	8	15	11	14	1	1	1	16	26	7	1
Польша	7	11	8	8	2	2	8	4	14	20	3
Румыния	10	16	8	8	2	0,4	3	22	20	10	0,2
Словакия	9	14	9	8	1	1	0	2	17	18	5
Словения	10	15	10	8	3	1	1	6	15	13	1
Украина	9	12	11	7	2	1	0	2	16	18	13
Эстония	13	16	7	8	1	0,4	0,3	4	19	20	3
Страны Западной Европы:											
Австрия	6	19	13	20	2	3	2	3	10	10	1
Бельгия	11	22	9	10	2	3	2	3	9	15	1
Великобритания	13	16	12	19	2	1	1	4	11	15	1
Германия	9	18	16	10	2	2	1	5	13	12	2
Дания	16	20	14	12	1	1	2	4	9	14	2
Ирландия	11	19	7	18	3	3	3	3	8	12	1
Испания	5	8	7	15	4	3	4	3	14	21	3
Кипр	5	12	10	15	4	3	1	5	14	14	2
Нидерланды	14	27	13	12	2	2	2	3	8	11	1
Норвегия	9	21	15	18	2	1	2	6	11	9	1
Португалия	3	7	8	12	2	3	2	3	19	20	5
Финляндия	12	19	8	14	2	2	5	2	13	17	2
Франция	8	22	13	13	2	2	2	4	9	14	2
Швейцария	10	22	16	13	2	2	4	4	10	12	1
Швеция	11	24	10	19	2	1	1	3	10	12	1

направо по степени убывания ресурсов (социальных, культурных и властных).

Представленные в табл. 12 социальные классы, с одной стороны, объединены в большие классовые группы – высший класс, промежуточный класс, рабочий класс, но, с другой стороны, именно внутри этих больших классов существует такая социальная градация, которая дает представление о структуре общества по целому комплексу социальных различий. Классификация профессий в соответствии с этим подходом позволяет выстраивать ранги по уровням обладания ресурсами, которые и определяют место в социальной

структуре, а также статус и престиж профессиональных групп в обществе. Социальный класс, выделяемый на основе профессиональных занятий и выполнения функций в трудовом процессе, фиксирует неравные возможности в использовании ресурсов власти, культурного и социального капиталов. Он во многом определяет особенности социализации, получения образования, потребительское поведение и т.д. И не только респондента, имеющего определенное профессиональное занятие, но и его семьи. Таким образом, принадлежность к социальному классу фиксирует систематическое неравенство в ресурсах и в возможностях их расширения.

Применение классовой схемы EGP для анализа данных 2006 г. потребовало изменения «синтаксиса», разработанного для данных 2002 г., в связи с тем, что необходимо было создать новую переменную @egp10 со сжатием шкалы по вопросу «orgwrk».

Используя данные табл. 12, можно укрупненно представить социальную структуру населения европейских стран, сгруппировав социальные классы в 4 классовые позиции. При этом удается уйти от довольно неопределенного термина и слишком разнородного образования, каким является «промежуточный класс», выявив внутри него социально разнородные классовые группы.

Итак, предлагается следующая интерпретация социальной структуры европейских стран на основе социальных классов, выделенных в соответствии с «Трендо-версией» для 2006 г.:

1) **белые воротнички**: верхний (I) и нижний (II) слои управленцев и экспертов;

2) **серые воротнички**: работники нефизического труда в управлении и коммерции (IIIa, IIIb);

3) **мелкая буржуазия**, включающая собственников, занятых в сельском хозяйстве (IVa, IVb, IVc);

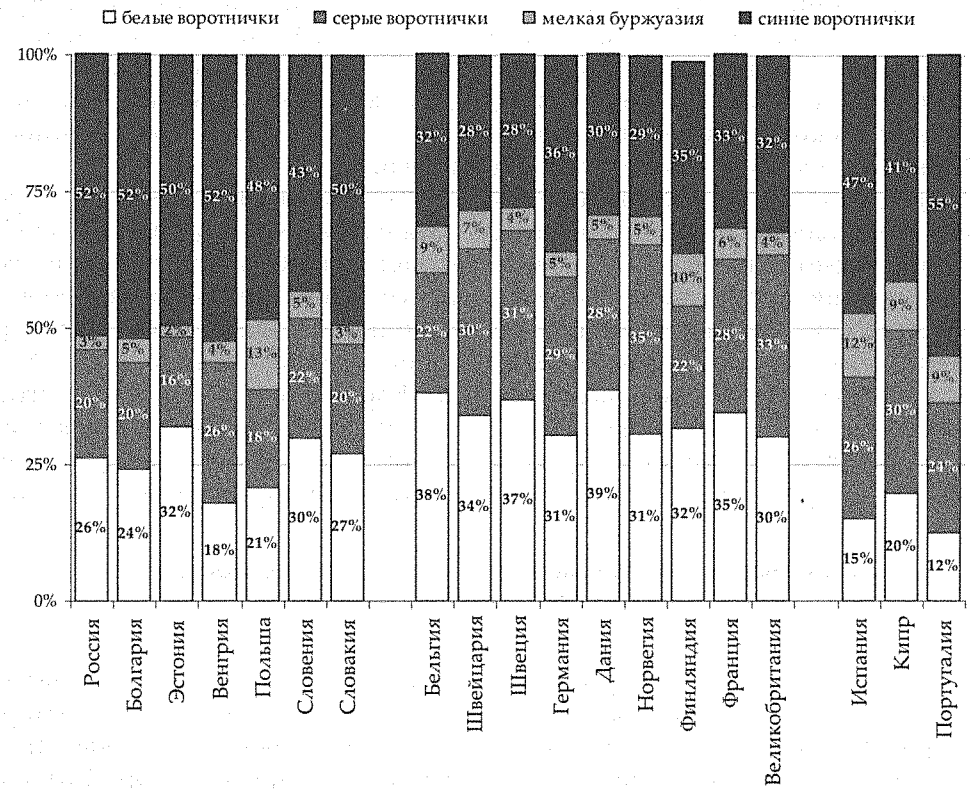
4) **синие воротнички,** или рабочий класс (V – техники и управленцы низового звена, VI – квалифицированные и VIIa – неквалифицированные рабочие не в сельском хозяйстве, VIIb – рабочие в сельском хозяйстве).

На графике 4 представлены эти четыре классовые группы, при этом страны объединены по близости социально-классового состава населения и принятому нами разделению на восточноевропейские и западные.

Россия входит в группу бывших социалистических стран, где в классовой структуре преобладает рабочий класс, или «синие воротнички». Они составляют примерно 50% занятого населения этих стран. «Белые воротнички» составляют в этих странах в среднем четверть населения, при максимуме в Эстонии – 32%. Самая низкая доля белых воротничков в Венгрии (18%) и Польше (21%). Доля мелких собственников весьма незначительна во всех странах, кроме Польши, где их около 13%, и при этом большинство из них в традициях этой страны заняты в сельском хозяйстве. В России доля мелких собственников и самозанятых одна из самых низких – только 2,5%. «Серые воротнички» составляют довольно внушительную часть российского населения – примерно 20%. И это свидетельство постепенного развития в нашем обществе третичного сектора – сектора услуг, в который переместились в период кризиса работники других отраслей.

График 4

Классовые группы в разных странах Европы

Сравнение социально-классовой структуры бывших социалистических стран с наиболее развитыми западными странами показывает значительные отличия. Во-первых, «белые воротнички» составляют в населении развитых западных стран от 30% в Великобритании до 39% в Дании. Во-вторых, в этих странах низкая доля рабочего класса — «синих воротничков», их примерно на 20% меньше, чем в восточноевропейских странах (максимум в Германии — 36%, минимум в Швеции — 28%). Заметно больше в этих странах работников нефизического труда в сфере обслуживания и мелкой буржуазии (самозанятых, имеющих и не имеющих наемных работников).

Насколько можно судить по социальной структуре занятых, группа развитых стран Западной Европы наиболее продвинулась от модели индустриального общества к постиндустриальному. В этой модели социально-классовые позиции занятых смещены в сторону экономики услуг, повышенной роли работников науки и образования, расширения влияния на экономическое развитие квалифицированных профессиональных менеджеров и специалистов. Соответственно этому в развитых западных странах обеспечивается высокий уровень ВВП на душу населения, сформировано относительно высокое качество жизни, обеспеченное разного рода услугами, которые стали доступны большинству населения.

Третья группа стран — это страны западного мира, отстающие в своем развитии от основной группы. Это страны юга Европы: Испания, Кипр, Португалия. Социально-классовая структура этих стран отличается и от стран Восточной Европы, и от западных развитых стран. У них высокая доля рабочего класса, как в бывших социалистических странах, низкая доля «белых воротничков» (особенно в Португалии) — даже значительно ниже, чем в восточноевропейских странах, но относительно много мелких собственников и работников нефизического труда обслуживания.

Возвращаясь к России, можно отметить, что социально-классовая структура России в основном соответствует индустриальному этапу развития экономики и наследует многие черты советского периода. Слабым местом во все годы реформ является слабое развитие малого бизнеса, что сказывается на низкой доле самозанятых и мелких собственников в социальной структуре населения. Вместе с тем страна имеет хорошие перспективы перехода в группу развитых постиндустриальных стран Европы в случае роста сектора интеллектуального труда и сферы услуг. Предпосылки для этого имеются в еще не до конца обесцененном образовательном и культурном потенциале населения и в сохраняющихся возможностях системы образования в России.

Социальная стратификация российского общества: подходы в отечественной социологии

Социальная стратификация российского общества стала предметом анализа отечественных социологов сравнительно недавно. В социальной стратификации фиксируется неравенство, которое не тождественно материальному расслоению. Это форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные слои находятся на разных ступенях социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. А они определяются не только материальными возможностями семьи, но и другими ресурсами самого человека и его ближайшего окружения. При этом, как правило, представители одной страты имеют близкие компоненты сознания.

Изучение проблем социального неравенства и конфигурации общества в соответствии с критериями неравенства в современной России осуществляется сегодня довольно активно. Однако чувствуется определенный дефицит в эмпирическом изучении российского общества как целого, что можно объяснить прежде всего отсутствием надежной эмпирической базы, репрезентирующей все население. Хотя в последние годы некоторый прогресс здесь наметился, были проведены исследования стратификации на представительных данных массовых опросов, репрезентативных населению России. Но при этом в исследованиях используются разные подходы, что затрудняет сопоставление результатов. Тем не менее все добросовестно проведенные исследования заслуживают внимательного изучения, поскольку они отражают сложность такого объекта, как российское общество, его многомерность и переходный характер. Отметим несколько публикаций (кажется, список этими работами и будет исчерпан), посвященных эмпирическому изучению

Таблица 13

Социальная стратификация населения России
(версия О.И. Шкаратана)

Социальные слои	Данные 1994 г.	Данные 2002 г.	Данные 2006 г.
1. Предприниматели	3	4	4
2. Управляющие высшего звена и чиновники	1	1	1
3. Управляющие среднего звена	1	2	2
4. Руководители низового уровня (супервайзеры)	8	7	8
5. Высококвалифицированные профессионалы	8	4	4
6. Профессионалы с высшим образованием	19	14	13
7. Работники со средним специальным образованием	19	14	12
8. Работники нефизического труда (в торговле, обслуживании)	4	11	10
9. Высококвалифицированные рабочие*	*	1	1
9. Квалифицированные рабочие*	25	25	30
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	13	15	13
12. Работники квалифицированного труда в сельском* хозяйстве	*	1	1
13. Работники малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве*	*	1	2
14. Самозанятые	—	1	1

социальной стратификации российского общества как целого[12]. Каждое из рассмотренных ниже исследований отличает свой методологический и методический подход.

О.И. Шкаратан рассматривает социальное неравенство как обладание разных групп населения определенными реальными ресурсами (благами). В эмпирическом анализе социально-экономической стратификации он исходит из профессиональной позиции работающих респондентов, уровня образования, отношений собственности и власти. И в этом отношении есть определенная перекличка с исследованиями по версии Дж. Голдторпа. Но, применяемые западными социологами критерии, по мнению О.И. Шкаратана, следует уточнять в контексте специфики отношений собственности и власти, рынка труда и занятости. Он считает, что проведенное под его руководством исследование выявило сословно-слоевой характер российского общества. В последних публикациях по данным опросов 1994, 2002 и 2006 гг. им были выделены 14 социальных слоев занятого населения России (табл. 13).

Как показывают данные табл. 14, социально-профессиональная структура российского общества в рассматриваемые годы относительно устойчива, исключение составляют только группы неквалифицированного физического и нефизического труда, которые численно выросли, и группы профессионалов с высоким уровнем образованием, которые численно сократились. Такие социальные сдвиги связаны с общей деквалификацией рабочей силы

[12] В современной отечественной социологии существует много работ, посвященных отдельным социальным группам и слоям в современной России, но целостного анализа на основе репрезентативных данных, увы, немного.

в России в годы трансформаций[13]. Выделенные социальные слои позволяют анализировать социальные различия по целому ряду показателей уровня жизни – доходу, имуществу, проведению досуга, а также самоидентификации с социальными классами и слоями.

В недавно вышедшей книге Н.Е. Тихоновой представлены результаты анализа стратификации российского общества в парадигме ресурсного подхода, который рассматривается автором как наиболее эффективный в современных условиях[14]. Для группировки данных о ресурсах, которыми обладают респонденты, использован кластерный анализ. Выделены 10 социальных слоев по обеспеченности экономическими, властными, квалификационными, социальными и культурными ресурсами, которые затем группируются автором в три класса: класс исполнителей, класс капиталистов и средний класс. При этом класс исполнителей состоит из двух иерархически расположенных слоев, как и класс капиталистов, включающий два слоя с разным уровнем обеспеченности ресурсами. Средний класс располагается между верхним и нижним слоем капиталистов (табл. 14).

На основе анализа структуры ресурсообеспеченности выделенных социальных слоев Н.Е. Тихонова делает довольно жесткий, но справедливый вывод, что различные виды капитала концентрируются, хотя и в разных комбинациях, в основном у одних и тех же людей. У них сосредоточены все значимые виды ресурсов, которые конвертируются в традиционный экономический капитал, что дает возможность занимать этому слою господствующее положение в обществе.

Специалисты журнала «Эксперт» провели свое исследование социальной стратификации российского общества, также используя кластерный анализ по показателям образования, личного месячного дохода и социального статуса. Два последних показателя определялись методом субъективного самоотнесения респондента, что для оценки дохода вполне оправданно, но при самооценке социального статуса можно ожидать значительных искажений действительного положения дел[15]. В табл. 15 представлена социальная стратификация по версии журнала, включающая 12 страт.

В отличие от двух предыдущих исследований авторы третьего не дают какой-то общей характеристики сложившейся в России социальной стратификации, предпочитая довольно подробно характеризовать отдельные слои, делая основной упор на адаптацию к рынку, принятие либеральных

---

[13] Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 130.

[14] *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 292.

[15] Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества // Эксперт. – 2006. – С. 513. В этом исследовании наибольшее недоумение вызывает просьба к работающим респондентам самим определить свой статус, т.е. респондент должен был сказать, что он, например, не слесарь или плотник, а работник физического труда какого-то уровня квалификации (п. 16 Интервью, с. 522 книги). Определенно здесь имелся простор для завышения или занижения статуса респондентом и как следствие искажение данных, по крайней мере внутри больших групп занятых: менеджеров, работников умственного труда, работников физического труда.

Таблица 14

Социальная стратификация населения России
(версия Н.Е. Тихоновой)

Социальные слои	Данные 2003 г.
Капиталисты-I	10
Средний класс	23
Капиталисты— II	9
Исполнители-I	42
Исполнители-II	16
Итого	100%

Таблица 15

Социальная стратификация населения России
(версия журнала «Эксперт»)

Социальные слои	Данные конца 2004 г. – начала 2005 г.
Верхний средний класс, *в том числе:*	9,9
Белые воротнички-1	8
Белые воротнички-2	5,4
Синие воротнички-1	2,7
Средний средний класс, в том числе:	15,5
Голубые воротнички-1	10
Синие воротнички-2	5,5
Верхний низший класс, *в том числе:*	19,1
Голубые воротнички-2	5
Синие воротнички-3	10,8
Учащиеся	3,3
Средний низший класс, *в том числе:*	5,5
Серые воротнички-1	10
Серые воротнички-2	4,8
Неработающие	9,7
Низший класс (пенсионеры)	31
Итого	100%

ценностей и в целом на те характеристики, которые значимы именно для исследователей, поддерживающих в русле идеологии журнала энергичную, активную часть общества, вписавшуюся в рыночную экономику.

Итак, примерно в один и тот же период существования российского общества построены три иерархические системы стратификации, подготовленные по разным основаниям, с использованием разных методов, но основанных на репрезентативных для населения России массивах данных. Даже если абстрагироваться от применяемых в приведенных исследованиях терминов и сравнить хотя бы в огрубленном виде дизайн этих стратификаций, то можно видеть их рассогласованность. В чем они более-менее совпадают, так это в количественной оценке двух основных частей общества. Наиболее весомую часть составляют нижние социальные слои. Их доля составляет от 68% (по версии Н.Т. Тихоновой) до 75% (по версии журнала «Эксперт»). Соответствен-

но от 32% до 25% составляют верхние социальные слои. Внутри этих двух частей различия в конкретной конфигурации социальных слоев объясняются различием методик, критериев выделения слоев и методов анализа.

Автор данной главы уже неоднократно использовал методологический подход к анализу социальной стратификации общества, основанный на теории социальных полей Пьера Бурдье[16]. В лекции «Социальное пространство и символическая власть», прочитанной в Университетее Сан-Диего в 1986 г., Бурдье утверждал: «Можно сравнивать социальное пространство и географическое пространство, внутри которого выделяются области. Это пространство сконструировано таким образом, что агенты, группы или институции, размещенные в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга»[17]. Агенты из разных полей могут взаимодействовать друг с другом, но объективные связи не сводятся к взаимодействиям. Эти объективные связи представляют собой позиции, занимаемые людьми при распределении ресурсов. Эти ресурсы определяют объем социальной власти, которой располагают агент, группа, институция. Основными видами социальной власти являются экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал — форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. «Агенты распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему капиталу в его различных видах, которым они располагают, и во втором измерении — по структуре капитала, т.е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме имеющегося у них капитала»[18].

Социальное пространство, по П. Бурдье, состоит из реального положения (позиции) в нем индивида и его представления о своем положении (диспозиции), в соответствии с которым он организует и преобразует это пространство. Социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обстоятельствам и имеют шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а также следовать сходным практикам[19].

«Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур»[20].

---

[16] См.: *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и ценностно-адаптационные стратегии социальных групп // Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты. — М.: Наука, 2005. — С. 353–388; *Беляева Л.А.* Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 57–64.

[17] *Бурдье П.* Начала Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. — М.: Socio-Logoc, 1994. — С. 186.

[18] Там же. С. 188.

[19] Там же. С. 188–189.

[20] *Бурдье П.* Социология политики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logoc, 1994. — С. 38.

Социальное пространство объединяет множество полей, в каждом из которых агент может занимать определенную позицию, обладать определенным видом капитала и действовать как активный участник практик. Представляя социальный мир в форме многомерного пространства, П. Бурдье имеет в виду такие поля, как поле власти или политическое поле, экономическое, культурное поля, поле интеллектуальной деятельности, этническое поле, поле религии и др. При этом каждое поле имеет свою собственную логику, свои правила, свой набор практик и репрезентирующих критериев.

При построении системы социальной стратификации российского общества важнейшими полями социального пространства являются политическое, экономическое и культурное. Соответственно, для занятия места в социальной стратификации имеет значение обладание политическими, экономическими и культурными ресурсами. При этом можно предполагать, что в отдельных регионах и на отдельных территориях страны к числу значимых могут относиться и другие поля, например, этническое поле, или религиозное. Но поскольку мы имеем дело с общероссийской выборкой, эти поля были оценены мною как имеющие незначительное влияние по сравнению с тремя названными выше.

Поля социального пространства не существуют изолированно, они взаимно пересекаются. Позиция агента в социальном пространстве определяется по его позициям в различных полях, т.е. имеет значение обладание им ресурсами этого поля, или, как пишет Бурдье, «в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле»[21]. Внутри каждого поля происходит борьба за ресурсы или капитал, притом что значение и роль каждого вида капитала в конкретном обществе в каждый период времени имеет своеобразие. Движение России к рыночной экономике активизировало роль социального и экономического капиталов в занятии лучшего положения в обществе и соответствующего места в социальной стратификации. В отличие от этих видов культурный капитал (по крайней мере, в виде формального образования) менее значим и пока проигрывает при формировании объективной иерархии капиталов разного вида.

Теория П. Бурдье объединяет теоретический и эмпирический уровни анализа, позволяет строить модели социальных систем, которые операционализируются в эмпирическом исследовании. Эта теория предполагает возможность разработки для каждого поля группы критериев, которые репрезентируют ресурсы этого поля и описывают социальные различия между агентами. Таким образом, устанавливается связь концептуального аппарата эмпирического исследования с его методическим инструментарием. При этом социальная стратификация общества представляется как многомерное пространство, в которое помещены агенты и социальные группы, обладающие определенным видом капитала и занимающие различные позиции в том или ином поле.

Значимыми ресурсами *социально-политического поля являются:* а) обладание властью, б) выполнение управленческих функций, в) руководство людьми.

---

[21] *Бурдье П.* Социология политики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logoc, 1994. – С. 57.

Социально-экономическое поле представляют: а) владение собственностью, в том числе производственной, б) управление собственностью, в) доходы и др. *Социокультурное поле*: а) уровень образования, б) квалификация, профессия, в) самоидентификация, г) потребности, д) интересы, е) ценности и др.

При изучении стратификации российского общества существует трудная проблема методического характера: определение минимума признаков, которые будут заложены в эмпирическом анализе. Поэтому приходится идти во многом экспериментальным путем, подбирая такое сочетание признаков, которое необходимо и достаточно для убедительного описания социальной дифференциации общества.

Другая трудность связана с тем, что эмпирический материал, которым, как правило, располагают сегодня социологи, не позволяет анализировать проблему расслоения общества как целого. Дело в том, что верхние слои (политическая и экономическая элита и субэлита, крупные собственники) и подлинные низы (нищие, бродяги, лица без регистрации) остаются вне досягаемости интервьюеров в подобных исследованиях. Тем не менее основная часть общества может быть исследована и на ограниченных выборках, но репрезентативных основной части общества по четырем показателям: пол, возраст, образование, тип поселения. ВРМ ЦИСИ позволил провести динамическое исследование социальной стратификации с охватом двух последних волн – 2002 и 2006 гг.[22]

Для анализа данных мониторинга были использованы критерии, представляющие социально-политическое, социально-экономическое и социокультурные поля. Особенности выборки обусловливали малую вероятность попадания в массив политических агентов любого уровня или их незначительное представительство. Это сделало невозможным учесть в анализе чисто политические ресурсы. Поэтому роль политических ресурсов была отведена ресурсам управленческим, реализуемым через практику управления людьми в различных средах: на производстве, в организациях и т.д. В нашем случае точнее было бы определить это поле как поле власти, распоряжения производственными ресурсами, руководства людьми.

Социально-экономическое поле представлял критерий материального благосостояния. На современном этапе формирования рынка в России крайне незначительная доля респондентов располагает какими-то видами собственности, представляющими экономический капитал. Поэтому сегодня в России именно доходы обеспечивают материальный уровень жизни и свидетельствуют о наличии экономического ресурса у респондента.

Культурное поле отражал уровень полученного респондентом образования.

Все критерии были представлены в анкете в виде шкал. Так, наличие властных функций фиксировалось в ходе ответа на вопрос: имеете ли Вы на работе подчиненных? При этом отмечалось число подчиненных[23]. Для

---

[22] Опрос 2002 г. охватывал 1000 респондентов, в опросе 2006 г. участвовали 1200 человек.

[23] (1) – нет, не имею; (2) – менее 5 человек; (3) – 5–10 человек; (4) – 11–50 человек; (5) 51–100 человек; (6) – более 100 человек.

оценки уровня материального благосостояния применялась шестиуровневая шкала, по которой респонденты распределились от самого низкого уровня — условно «нищих» до самого верхнего — условно «богатых»[24]. В фиксации уровня образования, который является свидетельством наличия профессиональной и культурной подготовки, или, по Бурдье, культурного капитала, использовалась обычно применяемая в опросах шкала[25]. В основу анализа и были положены три критерия — руководство людьми, материальный уровень жизни и образование. Каждый из критериев представляет одно из рассмотренных выше социальных полей.

Для анализа стратификационного строения общества была применена процедура кластерного анализа или распознавания образов методом к-средних[26]. В результате вся совокупность респондентов была разделена на группы, имеющие близкие позиции, не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого. Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров должно равняться пяти. Во-первых, это обеспечивало достаточную дифференциацию массива на разные кластеры, во-вторых, наполняемость кластеров: в самом меньшем из них в 2002 г. оказалось 6%, а в 2006 г. — 11% опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к неоправданному уменьшению их наполняемости. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социальными слоями, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, другими объективными характеристиками, отношением к проводимым в стране реформам, ценностными установками, интересами.

Особенностью сформированных в результате кластерного анализа слоев является наличие центра, который отражает доминирующие черты каждого кластера. Наряду с этим в каждом из них имеется периферия, где эти черты представлены в ослабленном виде и в разных сочетаниях. Для того чтобы можно было сопоставить данные за анализируемые годы, выделенные в 2002 г. центры кластеров были заданы и в анализе 2006 г. В табл. 16 приведены доминантные признаки выделенных кластеров (слоев) и их объем в 2006 г.

Первый кластер количественно небольшой — 11%, но в его центре признаки обладания властными ресурсами (с числом подчиненных 5—10 человек) и культурным капиталом в виде незаконченного высшего образования. Для этого кластера характерен и довольно высокий уровень дохода, позволяющий отнести их в группу «зажиточных». Можно констатировать, что это **высокостатусная** группа населения.

---

[24] Характеристики материального уровня жизни позволили распределить респондентов по следующим группам: (1) — «нищие»; (2) — бедные; (3) — необеспеченные; (4) — обеспеченные; (5) — зажиточные; (6) — богатые.

[25] (1) — незаконченное среднее, (2) — среднее, (3) — среднее специальное и незаконченное высшее и (4) — высшее образование.

[26] Математическую обработку данных ВРМ ЦИСИ и данных ESS провели кандидат наук Прохода В.А. и Зеленев И.А., которым я очень благодарна за помощь и консультации.

Таблица 16

Кластеры-социальные слои
(ВРМ ЦИСИ ИФ РАН. 2006 г.)

Критерии	1. Высоко-статусные 11%	2. Эксперты 20%	3. Реалисты 39%	4. Бедные руководители 8%	5. Низко-статусные 23%
Власть	3 (5–10 подчиненных)	1 (нет подчиненных)	1 (нет подчиненных)	2 (до 5 подчиненных)	1 (нет подчиненных)
Доход	5 (зажиточные)	4 (обеспечен-ные)	4 (обеспечен-ные)	2 (бедные)	2 (бедные)
Образование	4 (незак. высшее)	5 (высшее)	3 (среднее специальное)	5 (высшее)	2 (среднее общее)

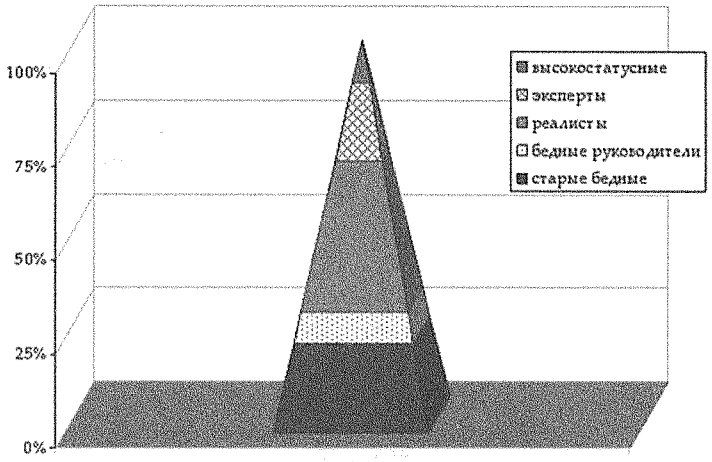
Второй кластер представлен в своем центре такими признаками, которые говорят о социально довольно сильных позициях входящих в него людей, поскольку они располагают высшим образованием и уровнем дохода, по которому их можно причислить к «обеспеченным». Но у этого слоя нет властного ресурса, которым располагает первый слой, и это, очевидно, сказывается на уровне дохода, который ниже, чем у первого слоя. Наполняемость этого слоя составляет 20% от числа опрошенных. Можно назвать этот слой «**эксперты**».

Третий кластер, объединяющий 39% опрошенных, близок ко второму по двум признакам — по отсутствию подчиненных и по уровню доходов, но в его центре располагаются респонденты, у которых не самый высокий уровень образования — только среднее специальное. Это кластер «**реалистов**» — в его центре те, кто, очевидно, обладает способностями адаптации к рынку, его члены достигли неплохих материальных результатов, входя в группу «обеспеченных».

Четвертый кластер очень небольшой — всего 8%, но отражает наличие в обществе таких руководителей, которые, по их мнению, влачат жалкое материальное существование — на уровне бедных, обладают средним специальным образованием и имеют под своим руководством менее 5 подчиненных. Этот кластер — рудимент советского периода, он сохранился на государственных предприятиях, частично на акционерных и ***представлен в основном старшими возрастными группами.*** Можно назвать этот кластер «**бедные руководители**». В исследовании 2002 г. вместо кластера «бедных руководителей» был выделен кластер, который был назван «**новые бедные**». Центроиды кластера составляли высшее образование, отсутствие подчиненных и материальный уровень жизни, соответствующий бедности. Наличие этого кластера позволяло говорить о том, что в результате реформ в бедность была ввергнута часть (по данным исследования, 11%) высокообразованного населения, в основном массовая интеллигенция (ученые, учителя, врачи, и т.п.), многие из которых в 2002 г. еще находились в очень тяжелом материальном положении, с трудом переживали «культурный шок», были

График 5

Социальная стратификация российского общества. ВРМ ЦИСИ ИФ РАН. 2006 г.

слабо защищены и плохо адаптированы к новым общественным практикам.

Пятый кластер имеет в центре людей без властного ресурса, бедных и со средним общим образованием. Это группа плохо вписавшихся в рыночную экономику людей, не имеющих достаточных социальных ресурсов. Объем пятого кластера – 23%. Можно назвать этот кластер «**низкостатусные**». Составляющие его респонденты и в социалистический период находились на нижней ступени социальной лестницы.

Таким образом, социальная стратификация российского общества по трем выделенным критериям по результатам мониторинга в 2006 г. графически выглядела следующим образом (график 5).

Сравнение данных 2002 и 2006 гг. показало, что кластеры довольно постоянны, их объемы мало изменились за эти годы, кроме кластера высокостатусных, который вырос на 5% (см. табл. 17). Но его рост обеспечивался не за счет увеличения численности предпринимателей, что было бы ожидаемо в рыночной экономике, а за счет укрепления позиций управленцев. Их численный рост[27] сопровождается и повышением материального уровня жизни. Кроме того, место кластера «новых бедных» занял кластер «бедных руководителей».

Анализ социальных слоев, выделенных на основе данных мониторинга, показал прямую зависимость положительных оценок реформ, рыночной экономики и влияния реформ на жизнь самого респондента от его места в социальной иерархии[28].

---

[27] В 2006 г. в органах государственной власти и местного самоуправления было занято в 1,53 раза больше управленцев, чем в 1995 г. Общая численность их превысила уже 1,6 млн человек // Регионы России. 2008 (табл. 4.19).

[28] См.: *Беляева Л.А., Лапин Н.И.* Динамика базовых ценностей населения постсоветской России // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. – М.: Наука, 2005. – С. 353–365.

Таблица 17

Социальная стратификация российского общества
(ВРМ ЦИСИ ИФ РАН)

Социальные слои (версия Л.А. Беляевой)	2002 г.	2006 г.
Высокостатусные	6	11
Эксперты	20	20
Реалисты	38	39
Новые бедные	11	–
Бедные руководители	–	8
Старые бедные	25	22

Таблица 18

Группы по доходу на члена семьи в России
ESS. 2006

Группы по доходу	Средний доход (руб.)	Стандартное отклонение	Валидный % к итогу
Нищие	782	306,083	9
Бедные	1837	346,226	27
Необеспеченные	3191	530,164	21
Обеспеченные	5271	1030,169	30
Зажиточные	10716	2455,625	10
Богатые	25365	8192,477	2
Итого	4449	4369,944	100

Достаточно надежная процедура кластерного анализа по трем критериям, репрезентирующим социально-политическое, социально-экономическое и социокультурное поля, может быть применима и к анализу данных ESS по России. В современной России профессиональная занятость не является каким-то безусловным вектором, обеспечивающим экономический ресурс человека. Слишком много зависит от отрасли занятости, места жительства, типа собственности конкретного предприятия, где работает респондент, и т.д. Поэтому пока экономика находится в состоянии перехода к рынку и цена рабочей силы не сформирована, единообразия экономических ресурсов внутри профессиональной группы ожидать не приходится. Доход служит наиболее адекватной характеристикой экономического ресурса человека.

Два вида критериев – уровень образования и руководство людьми в проведенном анализе были использованы без изменения в сравнении с ВРМ ЦИСИ, поскольку в этих двух исследованиях использовались одинаковые вопросы. Несколько сложнее обстояло дело с экономическим критерием, отражающим уровень материального благосостояния. В анкете ВРМ ЦИСИ с 1994 г. использовалась качественная шкала, представленная в инструментарии и некоторых других социологических центров. После опыта 1990 г. мы отказались от номинальной шкалы, и у меня сложилось устойчивое мнение, что заработная плата не показывается правдиво при опросе российского на-

Таблица 19

Кластеры *(конечные центры, объем)*
ESS. Россия. 2006

Кластеры	Центры кластеров по критериям			Объем кластера (валидный %)
	Власть (число подчиненных)	Доход (группа по доходу)	Уровень образования	
1. Высокостатусные с высшим образованием	11–50	зажиточные	высшее	3
2. Высокостатусные со средним спец. образованием	11–50	обеспеченные	среднее спец.	4
3. Эксперты	нет	обеспеченные	высшее	8
4. Реалисты	нет	обеспеченные	среднее	41
5. Новые бедные	нет	бедные	высшее	6
6. Бедные руководители с высшим образованием	11–50	необеспеченные	высшее	2
7. Бедные руководители со средним образованием	11–50	бедные	среднее общее	4
8. Низкостатусные	нет	бедные	среднее	33

селения. Оценка материального положения самим респондентом также имеет много недостатков, но выбор именно этого показателя позволяет строить динамические ряды данных, характеризующих изменения субъективных оценок уровня жизни населения страны в период реформ.

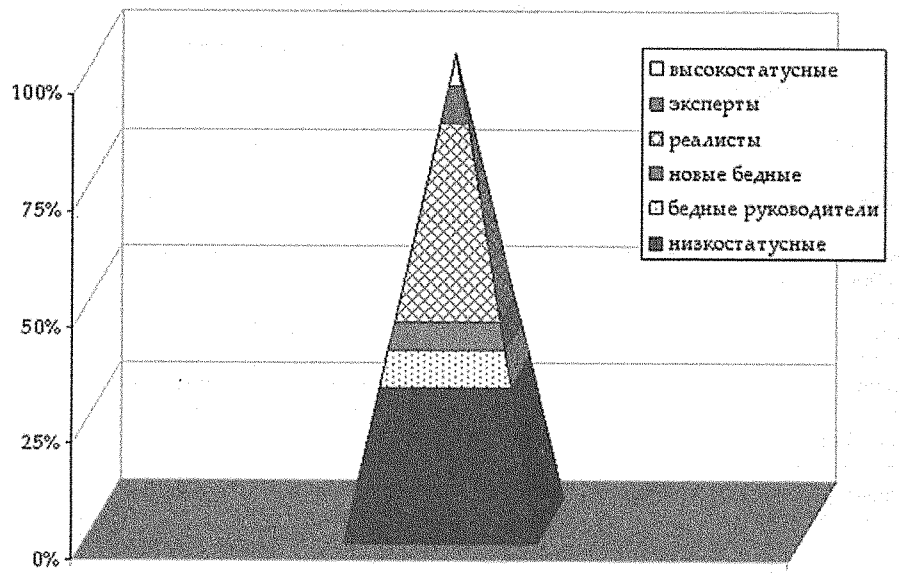
В анкете ESS респондентам предлагается оценить доход своей семьи в номинальных показателях, и с этим приходится мириться, учитывая в то же время вышесказанное. Материальный уровень жизни оценивался в доходе на одного члена семьи. При этом мы абстрагировались от таких подробностей, как стоимость жизни в разных регионах, поступления доходов в форме натуральных выплат и т.д. В составлении шкалы дохода была ориентация на то соотношение материальных групп, которое было зафиксировано в последней волне ВРМ ЦИСИ, и на экспертные оценки, которые подтверждали непротиворечивость логики выделенных групп. Итак, были выделены следующие группы материальной обеспеченности по доходу на одного человека в семье (в табл. 18 представлены средние данные по доходу в каждой группе, стандартное отклонение и валидный процент).

Анализ нескольких вариантов формирования кластеров по трем признакам показал, что наиболее оптимальное число, удовлетворительно дифференцирующее массив и выявляющее слои, обладающие социальной дистанцией, составляет 8 кластеров. При этом были сформированы все виды кластеров, которые выявлялись по данным мониторинга в 2002 и 2006 гг. Объем кластеров и их конечные центры представлены в табл. 19.

Расстояния между конечными центрами кластеров измерялись по 6-балль-

График 6

Социальная стратификация российского общества. ESS. Россия 2006

ной шкале. Максимальное расстояние было, как и ожидалось, между кластером высокостатусных с высшим образованием и кластером низкостатусных — 5,074, минимальное расстояние между реалистами и низкостатусными — 2,035.

Учитывая расстояния между кластерами и логику анализа, мы посчитали правомерным объединенить два кластера высокостатусных (3 и 8) с признаками «высшее образование» и «среднее специальное образование» в один слой высокостатусных. Расстояние между центрами этих кластеров составляет 2,365 — одно из самых маленьких. Было также решено присоединить к кластеру бедных руководителей со средним образованием кластер бедных руководителей с высшим образованием ввиду их малой доли в массиве (2%). Расстояние между этими кластерами также небольшое — 2,609.

В результате этих преобразований были сформированы шесть социальных слоев и стратификация приобрела следующий вид (см. график 6).

Два самых больших слоя — реалисты и низкостатусные. В совокупности они составляют 73,7% всех респондентов. Первые более активно приспособились к новой ситуации в экономике и располагаются в верхней половине пирамиды, вторые, наоборот, проявили пассивность в силу разных причин (как объективных, так и субъективных) и находятся на нижней ступени общественной иерархии.

Сравнение данных мониторинга 2006 г. и данных ESS 2006 г. показывают, что применение критериев, отличных от мониторинга, а именно, дохода в номинальном исчислении, способствует занижению веса верхних социальных слоев — высокостатусных и экспертов. Первых меньше на 4%, вторых — на 12,4%. То есть здесь имеет место несовпадение критериев, по которым формируются слои в этих двух исследованиях. Кроме того, следует

отметить, что в ESS по России 16,1% респондентов не смогли или не захотели сказать, какой у них уровень дохода и это характерно для опросов в России все последние годы, когда респондентов спрашивают о размере дохода[29]. Но тем не менее среди не ответивших 56% считают, что относятся к среднему слою общества или к более высоким слоям, 54% сейчас работают. Среди тех, кто не ответил о размере дохода своей семьи, назвали как основной источник дохода заработную плату (65,3%), доход от предпринимательства (6,6), доход от собственности и из других источников (11,2%) и только 10,2% указали на пенсии, стипендии, социальные пособия и дотации. Можно предположить, что уклонившиеся от ответа на этот вопрос о размере дохода отнюдь не бедные люди и относятся по социальному положению к верхним социальным стратам. Возможно, нежелание отвечать на вопрос о доходах обусловлено серыми зарплатами и уклонением от уплаты налогов, что занижает доли высокостатусных и экспертов в социальной стратификации в ESS по сравнению со всероссийским мониторингом ЦИСИ ИФ РАН, проведенном также в 2006 г.

Какие же реальные группы наполняют слои, выделенные в массиве ESS по России?

Во всех слоях преобладают женщины, кроме слоя высокостатусных, где сосредоточены сильные социальные ресурсы политического, экономического и культурного полей социального пространства. Этот слой на 60% состоит из мужчин. Концентрация женщин самая высокая в двух нижних социальных слоях – среди низкостатусных и новых бедных – 62 и 67% соответственно.

Возрастная структура слоев представлена на графике 7.

Среди высокостатусных самая многочисленная группа 35–44-летних – 30%, среди экспертов и новых бедных – 25–34 года – 29%. Среди реалистов равномерно представлены все возрастные группы, кроме группы людей 55–59 лет, которая составляет менее 10%. А среди бедных руководителей и низкостатусных самая крупная возрастная группа – 60 лет и старше – более одной трети этих слоев.

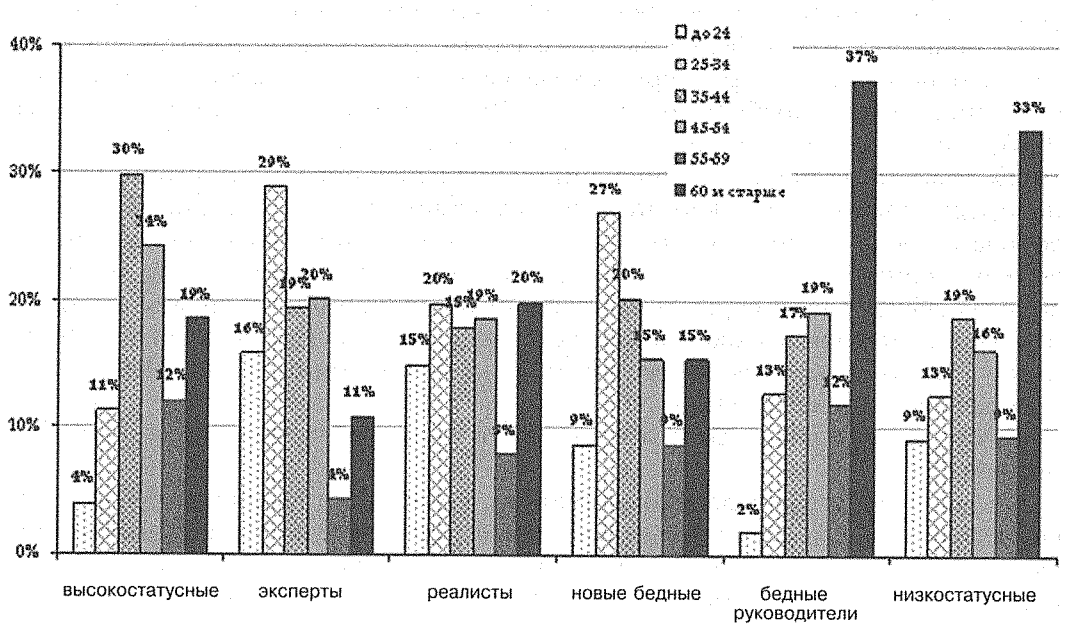
Уже при анализе данных всероссийского мониторинга отмечалось, что возраст стал существенным дифференцирующим фактором в российском обществе, причем зависимость возраста и материального положения стала обратной, тогда как в советские времена при плановой экономике стаж, возраст, опыт определяли ступени повышения материального благополучия. В переходной экономике ситуация изменилась. Молодые возрастные когорты при наличии культурного капитала занимают верхние ступени социальной пирамиды за счет включения в новые сектора экономики. Данные ESS по России вновь показали, что два нижних социальных слоя стали прибежищем старших возрастных когорт.

Анализ пространственного размещения социальных страт демонстрирует связь социальных полей с географическим распределением социальных страт, в частности по типам населенных пунктов (коэффициент Кендала 0,291).

[29] Качественная шкала, применявшаяся в мониторинге, дала только 2,7% не ответивших на вопрос об уровне жизни.

График 7

Возрастной состав социальных слоев

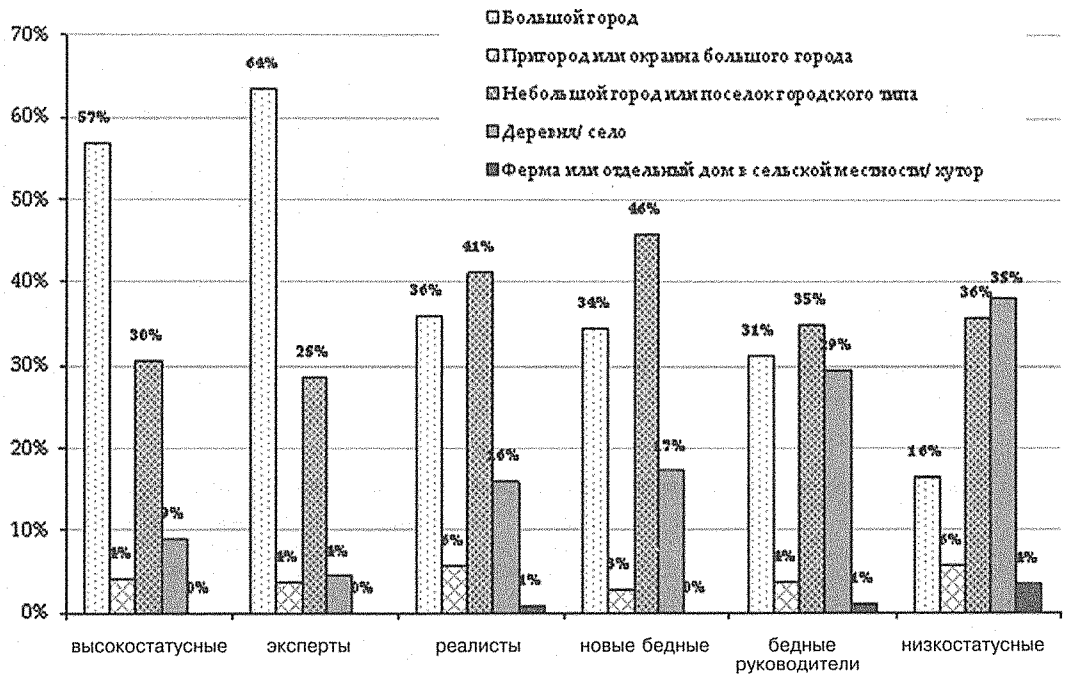
Как показано на графике 8, самая большая концентрация «высокостатусных» в больших городах (57%), здесь же сосредоточены «эксперты» (64%). «Реалистов», «новых бедных» и «бедных руководителей» довольно много в небольших городах и на селе. Здесь же превалируют и «низкостатусные» — 74,2% из них живут именно в этих поселениях.

Таким образом, социальные слои имеют определенное демографическое лицо и поселенческую локализацию, что позволяет уверенно предполагать, что мы имеем дело с социальными слоями, между которыми существует социальная дистанция, выражающаяся кроме прочего и в объективных характеристиках слоев.

Очевидно, что каждый социальный слой имеет своеобразие и в профессиональной квалификации, которая позволяет конкретизировать показатели культурного поля, выявляет его структуру и соответственно различия между социальными слоями. Оно тем больше, чем дальше сравниваемые слои отстоят друг от друга. В связи с этим утверждением посмотрим, как различаются два наиболее профессионально подготовленных, рядом стоящих слоя — «высокостатусные» и «эксперты». Среди «экспертов» 84,8% имеют высшее образование, тогда как среди «высокостатусных» только 42,3% и 41,5% среднее специальное. Оба слоя довольно хорошо образованны — только 9,7% «высокостатусных» и 5,0% «экспертов» не имеют специальной подготовки. Но в отличие от «экспертов» для «высокостатусны» самое распространенное образование — техническое или инженерное (44,4%), затем следует экономическое — 11,3%. Образование «экспертов» более разнообразно. Так, численность «экспертов» с техническим или инженерным образованием почти в

График 8

Распределение социальных слоев по типам населенных пунктов ESS. Россия. 2006 г.

два раза меньше, чем среди «высокостатусных», но при этом большая доля владеет другими высокоспециализированными знаниями — здесь представлены в больших долях экономисты, специалисты по естественным наукам, гуманитарным дисциплинам, педагоги. Можно предполагать, что особенности общего и профессионального образования накладывают свой отпечаток на формирование социальных дистанций между слоями.

Вместе с тем существование социальной дистанции определяет различия и в ментальных структурах представителей социальных слоев, в их восприятии тех или иных социальных явлений, самоидентификацию, стиль жизни, круг общения, ценностные ориентации и т.п. Как пишет П. Бурдье, «анализ объективных структур — структур различных *полей* — неотделим от анализа генезиса ментальных структур внутри биологических индивидов, которые являются в некоторой степени продуктом инкорпорации социальных структур и анализа генезиса самих этих социальных структур: социальное пространство и группы, которые в нем распределяются, являются продуктом исторической борьбы (в которую агенты вовлекаются в зависимости от их позиции в социальном пространстве и от ментальных структур, через которые они воспринимают это пространство»[30].

Анализ данных ВРМ ЦИСИ 2002 и 2006 гг. выявил тенденции формиро-

[30] *Бурдье П.* Начала Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. — М.: Socio-Logoc, 1994. — С. 28.

Таблица 20

Самоидентификация социальных слоев ESS. Россия. 2006 г. *(%%)*

Слои общества по самоидентификации	Высокостатусные	Эксперты	Реалисты	Новые бедные	Бедные руковод.	Низкостатусные	Итого
Слой средний и выше	69	66	57	55	53	35	52
Слой ниже среднего и низший	28	29	39	41	45	57	41
Отказ, затрудняюсь ответить	3	5	4	4	2	8	7

Таблица 21

Факторный анализ оценки своей жизни социальными слоями ESS. Россия. 2006 г.

Социальные слои	Оптимисты	Скорее оптимисты, чем пессимисты	Середина	Скорее пессимисты, чем оптимисты	Пессимисты
Высокостатусные	28%	21%	15%	21%	16%
Эксперты	25%	29%	18%	19%	10%
Реалисты	15%	24%	22%	22%	18%
Новые бедные	14%	20%	21%	20%	24%
Бедные руководители	20%	27%	20%	15%	17%
Низкостатусные	10%	16%	22%	22%	30%
Всего	15,5	21,5	20,7	20,9	21,4

вания у социальных слоев общих социокультурных характеристик, сходных компонентов сознания, что находит отражение в их самоидентификации с социальными слоями, в ценностном отношении к реформам, в оценках своей жизни сегодня и в будущем.

Эти тенденции подтверждаются и материалами ESS по России (2006 г.). Самоидентификация социальных слоев, выявленных в результате кластерного анализа, относительно пяти иерархически представленных в анкете слоев общества представлена в табл. 20. Шкала самоидентификации сжата. Корреляционная зависимость переменной «социальный слой» и «самоидентификация» положительна и составляет по коэффициенту Кендала 0,231, Спирмена – 0,268, эта связь статистически значима (sig = 0.000), что говорит о надежности корреляции.

Весьма показательны те оценки, которые дали себе представители социальных слоев, на шкалах удовлетворенности своим собственным «Я», характеризуя себя как оптимиста или пессимиста. Факторный анализ, проведенный по пяти шкалам, показал следующие зависимости (табл. 21).

Самое большое превышение оптимистов над пессимистами у «экспер-

тов» — 1:1,89 и «высокостатусных» — 1:1,36. Соотношение оптимистов и пессимистов у «реалистов» — 1:0,97; «новых бедных» — 1:0,79; «бедных руководителей» — 1:1,44; «низкостатусных» — 1:0,51. Как видим, «бедные руководители» отличаются повышенным оптимизмом по сравнению с другими рядом расположенными слоями — «новыми бедными» и «низкостатусными». Этот феномен находит свое подтверждение и при анализе удовлетворенности жизнью. Факторный анализ по двум 11-уровневым шкалам показал, что количественное соотношение удовлетворенных и не удовлетворенных своей жизнью в социальных слоях хорошо согласуется с оптимизмом-пессимизмом в этих же слоях (см. график 9).

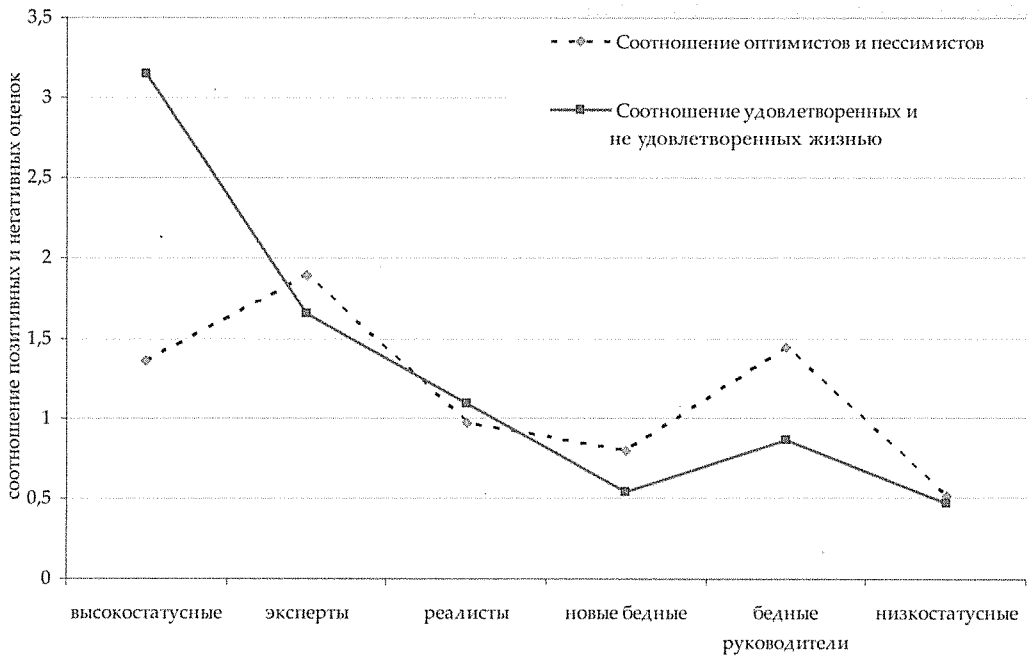
Требуется объяснение только в одном случае — у «высокостатусных» зафиксирован высокий уровень удовлетворенности жизнью, но оптимизма у этого слоя явно не хватает. Может быть, уверенность в успешном продолжении своей карьеры в период общественных перемен для этого слоя недостаточно очевидна.

Основываясь на проведенном сравнительном анализе статусной, профессиональной, образовательной структуре населения европейских стран, материальной и социальной стратификации российского общества, можно сделать следующие выводы.

Население России показывает в последние годы довольно заметную динамику в материальной дифференциации при устойчивости своей социальной стратификации. Но даже при росте материального достатка и перемеще-

График 9

Позитивное и негативное восприятие себя и своей жизни

нии в более высокие материальные слои социальный статус большинства населения (60–70%) остается на прежнем уровне, что говорит о слабой социальной мобильности и консервации социального расслоения. Ресурсы большинства населения не позволяют перемещаться в более высокие слои общества. Нельзя не учитывать близкие и отдаленные последствия такого состояния социальной стратификации для общества в целом и для судеб людей из этих слоев.

Перспективы России связаны с модернизацией экономики и развитием рыночных отношений при соответствующих изменениях профессиональной и образовательной структуры населения. Решению этих задач будет способствовать наращивание культурного капитала, создающее предпосылки для восходящей социальной мобильности населения.

Один из наиболее эффективных каналов социальной мобильности, который должен быть доступен для молодежи в современном обществе, это система образования. Именно система образования является тем легитимным каналом, который дает возможности для вертикальной социальной мобильности молодым людям из нижних социальных слоев. Но сейчас система образования функционирует в России в таком режиме, что при поступлении в вузы и обучения в них обостряется конкурентная борьба за ресурсы. В этой борьбе ярко проявляются эффекты социального неравенства, получение качественного образования зависит не столько от способностей молодого человека, сколько от социального статуса, доходов, неформальных связей, места проживания и других ресурсов семьи. При усилении социального неравенства шансы молодежи на получение хорошего образования отнюдь не будут выравниваться и требуются специальные усилия государства для сближения стартовых возможностей при поступлении и обучения в системе профессионального образования молодежи из семей, относящихся к слоям, находящимся в низу общественной пирамиды.

А.В. Андреенкова

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН

Теоретические и методологические основы изучения политических взглядов, установок и поведения в ESS

ОДНОЙ из важнейших сфер жизни каждого общества является сфера политическая. То, каким образом строятся отношения между обществом и властью, как граждане страны оценивают отдельные властные институты, их легитимность, эффективность их деятельности и участвуют в общественной жизни, во многом определяет тип самого общества. Для Европейского социального исследования изучение базовых политических взглядов и политического поведения людей в разных европейских странах является одной из ключевых задач. В теоретических и методологических подходах изучения политических взглядов и политического поведения ESS является наследником более ранних сравнительных многолетних исследований «Политическое действие» (Political Action)[1] и «Взгляды людей на систему управления» (Beliefs in Government)[2]. Задача ESS заключается в получении информации, которая позволила бы сравнивать страны по таким базовым политическим показателям, как политические ценности, политическое поведение, отношение граждан к политике, формы политического участия и оценка эффективности работы различных политических институтов, а также выявлять взаимосвязи этих базовых показателей со структурой политических институтов и типом политической системы, определять направления развития, точки сходства и расхождения политической жизни разных европейских стран. Отдельных электоральных исследований и опросов общественного мнения на эту тему в каждой стране немало. Однако сравнительный подход позволяет взглянуть на проблему более широко, выявляя закономерности в развитии политической культуры разных стран.

---

[1] *Kaase M. and Barnes S.* 1979. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills: Sage.

[2] *Klingemann H.-D. and Fuchs D.* (eds). 1995. Citizens and the State. Oxford: Oxford University Press.

Для России, которая в последние двадцать лет находится в процессе перехода от одной политической системы к другой, строит новые политические и общественные институты и новые взаимоотношения общества и этих институтов, особенно важно сегодня понять, насколько далеко страна продвинулась в этом направлении по сравнению с развитыми европейскими демократиями. Важно также узнать, является ли путь, которым Россия идет к демократии, уникальным, только ей присущим путем, или этот путь во многом схож с другими демократиями Восточной и Южной Европы на этом же этапе развития. На все эти вопросы мы попытаемся найти ответ, анализируя данные ESS.

Для оценки и описания типа политической культуры разных европейских стран в ESS используются следующие показатели:

— интерес граждан к политике;
— субъективное восприятие своей политической компетентности;
— доверие к основным общественным и политическим институтам;
— уровень поддержки политических партий;
— самоопределение на идеологическом поле (шкала левые-правые);
— формы политического участия (как конвенциональные, так и протестные);
— уровень удовлетворенности демократией, деятельностью правительства, экономикой, организацией социальных услуг (здравоохранение, медицина).

Все эти показатели являются частью системы представлений о взаимоотношениях людей и политической системы в разных обществах, которое мы попытались представить на схеме, и могут быть проанализированы в рамках концепции политической культуры (схема 1).

Субъектом политической системы, основной единицей анализа при изучении взаимосвязи разных элементов этой системы, является население страны. Мы специально не используем здесь термин «граждане», так как во многих европейских странах в связи с ростом миграционных процессов само определение «гражданина» как с юридической, так и с политической точки зрения усложняется, становится более неоднозначным. Население обладает рядом социально-демографических, экономических, культурных характеристик, которые могут оказывать важное и разнонаправленное влияние на построение взаимоотношений с политической системой. В процессе взаимодействия с политическими институтами и другими субъектами политического процесса у населения формируются определенные взгляды и отношение к политике. В первую очередь возникает *интерес к политике*, т.е. желание следить или участвовать в политической жизни. Во-вторых, формируется представление о своей *политической компетентности*. Под этим термином в данном исследовании понимается субъективное восприятие своих внутренних возможностей судить о политических проблемах и участвовать в политической жизни. Обладая определенными характеристиками и представлениями о себе и политической системе в целом, люди предпринимают различные действия, направленные на участие в политическом процессе или его критику (протест), т. е. выбирают *различные формы политического участия* или занимают позицию уклонения от него — *политический абсентизм*. Поли-

Схема 1

Элементы политической культуры и их взаимосвязь

тическое участие может быть осуществлено в самых различных формах – от *традиционных электоральных форм участия* (голосование на выборах, участие в избирательных кампаниях, в работе политических партий для проведения своих кандидатов на выборах) до *«прямых» неэлекторальных форм* (участие в демонстрациях, митингах, подписи под петициями, письмами, бойкоты и т.п.). Как люди приходят к решению участвовать или не участвовать в политическом процессе, что мотивирует этот выбор, с какими характеристиками населения страны этот выбор связан и какие формы принимает, во многом определяет характер политической жизни страны. В демократической политической модели органам власти и политическим институтам делегируется право принятия решений, важных для жизни всего общества, право представлять интересы этого общества. У людей остается право оценивать успешность выполнения этих функций властными институтами, у них формируется определенный *уровень удовлетворенности деятельностью органов власти.* Со временем мнение об эффективности органов власти трансформируется в более устойчивые установки *доверия или недоверия к различным институтам*

политической системы. Отношение доверия или недоверия к институтам в течение длительного времени, подкрепляемое текущей оценкой эффективности деятельности конкретных их представителей, перерастает *в доверие или недоверие ко всей политической системе страны,* одобрение или неодобрение самих принципов формирования этой системы. Такая оценка результата деятельности политической системы, в свою очередь, оказывает обратное влияние на представления людей о политике, интерес к ней, восприятие собственных возможностей влиять на работу политических институтов, участие или отказ от участия в политической жизни.

Как показано в схеме, в ESS выстраивается довольно стройная система показателей, с помощью которых можно охарактеризовать политическую культуру конкретных обществ и сравнить их между собой, что мы и попытаемся сделать в дальнейшем.

В центре нашего анализа будет находится Россия. Такой выбор обусловлен как тем, что мы сами являемся представителями этой культуры, обращаемся в этой книге в первую очередь к российской аудитории, так и тем, что Россия находится сейчас на очень важном и интересном с научной точки зрения этапе перехода от одной политической системы к другой. При этом довольно хорошо изученная ранняя стадия демократического развития страны 90-х годов прошлого века, когда малейшее изменение в системе находило быстрое отражение в общественном сознании и общественной практике, а политическая культура в целом была очень неустойчива, постоянно изменялась, — пройдена. Сегодня можно ожидать, что наряду с переходными, изменяющимися характеристиками появились некоторые закрепленные модели поведения и установки людей в отношении политической системы и политической жизни в целом.

В начале 90-х годов прошлого века Россия вступила на путь построения рыночных отношений в экономической сфере и демократических преобразований в сфере политической. За время реформ после 1992 г. были проведены пять парламентских выборов (1993, 1995, 1999, 2003, 2007) и четыре президентских (1996, 2000, 2004, 2008), заложены основы многопартийности и выработаны основные юридические правила борьбы за политическую власть.

Можно выдвинуть две базовые гипотезы о характере и специфике политической культуры России на современном этапе: назовем одну из них *гипотезой «политической уникальности»*, а вторую — *гипотезой «закономерного развития»*. Гипотеза «политической уникальности» состоит в том, что политическая культура России на современном этапе по многим параметрам отличается от политической культуры других стран Европы, как «развитых», так и «развивающихся демократий». Причины такой уникальности связаны с историей страны, ее политическими традициями, уровнем экономического развития и особенностями экономики, географии и своеобразием политических институтов—наследников советской системы.

Однако можно предположить и другой вариант: что сложившийся тип политической культуры России является необходимым этапом развития демократической системы, через который проходят в той или иной форме все страны, вступившие на путь построения демократии относительно поздно — в

конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, в отличие от стран, которые прошли этот путь гораздо раньше — во второй половине XIX и до середины XX века. Назовем этот подход гипотезой «закономерного развития». В рамках этой гипотезы можно предположить, что для всех стран, вступивших на демократический путь развития в поздний период, будут характерны общие черты политической культуры. При этом страны, которые находятся на пути перехода к демократии дольше или по другим причинам продвинулись на этом пути дальше, будут ближе по своим характеристикам к «развитым» демократиям, указывая вектор развития для остальных.

В ходе дальнейшего анализа мы постараемся проверить, какая из этих гипотез подтверждается данными ESS.

Перед нами также стоит вопрос, происходит ли сближение, смягчение различий между Россией и Западом в плане фундаментальных политических ценностей и политического поведения или Европа по-прежнему разделена на Восток и Запад. Приобретает ли модернизируемая Россия черты, сходные с политико-культурными характеристиками западных обществ, или идет, как это уже бывало в российской истории, «своим» путем.

Если Россия сегодня находится на этапе трансформации, то и другие европейские страны не могут рассматриваться как застывшие во времени системы. Они также развиваются и иногда в самом неожиданном направлении. Отличительной чертой старых демократий Западной Европы на этапе модернизации принято считать относительно высокий уровень политического участия[3]. Однако эмпирические данные говорят о том, что мотивация и формы, в которых выражается участие, в последние десятилетия сильно изменились, происходит переход от традиционных электоральных форм участия к новым формам «прямого» участия и протеста. Другим важным изменением в политических культурах Западной Европы является тенденция к ослаблению традиционных групповых связей (религиозных, классовых и т.п.), которые до недавнего времени служили основой политического выбора, на смену приходит индивидуализация выбора. В странах Западной Европы идет процесс ослабления партийных привязанностей, рост значимости индивидуальных свобод (в частности, свободы слова) и самоопределения[4], помимо традиционной экономической эффективности выдвигаются новые критерии оценки работы политической системы. Все это привело к более критическому отношению населения к работе политических институтов, уменьшению доверия и большей неудовлетворенности работой политической системы в некоторых западноевропейских странах. Таким образом, сегодня можно утверждать, что на этапе политической трансформации находятся не только страны, вступившие на путь демократического развития в последние десятилетия, но и страны развитых демократий. Весь европейский мир сегодня переживает значительные по масштабам и значимости изменения в структуре населения, их взглядах и ценностях, находится на

[3] *Huntington S.P.* 1974. Postindustrial Politics: how benign will it be? Comparative Politics 6: 163–91.

[4] *Inglehart R.* 1977. The silent revolution: changing values and political styles among Western Publics. Princeton, NJ: Princeton University Press.

этапе формирования новых взаимосвязей и взаимоотношений людей и политической системы. Определить направление этих изменений и является долговременной задачей ESS, к которой на данном этапе исследователи и в России, и в других странах только подступают.

Элементы политической культуры

Интерес к политике в европейских странах

Если мы хотим узнать что-либо о политической жизни конкретной страны, то вполне естественно было бы задаться вопросом: а насколько важной частью жизни этого общества является политика, интересуются ли ею сами люди? Интерес к политике служит важным компонентом мотивации участия населения в политике и управлении своей страной. Этот показатель связан с восприятием людьми своей политической компетентности, своих возможностей и с желанием людей участвовать в политической жизни страны, и поэтому он довольно часто используется в электоральных исследованиях. Измерение «субъективного политического интереса» было включено в число показателей для сравнения политических культур еще в классическом исследовании 60-х годов прошлого века Г. Алмонда и С. Вербы и с тех пор используется во многих сравнительных политических исследованиях[5].

В большинстве стран с давно сформировавшейся демократической системой доля людей, хотя бы отчасти интересующихся политикой, составляет около половины взрослого населения. Из них доля сильно интересующихся политикой — не менее 10%. Сравнительные межстрановые исследования последних двух десятилетий показали, что уровень интереса населения к политике в европейских странах неодинаков — страны разделились на две большие группы. В странах Южной Европы (за исключением Греции) население интересуется политикой гораздо меньше, чем в североевропейских странах. Об этом говорят данные, которые были собраны по крайней мере в последние 20 лет[6]. Выдвигались два основных объяснения таких различий — уровень экономического развития[7] и длительность функционирования, «зрелость», демократии[8].

Данные ESS подтверждают представление, сложившееся у ученых еще в 80-х и 90-х годах прошлого века, что интерес граждан к политике в странах Средиземноморья ниже, чем в странах Северной и Центральной Европы. К странам с высоким интересом населения к политике относятся все Скандинавские страны, север и центральная часть континентальной Европы.

---

[5] *Almond G.A. and Verba S.* 1963. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton, NJ: Princeton University Press (Newbury Park, Sage).

[6] *Schmitt H. and Mannheimer R.* 1991. About voting and non-voting in the European elections of June 1989. European Journal of Political research, 19. P. 31–54.

[7] *Van Deth, Jan W., Elff M.* 2004. Politicization, economic development and political interest in Europe. European Journal of Political Research, volume 43, Number 3, May 2004. P. 477–508(32).

[8] *Lane R.* 1972. Political Man. New York: The Free Press.

В Скандинавских странах в среднем 56% населения очень или хотя бы в некоторой степени интересуются политикой, в центральной континентальной Европе – 53%. Исключение из старых традиционных демократий составляет Франция, где интерес граждан к политике ниже, чем в других странах этой группы (45%). В средиземноморских странах политикой интересуется лишь треть населения (36%).

В целом в странах Европы сложились очень разные модели взаимодействия граждан и политической системы, выраженные через интерес граждан к политике. В некоторых странах такой интерес очень высок, как, например, в Дании (68%), а в некоторых странах – очень низок (26–28% в Испании и Португалии).

Таблица 1

Интерес к политике в европейских странах

(% от всех опрошенных)

	Очень интересуются политикой	В некоторой степени интересуются политикой	Мало интересуются	Совсем не интересуются	Затрудняются ответить или отказались от ответа	Отличие % интересующихся политикой от среднеевропейского уровня**
Дания	19	49	26	6	0	+21
Нидерланды	11	52	26	11	0	+16
Швеция	15	47	30	8	0	+15
Швейцария	14	42	33	11	0	+10
Германия	16	38	36	10	0	+7
Великобритания	11	41	28	20	0	+5
Австрия	14	36	39	10	1	+4
Норвегия	9	39	44	8	0	+1
Финляндия	7	40	41	12	0	+1
Украина	11	36	39	14	0	0
Болгария	7	39	27	26	1	0
Ирландия	10	36	29	25	0	–1
Франция	12	33	36	19	0	–1
Бельгия	8	36	34	22	0	–2
Словения	7	36	35	22	0	–3
Россия	8	35	34	23	0	–4
Венгрия	10	32	35	23	0	–5
Эстония	7	34	44	14	1	–5
Польша	6	32	44	18	0	–8
Кипр	11	27	40	22	0	–8
Словакия	7	31	48	14	0	–9
Румыния	4	25	43	28	0	–18
Португалия	5	24	33	38	0	–18
Испания	6	20	38	36	0	–21
Латвия	4	22	50	24	0	–21

Из этого следует, что существование демократических правил и институтов даже на протяжении довольно долгого времени не гарантирует тесную связь населения и политической системы даже на столь базовом уровне как интерес граждан к политике.

Еще более сложным и интригующим вопрос об интересе людей к политике становится, когда мы говорим о странах, находящихся на этапе трансформации политической системы, являются «новыми демократиями». В Европе к ним относятся страны Восточной и Юго-Восточной Европы, страны Балтии, Россия и отчасти Португалия. Можно было бы предположить, что в этих странах интерес к политике должен находиться на довольно высоком уровне. Этому способствует несколько факторов — большое влияние политических событий на каждодневную жизнь людей, большое количество происходящих в сфере политики событий, высокая зависимость курса страны от личности политиков и сил, находящихся у власти в условиях неустоявшихся политических институтов, большие усилия лидеров мобилизовать население для своей поддержки. С другой стороны, можно выдвинуть аргументы и в пользу того, что интерес граждан к политике в условиях политических трансформаций должен быть невысок. В частности, традиционные связи людей с политической системой разрушены, а новые пока не сформировались; значимость экономической составляющей в жизни людей гораздо выше, чем политической, люди тратят время и усилия на адаптацию к новым экономическим условиям, а не на общественную жизнь; значимость и доверие коллективным действиям в целом и политическим действиям в частности довольно низки. Подтверждение какой из этих гипотез мы можем найти с помощью эмпирических данных?

Данные Европейского социального исследования говорят о том, что в странах, которые находятся на этапе трансформации политической системы, интерес граждан к политике несколько ниже, чем в старых развитых демократиях. В этих странах доля граждан, которые интересуются политикой, колеблется от 37 до 46%. В этой группе стран самый низкий интерес к политике проявляют граждане Латвии и Румынии, а самый высокий — Украины и Болгарии. В среднем по всем этим странах хотя бы отчасти интересуются политикой 39% граждан, что существенно ниже западноевропейского уровня, однако немного выше, чем в Средиземноморье.

Россия находится в середине списка европейских стран по уровню интереса населения к политике, здесь 43% хотя бы отчасти интересуется политикой и политическими делами. Очень похожи на Россию в этом отношении многие другие восточноевропейские страны — Словения (43%), Венгрия (42%), Эстония (41%), Польша (39%) и Словакия (37%). Лишь в двух странах Восточной Европы интерес к политике выше, чем в России и в среднем в регионе, — это Украина и Болгария (47% и 46% соответственно). Но для более глубоких выводов в этом отношении нам лучше дождаться данных следующих опросов, чтобы убедиться, что эти различия стабильны, а не вызваны ситуативными факторами (например, избирательными кампаниями). Необходимо также учитывать, что доля людей, которые вообще не интересуются политикой, в этих странах даже несколько выше, чем в России и в среднем в странах Восточной Европы, составляет около четверти населения.

В странах с давними демократическими традициями интерес граждан к политике является довольно стабильной характеристикой и мало изменяется во времени. Хотя выдвигаются гипотезы, что интерес граждан к политике в период постмодернизационного этапа развития должен снижаться. Это может произойти за счет разрушения традиционных групповых связей, ослабления роли политических партий, роста индивидуализма. Однако, возможно, интерес к политике в этих странах будет даже расти, так как увеличиваются информационные и интеллектуальные ресурсы общества (бóльшая доля людей с высшим образованием, больший доступ населения к информации). Пока существенных изменений в отношении интереса граждан к политике за последние два десятилетия не наблюдается. Данные ESS говорят о том, что уровень интереса к политике остается на относительно стабильном высоком уровне[9].

В «новых демократиях» Европы ситуация гораздо менее стабильна. В первые годы после реформ после непродолжительного всплеска интереса граждан к политике и политическим событиям и новостям, интерес к политике резко упал. Некоторые исследователи объясняли это разочарованием, нереализованными надеждами на быстрое улучшение качества жизни, которые испытывали жители Восточной Европы, эффектом «конца медового месяца»[10]. Такое падение интереса к политике мы наблюдали и в России[11]. По данным совместного американо-российско-эстонского проекта «Участие граждан в политике и управлении» 1991 г.[12], интерес к политике проявляли 62% населения (очень или довольно интересуются политикой). В 1993 г. интерес к политике упал до 40% и продолжал снижаться вплоть до середины 90-х годов, а затем на некоторое время стабилизировался (табл. 2). По данным ESS 2006 г., 43% населения России 15 лет и старше проявляли очень или довольно большой интерес к политике, т.е. немного больше, чем в 90-х, но гораздо меньше, чем в дореформенные годы. Доля тех, кто совсем не интересуется политикой, постоянно росла и в 2006 г. составила 23%.

Интерес к политике в России у разных социально-экономических и демографических групп неодинаков – он связан с такими социальными характеристиками как уровень образования, возраст, пол и социальное положение.

Интерес к политике и образование. Интерес к политике в России во многом связан с уровнем образования (связь между этими показателями довольно

---

[9] По данным Евробарометра, в 12 странах Европы интерес граждан к политике в 1988 г. составлял в среднем 43%, в 1990 – 44%, в 1994 г. – 43%.

[10] *Inglehart R.* 1997. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press.

[11] Падение интереса людей к политике российские исследователи отмечали уже в 90-х годах. См., например: *Назаров М.М.* Политическая культура российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования. – М: Эдиториал УРСС, 1998.

[12] «Участие граждан в политике и управлении», 1991 под руководством С. Каплан и Г. Брэди с американской стороны, В.Г. Андреенкова с российской и А. Саара с эстонской. В России было опрошено 12 300 человек по всероссийской случайной вероятностной выборке взрослого населения 18 лет и старше методом личного интервью на дому у респондента.

Таблица 2

Интерес к политике в России
(% от всех опрошенных в каждый год)

	1991	1993	1995	1997	1999	2006 ESS
Очень интересуются	16	7	7	10	10	8
Довольно интересуются	46	33	23	26	26	35
Мало интересуются	27	39	43	44	45	34
Совсем не интересуются	9	19	25	19	18	23
Затрудняются ответить	1	1	2	1	1	0

Примечание: Данные 1991 года получены в рамках проекта «Участие граждан в политике и управлении», данные 1993—1999 — «Мониторинг социально-политической ситуации в России» ЦЕССИ. Мониторинг проводился на основе вероятностной многоступенчатой выборки населения России 18 лет и старше (в 1995 году 17 лет и старше), с помощью личных интервью на дому у респондентов, каждый год в опросе принимали участие от 1000 до 2000 человек. Данные за 2006 год — ESS, население 15 лет и старше.

Таблица 3

Интерес к политике людей с разным уровнем образования

% от всех опрошенных	Очень интересуются	В некоторой степени интересуются	Мало интересуются	Совсем не интересуются
Образование				
Незаконченное среднее	7	25	30	38
Средняя школа или ПТУ со средним	5	30	41	24
Среднее специальное	8	39	34	19
Незаконченное высшее	4	44	36	16
Высшее и больше	16	43	30	11
Социальное положение (самоидентификация)				
Рабочие, работники физического труда	7	35	35	23
Крестьяне	3	29	34	34
Предприниматели, бизнесмены	16	26	40	18
Руководители	25	55	14	6
Служащие	8	46	31	15
Интеллигенция	15	36	32	17
Учащиеся		47	18	35
Пенсионеры	23	46	31	0
Социальное положение не определено	4	20	42	34

велика, коэффициент корреляции Пирсона составляет 0.25, $p<0.000$). Если среди людей с высшим образованием очень интересуются политикой 16% и еще 43% интересуются ею хотя бы в некоторой степени, то среди людей без высшего образования высокий интерес к политике проявляют лишь 5% и 32% испытывают хотя бы некоторый интерес. Доля тех, кто совсем не интересуется политикой, наиболее высока среди людей с незаконченным

средним образованием (38%). Среди тех, кто имеет высшее образование, таких в три раза меньше (11%) (см. табл. 3).

Во всех европейских странах интерес к политике связан с уровнем образования населения. Среди высокообразованных групп доля тех, кто интересуется политикой, существенно выше, чем среди малообразованных групп. Коэффициент корреляции между этими переменными статистически значим во всех странах и варьируется от 0,17 в Украине до 0,35 в Португалии.

Не только образование, но и социальное положение оказывается тесно связанным в России с интересом к политике. Наиболее велика доля интересующихся политикой среди руководителей, военных и пенсионеров. Относительно высокий уровень интереса к политике проявляют еще две социальные группы — предприниматели и интеллигенция. Меньше всего интересующихся политикой среди рабочих и крестьян, а также среди служащих и студентов (см. табл. 3).

Гендерный фактор играет немаловажную роль в определении интереса граждан к политике. Мужчины проявляют к политике гораздо больший интерес, чем женщины — 11% среди мужчин очень сильно интересуются политикой и 39% хотя бы в некоторой степени интересуются, среди женщин таких 4% и 30% соответственно. Среди женщин более четверти (27%) вообще не интересуются политикой, среди мужчин таких лишь 17%.

В России интерес к политике тесно связан с возрастом, но эта связь слабее, чем в случае с образованием. Политикой в большей степени интересуются люди старшего возраста и меньше всего молодежь (см. табл. 4). Условно россиян можно разделить на четыре возрастные группы, каждая из которых показывает разный уровень интереса к политике:

Группа 1. Молодежь 15–19 лет (интерес к политике проявляют лишь около 20%).

Группа 2. Молодежь от 20 до 30 лет (интерес к политике проявляют чуть меньше 40%).

Группа 3. Средний возраст от 30 до 50 лет (интерес к политике проявляют около 45%).

Группа 4. Старше 50 лет (интерес к политике проявляют более 50%).

Взаимосвязь интереса к политике с возрастом может объясняться двояко. Либо это эффект «жизненного цикла», т. е. ситуация, когда молодежь проявляет меньший интерес к политике, чем люди более старшего возраста, и когда на смену одному поколению придет другое, этот эффект сохранится — у повзрослевшего поколения интерес к политике возрастет, а у пришедшей на смену молодежи он опять будет небольшим. Причиной различий в уровне интереса к политике на разных этапах жизни может быть наличие свободного времени, осознание важности политики для жизни человека и его семьи, опыт взаимодействия с людьми и с властями и т.п. Однако взаимосвязь возраста и интереса к политике может быть вызвана и эффектом «смены поколений», когда у людей одного поколения, прошедших раннюю политическую социализацию в сходных условиях и усвоивших одинаковые идеи, принципы и навыки, формируется сходный уровень интереса к политике, который они проносят через всю жизнь. При этом у следующего поколения уровень интереса к политике может быть другим. Решить ста-

Таблица 4

Интерес к политике разных возрастных групп в странах Восточной Европы
(% тех, кто очень или в некоторой степени интересуется в каждой возрастной группе)

Возраст	Россия	Украина	Болгария	Эстония	Венгрия	Латвия	Польша	Словения	Словакия	Румыния
15–19	19	21	24	27	12	16	23	17	20	10
20–24	38	28	28	28	29	18	30	33	27	24
25–29	38	33	33	35	38	21	35	34	25	17
30–34	44	40	33	36	41	23	31	43	30	23
35–39	41	38	33	35	34	27	42	42	34	24
40–44	48	45	52	44	40	19	41	45	43	28
45–49	42	53	44	38	46	29	39	47	38	34
50–54	53	54	51	44	54	31	47	48	51	38
55–59	54	54	54	41	52	31	46	55	52	44
60–70	54	61	62	53	49	34	47	54	57	35
70 и старше	44	56	55	52	42	36	43	47	39	30

тистически, какая из объяснительных моделей верна, на данном этапе не представляется возможным. Однако аналитически более вероятным могло бы стать объяснение эффектом «жизненного цикла». Косвенное подтверждение этой гипотезе мы находим в поступательным росте интереса к политике в каждой возрастной группе, хотя поколенческие различия между этими группами довольно велики и разнонаправленны. Так, поколение людей старше 50 лет прошло период политической социализации в Советском Союзе в 70-х годах прошлого века и ранее, среднее поколение социализировалось в период бурных политических трансформаций конца 80-х и начала 90-х, молодежь до 30 лет усваивала свои политические навыки и ценности уже в 90-х в условиях новых политических правил.

Если связь интереса к политике и образования проявляется во всех европейских странах, то связь интереса к политике и возраста является особенностью лишь некоторых стран. В Дании, Франции и Бельгии интерес к политике и возраст связаны очень мало, в Нидерландах, Финляндии и Польше эта связь есть, но очень слабая. В нескольких странах молодежь показывает более высокий интерес к политике, чем люди старших возрастов, т. е. связь возраста и интереса к политике обратная. Но таких стран лишь несколько, лидируют среди них по силе связи этих двух показателей Португалия и Испания (коэффициент корреляции 0,13 и 0,10 соответственно). Наиболее сильная линейная связь возраста и интереса к политике на Кипре (–0,25), в Норвегии (–0,24), Болгарии (–0,23), Ирландии (–0,22), Украине (–0,21) и Словакии (–0,20).

Россия практически не отличается от других стран Восточной Европы в том, как проявляется связь интереса к политике и возраст. Почти во всех этих странах коэффициент корреляции возраста и интереса к политике со-

Таблица 5

Интерес к политике в России и социально-демографические параметры
(результаты регрессионного анализа)

	Нестандартизованные регрессионные коэффициенты		Стандартизованные регрессионные коэффициенты
	B	Std. Error	Beta
Константа	3,08	0,09	
Пол	0,36	0,04	0,20**
Возраст	–0,01	0,01	–0,20**
Образование	–0,08	0,02	–0,26**
Социальный класс	–0,02	0,01	–0,05**

Примечание: ** коэффициент значим при p<0.000.

ставляет от –0,14 (в Эстонии) до –0,23 (в Болгарии). Россия располагается посередине — коэффициент корреляции между этими двумя переменными –0,16.

Комплексную взаимосвязь базовых социально-демографических и социально-профессиональных переменных мы попытаемся рассмотреть с помощью регрессионного анализа. Интерес к политике в России мы попытаемся объяснить через такие переменные, как пол, возраст, образование и социальное положение.

Как видим из табл. 5, пол, возраст и образование во многом объясняют интерес граждан к политике даже при учете их взаимовлияния. При этом больше всего на интерес к политике влияет образование, за ним следуют возраст и гендерные различия. Влияние социального положения хотя и существует, но очень невелико. Однако стоит подчеркнуть, что в целом объяснительные возможности всех этих факторов вместе довольно малы, т.е. интерес к политике не зависит исключительно от социально-демографических и социально-экономических параметров, а во многом определяется и какими-то другими факторами.

Субъективное восприятие политической компетентности

Кроме интереса к политике, важной характеристикой взаимоотношений населения и политической системы является представление людей о том, могут ли они разобраться в политических вопросах. Политическая компетентность имеет внешнюю и внутреннюю сторону. С одной стороны, у человека может недоставать ресурсов — временных, интеллектуальных, образовательных, информационных, чтобы понять все нюансы политических проблем. С другой стороны, сама политика (внешние условия) могут быть настолько сложными, что простому гражданину без знания всех деталей и внутренних механизмов трудно в ней ориентироваться. И в том, и в другом случае у человека складывается представление о своих возможностях ориентироваться в политике и, как следствие, в ней участвовать, возникает *представление о своей политической компетентности.* Если человек не верит в то, что у него есть возможности разобраться в политических вопросах, считает

свою политическую компетентность низкой, у него может сложиться апатичное отношение к политике в целом, отсутствие интереса к столь сложным вопросам, нежелание участвовать в политических делах, стремление переложить политической выбор, решения на других. Это может говорить и о «недружественности» политической системы к гражданам как участникам этой системы, множестве барьеров и недостатке информирования граждан о политических событиях.

Внутренняя сторона политической компетентности измеряется в ESS с помощью вопроса «Насколько сложно или легко для Вас составить свое мнение по политическим вопросам?», внешняя — «Как часто политика кажется Вам настолько сложной, что Вы не в состоянии разобраться, что происходит?». Данные ESS показали, что в России уровень субъективной политической компетентности граждан (и внутренней, и внешней ее стороны) довольно низок. Лишь 14% россиян утверждают, что им «очень» или «довольно легко» составить свое мнение о политике, для 39% сделать это довольно сложно (40% считают, что где-то посередине и еще 7% затруднились ответить). В отношении внешних условий политической компетентности 25% людей считают, что политика для них никогда или редко бывает столь сложной, чтобы они не в состоянии были разобраться. Тех, кто очень или довольно часто не может разобраться в политических вопросах или событиях, гораздо больше — 36%. С 31% опрошенных это случается время от времени, и 7% россиян затруднились дать ответ.

Такой взгляд на свои способности разобраться в политике характерен не только для россиян, но и для граждан многих других стран, особенно «новых демократий». Например, в Украине 44% опрошенных отметили, что часто политика оказывается для них слишком сложной, что на 8% больше, чем в России. Очень или довольно сложно составить свое мнение по политическим вопросам на Украине 43% населения, что на 5% больше, чем в России. В среднем же по Европе проблемы с внешней или внутренней стороной политической компетентности ощущали около трети опрошенных.

Когда речь идет о восприятии гражданами своей политической компетентности, страны довольно трудно разделить на группы по развитости и времени существования демократической системы. К странам, где наибольшая доля граждан довольно высоко оценила свои способности выносить суждения о политике, относятся как страны с давними демократическими традициями — Скандинавские страны (Норвегия, Дания, Швеция), Кипр, Германия и Великобритания; так и такие «новые» демократии, как Болгария, Словения, Польша, Венгрия и Словакия. По этому показателю Россия лишь немного отстает от Франции (20%), Португалии и Бельгии (21%).

Можно предположить, что различия в том, насколько политически компетентными считают себя жители разных стран, связаны с уровнем информированности людей о политике, доступом к политической информации и интересом к такой информации, уровнем доверия получаемой информации, политическими знаниями о принципах строения и функционирования своей политической системы, «законов политики» или по крайней мере уверенностью, что они этими знаниями обладают, прозрачности, открытости и предсказуемости действий разных политических субъектов. Очевидно, что

каких-то из этих составляющих (если не всех) в России, как и в некоторых других странах, пока недостаточно.

Внутренняя и внешняя стороны политической компетентности довольно тесно связаны, хотя и не являются идентичными. В России связь двух этих показателей составляет –0,56 ($p<0,000$). В среднем по Европе связь этих двух сторон компетентности немного ниже (–0,46). Однако ведут себя эти показатели в разных странах по-разному. В большинстве стран примерно одинаковая доля людей считает, что может составить свое мнение о политике, и тех, для кого политика кажется простой и понятной. В нескольких странах доля тех, кто считает, что для них нет внутренних проблем составить мнение о политике, существенно больше, чем доля людей, которые считают саму политику простой (это Финляндия, Великобритания, Дания и Венгрия). В трех странах (Франция, Россия и Бельгия), наоборот, доля тех, кто считает политику несложной, существенно превышает долю тех, кому легко составить о ней свое мнение, т. е. восприятие внешней политической компетентности выше, чем внутренней.

Субъективная политическая компетентность в России, как и во многих других европейских странах, довольно тесно связана с образованием. Более образованным людям легче составить свое мнение по политическим вопросам, чем менее образованным. Но даже среди людей с высшим образованием тех, кому легко составить свое мнение о политике, лишь 29% (табл. 6).

Для того чтобы демократическая система эффективно функционировала и чтобы граждане чувствовали к ней свою причастность, а не отчужденность, в стране должна быть достаточно велика доля граждан, которые одновременно проявляют интерес к политике и считают себя компетентными. Согласно теориям модернизации, с ростом политических знаний и навыков, который начался в Европе еще с послевоенных лет, субъективная политическая компетентность граждан также будет постепенно расти. А значит, граждане, которые чувствуют себя более политически компетентными, будут обладать возможностями выносить свои суждения и действовать самостоятельно, не полагаясь на традиционные групповые связи. Сторонники этой теории говорят о том, что со временем во многом именно рост политической компетентности приведет к более широкому использованию населением неконвенциональных форм политического участия и уменьшению значимости традиционных, электоральных форм политического участия, ожидается также ослабление связи с политическими партиями старого типа. Последствия увеличения политической компетентности в странах Восточной Европы, где никакие формы политического участия не являются традиционными, а стабильная связь с политическими партиями отсутствует, пока не ясны.

В России и внутренняя, и внешняя стороны политической компетентности связаны с интересом людей к политике — чем выше их интерес к политике, тем выше и внутренняя, и внешняя компетентность. Сила связи их с интересом к политике почти одинакова (коэффициент корреляции с внутренней компетентностью — 0,42, с внешней — 0,45). В России связь интереса к политике и политической компетентностью сильнее, чем в среднем по Европе.

Таблица 6

Политическая компетентность и уровень образования в России

Образование	ВНЕШНЯЯ СТОРОНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ				ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ			
	Средняя по 5-балльной шкале	Стандартное отклонение	Очень или довольно сложно*	Очень или довольно легко	Средняя по 5-балльной шкале	Стандартное отклонение	Редко политика кажется сложной	Часто политика кажется сложной
Незаконченная средняя школа и меньше	2,26	1,03	61%	10%	3,71	1,21	18%	59%
Законченная средняя школа	2,54	0,89	47%	11%	3,27	1,10	25%	42%
Среднее специальное образование	2,63	0,79	41%	11%	3,16	1,02	25%	36%
Незаконченное высшее	2,83	0,92	31%	22%	3,07	1,05	26%	30%
Высшее	3,11	0,89	20%	29%	2,78	1,07	41%	23%
Всего по выборке	2,64	0,93	42%	15%	3,21	1,13	27%	39%

Примечание: для измерения субъективной политической компетентности в ESS используются две разные шкалы, и они разнонаправлены. Внутренняя сторона политической компетентности измеряется по шкале интенсивности (1 — очень сложно, 5 — очень легко составить свое мнение по политическим вопросам. Внешняя сторона компетентности измеряется шкалой частоты (1 — никогда, 5 — очень часто политика кажется настолько сложной, что человек не в состоянии разобраться, что происходит). Разные типы шкал разной направленности использованы для того, чтобы уменьшить влияние метода измерения на ответы респондента).

* % от всех, кто дал определенный ответ на этот вопрос (исключая затруднившихся и отказавшихся отвечать).

В России доля тех, кто проявляет большой интерес к политике («очень интересуется») и обладает внутренней политической компетентностью (очень или довольно легко разбирается в политических вопросах), составляет лишь 4%. Тех, у кого интерес к политике высок, но субъективная оценка своей политической компетентности средняя или низкая, — 11%. А тех, у кого и тот и другой показатель средние, — 24%. Людей, которые высоко оценивают свои возможности, но интереса к политике не испытывают, немного — 5%. Наибольшую группу в России составляет малозаинтересованная в политике и средне- или слабокомпетентная группа граждан — 50%. Среди них бóльшая часть (31%) тех, кто не испытывает интереса к политике и не чувствует в себе способностей в ней разобраться, а 19% тех, кто мало или совсем не интересуются политикой, а свои возможности разобраться в ней оценивает как средние.

Участие граждан в политике и управлении

Важнейшим показателем уровня развития демократической системы и типа политической культуры страны является уровень участия граждан в политике и управлении.

По утверждению американского исследователя Г. Брэди, все определения

политического участия базируются на четырех основных составляющих, которые и определяют сущность этого понятия. Первым является понятие «действия», «деятельности» или «поведения», что отличает его от политических установок, мнений, представлений, намерений. Во-вторых, под этим термином подразумевается деятельность «обычных граждан», а не специальных или элитных групп. Третий компонент определения политического участия — это деятельность в сфере политической, а четвертый — действия с целью оказания влияния[13]. Классики исследований политического участия С. Верба и Н. Най определяют это понятие как «действия обычных граждан, которые в той или иной мере нацелены на оказание влияния на отбор кандидатов для работы в правительстве и/или влияния на их действия, решения»[14].

Первые работы о политическом участии на основе данных массовых опросов появились в конце 50-х — начале 60-х годов XX века[15]. Но отсчет систематического сбора эмпирических данных о политическом участии начинается с Американского национального электорального исследования (American National Election Studies — ANES) 1952 г. На сегодняшний день это одно из самих длительных трендовых исследований в мире, данные которого собираются вот уже более 50 лет каждые 2 года. Это исследование послужило примером и отправной точкой для многих электоральных академических исследований в других странах.

Большое влияние на понимание концепции политического участия оказало исследование «Политическое участие и равенство» (Political participation Equality Survey) 1967 года С. Вербы и Р. Ная, проведенное в семи странах. Если в более ранних исследованиях ученые стремились создать единую шкалу политического участия, которая показывала бы иерархию форм вовлеченности граждан в политику, то С. Верба и Р. Най доказали, что политическое участие настолько разнообразно и комплексно, что единая шкала не может охватить и правильно объяснить все многочисленные виды и формы политического участия, а также лежащие в их основе мотивы. Они сделали вывод о том, что политическое участие многомерно, и разделили все формы политического участия на четыре группы, отличающиеся по мотивации участия и другим характеристикам. Первую группу составило голосование на национальных и местных выборах вторую — участие в избирательных кампаниях (попытка убедить других людей в своей позиции — агитационная работа, участие во встречах с кандидатами, листовки, пожертвование средств и т. п.), третью — различные контакты с органами власти и четвертую — другие формы коллективных действий[16]. С. Верба и Р. Най применили и новый подход к измерению политического участия. Если в ANES все вопросы касались лишь участия в последней избирательной кампании, то в исследовании С. Вербы и Р. Ная политическое участие измерялось на более длительном отрезке

---

[13] *Brady H.E.* 1999. Political Participation. In: Robinson, J.P., Shaver P.R. and Wrightsman L.S. 1999. Measures of Political Attitudes. San Diego; Academic Press.

[14] *Verba, S. and Nie N.H.* 1972. Participation in America. New York: Harper and Rows.

[15] *Lane R.E.* 1959. Political Life. Glencoe, IL: Free Press.

[16] *Verba S. and Nie N.H.* 1972. Participation in America. New York: Harper and Rows.

времени: кроме разнообразных форм вовлеченности граждан в политику во время последних выборов изучалась также активность за последние годы или даже на протяжении жизни.

Среди многочисленных форм участия, которые включаются в сравнительные электоральные исследования, различают электоральные формы участия, называемые также традиционными или конвенциональными (к ним относится участие в выборах, в избирательных кампаниях), а также новые протестные, «прямые», неэлекторальные или неконвенциональные формы участия, т. е. участие вне электорального процесса, часто без посредничества политических медиаторов — политических партий, отдельных политиков и других институциональных групп. Различные формы участия отличаются по мотивации, которые лежат в основе этих действий, длительности самих действий, направленности и масштабности целей и ожидаемым результатов.

Почти все исследования, проведенные до начала 70-х годов прошлого века, касались лишь конвенциональных форм политического участия (в частности, электоральной активности). Внимания неконвенциональным формам участия уделялось мало. Однако уже с 60-х годов политический протест как форма участия граждан в политике стал важной частью общего представления о политическом участии, игнорировать его было уже просто невозможно. Однако изучение неконвенциональных форм участия методами опроса сопряжено с большими трудностями. В жизни каждого человека участие в таких действиях — явление редкое и нерегулярное[17]. Более того, те, кто участвует в подобных действиях, распределены среди населения неслучайным образом, сконцентрированы в отдельных узких подгруппах. Все это создает большие сложности для изучения неконвенционального участия методами массового опроса. Исследователи пытались решить эти проблемы, сосредоточившись на изучении не столько реального участия в протестных действиях (этот подход тоже продолжал применяться, но уже на длительном периоде времени, например, изучалось участие на протяжении всей жизни), сколько потенциала таких действий — одобрении или неодобрении различных форм протеста и на готовности принять участие в таких действиях в будущем. С этого времени измерение поведенческих параметров часто заменялось измерением намерений или предрасположенностей. Этот путь выбрали авторы «Исследования политического действия в 8 странах» (PAS The Eight Nation Political Action) 1974 г. Однако споры по вопросу определения и измерения политического участия не утихают до сих пор. М. Каазе и А. Марш в 1979 г. опять предпочли остановиться на одномерном понимании концепции политического участия в отношении конвенциональных действий, ориентированных исключительно на электоральный процесс, однако выделили в отдельную группу неконвенциональное политическое участие (в частности, протестные действия)[18].

---

[17] *Kaase M. and Barnes S.* 1979. Political Action: A theoretical perspective. In: Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills: Sage.

[18] *Marsh A. and Kaase M.* 1979. Political actions: a theoretical perspective. In Kaase M. and Barnes S. 1979. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills: Sage.

В начале 90-х годов прошлого века наиболее значимой работой в области сравнительных межстрановых исследований политического участия стало «Исследование участия граждан» (Citizen participation studies) – научное продолжение «Исследования участия американских граждан» Вербы, Шлозмана, Брэди и Найя (American Citizen Participation Study – CPS). В этом исследовании кроме населения в целом изучались также группы активистов, вовлеченных в различные формы политического участия, в разных странах. Именно это исследование послужило теоретической и методологической основой первого исследования политического участия граждан на территории бывшего Советского Союза в России и Эстонии «Участие граждан в политике и управлении» 1991 г., которое проводилось американскими исследователями С. Каплан и Г. Брэди, В.Г. Андреенковым со стороны России и А. Сааром со стороны Эстонии. В этом исследовательском проекте подробно изучалось участие граждан в конвенциональных и неконвенциональных формах, мотивация участия и неучастия, а также индивидуальные истории активизма.

Существуют три основных способа измерения политического участия:

a) через измерение самих политических действий, в которые были вовлечены граждане (в том числе электоральная активность, неэлекторальная активность и неполитические действия, влияющие на политику). Особым видом таких измерений можно считать изучение политического участия через изучение бюджетов времени (методом дневников)[19];

b) измерение через институты, на основе которых было организовано участие (членство в профсоюзах, политических организациях, неполитических организациях, связанных с конкретными интересами);

c) через проблемы – описывание проблем, вопросов, потребностей, которые могут мотивировать разные действия.

В ESS политическое участие изучается методом измерения самих политических действий за относительно короткий период времени (12 месяцев), не связанных с конкретной электоральной кампанией (*«предпринимали ли Вы на протяжении последних 12 месяцев что-либо из тех действий, которые я сейчас назову?»*). Включены следующие формы политического участия.

Электоральные формы участия:

– участие граждан в последних парламентских выборах;

– поддержка политических партий, членство в политических партиях, участие в деятельности политических партий.

«Прямые», неконвенциональные, неэлекторальные формы участия:

– обращения к конкретному политику или в общенациональные или местные органы власти;

– участие в работе неполитической общественной организации или объединения;

– использование политической символики – какой-либо политической, социальной; гражданской, экологической или иной акции или организации;

– подписи под петициями, обращениями, открытыми письмами;

---

[19] *Robinson J., Shaver P. and Wrightsman L.* (eds.) 1999. Measures of political attitudes. Academic Press, San Diego, CA.

– участие в демонстрациях;
– участие в бойкотах, отказ от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест.

Политическое участие в европейских странах в начале нового века

Электоральное участие. Участие в голосовании на выборах является традиционной и наиболее массовой формой участия граждан в политике. Именно эта форма участия является одной из наиболее важных сторон демократического управления, одним из первых признаков демократии. Массовость ее определяется, во-первых, огромной ролью, которую она играет в любой демократической системе – именно борьба за избирательные права явилась основным двигателем и выражением борьбы за демократию на ранних стадиях ее развития. А во-вторых, большой доступностью и понятностью этой формы участия для населения, большими усилиями, которые разные стороны политического процесса и государство в целом предпринимают для мобилизации населения для такого рода участия. В некоторых странах устанавливаются законодательные нормы, либо регулирующие минимальный уровень участия (как в России до 2003 г., когда для признания выборов действительными требовалась явка на избирательные участники не менее 50% избирателей), либо вообще объявляющие участие в голосовании обязательным. С 1862 по 1998 г. в 33 странах мира принимались законы об обязательном участии граждан в голосовании (большинство из них – европейские страны и страны Латинской Америки). В частности, такой закон существовал в Италии, Австрии и Нидерландах[20]. К таким странам de facto, если не de jure некоторые ученые относят и Советский Союз. До сих пор закон об обязательном голосовании до сих пор действует в Бельгии и на Кипре. Законы ряда стран оговаривают санкции за неучастие выборах, как, например, в Швейцарии и Австрии[21]. В большинстве случаев такие законы к настоящему времени отменены. В большинстве европейских стран голосование является свободным выбором граждан, и уровень его определяется в основном приверженностью граждан политической системе в целом, доверием к политическим и общественным институтам, традициями, представлениями о важности конкретных выборов и мобилизационными усилиями участников избирательного процесса. Впрочем, факторы, влияющие на электоральное участие, мы рассмотрим немного позже.

На сегодняшний день в большинстве европейских стран законодательные основы участия граждан в голосовании на выборах довольно схожи, а уровень участия тем не менее существенно отличается. При анализе данных ESS уровень электорального участия будет определяться как доля людей, которые принимали участие в последних парламентских выборах нижней

---

[20] *Meguid, Bonnie and Helmke Gretchen.* 2007. «Endogenous Institutions: The Origins of Compulsory Voting Laws» Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Hyatt Regency Chicago and the Sheraton Chicago Hotel and Towers, Chicago, IL, Aug 30.

[21] http://aceproject.org/electoral-advice/archive/questions/replies/705390376.

палаты в первом туре (в случае, если туров было несколько) среди всех жителей избирательного возраста и считающих, что имеют право голосовать. В Европе электоральное участие варьируется от 51% до 95%. Электоральное участие превышает 80%, по данным ESS, в Дании, Кипре, Швеции, Бельгии, Греции и Исландии. Более 70% составляет уровень электорального участия в Норвегии, Финляндии, Германии, Португалии, Венгрии, Ирландии, Нидерландах, Украине, Турции и Испании. Чуть больше 65% — в Словении, Великобритании, Болгарии, Словакии, Франции и Австрии.

Россия относится к странам с относительно низким уровнем участия – 63% сказали об участии в парламентских выборах 2003 г. Однако такое низкое участие в Европе не исключение — подобный же уровень электорального участия был отмечен в Польше (62%), еще ниже он в Эстонии, Чехии и Швейцарии (чуть больше 50%).

Довольно часто данные опросов показывают более высокий уровень электорального участия, чем официальные данные национальных избирательных комиссий. В некоторых странах эти различия очень велики (как в случае с Украиной). Преувеличение электорального участия вызвано несколькими причинами: «эффектом памяти», склонностью преувеличивать социально-одобряемое поведение и преуменьшать участие в социальнонеодобряемых действиях, «усреднение» во времени (люди говорят о том, как они поступают обычно, а не о том, что делали в тот конкретный раз). Вместе с тем электоральные исследования — один из немногих способов получить развернутые данные о социально-демографическом, социально-экономическом составе избирателей, их мотивациях и установках, политических взглядах и предпочтениях. Такую информацию можно получить из опросов на выходе из избирательных участков (Exit Polls), но там количество собираемой об избирателе информации обычно очень ограниченно. Данные массовых опросов, особенно сравнительных, дают и гораздо более полную картину электорального процесса, чем простая электоральная статистика, которая говорит лишь об участии тех, кто относится в юридическом смысле к «избирателям», а не о населении страны в целом. Например, по данным ESS, доля людей в выборке (все население страны от 15 лет и старше), которые сказали, что не имели права голосовать, в некоторых странах очень велика – около 20% в Швейцарии и в Латвии, более 10% во Франции, Бельгии, Австрии, Эстонии и Финляндии. И, напротив, очень невелика (менее 5%) в целом ряде стран — Дании, Португалии, Болгарии, Словакии, Украине, Венгрии и России. По данным сравнительных опросов мы можем судить не только о том, какова доля голосующих среди избирателей, но и какова она среди населения страны в целом. Таким образом, для анализа электоральной активности в стране имеет смысл использовать и данные электоральной статистики, и данные опросов населения, что мы и сделаем, рассматривая электоральное участие в России.

Со времени распада Советского Союза в России прошло 9 выборов национального уровня, среди них 5 парламентских и 4 президентских (мы не включили сюда первые выборы Президента России 1991 г. как особые). Средний уровень участия населения в парламентских выборах составил 60% от всех избирателей, в президентских — 67%. При этом пока нельзя

Таблица 7

Выборы в РФ с 1993 по 2008 год
(данные Центризбиркома РФ)

ВЫБОРЫ	Явка избирателей
Выборы в Госдуму декабрь 1993 г.	55%
Выборы в Госдуму декабрь 1995 г.	65%
Президентские выборы 1996 г. (1 тур)	70%
Выборы в Госдуму декабрь 1999 г.	60%
Президентские выборы март 2000 г.	69%
Выборы в Госдуму декабрь 2003 г.	56%
Президентские выборы март 2004 г.	64%
Выборы в Госдуму декабрь 2007 г.	64%
Президентские выборы март 2008 г.	70%

выделить сколько-нибудь определенной тенденции к повышению или понижению электоральной активности россиян за последние 20 лет. Самая низкая явка была зафиксирована на первых парламентских выборах в стране в 1993 г. – 55%, затем наблюдалось постепенно повышение участия избирателей в голосовании, но на парламентских выборах 2003 г. участие опять составило лишь 56%, сведя на нет все предположения о том, что вовлеченность граждан в избирательный процесс имеет в России положительную динамику. Самая высокая явка на парламентских выборах была зафиксирована в 1995 г., затем примерно такая же в 2007 г. Пока трудно утверждать, что за время демократических реформ в России произошли систематические изменения в поведении избирателей на выборах. Участие избирателей в голосовании колеблется в довольно значительном интервале от выборов к выборам и определяется скорее ситуативными, чем системными факторами (табл. 7).

В Европе за последние 20 лет в голосованиях на национальных парламентских выборах принимают участие в среднем около 70% избирателей. И хотя в каждой отдельной стране иногда случались значительные колебания в электоральной активности граждан, этот уровень в последние 20 лет оставался практически неизменным. В долговременной перспективе в Европе отмечается очень медленное снижение электоральной активности граждан. Исследователи отмечают снижение явки в среднем на 3% в период со времени окончания Второй мировой войны до сегодняшнего дня.

В странах «новых демократий» участие граждан в выборах систематически ниже, чем в странах Западной Европы. Различие составляет в среднем 10%. Говорить о каком-то стабильном тренде понижения или повышения уровня электорального участия в «новых демократиях» пока не приходится – слишком сильны внутристрановые колебания от выборов к выборам, а количество точек наблюдения (выборов) невелико. Например, в Словении в

2002 г. явка на парламентских выборах составила 70%, что дало возможность сделать предположение, что Словения достигла среднеевропейского уровня участия в выборах, однако в 2004 г. на избирательные участки пришли лишь 61% выборщиков, т. е. Словения опять приблизилась к среднему уровню участия по «развивающимся» демократиям. Примерно такая же ситуация в Словакии – 84% пришли на избирательные участки в 1998 г. и лишь 55% в 2006-м, в Чехии – 74% в 1998-м, 58% в 2002-м и 64% в 2006-м, в Польше – 41% в 2005-м и 54% в 2007 г.

Электоральное участие и возраст. Как и практически во всех странах Европы, в России уровень электорального участия уже многие годы связан с возрастом избирателей. Впервые этот факт отметили ученые еще на российских выборах 1993 г., и на всех последующих выборах эта тенденция сохранялась. Молодежь в России не стремится проявить себя в политике участием в выборах. Так было и в начале 90-х годов, когда поколение молодых составляли люди, годы политической социализации которых пришлись на конец советского периода российской истории[22]. Эта же тенденция сохранилась и в последующие годы, когда ранне-перестроечную молодежь сменило поколение, социализированное уже в новой России.

Избирателей России конца первого десятилетия XXI века можно разделить на следующие поколенческие группы в отношении их электорального участия:

– молодежь 18–24 лет – самый низкий уровень избирательной активности (33% по данным ESS);

– молодежь 25–29 лет – уровень участия гораздо выше, чем у предыдущей возрастной группы, но тем не менее невысок (52%);

– молодые-средние 30–39 лет – участие в выборах на уровне 62%;

– старшие-средние 40–54 года – участие в выборах на уровне 69%, наиболее велико оно в группе 40–44-летних, а не более старшей группы, как можно было бы предположить, следуя линейной модели связи возраста и электорального участия;

– старшее поколение 55 лет и больше – участие около 80%, после 75 лет оно начинает снижаться.

Если во многих европейских странах разница в электоральной активности между возрастными группами невелика, в России эта разница очень значительна. Электоральная активность самых молодых избирателей почти в два раза ниже, чем в среднем по всем избирателям страны, а активность самых старших поколений существенно выше средней. Различия в активности молодежи и старших поколений почти трехкратные. В России статистическая взаимосвязь возраста и электоральной активности – одна из самых высоких в Европе во многом за счет очень низкой избирательной активности молодежи и очень высокой – старших возрастных групп. Почти столь же низкий уровень электорального участия молодежи, как в России, был отмечен в ESS только в соседней с Россией стране – Эстонии, где лишь

---

[22] *Андреенкова А.В.* Новые избиратели в процессе становления демократических институтов переходного общества // Представительная демократия и электоральноправовая культура / Под ред. Ю.А. Веденеева, В.В. Смирнова. М.: Весь мир, 1997.

34% молодежи 18–24 лет участвовало в последних парламентских выборах.

В разных восточноевропейских странах модели возрастных отличий в электоральной активности разные и не всегда сходны с Россией. В ряде стран, например Болгарии, модель взаимоотношений возраста и электорального участия близка российской модели – уровень электорального участия людей старшего возраста очень высок (около 80%), однако молодежь до 30 лет в Болгарии проявляет бóльшую активность на выборах, чем молодежь России. Примерно такая же ситуация в Словакии. В ряде других стран всех избирателей можно разделить на две большие возрастные группы. Младшая из них показывает низкий уровень участия, а старшая – высокий. При этом поколенные различия внутри этих двух больших групп совсем невелики. Так происходит, например, в Польше, где население можно разделить на две возрастные группы, отличающиеся по уровню электорального участия – избиратели до 40 лет (участие около 60%) и избиратели после 40 лет (около 70%). Сходная ситуация в Словении – но разделительным рубежом является возраст 35 лет. В Венгрии и Румынии возрастная зависимость электорального поведения вообще довольно слаба.

В целом во всех восточноевропейских странах около половины молодежи участвуют в национальных выборах. Исключение составляет Россия и Эстония, где лишь треть молодежи приходит на избирательные участки, и Венгрия, где, наоборот, участие молодежи довольно высокое. Старшее поколение во всех странах показывает высокий уровень участия (чуть ниже он в Латвии и Эстонии).

В западноевропейских странах электоральное участие также растет с возрастом, но различия между возрастными группами гораздо меньше. Более того, если в восточноевропейских странах относительно высокий уровень участия достигается к 35–40 годам, то в Западной Европе раньше – к 30–35 годам. А различия в участии между средним и старшим поколением в Западной Европе вовсе незначительно.

Гендерные различия в уровне электорального участия. В целом по Европе различия в участии мужчин и женщин в выборах в национальные представительные органы власти очень невелики – разница лишь в 1% в пользу мужчин. Такой результат показывали все электоральные исследования на протяжении всех послевоенных лет, и в первое десятилетие нового века изменений в этом отношении не произошло, что подтверждают данные ESS.

Различия в электоральном поведении мужчин и женщин в большинстве стран составляют 2–3% как в сторону мужчин (в Словакии, Франции, Ирландии, Украине, Нидерландах), так и в сторону женщин (в Дании, Испании, России, Болгарии, Словении и Норвегии). Однако такие небольшие различия могут быть следствием случайных колебаний или смещений выборки. Чуть более существенные различия отмечены в Германии, где уровень электорального участия мужчин на 5% выше, чем среди женщин, и Швейцарии, где разница составляет 10%. Лишь в двух странах можно с большой долей уверенности говорить о том, что электоральная активность женщин выше, чем мужчин, обе эти страны прибалтийские – Эстония (разница в 6% в пользу женщин) и Латвия (11%).

В ряде европейских стран сегодня отмечается тенденция увеличения гендерных различий в электоральном участии среди молодых поколений. Например, во Франции, Нидерландах, Норвегии, Дании среди людей старше 35 лет гендерные различия в участии в выборах невелики, однако среди молодежи до 35 лет эти различия заметны и при этом в пользу женщин.

В России таких различий в поведении мужчин и женщин разных поколений пока не отмечено. Уровень электорального участия мужчин и женщин внутри и молодых, и средних, и старших поколений почти одинаков.

Неэлекторальные формы участия («прямые», неконвенциональные, протестные)

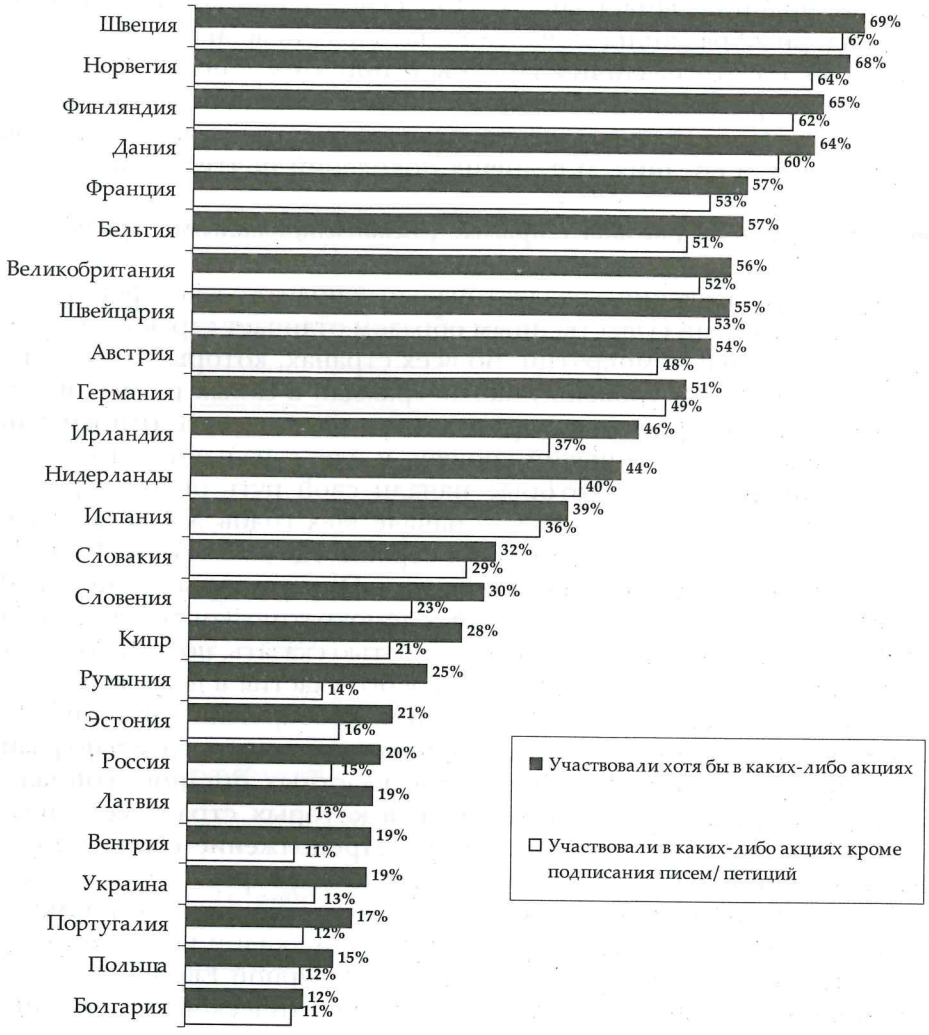
Уровень участия населения в неэлекторальных политических формах является признаком, который существенным образом отличает страны «развитых демократий» и молодые демократии. Во всех странах, которые идут по пути демократии более 20 лет, уровень участия граждан в самых разных формах гораздо выше, чем в странах, которые встали на этот путь относительно недавно (график 1). Самый низкий уровень и электорального, и неэлекторального участия в странах, которые начали свой путь реформирования политической системы в конце 80-х – начале 90-х годов XX века (страны Восточной Европы). Следом за ними идут страны, где демократия была установлена несколькими десятилетиями раньше – Португалия, Испания, Кипр. Самый высокий уровень участия – в старых демократиях континентальной и северной Европы. Пока трудно с определенностью сказать, почему возникают такие различия. Ключевым фактором массового участия в неэлекторальных формах может быть как время существования демократии, так и традиции организации коллективных действий, законодательство относительно разных типов коллективных акций или поведение властных органов, социально-экономические и международные условия, в которых страна вступила на путь построения демократической системы. Продолжение сбора данных в ESS в последующие годы позволит прояснить этот вопрос.

Самый высокий уровень участия в разных неэлекторальных формах – в Скандинавских странах – Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании. Вторую группу составляют страны континентальной и северной Европы с давними демократическими традициями – там уровень политического участия ниже, чем в Скандинавии, но также довольно высок. В странах новой демократии, куда можно отнести все страны Восточной Европы и Португалию, уровень участия граждан почти в два раза (а в некоторых и в три) ниже, чем в развитых демократических странах. Самый большой уровень участия граждан в неэлекторальных формах показывают Словакия и Словения. К странам со средним уровнем участия внутри этой группы можно отнести Румынию, Эстонию, Россию, Украину, Латвию и Португалию. Страны с самым низким уровнем участия – Польша и Болгария.

В среднем по Европе 42% граждан принимали участие в политике и управлении хоть в какой-либо форме. В Скандинавских странах – лидерах политического участия – были вовлечены в активную политику около двух третей населения. В ряде стран – во Франции, Бельгии, Великобритании, Швейцарии, Австрии и Германии – в функционировании политической си-

График 1

Политическое участие граждан (временной интервал — последние 12 месяцев)

стемы страны участвует более половины населения. В Ирландии, Нидерландах и Испании таких чуть менее половины. Все страны «новой демократии» относятся к одной группе — там менее трети населения принимали участие в политике хоть в какой-либо форме. Россия находится в середине списка этой группы стран. 20% россиян принимают участие хотя бы в одной из форм политического участия. Примерно на таком же уровне находится этот показатель в Эстонии, Латвии, Венгрии и Украине. Страны с самым низким неэлекторальным участием граждан — Болгария (12%), Польша (15%) и Португалия (17%).

Формы участия. Наиболее массовой формой неэлекторального участия в Европе являются подписи под петициями, обращениями, открытыми письмами (в среднем в этой форме принимает участие каждый пятый житель

Европы). Следующими по массовости являются обращения к конкретному политику или в органы власти, бойкоты товаров или услуг, а также участие в работе общественных организаций (14% в среднем по Европе принимают участие в каждой из этих форм). Реже всего жители Европы принимают участие в демонстрациях, носят или вывешивают политическую или социальную символику, принимают участие в работе политических партий.

Страны развитых и новых демократий отличаются друг от друга не только по уровню участия граждан в политике и управлении, массовости такого участия, но и теми формами, в которых это участие выражается. Если в странах со старыми демократическими традициями наиболее массовой формой участия являются подписи под обращениями, петициями (это делает почти каждый третий житель в Западной Европе), а также бойкот товаров и услуг и работа в НКО, то в странах с новой демократией единственной относительно массовой формой участия являются обращения к политикам или в органы власти (в среднем 10%). При этом можно поставить под сомнение, что обращение к политику или в органы власти, например в условиях России или Украины, является формой коллективного политического действия, направленного на достижение общественно важных целей. Вероятно, это действие можно интерпретировать как индивидуальный способ разрешения частных проблем и конфликтов, и в таком случае оно вообще вряд ли может считаться формой политического участия. Подписи под обращениями и петициями в странах Восточной Европы ставили 8%, а в других формах принимали участие лишь 3–4% граждан. Участие в демонстрациях является довольно редкой формой участия как в развитых (7%), так и в «новых» демократиях (3%). Примерно так же обстоит дело и с участием в работе формальных политических организаций (5% в развитых и 3% в «новых» демократиях).

Из стран Восточной Европы наиболее политически активными являются Словакия и Словения. В этих странах, как и в странах со старыми демократическими традициями, наиболее массовым является сбор подписей под петициями и обращениями (18% и 14% граждан этих стран соответственно принимали участие в этой форме). В Словакии 8% населения принимают участие в работе общественных организаций и 10% бойкотировали в знак протеста какие-то товары и услуги.

Используемые в России формы коллективных действий для решения политических и общественных целей мало отличаются от форм, практикующихся в других странах Восточной Европы. В этом отношении Россия представляет собой типичную страну, находящуюся на относительно раннем этапе развития демократической политической культуры. Наиболее распространенной формой вовлеченности (слишком сильно говорить «участия») граждан в политику и управление являются обращения в органы власти (9% принимали участие в этой форме). Подписи под письмами и обращениями ставили 6% россиян, принимали участие в демонстрациях 5% и столько же принимали участие в работе НКО. Наименее распространенными в России являются пока бойкот товаров и услуг (3%), участие в работе политических партий (3%) и использование политической символики (3%).

В наиболее близкой России по истории, политическим традициям и даже

национальному составу Украине формы политического участия граждан тем не менее несколько отличаются. В Украине преобладают экспрессивные формы участия – такие, как демонстрации (7%), использование политической символики (5%). Зато еще реже, чем в России, граждане Украины принимают участие в работе НКО или выражают свой протест бойкотом товаров и услуг. Латвия и Эстония в целом показывают очень схожий с Россией уровень участия граждан в разных формах коллективных действий.

Социальные основы политического участия

Если построить суммарный индекс всех – и электоральных, и неэлекторальных форм политического участия, то в целом в России 66% взрослого населения (15 лет и старше) принимают участие в политической жизни, а более трети вообще не принимают никакого участия в политических делах. Для сравнения скажем, что в наиболее политически и общественно активной Скандинавии последних не более 10%. Следует, однако, оговориться, что список форм участия, включенных в ESS, не обязательно является исчерпывающим, хотя он включает все известные более или менее массовые формы участия.

Можно было бы предположить, что молодежь как группа, прошедшая политическую социализацию в новых демократических условиях, которой эти условия должны быть ближе и понятнее, будет играть более заметную роль, принимать более активное участие в разных формах политической жизни. В отношении России эта гипотеза пока не оправдывается. В целом уровень участия в неэлекторальных формах самый низкий среди молодежи до 24 лет (16%), а в остальных возрастных группах уровень участия в политике практически одинаков (около 20%). Зато участие в избирательном процессе напрямую и очень тесно связано с возрастом – старшие возрастные группы приходят на выборы гораздо более активно, чем более молодые.

Разные поколения россиян выбирают разные формы участия в политической и общественной жизни (см. табл. 8 и 9).

Люди старше 45 лет принимают активное участие в голосовании на выборах. Среди неэлекторальных форм люди старшего поколения чаще всего выбирают обращения к политикам или в органы власти. Молодые действуют по-другому. Молодежь показывает довольно высокий уровень исключительно неэлекторального участия (см. табл. 9). В группе 15–17 лет 14% участвовали в каких-либо неэлекторальных формах, но, естественно, не принимали участие в выборах, в группе 18—24 лет таких 10%, а в более старших возрастных группах гораздо меньше. Если исключить из анализа обращения в государственные органы власти как очень специфическую форму участия, которую скорее можно считать конвенциальной формой взаимодействия с властью в России, чем формой «прямого» участия, то молодежь показывает не меньший уровень вовлеченности в общественные дела, чем более старшие возрастные группы. Чаще других форм участия молодежь использует демонстрации, но также и другие самые разные формы участия. Хотя говорить о доминировании молодежи в политике тоже не приходится. Пока трудно судить о том, является ли отказ молодежи от традиционного способа участия

Таблица 8

Формы политического участия среди людей разных возрастных групп в России
(% участвовавших в каждой возрастной группе)

ВОЗРАСТ	Обращение к политикам или в органы власти	Отказ от покупки или потребления товаров, услуг в знак протеста	Участие в демонстрациях	Использование политической или социальной символики	Участие в работе политической партии, группы, движения	Участие в работе общественной организации	Подписи под петициями, обращениями, открытыми письмами
15–24	3	2	5	4	4	4	4
25–29	9	5	3	3	3	5	6
30–39	8	3	5	3	2	6	7
40–49	11	5	5	3	2	4	9
50–59	11	4	6	2	4	7	7
60–69	11	2	5	2	2	3	7
70 и старше	13	1	6	1	2	5	6
Всего по выборке	9	3	5	3	3	5	7

Таблица 9

Политическое участие, возраст и образование
(% от числа опрошенных)

	Общий уровень участия (хотя бы в одной электоральной или неэлекторальной форме)	Электоральное участие (% в последних парламентских выборах)	Неэлекторальное участие (хотя в одной форме)	Неэлекторальное участие без учета обращений в органы власти (%)	Участие исключительно в неэлекторальных формах
ВОЗРАСТ					
15–17	16	30	14	14	14
18–24	40	54	17	15	10
25–29	58	64	20	14	6
30–39	68	72	20	17	5
40–49	74	75	22	16	3
50–59	78	83	23	16	4
60–69	84	79	20	14	2
70 и старше	80	30	20	13	3
ОБРАЗОВАНИЕ					
Незаконченное среднее	59	55	13	8	6
Законченное среднее	57	51	16	11	5
Среднее специальное	73	70	21	15	4
Незаконченное высшее	52	41	21	19	13
Высшее	78	74	22	26	6
ВСЕГО ПО ВЫБОРКЕ	66	61	20	15	5

в политике — голосования на выборах — и предпочтении неэлекторальных форм участия долговременным трендом, двигается ли молодежь России от политической апатии и абсентизма к выработке собственных способов участия в политике, или то, что показывают данные 2006 г., — лишь временное случайное явление. Это покажут дальнейшие волны ESS.

Кроме возраста участие в политической и общественной жизни в России тесно связано с образованием. Люди с высшим образованием в России принимают участие и в электоральных, и в неэлекторальных формах гораздо чаще, чем менее образованные группы. При этом если различия в уровне электорального участия между людьми с высшим и со средним специальным образованием невелики, то в неэлекторальных формах гораздо чаще принимают участие люди именно с высшим образованием.

Принимают участие исключительно в неэлекторальных формах и игнорируют выборы 13% людей с незаконченным высшим образованием — гораздо больше, чем люди с более низким или более высоким уровнем образования. Но скорее всего такое поведение связано не самим уровнем образования, а с возрастом — незаконченное высшее образование имеет в основном учащаяся молодежь. А высокий уровень образования не приводит к отказу от участия в традиционной электоральной форме, скорее наоборот — именно среди людей с высоким уровнем образования самая высокая доля голосующих.

Политическое участие и мотивация участия

В исследованиях политического участия уже очень давно зафиксирован факт взаимосвязи политического участия и интереса граждан к политике. Такая связь наблюдалась исследователями во многих европейских странах на протяжении последних 30–40 лет. Люди, которые больше интересуются политикой, склонны больше в ней участвовать. При этом причинная связь здесь может быть как в одну, так и в другую сторону. В 2000-х годах эта тенденция не претерпела изменений. Данные ESS подтверждают, что практически во всех странах Европы статистическая связь между интересом к политике и политическим участием существует (коэффициент корреляции –0.28 при $p<0.000$). В данном случае Россия не является исключением — корреляция участия в политических акциях и интерес к политике составляет –0.29 и является статистически значимой (табл. 10).

Неожиданностью в случае России является то, что наиболее тесную связь с интересом к политике показывают электоральные, традиционные формы участия, а неэлекторальные формы связаны с интересом к политике слабее. В других странах происходит обратное. Участие в выборах как наиболее массовая, традиционная форма участия, передача представительства своих интересов другим людям часто скорее символическая, чем рациональная, мотивированная привычкой, традициями и социальными нормами, связано с личным интересом к политике слабее. А участие в неэлекторальных формах менее формализованное и требующее личного выбора, больше связано с интересом к политике. Очевидно, что в России мотивация участия имеет гораздо более сложную или во всяком случае другую основу, чем в остальных европейских странах, и к этому мы еще обратимся.

Таблица 10

Политическое участие граждан и интерес к политике

Интерес к политике	Электоральное участие РОССИЯ	Участие в любых неэлекторальных формах РОССИЯ	Электоральное участие ЕВРОПА	Участие в любых неэлекторальных формах ЕВРОПА	Общее участие (электоральное либо неэлекторальное) РОССИЯ	Участвовали только в неэлекторальных формах РОССИЯ
Очень интересуются	86	38	91	67	90	6
В некоторой степени интересуются	72	25	87	52	77	6
Мало интересуются	57	18	75	35	62	6
Совсем не интересуются	43	9	58	21	46	4
По всей выборке	62	20	78	42	66	5
Коэффициент корреляции Пирсона (** значим при p<0.000)	–0,29**	–0,19**	0,25**	–.28**	0,27**	–.02

Таблица 11

Возраст, политическое участие граждан и интерес к политике
(коэффициент корреляции Пирсона)

Коэффициент корреляции	Молодежь до 24	Люди среднего возраста 25–44 лет	Люди старшего возраста (45 лет и старше)
Интерес к политике и неэлекторальное участие (участвовал хотя бы в 1 форме)	0,124	0,193**	0,203**
Интерес к политике и неэлекторальное участие, за исключением обращений в органы власти	0,121	0,184**	0,206**
Интерес к политике и электоральное участие	0,226**	0,275**	0,172
Интерес к политике и общий уровень участия (электоральное или неэлекторальное)	0,261**	0,294**	0,208**

Примечание: ** коэффициент значим при p<0.000.

Связь интереса граждан к политике и электорального участия обнаружена лишь у людей среднего возраста и чуть в меньшей степени у молодежи. Среди людей старше 45 лет интерес к политике и участие в голосовании связаны обратным образом — участие в голосовании с большей вероятностью принимают люди, которые политикой не интересуются (табл. 11). То есть именно в старшей возрастной группе мы наблюдаем специфическую мотивацию участия в голосовании помимо интереса к политическим делам (возможно, привычка, чувство долга или восприятие голосования как развлечения).

Чем выше интерес к политике у людей старшего возраста, тем более вероятно, что они принимают участие в неэлекторальных формах политической активности. У людей среднего поколения такая связь менее заметна, а в группе молодежи она совсем слабая. Даже если исключить такую форму политической включенности как обращения в органы власти, тенденция остается та же. То есть с возрастом интерес к политике становится все более важным

мотивирующим фактором для участия в неэлекторальных формах, а среди молодежи сильны другие мотивы участия помимо интереса к политике.

Оценка эффективности работы политической системы и ее составляющих, политическая поддержка

Политическая поддержка – виды и основы

Сейчас в политической науке очень остры дебаты о воздействии модернизации на будущее демократии в Европе. Эта дискуссия до сих пор разворачивалась в основном в теоретической плоскости и лишь частично опиралась на эмпирические данные. ESS может послужить такой эмпирической основой. Ключевым понятием в этой дискуссии является вопрос о ***поддержке населением существующей политической системы.***

Теоретические основы изучения политической поддержки были заложены в исследованиях Д. Истона, Р. Далтона и других[23]. Истон использует три основные понятия в своей теории о поддержке демократических политических систем: типы поддержки, мотивационная основа (источник) поддержки и объект поддержки.

Схема 2

Схема политической поддержки

Типы политической поддержки	Основы этой поддержки	Объект поддержки – режим в целом	Объект поддержки – конкретные органы власти и политики
Базовая (диффузная, общая, не связанная с конкретной ситуацией или действиями)	Нормы, ценности	Легитимность режима	Легитимность конкретных органов власти
	Представления об общей, долговременной эффективности системы	Доверие режиму	Доверие конкретным органам власти
Конкретная, ситуативная	Представления о краткосрочной эффективности (в данный момент времени)		Удовлетворенность текущей деятельностью властей

Согласно Истону, *ситуативная политическая поддержка* основывается на *суждениях и оценках эффективности текущей деятельности органов власти*, их успехах или провалах. *Базовая же или диффузная политическая поддержка* режима или конкретных органов власти имеет совсем другую, неинструментальную основу. Она базируется на более глубоких социальных нормах и ценностях, закрепленных в обществе. Существенным отличием *легитимности* от всех

[23] *Easton D.* 1965. A systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley.

Fuchs D. 1989. Die Unterstutzung des Politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Daldon R. J. 1999. Political Support in Advanced Industrial Democracies. In: Pippa Norris (eds.) Critical Citizens. Global Support for Democratic Governance. Oxford: Oxford University Press.

других видов политической поддержки является то, что основы легитимности уходят корнями в политическую культуру общества, а все другие виды политической поддержки зависят от инструментальных ориентаций, субъективной оценки эффективности деятельности политических институтов в конкретный момент времени.

Разные виды политической поддержки образуют определенную иерархию и имеют разное значение для выживания и стабильности самой системы. Внизу этой иерархии находятся *представления и оценки текущей деятельности властей, уровень удовлетворенности этой деятельностью.* Со временем на этой основе *возникает доверие к конкретным органам власти* (личностям или институтам), которое, в свою очередь, может трансформироваться и закрепиться как *доверие к режиму в целом* (самой структуре органов управления, базовым политическим институтам) и, в конечном счете, в *представление о легитимности режима и политической системы.*

Механизм функционирования всей системы политической поддержки в стабильной традиционной демократии можно описать следующим образом. Население (и элиты) формируют свое мнение, оценку по отношению к конкретной деятельности, политике лидеров и организаций, находящихся у власти. При этом неудовлетворительная оценка деятельности органов власти не является прямой угрозой политической системе. В демократической системе есть механизм разрешения этого конфликта внутри самой системы — возможность свободно высказать свои взгляды и с помощью различных политических действий (например, голосования) влиять на тех, кто находится у власти. Стабильность демократии как системы в таком случае не зависит от колебаний оценки деятельности конкретных политиков и институтов, так как сама система имеет определенный резерв *базовой, диффузной поддержки.* Если такая поддержка существует, то люди будут продолжать поддерживать систему даже в том случае, если они недовольны деятельностью конкретных властей, и не менять свое мнение о всей системе довольно длительное время.

В свою очередь, эта *базовая, диффузная поддержка* возникает на инструментальной основе, т. е. оценке деятельности политических институтов и эффективности политического режима в долговременной перспективе. В коллективной памяти людей закрепляется представление о том, что система работает в целом эффективно и дает позитивные результаты, что позволяет переживать периоды кратковременных неудач. И в этом случае можно говорить о *доверии общества к политическим институтам* или *режиму в целом.*

Исследования 80-х и 90-х годов прошлого века в странах Европы и Америки[24] и ESS в первом десятилетии этого века показали, что хотя удовлетворенность деятельностью конкретных органов власти во многих странах не очень велика, в большинстве стран поддержка населением базовых политических институтов (парламента, судебно-правовой системы, органов охраны правопорядка), как и поддержка демократической системы в целом, довольно высока.

Как формируется поддержка политической системы и отдельных ее институтов в новых демократиях, которые не имеют в своем арсенале памяти

[24] Проекты «Beliefs in government» and «Political Action».

о многолетнем эффективном функционировании этой системы, не имеют основы, на котором могла бы сформироваться ценностно-основанная базовая (диффузная) поддержка демократической системы, пока мало изучено. Какие-то знания по этому вопросу мы попытаемся получить на основе данных ESS.

Оценка текущей деятельности властей – ситуативная политическая поддержка

Ситуативная или конкретная политическая поддержка измеряется в ESS с помощью следующих показателей – удовлетворенность работой руководства страны и удовлетворенность тремя основными сферами, на состояние которых оказывает влияние деятельность государственных органов власти – состоянием экономики, системы образования и системы здравоохранения.

Уровень удовлетворенности работой руководства страны говорит о том, как граждане реагируют на работу органов власти в конкретный период времени. Такая инструментальная оценка работы конкретных политиков и институтов в странах Европы сильно различается от страны к стране и в целом в первое десятилетие XXI века в Европе она довольно критическая (средняя оценка 4,4 по 11-балльной шкале). При этом состояние экономики как одной из основных сфер работы правительства оценивается немного выше (средняя 5,0 по 11-балльной шкале).

Относительно высокую оценку деятельности своих правительств (средняя выше 6,0) дает население Финляндии и Кипра. Выше среднего оценивают деятельность своих правительств жители Дании, Норвегии, Ирландии, Бельгии и Словакии. Совсем плохо думают о работе своих правительств (средняя 3,0 и меньше) в Румынии, Венгрии, Болгарии и Португалии.

Россия в данном случае находится ближе к концу списка стран – россияне достаточно критично относятся к своему правительству, оценивая его работу в среднем на 3,61 по 11-балльной шкале. С другой стороны, жители стран с таким высоким уровнем жизни, как Германия и Франция, оценивают деятельность своих правительств лишь немногим выше, а население Швеции и Нидерландов – даже ниже.

Данные не показывают, что текущая оценка деятельности правительства напрямую зависит от уровня экономического развития страны и других показателей социального благополучия. Нет и определенной зависимости этих оценок от времени существования и развитости демократической системы. Так, оценка деятельности правительства в Словакии, Латвии, Польше выше, чем во многих «традиционных демократиях», таких как Великобритания, Германия, Франция. С другой стороны, в ряде новых демократий есть и очень низкие оценки работы правительства – в Венгрии, Болгарии. Все это говорит о том, что критический настрой общественности может быть очень острым и в странах старой традиционной демократии, и в странах с развивающейся демократией, и время существования демократии или успешность экономической системы не может гарантировать позитивной оценки работы конкретных правительств и лидеров.

Таблица 12

Связь оценки деятельности политической системы и отдельных ее элементов между собой
(коэффициент корреляции Пирсона)

Коэффициент корреляции	Россия	Европа в целом	Украина	Германия
Удовлетворенность работой правительства и удовлетворенность состоянием экономики	0,62**	0,63**	0,63**	0,54**
Удовлетворенность работой правительства и удовлетворенность состоянием системы образования	0,45**	0,40**	0,27**	0,42**
Удовлетворенность работой правительства и удовлетворенность состоянием системы здравоохранения	0,39**	0,44**	0,34**	0,42**

Примечание: ** коэффициент значим при p<0.000.

Уровень удовлетворенности состоянием экономики тесно связан с уровнем удовлетворенности деятельностью правительства во всех странах, и в России в том числе (см. табл. 12). Связь этих показателей очень сильна в восточноевропейских странах и несколько ниже, хотя тем не менее тоже довольно тесная, в западноевропейских странах. Какова причинно-следственная связь в данном случае статистически определить сложно, но с большей вероятностью можно говорить о том, что люди судят о работе правительства по тому, в каком состоянии находится экономика страны, т. е. экономические успехи или провалы напрямую сказываются на оценке деятельности руководства страны.

Как в среднем по Европе, так и в России оценка деятельности правительства связана с уровнем удовлетворенности системой общественных услуг (образованием и здравоохранением) менее тесно, чем с состоянием экономики. В России оценка деятельности правительства более тесно связана с уровнем удовлетворенности состоянием системы образования, чем здравоохранения. В среднем же по Европе, наоборот, – оценка деятельности правительства сильнее коррелирует с оценкой работы системы здравоохранения, чем системы образования. Если в России уровень взаимосвязи оценки работы правительства и состояния двух наиболее значимых сфер общественных услуг находится на среднеевропейском уровне, то в других странах Восточной Европы это необязательно так. Например в Украине эта связь значительно слабее, и оценка правительству в основном связана лишь с оценкой состояния экономики.

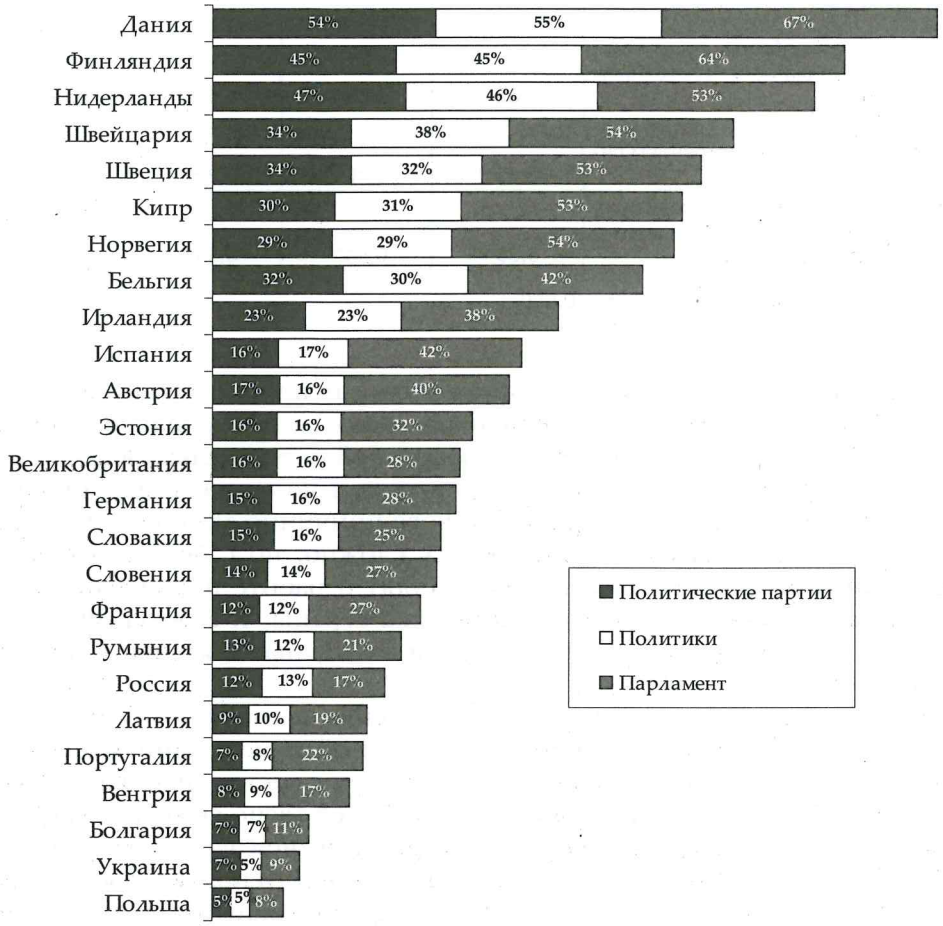
Доверие политическим институтам – базовая политическая поддержка, основа доверия режиму

Согласно теории Истона, если население страны долгое время положительно оценивает деятельность правительства (инструментальная оценка) и у населения сформированы устойчивые положительные ориентации к политической системе, то возникает такой элемент базовой, диффузной политической поддержки, как доверие политическим и общественным институтам. Так как

График 2

Доверие политическим институтам

(«доверяют» 6—10 по 11-балльной шкале по каждому институту. Доля доверяющих по каждому институту выстроена в единую строку)

длительность эффективного функционирования политических институтов и системы в целом являются ключевыми факторами для формирования доверия институтам, мы ожидаем увидеть существенные различия в уровне диффузной политической поддержки в «старых» и «новых» демократиях. Исследования 90-х годов прошлого века подтверждают это предположение: практически во всех странах, находящихся на этапе трансформации от разного типа авторитарных форм управления к демократическим, уровень доверия населения к политическим (властным) и общественным институтам довольно низок[25]. Остается открытым вопрос о том, сколько времени должны существовать

[25] *Klingemann H.-D.* 1999. Mapping Political support in the 1990s: a global analysis'. In Critical Citizens. Global support for democratic governance. ed. Pippa Norris. Oxford: Oxford University Press – на данных Всемирного исследования ценностей.

Mishler W. and Rose R. What are the Origins of Political Trust?/ Paper presented at the conference on Democracy in Russia, Uppsala University, Sweden, 2002.

демократические институты, чтобы приобрести устойчивый кредит доверия у населения, и к каким именно институтам доверие формируется в первую, а к каким во вторую и т.д. очереди.

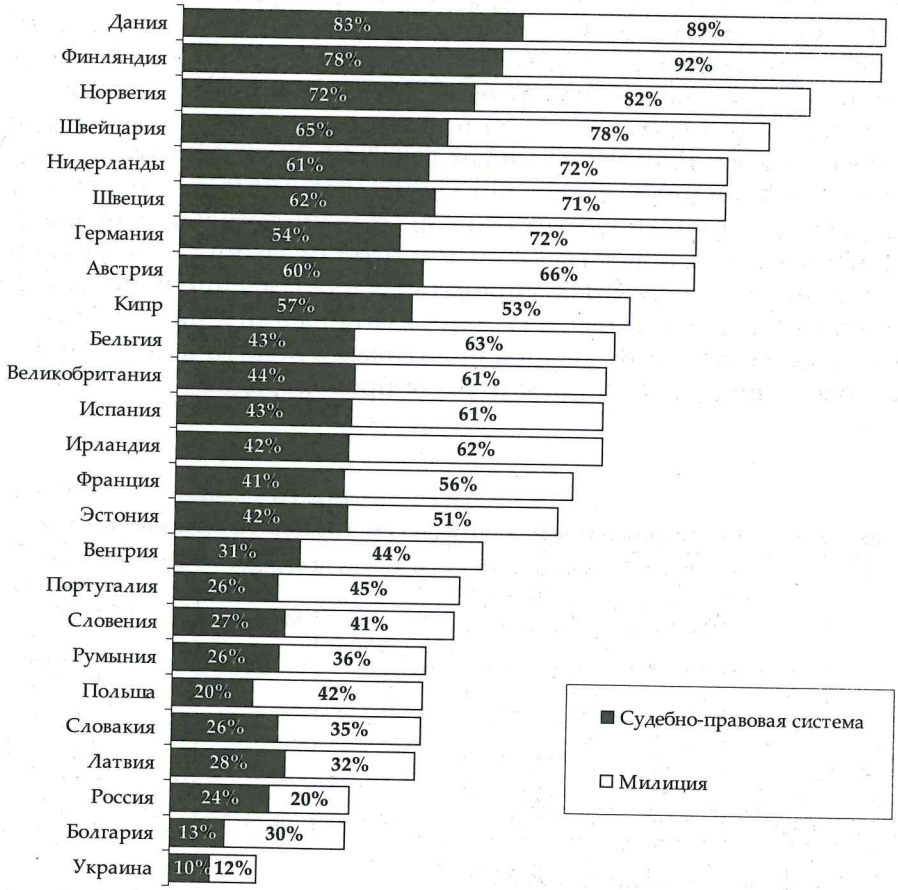
Данные ESS говорят о том, что после более 15 лет демократических реформ доверие к политическим и общественным институтам в странах «новых» демократий все еще существенно ниже, чем в странах «старой» демократии. Менее трети опрошенных в ESS респондентов доверяют каждому из политических и общественных институтов в Словакии, Болгарии, Польше, Чехие, Украине, России и Португалии (график 2).

Доверие политическим институтам, конфигурация доверия в разных странах выглядит по-разному. В ряде стран уровень доверия практически ко всем политическим и общественным институтам очень высок – это Дания, Финляндия, Швейцария, Норвегия, Нидерланды, Швеция,

График 3

Доверие институтам обеспечения правопорядка и законности

(«доверяют» 6—10 по 11-балльной шкале по каждому институту. Доля доверяющих по каждому институту выстроена в единую строку)

Кипр. Среди «новых» демократий выделяется Эстония, где уровень доверия институтам находится на уровне таких стран как Испания и Франция и может характеризоваться как средний (им доверяют от трети до половины граждан). В большинстве других стран с давними демократическими традициями довольно высоко доверие судебным и правоохранительным органам, а доверие органам демократии ниже (более 60% в Дании, Финляндии, Норвегии, Швейцарии, Австрии). Почти во всех «новых демократиях» уровень доверия демократическим институтам (парламенту, политикам и политическим партиям) низкий, зато доверие органам защиты справедливости и порядка довольно высокое.

Исключение составляет Россия. Особенностью ее политической культуры на настоящий момент является чрезвычайно низкий уровень доверия ко всем базовым политическим институтам — и демократическим, и органам, призванным обеспечивать порядок и справедливость. Среди тех, кто ответил на этот вопрос, лишь 24% доверяет судебно-правовой системе (выбрали 6–10 по шкале от 0 до 10) и 20% милиции, 17% — парламенту, 13% — политикам и 12% — политическим партиям. Большинство населения испытывает большое недоверие ко всем этим институтам.

Доверие разным политическим институтам может строиться на инструментальных основаниях — оценке эффективности работы конкретного института, его пользы и значения для общества или лично для человека, а может проистекать из более базовых установок на доверие или недоверие политической системе в целом, которые распространяются на ее отдельные элементы. Чтобы определить, какое из предположений верно, посмотрим, насколько тесно связано доверие разным политическим институтам друг с другом (табл. 13). Факторный анализ показывает, что в основе доверия всем институтам лежит один латентный фактор, т. е. доверие или недоверие разным политическим и общественным институтам возникает на одной и той же основе. Люди склонны формировать свое отношение ко всем таким институтам сразу, хотя некоторые различия в отношении к институтам есть. Особенно велика связь уровня доверия политикам и политическим партиям, судебно-правовой системе и органам охраны правопорядка.

Таблица 13

Связь между уровнем доверия разным политическим и общественным институтам

	Коэффициенты корреляции между доверием разным институтам				Факторные нагрузки (однофакторное решение)
	Парламент	Политики	Политические партии	Милиция	
Парламент					0,86
Политики	0,70**				0,88
Политические партии	0,68**	0,81**			0,85
Милиция	0,57**	0,58**	0,55**		0,81
Судебно-правовая система	0,65**	0,59**	0,54**	0,74**	0,84

Примечание: ** коэффициент значим при $p<0.000$.

Выше было показано, что доверие и политическим, и правовым институтам в России очень низкое. Однако остается вопрос, каковы последствия такого низкого доверия для формирования политической поддержки системы в целом (базовой, диффузной поддержки), с одной стороны, и оценки деятельности органов власти в конкретный момент времени (ситуативной поддержки) с другой. Важно также ответить на вопрос: доверие каким именно институтам наиболее тесно связано с другими элементами политической поддержки. Это мы и попытаемся сделать в дальнейшем.

В среднем по Европе связь различных элементов диффузной поддержки – уровня доверия политическим институтам и удовлетворенности функционированием политической системы в целом – довольно тесная (коэффициент корреляции 0,53 в среднем по всем институтам). При этом сила связи оценки работы политической системы в целом и уровня доверия различным институтам очень схожа. Сильнее всего оценка работы политической системы связана с доверием основному институту демократии – парламенту (0,56), слабее всего – с доверием органам охраны правопорядка (0,47). В России эта связь в целом намного слабее (0,36 по всем институтам). Больше всего оценка функционирования демократии связана в России с доверием судебно-правовой системе (коэффициент корреляции 0,39) – институту, который обеспечивает правила и справедливость выполнения самих принципов демократии. И именно это существенно отличает Россию от других стран. Можно предположить, что **повышение доверия правовой системе может послужить основой увеличения базовой поддержки всей политической системы.**

В среднем по Европе диффузная политическая поддержка (доверие политическим институтам) довольно тесно связана с ситуативной политической поддержкой (удовлетворенностью работой правительства). Сильнее всего удовлетворенность работой правительства связана с доверием парламенту и доверием политикам, лишь немногим меньше – с доверием политическим партиям. Гораздо слабее связь оценки деятельности правительства и уровня доверия правовым институтам – судебно-правовой системе и органам охраны правопорядка. В России связь ситуативной политической поддержки

Таблица 14

Связь различных уровней политической поддержки и доверия политическим и общественным институтам

Коэффициент корреляции Пирсона	Удовлетворенность работой правительства		Удовлетворенность функционированием демократии	
	Россия	Европа	Россия	Европа
Судебно-правовой системе	0,37	0,45	0,39	0,53
Парламенту	0,40	0,59	0,38	0,56
Политикам	0,37	0,58	0,38	0,52
Политическим партиям	0,33	0,56	0,35	0,51
Органы охраны правопорядка	0,32	0,40	0,33	0,47

Примечание: все указанные коэффициенты значимы при $p<0.000$.

и уровня доверия политическим институтам слабее, чем в Европе. Теснее всего эта связь с доверием парламенту, а также судебно-правовой системе и политикам. Слабее всего она в отношении политических партий и органов охраны правопорядка (см. табл. 14).

Стоит отметить, что доверие всем политическим институтам довольно тесно и положительным образом связано с удовлетворенностью жизнью в целом – чем больше люди доверяют каждому из политических институтов, тем выше их удовлетворенность своей жизнью в целом. Такая связь отмечена как в России, так и в Европе в целом, хотя в Европе она значительно сильнее, чем в России.

Удовлетворенность работой демократии – базовая поддержка, легитимность системы

Несмотря на большие сходства в строении политической системы между странами современной Европы, удовлетворенность результатами работы демократии очень сильно отличается от страны к стране. Условно страны можно разделить на четыре группы. В первую входят страны, где оценка работы демократии довольно высока (средняя по 11-балльной шкале 6,0 и выше), и среди них все Скандинавские страны, а также Швейцария, Кипр, Нидерланды и Австрия. Вторую группу стран составляют те, где удовлетворенность работой демократии средняя (около 5,0 по 11-балльной шкале). В эту группу, как это ни странно, входят самые разные страны, от относительно «новых», до самых «старых» демократий – Ирландия, Испания, Бельгия, Германия, Великобритания, а также Эстония. Остальные страны находятся скорее в положении неудовлетворенных состоянием своей демократии. К верхней части неудовлетворенной группы (средняя 4,0 и ниже по 11-балльной шкале) относятся Словакия, Франция, Словения, Латвия, Польша, Португалия и Румыния. К нижней – Россия, Венгрия, Украина и Болгария.

В «новых» демократиях население довольно низко оценивает работу демократии в целом, базовая поддержка новой системы пока относительно слаба. Однако в некоторых странах она уже приближается к среднеевропейскому уровню (5,0 по 11-балльной шкале) – в Эстонии, Словакии, Словении, Латвии, Польше и Румынии. В ряде стран, таких как Россия, Венгрия, Украина, Болгария, она еще очень далека от среднеевропейского уровня.

Какие именно социальные группы наиболее критически настроены в своих оценках функционирования демократии в России? От образования такие настроения зависят мало. Критически смотрят на функционирование демократии в России как люди малообразованные, так и люди с высшим образованием (табл. 15). Больше всего оценка работы демократической системы связана с возрастом людей. Молодые россиян 15–24 лет оказывают самую большую базовую политическую поддержку новой системе – молодежь оценивает функционирование демократии в России значительно выше, чем все другие группы населения. Это происходит либо в силу низкого интереса к политике и недостатка политических знаний, либо вследствие особенностей политической социализации, либо в силу общей позитивной установки и

Таблица 15

Связь образования и возраста с оценкой функционирования демократической политической системы в России

	Средняя по шкале оценки удовлетворенности работой демократии в России (шкала от 0 до 10)	Стандартное отклонение
ОБРАЗОВАНИЕ		
Начальное образование	3,71	2,64
Незаконченная средняя школа	3,68	2,50
Среднее специальное образование	3,37	2,33
Несколько курсов вуза, но без диплома	3,75	2,20
Высшее	3,59	2,39
ВОЗРАСТ		
15–17	5,40	2,47
18–24	4,15	2,35
25–29	3,61	2,40
30–39	3,60	2,30
40–49	3,32	2,18
50–59	3,19	2,62
60–69	3,05	2,44
70 и старше	3,44	2,47
В среднем по выборке	3,58	2,44

Таблица 16

Уровень удовлетворенности работой демократии и интерес к политике в России

ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ	Средняя по шкале удовлетворенности работой демократии в России (от 0 до 10)	Стардартное отклонение
Очень интересуетесь	3,43	2,66
В некоторой степени интересуетесь	3,55	2,33
Мало интересуетесь	3,59	2,29
Совсем не интересуетесь	3,68	2,76
В среднем по выборке	3,58	2,43

оптимизма. Среди людей старше 25 лет такое отношение становится редкостью. Наибольший критический потенциал – среди 50- и 60-летних, хотя и в других возрастных группах он довольно высок.

В России сложилась своеобразная модель связи интереса к политике и базовой политической поддержки системы. Более позитивно оценивают работу демократической системы в России те, кто меньше интересуется политикой. Наиболее критическое отношение – у тех, кто ею очень интересуется (табл. 16). Возможно, эта связь непрямая, а опосредована возрастом, так как возраст и интерес к политике, а также возраст и оценка работы демократии тесно связаны. Тем не менее важным остается то, что базовая поддержка системы

наиболее высока среди людей, мало интересующихся политикой, в то время как критический настрой к системе выражают наиболее заинтересованные в политике группы населения.

Уровни политической поддержки – взаимосвязь разных элементов

Россия отличается от других стран Европы тем, что в нашей стране удовлетворенность работой конкретных властей (средняя 4,39 по 11-балльной шкале) существенно превышает уровень удовлетворенности работой демократической политической системы в целом (средняя 3,58). В большинстве других стран Европы, напротив, оценка работы политической системы гораздо выше, чем оценка деятельности конкретного правительства (см. табл. 17). В России работу демократической системы страны оценили выше, чем работу конкретного правительства, лишь 15% (в Европе в целом таких чуть менее половины), а людей, которые считают работу правительства лучше, чем работу демократии в целом, – в два раза больше (среди всех жителей Европы – 18%).

В ряде европейских стран люди довольно критично оценивают работу своего правительства, но при этом функционирование демократии оценивается очень высоко – так происходит, в частности, в Норвегии, Австрии, Германии. Среди стран «новой» демократии также встречаются такие примеры – в Польше и Латвии оценка демократии гораздо выше, чем оценка нынешнего правительства. В этих странах, несмотря на то что люди не очень довольны тем, как действуют нынешние власти, они могут испытывать надежду, что в будущем ситуация изменится к лучшему, так как верят, что их политическая система и институты в целом неплохи и задача состоит лишь в улучшении работы конкретных исполнителей. В России же, напротив надежды связываются лишь с конкретной властью (личностью или группами), а на то, что сама система заработает хорошо, мало.

Еще ниже оценивают россияне состояние экономики страны (средняя 3,55 по 11-балльной шкале). То есть властью россияне довольны больше, чем результатом ее работы (состоянием экономики) или установленными в стране правилами и институтами власти, ее устройством. Такая ситуация характерна далеко не для всех стран «новой» демократии. Например, жители Украины в данном случае более последовательны – они резко недовольны

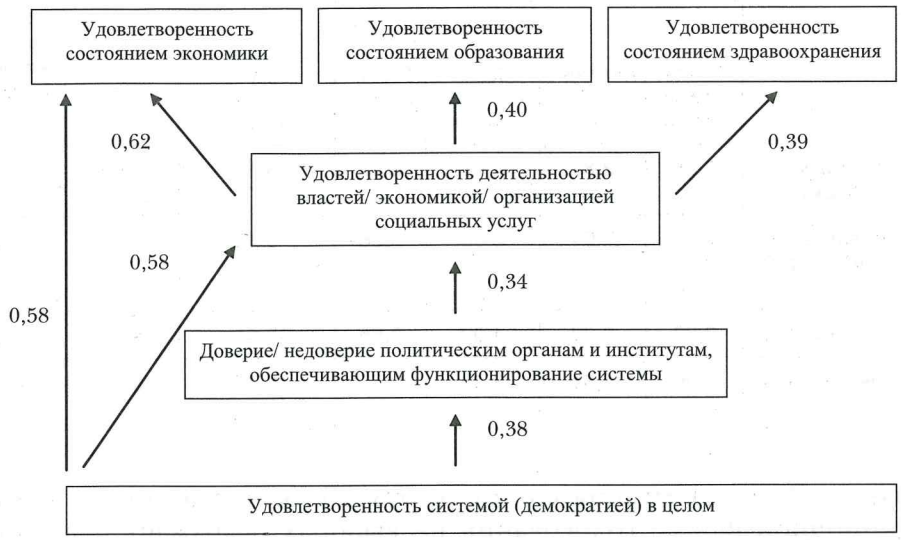
Таблица 17

Оценка работы демократии и оценки работы правительства в России и в Европе
(% от всех опрошенных)

	Европа	Россия
Оценка функционирования демократии выше, чем работы правительства	46	15
Оценка функционирования демократии так же, как работа правительства	28	30
Оценка функционирования демократии ниже, чем работы правительства	18	36
Затруднились ответить хотя бы на один из этих двух вопросов	8	19

Схема 3

Взаимосвязь различных элементов политической поддержки в России

Примечание: в схеме даны коэффициенты корреляции Пирсона, все они являются статистически значимыми при $p<0.001$.

всеми аспектами работы системы – и демократией, и экономикой, и непосредственной работой властей.

В среднем в Европе взаимосвязь оценки функционирования демократии и конкретной работы органов власти довольно высокая (коэффициент корреляции Пирсона 0,62, статистически значимый на уровне 95%). Почти столь же высок уровень связи оценки работы демократии и состояния экономики (0,609 коэффициент корреляции Пирсона, значимый на уровне 95%).

Политическая поддержка и политическое участие

В предшествующих работах по политическому участию был сделан вывод, что любая форма политического участия ведет к большей удовлетворенности работой политической системы в целом, укрепляет легитимность системы. Исключение составляют лишь протестные формы участия и то только те, где объектом протеста является политическая система в целом. В большинстве случаев этот вывод подтверждается и данными ESS. В большинстве стран люди, которые были вовлечены в какие-либо неэлекторальные формы участия в политике, в большей степени удовлетворены работой демократии, чем те, кто такого участия не принимал. Например, в Украине средняя оценка функционирования демократии составляет 3,9 по 11-балльной шкале среди тех, кто участвовал в политике в какой-либо форме, кроме участия в выборах, и 3,01 – среди тех, кто не участвовал, в Португалии – 4,76 и 4,12 соответственно, на Кипре – 6,93 и 6,53, в Болгарии – 2,96 и 2,65.

Таблица 18

Участие в неэлекторальных формах и доверие политическим институтам в России
(средние по шкале от 0 до 10)

	Доверие институтам					Оценка деятельности правительства	Оценка функционирования демократии
	Политические партии	Политики	Судебно-правовая система	Парламент	Правоохранительные органы		
Участвовал в политике хотя бы в 1 форме	2,86	2,88	3,66	3,43	3,12	4,05	3,08
Не участвовал в неэлекторальных формах	2,80	2,94	3,85	3,36	3,45	4,48	3,71
Голосовал на выборах	3,09	3,22	4,00	3,65	3,61	4,51	3,37
Не голосовал на выборах	2,20	2,31	3,33	2,77	2,87	3,98	3,35

Однако в России ситуация совсем другая. Те, кто участвует в политике в традиционной форме голосования на выборах, выражает бóльшую политическую поддержку как системе в целом, так и отдельным институтам – партиям, политикам, парламенту, а также судебно-правовой системе и даже правоохранительным органам, чем те, кто не участвует. Электоральное участие позитивно связано с доверием институтам политической системы. Но участие в неэлекторальных формах, наоборот, связано с элементами поддержки системы обратным образом. Те, кто принимал участие в каких-либо неэлекторальных формах, испытывают меньше доверия ко всем институтам системы, чем те, кто никакого участия в политической жизни не принимает. Участники разных политический действий, кроме электоральных, в меньшей степени удовлетворены демократией (средняя 3,08 по шкале от 0 до 10), чем те, кто нигде не участвовал (средняя 3,71 в табл. 18)[26].

Причины такой ситуации могут быть самые разные. Возможно, участники политических акций неэлекторального типа в России часто оказываются в ситуации, когда цели акций не достигнуты и участники не удовлетворены результатами своего участия, а виной этому считают несовершенство или препятствия со стороны политических институтов или системы в целом. В этом случае низкая политическая поддержка системы и ее институтов является следствием политического участия граждан. Возможно, сама мотивация их участия в разных формах политических действий, кроме электоральных, является протестной по своей сути, направлена на критику или изменение существующей системы. В таком случае низкая политическая поддержка является причиной неэлекторального политического участия России. Чтобы

[26] Приближается к России в этом отношении лишь Великобритания с Ирландией и Венгрия, где также удовлетворенность демократией немного выше среди неучаствующих, чем среди участвующих. Но в этих странах такое положение менее ярко выражено.

найти объяснения подобному явлению, потребуются дальнейший анализ и дальнейшие исследования.

Заключение

По своей политической культуре в настоящее время Россия входит в группу стран «новой», развивающейся демократии вместе с большинством восточноевропейских стран. Их объединяет время вступления на путь демократического развития, тип прежней политической системы, сходный экономический уровень и качество жизни, длительность существования новых демократических институтов, правил и норм. Хотя политическая культура России имеет и ряд особенностей, общих черт с политическими культурами других стран, находящихся на этом же этапе развития, у нее все же больше. Сходство политических культур этих стран позволяет говорить о том, что эти культуры являются переходными и соответствуют определенному этапу, который вынуждены пройти многие страны.

Политическая культура России характеризуется умеренным интересом населения к политике, который в последнее десятилетие хотя и медленно, но растет. При этом жители страны довольно низко оценивают свою политическую компетентность, ниже, чем во многих других странах Европы, в том числе и в странах, сходных по политической культуре. Характерной особенностью всех восточноевропейских стран является довольно низкий уровень политического участия по сравнению со странами Западной Европы. В России электоральное участие находится на среднем для этой группы стран уровне, а неэлекторальное участие – одно из самых низких. К особенностям политической культуры России можно отнести то, что политический интерес у россиян имеет пассивный характер и не приводит к участию в политике и управлении, кроме традиционной формы участия в голосовании. Другой особенностью является то, что взаимосвязь неэлекторального политического участия и политической поддержки в России не прямая, как в большинстве стран, а обратная – больше участвуют те, кто оценивает работу политической системы низко, т. е. мотивация участия является в основном протестной. В отношении электорального участия происходит наоборот – чаще на избирательные участки приходят те, кто мало интересуется политикой и в целом доволен существующей политической системой.

Базовая политическая поддержка системы в России очень низкая. Пока в стране не установлено доверие политическим и правовым институтам. Стабильной связи между различными элементами политической поддержки в России также пока не сложилось: На уровень доверия политическим институтам и оценку работы политической системы в целом оказывают влияние многочисленные ситуативные факторы. Это может привести к значительным колебаниям в уровне доверия институтам и в отношении к политической системе в целом. Только в России работа правительства оценивается значительной частью населения выше, чем работа демократической системы в целом, т. е. ситуативная поддержка оказывается выше базовой, диффузной. Это положение можно оценить как очень неустойчивое, так как успехи или неуспехи страны связываются с деятельностью конкретного

правительства или отдельных политиков или групп, а не устойчивых политических институтов.

Наиболее вовлеченными в политический процесс группами в России являются люди старшего поколения. Включенность молодежи в политику пока очень низкая. Низкий уровень участия молодежи в неэлекторальных формах характерен для всех странах, находящихся на этапе политических трансформаций в Европе. Однако молодежь России проявляет также очень низкий уровень электорального участия, что в других странах встречается гораздо реже.

Но если принять в качестве рабочей *«гипотезу закономерного этапа развития»* политической системы, то в последующие годы можно ожидать существенных изменений в политической культуре России. Данные таких многолетних сравнительных исследований как ESS могут служить очень важным источником знаний и эмпирической основой проверки теорий политических трансформаций в будущем.

Г.А. Монусова

Глава 5

СФЕРА ТРУДА: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В МЕЖСТРАНОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ*

ПОЛОЖЕНИЕ человека в сфере труда имеет два измерения: объективное и субъективное. Если первое определяется объективными условиями (например, весь набор условий труда и занятости, включая рабочее время и оплату труда), то второе является субъективным отражением этих условий в сознании человека. Одну и ту же реальность два человека могут оценивать по-разному. То, как конкретные объективные реалии субъективно воспринимаются, в свою очередь, влияет на поведение людей. Таким образом, то или иное поведение человека в сфере труда является результатом сложной индивидуальной комбинации взаимовлияния объективного и субъективного, где порой трудно выделить первичное и вторичное. Отсюда вытекает важность и необходимость понимания «хитрых» переплетений объективных и субъективных характеристик трудовой сферы.

Объективные характеристики, формирующие отношение к труду, могут лежать в разных плоскостях и на разных уровнях. Прежде всего, отношение к труду формируется под воздействием типа личности, индивидуальных характеристик индивидов и их рабочих мест, социальной встроенности человека и т.д. Но есть и факторы, действующие на макроуровне. К ним можно отнести уровень экономического положения страны, доминирующие в стране культурные ценности, модель функционирования рынка труда и т.п. Эти факторы образуют страновой контекст, который может влиять как на структуру индивидуальных характеристик (например, распределение по образованию или по профессиям), так и непосредственно на уровень удовлетворенности трудом. Можно предположить, что люди, имеющие схожие персональные характеристики (включая характеристики рабочих мест), но живущие в разных страновых контекстах, могут значимо различаться между собой по субъективному восприятию труда, ключевым (интегральным) показателем которого является удовлетворенность трудом.

Мы ищем ответ на вопрос: как граждане различных европейских

* Статья выполнена при финансовой поддержке Центра фундаментальных исследований Государственного университета – Высшая школа экономики.

стран различаются своими оценками труда? Естественно, что в центре этого анализа – россияне, наши соотечественники. Как они позиционированы среди других европейцев? Если как-то выделяются, то почему? Что объясняет эти различия: демография, культура или характеристики рабочих мест?

Цель данной работы – проанализировать межстрановые различия в субъективных оценках труда, прежде всего в оценке удовлетворенности трудом и попытаться понять взаимодействие между страновыми и индивидуальными объективными характеристиками, формирующими отношение к труду.

Субъективные оценки труда: что нам известно?

Субъективные оценки труда – это, прежде всего, показатели, характеризующие отношение к труду как в целом, так и к отдельным его сторонам. Мы оцениваем наш труд, исходя из его содержания, оплаты, производственных условий, графика работы, ее гарантированности и стабильности и т.п. Интегральной субъективной характеристикой трудовой деятельности является удовлетворенность трудом в целом, которая «схватывает» отношение (оценку, социальную установку, attitude)[1] индивида к своему труду, благодаря «взвешиванию» им плюсов и минусов своей работы. При этом эти плюсы и минусы (т.е. блага и издержки) предварительно соотносятся индивидом со своими притязаниями[2].

Большинство исследователей, анализируя субъективные оценки труда, оценивают прежде всего удовлетворенность трудом в целом как ключевое (интегральное) понятие. При этом частные «удовлетворенности» (отношение к отдельным элементам труда и занятости) рассматриваются как дополнительные (составляющие) характеристики.

Проблеме удовлетворенности трудом, в частности механизмам ее формирования, посвящены тысячи публикаций в разных странах мира. Наиболее полный обзор исследований в этой области, проведенных индустриальными психологами и социологами к середине 70-х годов прошлого века, предложен американским психологом Э. Локком[3].

Из его анализа следует, что термин «удовлетворенность трудом» или «удовлетворенность работой», несмотря на широкое использование, не имеет общепринятого определения. Каждый исследователь использует свое операциональное определение. Сам Э. Локк первоначально формулировал удовлетворенность трудом как «приятное позитивное эмоциональное состояние в результате оценки своей работы или своего опыта»[4]. В дальнейшем он дал более развернутое определение: «удовлетворенность трудом является результатом оценки человеком своей работы как средства достичь определенных

---

[1] См.: *Магун В.* Потребности и психология социальной деятельности личности / Ред. В. Ядов. – Л.: Наука, 1983. – С. 104–136.

[2] В дальнейшем мы будем использовать термины «субъективные оценки труда», «субъективные показатели труда», «удовлетворенность трудом», «удовлетворенность работой» как синонимы.

[3] См.: *Locke E.* The Nature and Causes of Job Satisfaction / Handbook of Industrial and Organizational Psychology. 1976.

[4] Там же. – С. 1300.

ценностей, связанных с работой, при условии, что эти ценности дают возможность удовлетворить потребности индивида»[5].

В результате анализа многочисленных работ в области индустриальной психологии и социологии (около 3300 работ, затрагивающих проблемы удовлетворенности трудом и опубликованных с начала XX века), подытоживая дискуссии научного сообщества по сюжетам отношения к труду, Локк делает следующие выводы:

1. Удовлетворенность трудом индивида тесно связана с его восприятием жизни в целом, семьи и самого себя как личности, прямо или косвенно может коррелировать с его здоровьем (физическим и психологическим). Неудовлетворенность трудом может быть причиной абсентеизма и излишней мобильности на рынке труда[6].

2. Удовлетворенность трудом формируется благодаря совместимости для человека ценности конкретного труда и потребности в нем. Среди наиболее важных ценностей, способствующих удовлетворенности трудом, отмечаются следующие: интересность работы, понятное и прозрачное вознаграждение за труд, удобные и комфортные производственные условия и т.п.

Как видим, подход психологов отличается тем, что они стараются детально объяснить сущность, природу, механизм формирования удовлетворенности трудом через призму субъективного восприятия тех или иных сторон труда.

Достаточно близка к психологам позиция социологов. Они анализируют вариацию удовлетворенности трудом как эмоциональное состояние различных социально-демографических групп, оценивают влияние различных субъективных и объективных факторов. К примеру, А. Каллеберг выделял три типа объяснения вариации удовлетворенности трудом среди рабочих. Первый тип объяснений был связан с персональными характеристиками рабочих, второй рассматривал удовлетворенность трудом как функцию от различий в природе труда, а третий тип объяснял вариацию в отношении к труду, исходя из различной мотивации и предпочтений индивидов[7].

А. Каллеберг подчеркивал, что для более глубокого анализа отношения людей к своей работе социологам необходимо опираться на теории психологов в части понимания реакций индивидов на труд, а для представления структурных факторов рынка труда – на теории экономистов. По его мнению, барьеры между научными дисциплинами создают препятствия для изучения вопросов, связанных с субъективными оценками труда.

В конце 70-х годов прошлого столетия субъективными трудовыми показателями заинтересовались экономисты. Удовлетворенность трудом стали рассматривать как экономическую категорию[8], заговорили об «экономике

---

[5] См.: *Locke E.* The Nature and Causes of Job Satisfaction / Handbook of Industrial and Organizational Psychology. 1976. C. 1307.

[6] Там же. – С. 1334.

[7] *Kalleberg A.* Work Values and Job Rewards: A Theory of Job Satisfaction// American Sociological Review. Vol. 42. No. 1 (Feb., 1977). P. 124–143.

[8] *Hamermesh D.* Economic Aspects of Job Satisfaction // Essays in Labor Market Analysis, N.Y. 1977; *Freeman R.* Job Satisfaction as an Economic Variable // The American Economic Review. Vol. 68. No. 2. 1978. P. 135.

счастья»[9], экономической полезности субъективных показателей. Как заметил американский экономист Р. Фриман, «ответ на вопрос о том, что люди чувствуют по отношению к своей работе, не лишен смысла, он передает полезную информацию об экономической жизни людей, которая не должна быть игнорирована»[10].

Экономисты не акцентировали внимание на определении сущности и природы феномена удовлетворенности. Например, Д. Хамермеш в своей работе, в которой он возвел удовлетворенность трудом в ранг экономической категории, определял удовлетворенность трудом крайне примитивным способом: это ответы респондентов на вопросы, отражающие их отношение к труду. Вклад же экономистов в исследование субъективных оценок труда он видел в новом подходе к изучению субъективного восприятия экономических реалий[11]. Д. Хамермеш писал, что индустриальные психологи построили множество теорий удовлетворенности трудом, которые нуждаются в серьезной проверке. «Наша теория, – продолжал Д. Хамермеш, – должна: а) обеспечить достойное объяснение этих слабых эмпирических результатов, б) указать разумные (основательные) объяснения, почему мы вовлекаем в анализ те или иные переменные, в) выдвинуть дополнительные гипотезы, которые ранее не обсуждались либо не проверялись»[12].

Своей работой Хамермеш заострил внимание на необходимости использования более продвинутого эконометрического аппарата для оценок субъективных показателей в сфере труда, тем самым признавая важность понимания обществом трудового самочувствия занятого на рынке труда населения и открывая «двери» для последующих экономических исследований. Эстафета была принята достаточно быстро.

Р. Фриман сконцентрировал свое внимание на удовлетворенности трудом при анализе функционирования рынка труда, и, в частности, он показал, что отношение к труду является одним из важнейших факторов, влияющих на трудовую мобильность[13].

Кларк и Освальд анализировали важность индивидуальных характеристик и характеристик рабочего места, объясняя уровень удовлетворенности трудом в Британии. В частности, они привлекли внимание к тому, что женщины здесь в большей мере довольны своей работой, чем мужчины (в большинстве стран наблюдается иная картина). Этот факт они объясняют тем, что претензии (ожидания) женщин от условий работы и от содержания работы ниже, чем у мужчин, а соответственно и оценка работы у женщин выше[14]. Бланчфлауэр

---

[9] *Blanchflower D., Oswand A.* Well-Being over Time in Britain and the USA // Journal of Public Economics. 2004, 88: 7–8. P. 1359–3886.

[10] *Freeman* R. Job Satisfaction as an Economic Variable // The American Economic Review. Vol. 68. No. 2. 1978. P. 135.

[11] *Hamermesh D.*. Economic Aspects of Job Satisfaction. P. 54.

[12] Там же. – С. 55.

[13] *См.: Freeman. R.* Job Satisfaction as an Economic Variable // The American Economic Review. Vol. 68. No. 2. 1978.

[14] *Clark A.* Job Satisfaction in Britain// British Journal of Industrial Relations. June 1996. P. 189–217; *Clark A.* Job Satisfaction and Gender: Why Are Women so Happy at Work? // Labor Economics. 4. P. 341–372.

и Освальд попытались найти связь между улучшением экономических показателей и оценками жизни и труда. Их выводы свидетельствуют о том, что удовлетворенность трудом не менялась во времени ни в США, ни в Британии, несмотря на существенное повышение заработков, улучшение условий работы и т.п.[15] Эти результаты говорят о том, что механизмы формирования удовлетворенности трудом не так просты, как кажутся, и нуждаются в более тщательном и многостороннем изучении.

Исследования субъективных оценок труда заиграли новыми красками с появлением эмпирических данных международных обследований в этой области[16]. Стали возможны межстрановые сравнения. Это дало возможность, с одной стороны, глубже и более всесторонне изучать механизмы формирования удовлетворенности трудом и лучше понимать вклад страны в этот механизм, а с другой – дало свидетельства высокой межстрановой вариации по данному показателю.

Учитывая наш исследовательский интерес к международным сопоставлениям, остановимся более подробно на некоторых работах, посвященных межстрановым сравнениям. В частности, обращает на себя внимание работа Alfonso Sousa-Posa, Andres A. Sousa-Posa «Well-being at Work: cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction», в которой на основе данных ISSP (за 1997 г.) анализируются факторы, влияющие на отношение к труду в 21 стране[17]. В основу исследования положена идея, что удовлетворенность трудом отражает наше восприятие соотношения трудового вклада (издержек образования, трудовых усилий, здоровья, рабочего времени) и получаемого эмоционального результата, который может выражаться в том, что мы довольны заработком, комфортными условиями труда, хорошими отношениями с руководством и коллегами, интересной содержательной работой и т.д. Работа выстроена вокруг проверки этой гипотезы. Авторы отмечают, что уровень удовлетворенности трудом варьирует по исследуемым странам. В Дании фиксируются наиболее высокие оценки, а в России и в Венгрии – наиболее низкие. И объяснения этих различий лежат, по мнению авторов, именно в психологической плоскости нашего восприятия «вклада» и «отдачи». К примеру, в Дании, Швейцарии, Голландии при низких «издержках» заметна высокая «отдача» и как следствие – высокая удовлетворенность трудом. В России, Болгарии, Венгрии, Чехии, напротив, при высоких издержках труда отмечается низкая эмоциональная отдача от различных элементов труда и низкий уровень удовлетворенности трудом. Несмотря на то, что данный подход интересен и привлекателен, он содержит ряд противоречий. Действительно, очень трудно выделить на психологическом уровне затраты и результат. Например, затраты времени, с одной стороны, это вклад труда, с другой – удобный режим работы может быть самым главным элементом для

---

[15] *Blanchflower D., Oswald A.* Well-Being over Time in Britain and the USA // Journal of Public Economics., 2004, 88: 7–8. P. 1359–386.

[16] ISSP 1989,1997, 2006; ESS – 2006; European Community Household Panel Survey (1994 – 2001); ESS (2002, 2004, 2006).

[17] *Sousa-Posa A., Sousa-Posa And.* Well-Being at Work: Cross-national Analysis of the Levels and Determinants of Job Satisfaction // The Journal of Socio-Economics 29 (2000). P. 517—538;

кого-то в оценке его труда и, с этой точки зрения, эмоциональным результатом. Таким образом, удовлетворенность трудом объясняется восприятием тех или иных особенностей труда, т. е. одни субъективные характеристики выражаются через другие. Такой подход не отвечает на вопрос, что же формирует наше отношение к труду. Кроме того, получаемые оценки смещены из-за сильной эндогенности.

Namkee Ahn & Juan Ramon Garcia анализируют удовлетворенность трудом в целом и удовлетворенность отдельными элементами труда среди занятого населения европейских стран, используя данные European Community Household panel Survey (1994–2001)[18]. Данное исследование показывает, что различия между странами в уровне удовлетворенности трудом остаются значимыми даже после того, как контролируются основные персональные характеристики работников и их рабочих мест. На основании этого авторы делают выводы о влиянии на оценку труда специфических особенностей той или иной страны, например культурных ценностей, предпочтений нации и т.п. Следующим важным результатом этого исследования является оценка эффектов воздействия на уровень удовлетворенности трудом различных факторов. В частности, исследование показывает, что, несмотря на влияние размера заработков на оценки труда, не меньший эффект, а, может быть, даже больший, оказывает состояние здоровья. Имеет значение также тип контракта, соответствие уровня образования и квалификации работника уровню сложности той работы, которую он выполняет, и т.д.

Использование субъективных показателей для экономических оценок остается дискуссионным вопросом[19]. Традиционно экономисты старались избегать субъективных показателей, считая их «черным ящиком», вскрывать который дозволено только психологам. Один из критических аргументов против субъективных показателей связан с тем, что нет двух людей, использующих одинаковую шкалу для измерения своего социального самочувствия[20]. Эта проблема усложняется при межстрановых сопоставлениях, в которых важное значение имеет кросс-культурный компонент. В разных группах люди могут не только по-разному «нагружать» различные части шкалы, но и использовать разные «якоря» для привязки минимального значения шкалы.

Кристенсен и Йохансон предложили способ «решкалирования» удовлетворенности трудом с использованием метода так называемых «якорных виньеток»[21]. Его суть в том, что в анкету включаются вопросы, заведомо воспринимаемые одинаково в разных странах. Ответы на такие вопросы

---

[18] *Ahn N., Garcia J.R.* Job Satisfaction in Europe, FEDEA – D.T. 2004. – 016.

[19] *Blanchflower D., Oswand A.* Well-Being over Time in Britain and the USA // Journal of Public Economics. 2004. 88:7–8. P. 1359–386; *Layard R.* Happiness – Has Social Science a Clue? / Centre for Economic Performance, Lionel Robbins Memorial Lectures, 2003/3, LSE .

[20] См., например: *Nguyen A.N., Taylor J. and Bradley S.* Job Autonomy and Job Satisfaction: New Evidence, Lancaster University, WP № 2003/050; *Alan B. Krueger, David A. Schkade.* The reability of subjective well-being measures // Princeton University, WP 2007/516.

[21] *Kristensen N., Johansson E.* New Evidence on Cross-country Differences in Job Satisfaction Using Anchoring Vignettes // Labor Economics. 2008. № 15. P. 96–117.

могут служить определенным «якорем» (базой, точкой отсчета) для привязки субъективных шкал. Авторы, в частности, показывают, что применение «виньеток» меняет ранжирование стран в уровне удовлетворенности трудом (в их работе на первое место выходит Голландия, оттесняя Данию).

Россия практически не представлена в межстрановых исследованиях удовлетворенности трудом. Отношение к труду изучалось у нас, в основном, социальными психологами и социологами[22]. Однако практически весь анализ российских социологов как академических, так и отраслевых базировался на данных отдельных предприятий и фокусировался преимущественно на оценках удовлетворенности трудом у рабочих. Подобных исследований в 60–80-е годы прошлого века было проведено достаточно много[23]. При этом работ, исследующих формирование удовлетворенности трудом в России в сопоставлении с другими европейскими странами, практически нет[24].

Методология и данные

Предлагаемое исследование базируется на данных третьей волны Европейского социального исследования (ESS), проведенного в 2006 г. В этом раунде ESS участвовали 25 стран, но наш анализ ограничен 19 из них, данные по которым были доступны к моменту написания статьи. В рамках ESS подробно изучаются представления и ценностные ориентации людей по очень широкому кругу вопросов, включая их трудовую деятельность. Поскольку наш анализ посвящен субъективным оценкам труда, мы анализируем только занятое население и тем самым ограничиваем рабочую выборку. Такая выборка (для 19 стран) составила 20 890 человек, в том числе 1300 человек в России.

Ключевым показателем в нашем анализе является *удовлетворенность трудом в целом*. В обследовании этот показатель представлен ответом на вопрос: «Принимая во внимание все стороны Вашей работы, насколько Вы

---

[22] См., например: *Здравомыслов А., Ядов В.* Человек и его работа в СССР и послед. 2-е изд. – М., 2003; *Магун В.* Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. Препринт WP3/2006/09. Серия WP3: Проблемы рынка труда. – М.: ГУ ВШЭ, 2006; Потребности и психология социальной деятельности личности. – Л.: Наука, 1983; Два типа соотношения продуктивности труда и удовлетворенности работой // Социологические исследования. – 1983. – № 4; Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. – 1985. № 2; Субъективная значимость работы и ее динамика в 1990-е годы // Пути России / Под ред. Т.Е. Ворожейкиной. – М.: Интерцентр, 2004.

[23] См.: *Патрушев В.Д., Калмакан Н.А.* Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. – М.: Наука, 1993; Структура и динамика трудовых ценностей российского населения (по данным международных исследований 1990-х гг.) // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001. – С. 430–448 и др.

[24] См., например: *Хахулина Л.А.* Труд в системе жизненных ориентиров россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 5 (85). – С. 28–37; *Кревневич В.В.* Автоматизация и удовлетворенность трудом. – М.: Мысль, 1987.

удовлетворены своей работой?». Для ответа предлагается отметить число на 10-балльной шкале, где 0 — «совершенно неудовлетворен», а 10 — «удовлетворен полностью».

Частные показатели характеризуют различные аспекты труда.

Содержательность труда оценивается ответом на вопрос: «Как часто, на Ваш взгляд, Ваша работа интересна?». Для ответа предлагается шкала от 0 («никогда») до 6 («все время, постоянно»).

Отношение к самой работе отчасти передает вопрос: «Как часто, на Ваш взгляд, Ваша работа полна стрессов?». Ответ предлагается отметить на непрерывной шкале от 0 до 6, где 0 означает «никогда», а 6 — «все время».

Следующая группа вопросов связана с характеристиками и оценками условий труда.

Отношение к режиму работы. Вопрос звучит следующим образом: «Насколько Вы удовлетворены соотношением времени, которое Вы тратите на работу, и временем, которое Вы посвящаете другим сторонам Вашей жизни?».

Для ответа предложена также 11-балльная шкала, где 0 — «совершенно неудовлетворен», а 10 — «полностью удовлетворен». В такой формулировке этот вопрос схватывает относительность восприятия человеком рабочего времени и вынужденную необходимость работать то или иное количество часов. Действительно, один получает удовольствие от работы, стремится работать как можно больше, и такой режим его более чем устраивает. Другой — проводит на работе немного времени, но даже это время он воспринимает как вынужденный отрыв от других, более важных для него дел.

Восприятие и оценка справедливости оплаты труда «схватывается» вопросом: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: моя зарплата соответствует затрачиваемым усилиям и успехам, которых я достиг в своей работе?». Для ответа предлагается шкала, где 1 — «полностью согласен», 2 — «согласен», 3 — «где-то посередине», 4 — «не согласен», 5 — «совершенно не согласен».

Восприятие стабильности и гарантированности рабочего места отражают ответы на вопрос: «Насколько вероятно, что в течение ближайших 12 месяцев Вы останетесь без работы»? Предлагаемые варианты ответов: «очень вероятно», «вероятно», «не очень вероятно», «совсем невероятно».

В рамках исследования собирается и объективная информация о личностных и профессиональных характеристиках респондентов (их пол, возраст, образование, семейное положение, наличие детей, стаж работы, опыт безработицы, профессия и т.п.). Респонденты отвечают и на вопросы, призванные дать объективную характеристику их рабочим местам. В итоге мы располагаем также данными о том, в какой отрасли заняты респонденты, о размере предприятия, продолжительности рабочего времени, членстве в профсоюзе, профессиональном статусе, степени их автономии и ответственности в работе и т.д.

Анализ эмпирических данных мы начинаем с определения взаимосвязи общей удовлетворенности трудом и отношения респондентов к отдельным элементам занятости (содержательность труда, справедливость оплаты труда, режим работы). Далее мы переходим к исследованию удовлетворенности трудом, сопоставляем средние оценки этого показателя для каждой страны.

Однако известно, что любые средние оценки упрощают реальную действительность. Поэтому мы усложняем анализ – переходим к сравнению отдельных групп внутри этих стран и выделяем для сравнения группы людей, максимально схожих по демографическим характеристикам, профессии, образованию, типам занятости. Для этого привлекаем стандартные методы регрессионного анализа, предназначенные для случая, когда зависимая переменная является качественной и измеряется с помощью порядковой шкалы.

Логика нашего исследования выстроена последовательно вокруг следующих вопросов: Каковы различия в удовлетворенности трудом между странами? Какова зависимость индивидуальных характеристик респондентов с их оценками своего труда? Каково влияние различных рабочих мест на удовлетворенность трудом?

Основные гипотезы, которые структурируют наш анализ, выглядят следующим образом:

Гипотеза 1. *Работники со схожими демографическими характеристиками и одинаковым уровнем человеческого капитала, занимающиеся примерно одинаковой деятельностью в сопоставимых условиях, но живущие в разных странах, будут иметь близкий уровень удовлетворенности трудом.*

Согласно этой гипотезе индивидуальные характеристики и условия труда являются более важными детерминантами удовлетворенности трудом, чем страновая принадлежность.

Гипотеза 2. *Удовлетворенность трудом в России ниже, чем в большинстве европейских стран, в основном, из-за низкого качества рабочих мест.*

Данная гипотеза объясняет отставание России в межстрановых сопоставлениях средних величин разрывом между структурой предпочтений, задаваемой уровнем образования (доля занятого населения с высшим образованием в России заметно выше, чем в большинстве европейских стран), и структурой рабочих мест, среди которых велика доля «плохих», т.е. таких, которые не удовлетворяют притязаниям образованных людей.

Взаимодействие субъективных показателей: общая удовлетворенность трудом и частные оценки трудовой ситуации

Европейское социальное исследование позволяет оценить не только интегральную удовлетворенность трудом, но и отношение респондентов к различным аспектам труда. Мы располагаем частными субъективными оценками: содержательности труда, режима работы (удовлетворенность соотношением времени на работу и на другие стороны жизни), наличия стресса на работе, справедливости оплаты труда, стабильности рабочего места. Причинно-следственные связи в этом «пучке удовлетворенностей» нам не известны и на имеющихся в нашем распоряжении данных не могут быть установлены. Тем не менее сам факт наличия тесной связи между оценками общей удовлетворенности трудом и частными субъективными оценками кажется очевидным. В табл. 1 (см. приложение) приведены соответствующие коэффициенты корреляции для всех стран–участниц ESS. Все коэффициенты (за несколькими исключениями, указанными в комментарии к таблице) статистически значимы с вероятностью в 99%.

Представляет интерес не только наличие единого для всех стран паттерна связности общей удовлетворенности и частных оценок, но и определенная упорядоченность коэффициентов корреляции для частных оценок. Наиболее тесные связи (максимальные значения коэффициентов корреляции) наблюдаются между общей удовлетворенностью трудом и интересной (содержательной) работой, а также оценкой временно́го режима труда (соотношения времени, выделяемого на работу и досуг). Остальные частные оценки заметно слабее связаны с общей удовлетворенностью.

Такая упорядоченность коэффициентов корреляции между общей и частными оценками труда практически для всех стран из нашей выборки может косвенно свидетельствовать о наличии некоторых скрытых закономерностей. Люди, по-видимому, воспринимают «удовлетворенность трудом» схожим образом, связывая ее в большей мере с содержанием и режимом, чем со справедливостью в оплате или гарантиями стабильности.

Учитывая вышесказанное, в дальнейшем мы сосредоточим наше внимание на анализе общей удовлетворенности трудом, считая ее интегральным показателем.

«Простые» межстрановые сопоставления: экономика, культура и удовлетворенность трудом

График 1 ранжирует анализируемые страны по убыванию средних значений удовлетворенности трудом в целом. Линия ЗЕ соответствует среднему значению удовлетворенности трудом для «старокапиталистической» Западной Европы, ЦВЕ – среднему значению для постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, уже вступивших в Европейский Союз.

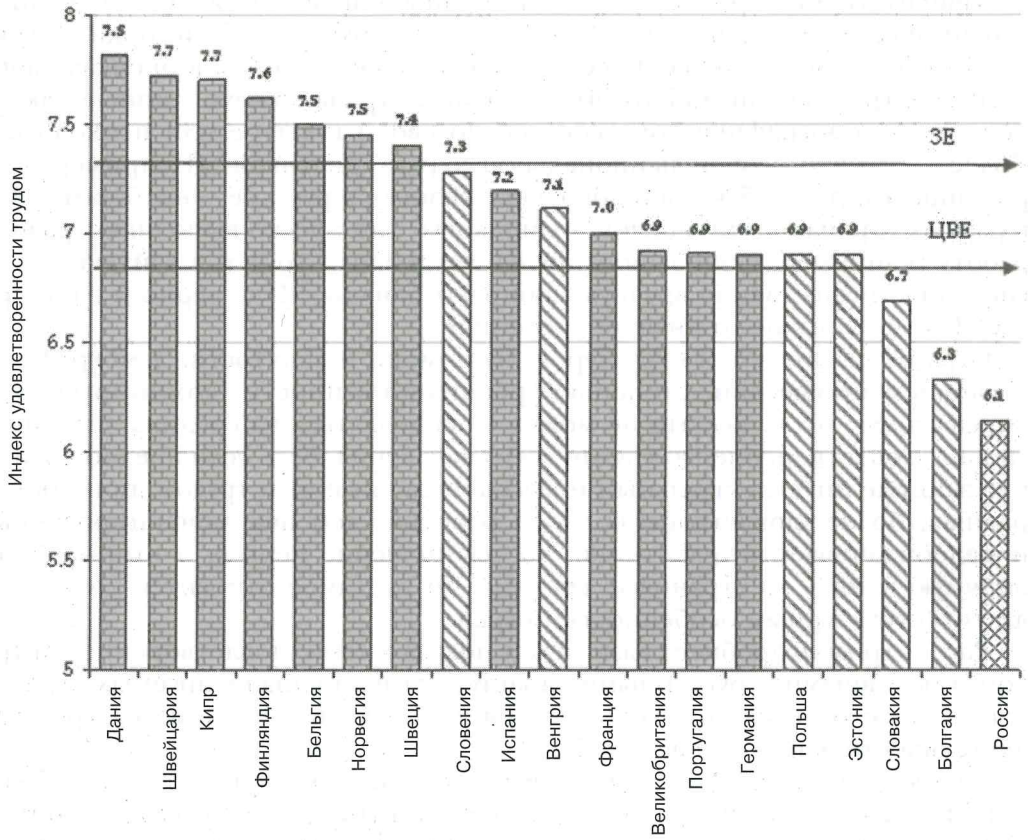
Из графика следует несколько предварительных выводов. Во-первых, мы наблюдаем значительную вариацию между странами: средний уровень удовлетворенности варьирует между значениями в 6,14 и 7,82 (по 11-балльной шкале). Удовлетворенность трудом в «старокапиталистических» странах Западной Европы в среднем заметно выше (7,3), чем в «новых капиталистических» странах Центральной и Восточной Европы (6,7). Среди самых «удовлетворенных» своей работой – жители стран протестантской северной Европы и протестантской же Швейцарии (кстати, послужившей главным объектом для знаменитой работы М. Вебера о протестантской этике), а также примкнувший к ним южноевропейский и православный Кипр. В центре списка находятся католические страны южной Европы (Испания, Португалия, Франция), а также примыкающая к ним Венгрия. В его нижней части – постсоциалистические страны (Польша, Эстония, Словакия, Болгария). Но самый низкий уровень удовлетворенности трудом наблюдается в России (6,14 балла). Россия заметно отстает от идущей впереди нее Болгарии (6,34), не говоря уже о Словакии или Эстонии. Отличия от России во всех странах статистически значимы.

Таким образом, мы видим, что по среднему уровню удовлетворенности трудом своих граждан Россия находится на дальней «обочине».

За вариацией средних значений скрывается смещение в сторону позитивных или негативных оценок. Таблица 2 (см. приложение) показывает, как граждане разных стран выбирают крайние позиции на шкале удовлетворен-

График 1

Средние значения удовлетворенности трудом в России и других странах Европы

ности трудом (0–10). Отберем тех, кто выбрал низкие значения (0–2), и тех, кто дал высокие оценки (8–10). В странах – лидерах «удовлетворенности» (например, в Дании) – удельный вес высоких оценок достигает 68%, а удельный вес низких колеблется в районе 2%. Похожая картина наблюдается в Швейцарии, Финляндии, Бельгии и т.д. Иначе обстоят дела в странах–аутсайдерах рейтинга удовлетворенности. В России, Болгарии, Украине, где общий уровень удовлетворенности трудом низок, процент высоких оценок едва достигает 40%, а удельный вес низких составляет 8–9%.

Значения в колонке 2 табл. 2 говорят о том, что в странах с высокими оценками разброс значений (стандартное отклонение) существенно меньше, чем в тех странах, где уровень удовлетворенности трудом ниже. Например, в Финляндии, на Кипре, в Дании ответы респондентов сконцентрированы в зоне высоких значений удовлетворенности, а в России, Украине, Болгарии или Венгрии ответы размазаны более равномерно по всей 10-балльной шкале. По-видимому, *низкие значения удовлетворенности трудом в России объясняются не столько тем, что у нас меньше удовлетворенных своим трудом, сколько тем, что среди россиян больше тех, кто крайне неудовлетворен.*

Почему средние страновые оценки удовлетворенности трудом столь сильно различаются? Что формирует удовлетворенность труда внутри страны? Отношение людей к своей работе всегда эмоционально окрашено, и это вряд ли зависит от того, гражданами какой страны они являются. Однако в одной стране люди могут значительно чаще хвалить свою работу или гордиться ею, а в другой – гораздо реже. С чем связаны такие различия в оценках своих чувств? Отражают ли они то, что в разных странах живут «разные» люди: по своему демографическому составу, по своей культуре или психологии? Является ли это особой национальной характеристикой? (Например, американцы всегда улыбаются и довольны жизнью, а русские – наоборот.) Или в разных странах люди в целом «одинаковы», но просто выполняют разную работу (например, одни заняты интеллектуальным трудом в хайтеке, а другие – преимущественно вручную собирают бананы)? Или верно и то, и другое? Или есть какие-то иные объяснения?

Страны различаются структурой экономики и занятости, демографией, профилем профессий, степенью урбанизированности, доминирующими конфессиями и т.п. Все это не может не сказываться на средних значениях уровня удовлетворенности трудом всего населения. Ведь если предположить, что занятые интеллектуальным и высокооплачиваемым трудом, при прочих равных, более удовлетворены своей работой, чем неквалифицированные и малооплачиваемые работники, то соотношение первых и вторых будет впрямую влиять на страновые средние. То же самое относится ко многим другим структурным особенностям стран.

Рассмотрим подробнее связи между показателями удовлетворенности трудом и основными структурными характеристиками анализируемых стран, в частности с теми из них, которые прямо или косвенно касаются трудовой деятельности занятого населения.

Уровень экономического развития страны. Можно предположить, что в более богатых странах люди в целом в большей степени довольны своей работой. Объяснение этому здесь простое: богатство создается высококвалифицированным и высокопроизводительным трудом, который, в свою очередь хорошо вознаграждается. Представленные в обследовании страны сильно различаются по экономическому благосостоянию: разброс стран в нашей выборке по показателю ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) составляет около 4 раз. К примеру, в 2006 г. Норвегия была лидером по этому показателю, который составлял 43,8 тыс. долларов, а Россия и Болгария имели наименьшее значение среди выбранных стран (10,1 тыс. Россия и 11,6 тыс. долларов на душу Болгария)[25]. Статистическая зависимость между показателем ВВП на душу населения и уровнем удовлетворенности трудом представлена на графике 2. Эта зависимость – прямая и положительная, а коэффициент корреляции составляет значимые 0,69. Россия и Болгария занимают соседние места в нижней левой части этого графика, тогда как Норвегия и Швейцария расположились по соседству друг с другом в правом верхнем углу.

Отраслевая структура. Отраслевая структура косвенно характеризует

[25] http://www. hdrstats.undp.org. Human Development Report, 2007/2008.

График 2

Связь индекса удовлетворенности трудом по странам и ВВП на душу населения, тыс. долларов (international dollars, 2006, PPP)

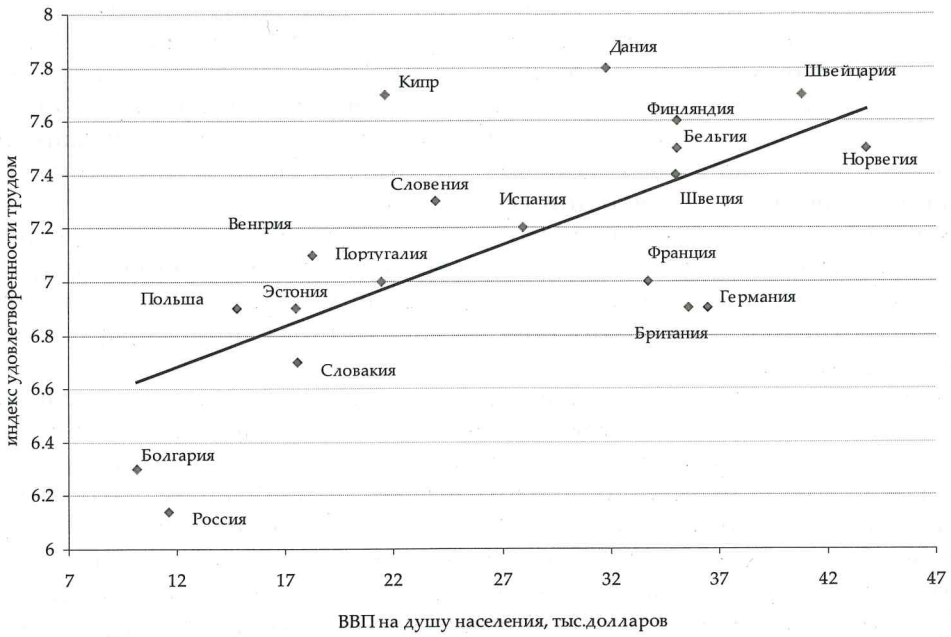
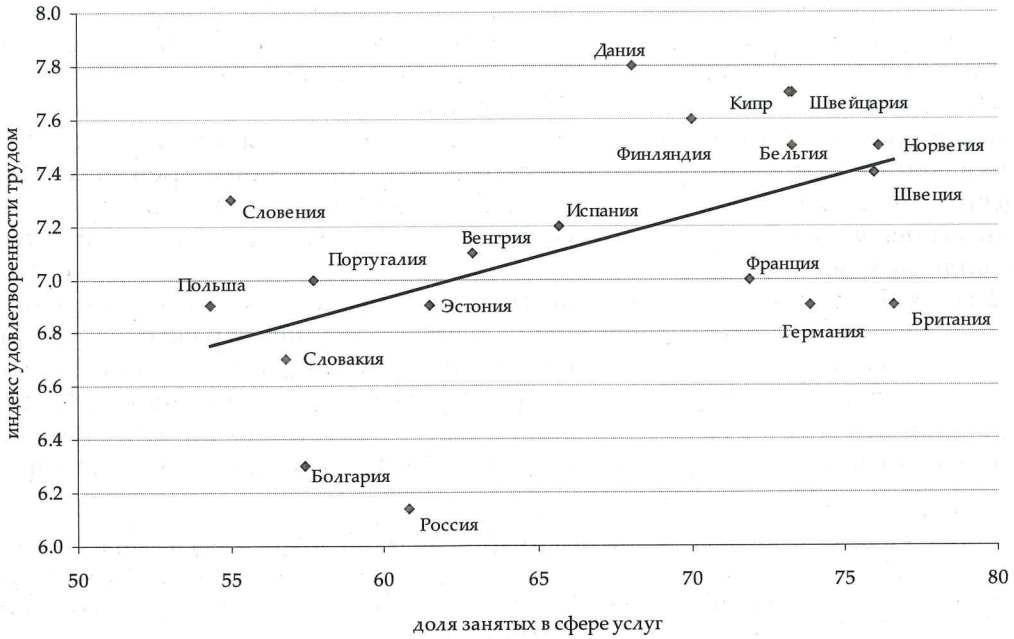

График 3

Удовлетворенность трудом и доля занятых в сфере услуг

основные сферы занятости, а тем самым отражает структуру рабочих мест, профессий и квалификации. Как известно, по мере экономического развития страны возрастает доля третичного сектора экономики, который вытесняет не только первичный, но и вторичный. Как связаны между собой доля услуг в экономике страны и уровень удовлетворенности трудом? График 3 демонстрирует тесную положительную связь уровня удовлетворенности трудом и доли занятых в сфере услуг (третичный сектор). Чем выше доля занятых в секторе услуг, которая косвенно отражает постиндустриальный характер экономики, тем выше удовлетворенность. Причем связь между ними очень тесная: коэффициент корреляции составляет 0,73.

На этом графике Россия находится гораздо ниже линии тренда. Если бы Россия находилась на уровне тренда, то уровень удовлетворенности трудом составлял бы около 7 баллов. Такое занижение может свидетельствовать о влиянии на оценки удовлетворенности трудом иных понижающих факторов.

Человеческий капитал. Ключевая характеристика накопленного человеческого капитала нации – это достигнутый уровень образования. Чем выше образование человека, тем лучше у него доступ к «хорошим» рабочим местам – современным, стабильным, высокооплачиваемым. Это должно положительно сказываться на уровне удовлетворенности трудом. Однако с уровнем образования растут и притязания, поскольку требования к работе у образованных людей значительно выше. Если экономика не в состоянии генерировать в нужном количестве такие рабочие места, то разрыв между высоким уровнем образования и доступом только к примитивным рабочим местам грозит обернуться снижением удовлетворенности трудом.

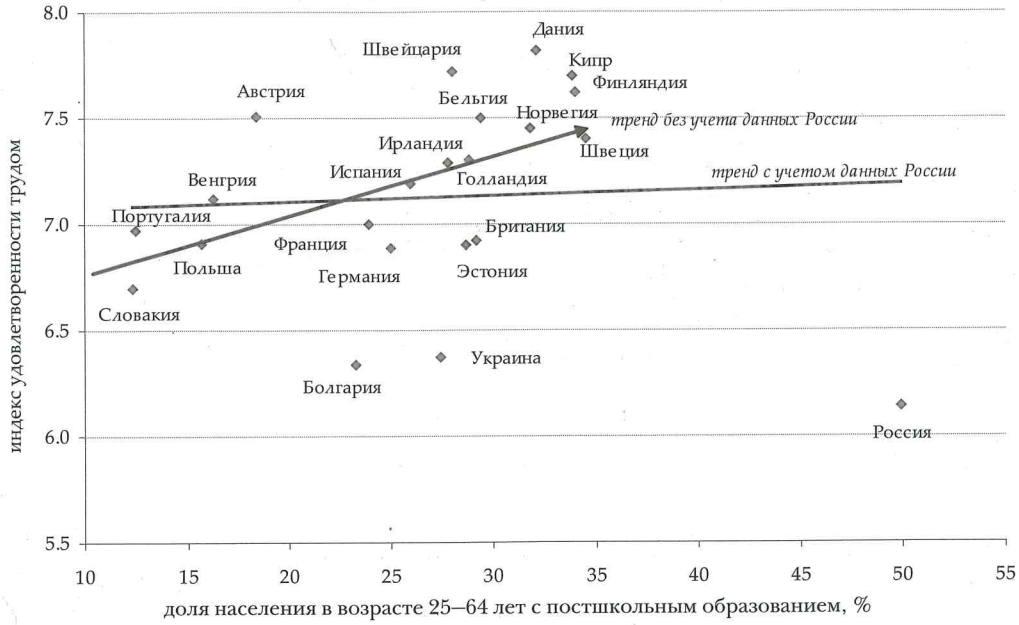
График 4 иллюстрирует взаимосвязь между средними страновыми оценками удовлетворенности трудом в стране и долей населения с постшкольным (средним профессиональным и высшим) образованием. Россия, с самым высоким уровнем образования (а соответственно, и самыми высокими притязаниями) и самой низкой удовлетворенностью трудом является явным аутсайдером. Она, имея наивысший уровень образования, отличается наинизшим уровнем удовлетворенности трудом и находится в правом нижнем углу вдали от основного скопления стран. Если мы строим тренд с учетом России, то здесь наблюдается очень слабая позитивная зависимость. Однако если мы исключим Россию из рассмотрения, то зависимость сразу становится очевидной и значимой.

Уровень безработицы. Одним из наглядных индикаторов состояния экономики является уровень безработицы, который косвенно отражает и условия доступа к рабочим местам, и переговорную силу работников относительно работодателей, и наличие прошлого опыта (памяти) безработицы у тех, кто через нее прошел[26]. Все это, по-видимому, не нейтрально по отношению к уровню удовлетворенности трудом, хотя влияния могут идти в разных направ-

[26] Чем выше безработица, тем меньше вакансий и тем труднее для незанятых получить работу, а для занятых – улучшить условия. Более высокая безработица означает также то, что через нее «прокачивается» больше людей и соответствующий опыт закрепляется в их социальной памяти и поведении.

График 4

Удовлетворенность трудом и постшкольное образование

лениях. С одной стороны, угроза безработицы может усиливать ощущение удовлетворенности от «синицы в руке», а с другой безработица стимулирует давление на работника (на его зарплату и условия занятости), ограничивает восходящую мобильность, делает «журавля в небе» труднодостижимым. Вследствие безработицы человек может браться за любую работу, тем самым увеличивая разрыв между имеющимся и желаемым. В итоге – удовлетворенность трудом будет снижаться.

График 5 «сталкивает» уровень безработицы в стране, который измеряется по методологии МОТ[27], и удовлетворенность трудом. Линия тренда наклонена вниз, свидетельствуя об обратной зависимости (чем выше уровень безработицы, тем ниже удовлетворенность трудом), но коэффициенты корреляции статистически незначимы.

График 6, построенный по данным ESS, является дополнительной иллюстрацией того факта, что страх безработицы снижает уровень удовлетворенности трудом. Россия располагается в правой части графика 6, что соответствует значительной доле опасающихся потерять работу. Интересно, что все постсоциалистические страны находятся рядом – в правом нижнем углу. С одной стороны, эти страны пережили высокую безработицу переходного периода и социальная память об этом по-прежнему жива, а с другой – здесь люди больше не удовлетворены своей работой.

Доля самозанятых. Важной характеристикой любого рынка труда является доля самозанятых. К сожалению, эта группа очень неоднородна и ее доля

[27] Данные МОТ.

График 5

Удовлетворенность трудом и уровень безработицы

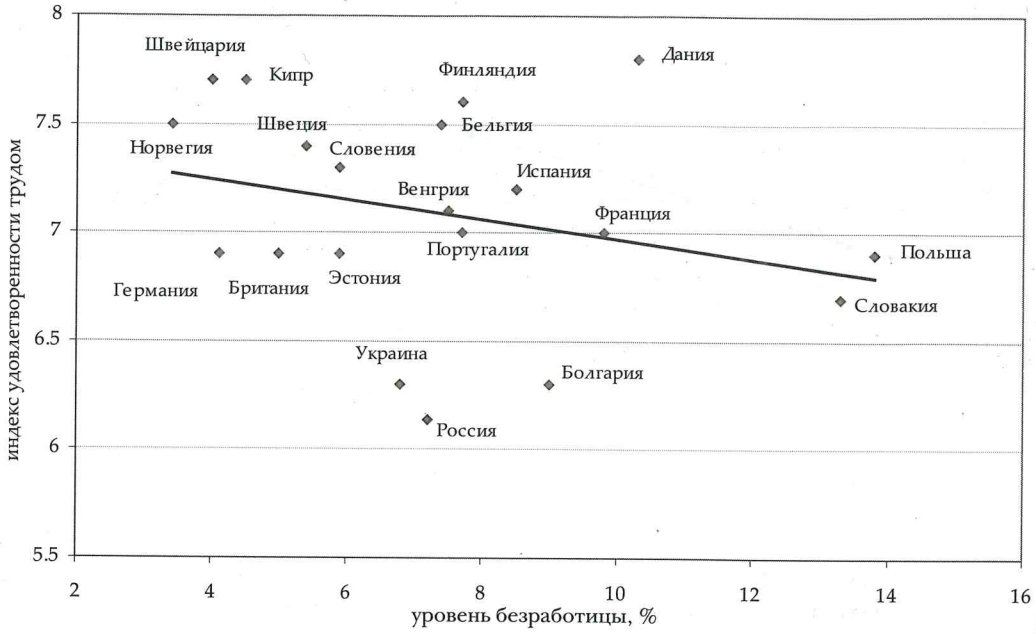
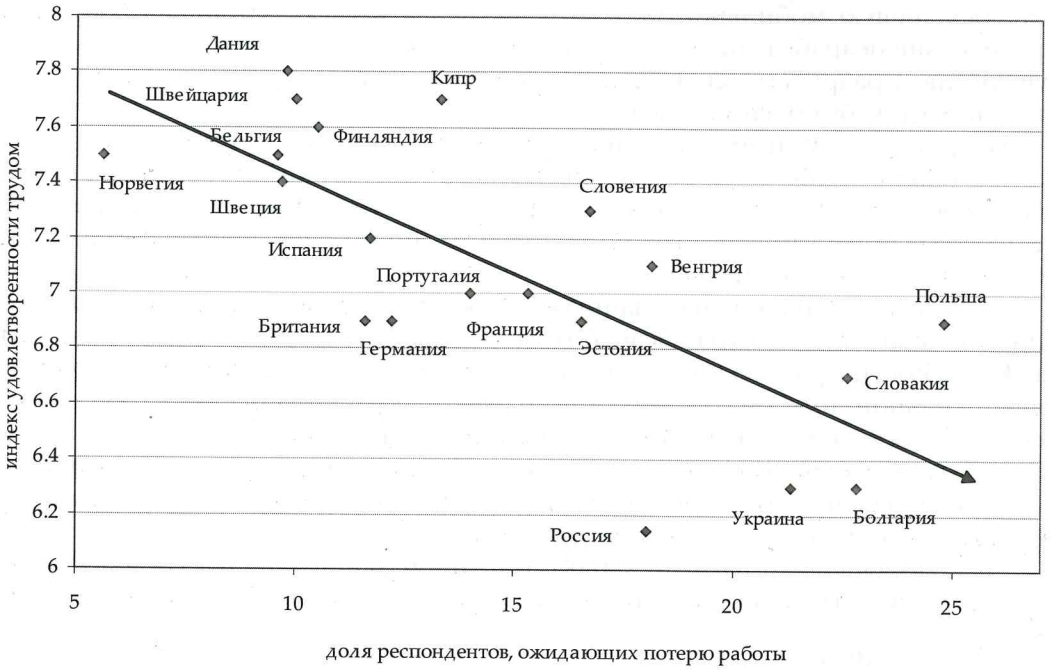

График 6

Удовлетворенность трудом и доля респондентов, ожидающих потерю работы

и структура определяется различными факторами, а потому рассмотрение ее как единого целого чревато неверными выводами. Однако поскольку мы имеем дело лишь с европейскими странами, такое упрощение допустимо. В нашем случае к самозанятым, как правило, относятся индивидуальные предприниматели и владельцы микробизнесов. Естественно предположить, что наличие собственного дела, предполагающее очень высокую меру автономии и самоорганизации, может положительно влиять на субъективные оценки своей работы. Корреляция между ними может быть значимой и положительной. Именно об этом нам и говорит график 7. Россия здесь выделяется минимальными значениями по обеим осям: и по доле самозанятых, и по уровню удовлетворенности трудом.

Протестантская этика и удовлетворенность трудом. Согласно Веберу, протестантская трудовая этика предполагала, что любая работа «от Бога», а данная профессия есть «призвание», с которым не спорят. Развитие этой идеи позволяет сделать вывод о том, что чем больше в стране протестантов, разделяющих такие идеи, тем выше должен быть итоговый уровень удовлетворенности трудом.

В анализируемых странах мы выделили доли протестантов и оценили связи удовлетворенности трудом в целом по стране с долей людей, исповедующих протестантизм (график 8). Связь оказалась прямой, статистически значимой, коэффициент корреляции составляет 0,45. Действительно, в странах, где доминируют протестантские ценности, оценки труда оказывались существенно выше, чем в странах с преобладанием последователей других конфессий или неверующих. Культурно-исторические ценности страны оказывают заметное влияние на отношение к труду.

Итак, вышеизложенный анализ свидетельствует, что средний уровень

График 7

Доля самозанятых и удовлетворенность трудом

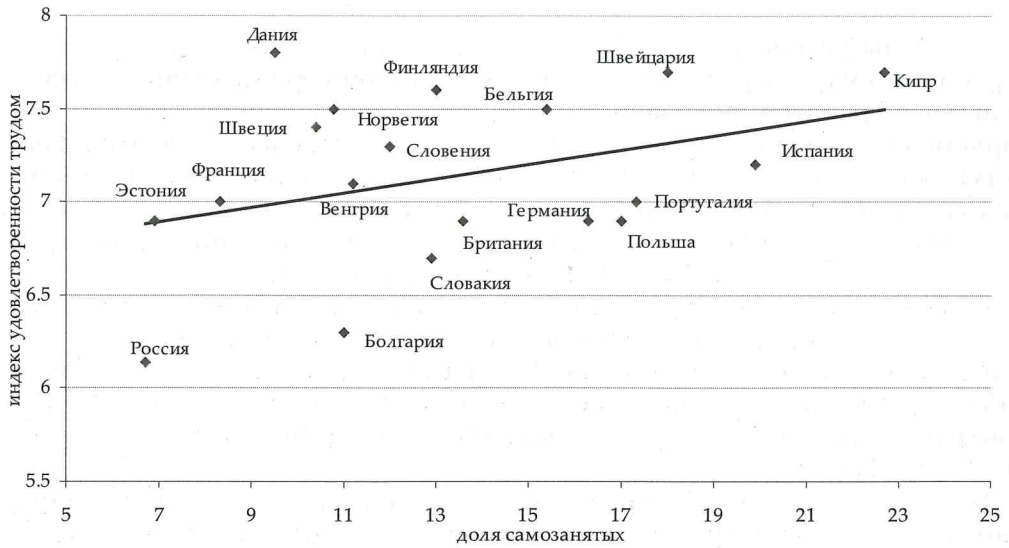
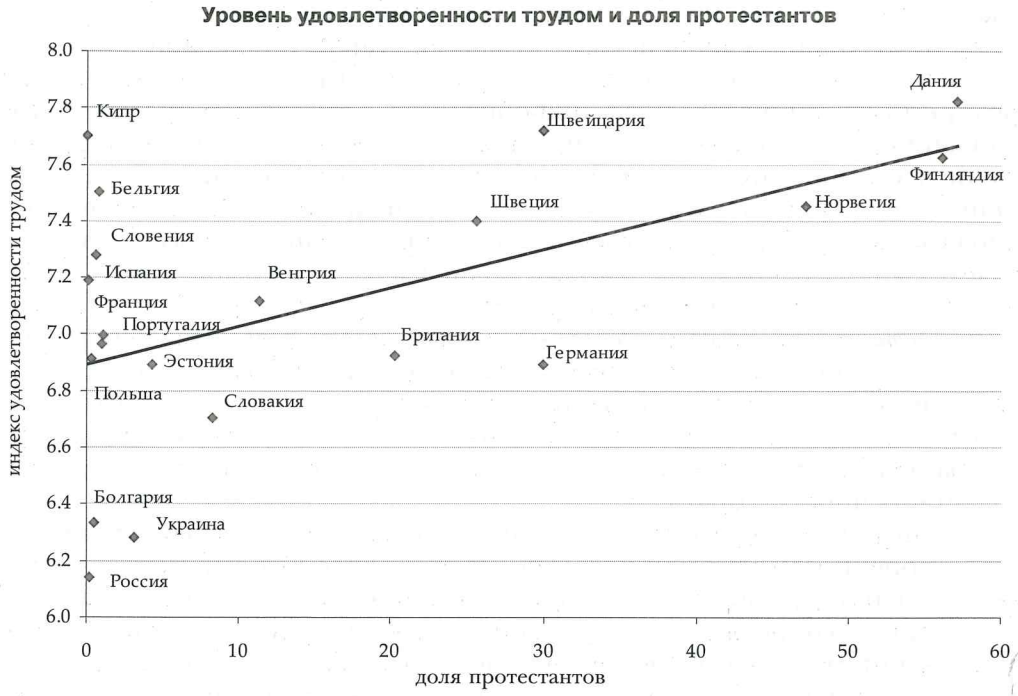

График 8

удовлетворенности трудом тесно связан с уровнем экономического благосостояния, со структурой экономики той или иной страны, с культурно-религиозными ценностями.

«Сложные» межстрановые сопоставления: страновая принадлежность и уровень удовлетворенности трудом

Выше мы рассмотрели простые парные взаимосвязи между отдельными страновыми макрохарактеристиками и тем, в какой мере работники удовлетворены своей работой. Все говорит о том, что удовлетворенность трудом может варьировать между странами в зависимости от разных факторов. Но влияние могут оказывать не только страновые особенности, но и характеристики самих людей. Проводя межстрановые сопоставления, важно отделить эффект страны от микроэффектов, связанных с определенными индивидуальными параметрами человека. Среди них: персональные характеристики индивида (пол, возраст, состояние здоровья, образование, профессия, материальное положение, конфессиональная принадлежность, место жительства); характеристики рабочего места индивида (отрасль, статус занятости, количество рабочих часов, степень автономии в работе, степень ответственности, тип контракта, уровень дохода); опыт на рынке труда (опыт безработицы, членство в профсоюзе).

Поскольку зависимой переменной в нашем анализе является уровень удовлетворенности трудом, принимающий дискретные упорядоченные

значения, мы оцениваем уравнение пробит-регрессии для упорядоченных данных (ordered probit).

Набор характеристик, которые мы учитываем в дальнейшем анализе, определялся как на основании выдвинутых гипотез, так и структурой имеющихся данных. Последние обычно накладывают серьезные ограничения. Так, в рамках ESS у нас нет данных о размерах заработков респондентов, что крайне важно для нашего исследования, поскольку уровень оплаты труда обычно положительно влияет на удовлетворенность. В анкете есть вопрос о доходах семьи и их источниках (среди источников доминирует зарплата), но доля отказавшихся или затруднившихся ответить на этот вопрос очень велика (около четверти). В этом случае неслучайным образом «теряется» четверть выборки, что значительно ее сокращает и смещает в сторону групп населения с низким уровнем дохода (известно, что более богатые респонденты чаще отказываются отвечать на вопросы о своих доходах). Мы сконструировали новую переменную, опираясь на вопрос, который звучал так: «Какое из высказываний наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?». В качестве закрытия этого вопроса предлагалось четыре варианта ответа, предлагающие различные материальные ситуации. С одной стороны, на этот вопрос ответили практически все респонденты, а с другой он тесно закоррелирован с вопросом о доходах (коэффициент корреляции R=0,59). Новая переменная «уровень дохода» принимает два значения: «материально обеспечены нормально» (объединяет ответы «живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений» и «этого дохода нам в принципе хватает») и «живем с трудом» (объединены ответы: «жить на такой доход довольно трудно» и «жить на такой доход очень трудно»). Хотя измеряемый таким образом «уровень дохода» является довольно грубым, мы считаем, что его использование все же лучше, чем полный отказ от характеристики дохода. Таким образом, мы все же имеем косвенную оценку заработной платы респондента.

Оцениваемое уравнение имеет следующий вид:

$$\mathbf{OProbit(Y)}=\beta_0 + \beta\mathbf{X} + \gamma\mathbf{Z} + \varepsilon,$$

где X – независимые переменные, Z – страновые дамми, β, γ – коэффициенты, ε – остаток.

Поскольку в этом уравнении представлены и страновые дамми, и индивидуальные характеристики, имеет место эффект кластеризации, в результате чего стандартные ошибки при страновых коэффициентах могут недооцениваться, завышая значимость межстрановых различий. Чтобы этого избежать, мы оценивали стандартные ошибки как робастные с учетом кластеризации[28].

Итак, в оцениваемом уравнении нас прежде всего интересует набор

[28] См. более подробно: *Moulton B.* Illustration of a Pitfall in Estimating the Effects of Aggregate Variables in Micro Units // The Review of Economic and Statistics. 1990. Vol. 72. № 2; Заработная плата в России. Эволюция и дифференциация. – ГУ ВШЭ, 2007. – С. 314.

коэффициентов γ, характеризующих влияние межстрановых различий. Коэффициент γ для каждой страны характеризует направление и значимость странового влияния на уровень удовлетворенности трудом при условии, что все остальные переменные остаются неизменными. Таким образом, мы получаем набор коэффициентов, позволяющих сравнивать страны по удовлетворенности трудом «при прочих равных условиях».

Для того чтобы лучше контролировать влияние отдельных переменных на удовлетворенность трудом и их взаимодействие со страновыми показателями, мы последовательно добавляли независимые переменные к нашей начальной – минимальной – спецификации. Эти добавляемые переменные можно условно объединить в 4 группы: демографические характеристики, показатели развития человеческого капитала, характеристики рабочего места, содержания труда. На каждом шаге добавлялась одна группа переменных.

В табл. 3 (см. приложение) представлены результаты оценивания четырех спецификаций (страновые дамми присутствовали во всех спецификациях). Все полученные модели статистически значимы при $p<0{,}000$.

Спецификация 1. Вначале мы анализируем влияние страны на удовлетворенность трудом при учете основных демографических характеристик, характеристик человеческого капитала (пол, возраст, образование, место жительства). При такой структуре независимых переменных страновая принадлежность влияет на удовлетворенность трудом так же, как при простом сопоставлении средних между странами. При прочих равных во всех странах мужчины в большей степени удовлетворены трудом, чем женщины. С возрастом удовлетворенность трудом снижается, а наличие постшкольного образования ведет к повышению соответствующих субъективных оценок. Что же касается страновых эффектов при подобном составе уравнения, то маргинальное положение России подтверждается: при прочих равных (среди которых описанные переменные) россияне удовлетворены трудом значимо меньше, чем жители любой из анализируемых нами стран.

Спецификация 2. На следующем шаге мы добавляем индивидуальные характеристики, учитывающие религиозность респондента, которая, в свою очередь, отражает базовые этические ценности, а также его профессиональную принадлежность. При этом наблюдавшиеся ранее эффекты пола и возраста сохраняются, но ослабевают. Влияние постшкольного образования вообще меняет свой знак, хотя и теряет статистическую значимость. Зато вновь введенные характеристики берут на себя часть объяснений. Так, католики и протестанты удовлетворены трудом (опять же при прочих равных) значительно сильнее, чем православные, мусульмане и неверующие. Что же касается профессии, то наивысший уровень удовлетворенности трудом – и это соответствует здравому смыслу – у руководителей. Действительно, их работа, как правило, отличается разнообразием, определенной независимостью и автономией, элементами творчества и более высокой относительной оплатой. Специалисты высшей квалификации удовлетворены своим трудом несколько слабее, чем руководители, но различия между первой и второй профессиональными группами (по классификатору ISCO) незначимы. Все остальные профессиональные группы воспринимают свою работу гораздо

хуже, чем две вышеназванные. Чем примитивнее работа, тем ниже удовлетворенность трудом. С включением в модель профессии переменная для образования теряет свою значимость. По-видимому, это связано с тем, что классификация профессий по ISCO построена с учетом образования, и влияние собственно образования «схватывается» принадлежностью к соответствующей профессиональной группе.

А что же происходит при этом с нашими страновыми эффектами? В целом Россия остается на «обочине», хотя и перестает быть в одиночестве: к ней добавилась Болгария, т.е. средний уровень удовлетворенности трудом в этих странах при контроле названных переменных значимо не различается. Порядок стран (их ранжирование по удовлетворенности трудом) сохраняется, но распределение становится более спрессованным и межстрановые дистанции сокращаются.

Спецификация 3. Теперь мы к контролируемым переменным добавляем характеристики рабочих мест (предприятий, организаций). Эффект пола становится незначимым, а наличие постшкольного образования оказывается не просто отрицательным, но и статистически значимым. Влияние этических ценностей, связанных с вероисповеданием, сохраняется. Сохраняется и эффект профессий. Дополнительные краски в анализ привносят производственные характеристики. Работники сферы образования и здравоохранения склонны оценивать свой труд значимо выше, чем работники промышленности, сельского хозяйства или торговли. Интересно, что размер предприятий никак не влияет на удовлетворенность трудом, а наличие срочного контракта снижает оценки труда по сравнению с наличием постоянного контракта (что ожидаемо) или с его отсутствием вовсе (что кажется неожиданным). Еще один неожиданный результат связан с режимом работы. Казалось бы, удлиненный рабочий день должен вызывать раздражение, однако он повышает удовлетворенность трудом по сравнению с теми, кто работает стандартную рабочую неделю или меньше. Как можно объяснить этот факт? Возможно, наличие собственного дела является сильным фактором, формирующим положительное отношение к работе, а именно увлеченные люди являются трудоголиками и работают более продолжительное время. Отметим, что членство в профсоюзе нейтрально по отношению к удовлетворенности трудом, а опыт прошлой безработицы при прочих равных ее значимо снижает. Теперь снова вернемся к страновым эффектам. Россия по-прежнему находится на «обочине», причем снова в одиночестве. В целом же дистанции между странами — участницами нашего «забега» остаются прежними.

Спецификация 4. До сих пор мы учитывали индивидуальные характеристики и очень ограниченные характеристики рабочих мест, включая условия занятости. Теперь мы добавим переменные, отчасти характеризующие содержание труда: степень автономии в организации работы и степень влияния индивида на принятие решений. Дополнительно включим также уровень дохода, косвенным образом характеризующего заработки и состояние здоровья.

Что нового открывает нам увеличенный набор спецификаций? Прежде всего, отметим значимо негативный эффект постшкольного образования и значимо позитивный эффект здоровья. Такое влияние образования кажется

контринтуитивным и требует объяснений[29]. По-видимому, рост образования повышает претензии работника на получение достойных рабочих мест. Если же такие претензии не реализовываются, а это происходит часто, то тогда эффект образования должен быть негативным. Тот факт, что мы получаем устойчивые эффекты (негативное влияние образования наблюдается практически во всех моделях, за исключением первой), может свидетельствовать о том, что постоянный рост образования опережает создание соответствующих рабочих мест, и это явление становится заметным.

Эффект здоровья достаточно прямой: чем лучше здоровье, тем выше шансы занять желаемое рабочее место[30]. То же самое можно сказать и о влиянии дохода (косвенной характеристике заработка). Крайне бедные слои населения во всех странах демонстрируют более низкую удовлетворенность трудом, чем те, кто заявляет о нормальном уровне дохода. Здесь нет никаких неожиданностей, все предельно очевидно. Согласно народной мудрости: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным».

Эта спецификация несколько меняет эффект религии. Влияние ислама становится значимым по сравнению с православием и атеизмом. Есть и значимые изменения в эффекте профессии. Только три профессиональные группы отличаются негативным влиянием: специалисты средней квалификации, вспомогательный персонал и неквалифицированные рабочие. По-видимому, включение переменных, связанных с содержанием труда, «оттянуло» на себя влияние остальных профессиональных групп, что свидетельствует о том, что удовлетворенность работой во многом объясняется содержанием последней (степенью автономии в организации труда, влиянием на принятие решений, т.е. творческими элементами).

Вновь введенные переменные, характеризующие труд, отчасти забирают влияние типа контракта (постоянный/срочный), типа занятости (не по найму/по найму), режима работы (продолжительность работы). Действительно, респонденты, занимающиеся собственным делом, автономны в организации своей работы, влиятельны в принятии ответственных решений, преимущественно констатируют нормальный уровень дохода, а в итоге демонстрируют достаточно высокую удовлетворенность трудом.

Снова обратимся к страновым эффектам, т.е. влиянию страны на удовлетворенность работой. Дополнение набора независимых переменных характеристиками рабочих мест сильно повлияло на коэффициенты, характеризующие влияние стран. При введении (контроле) содержания труда и заработков, т.е. действительно важных детерминант удовлетворенности трудом, образуется большая (и большая, чем в прежних спецификациях) группа стран, у которых различия в удовлетворенности трудом статистически не различимы. Эта группа объединяет Россию, Болгарию, Швейцарию, Германию, Францию, Британию, Норвегию, Словакию, Польшу. Как видим, Россия попала не в самую плохую компанию и находится уже явно не на

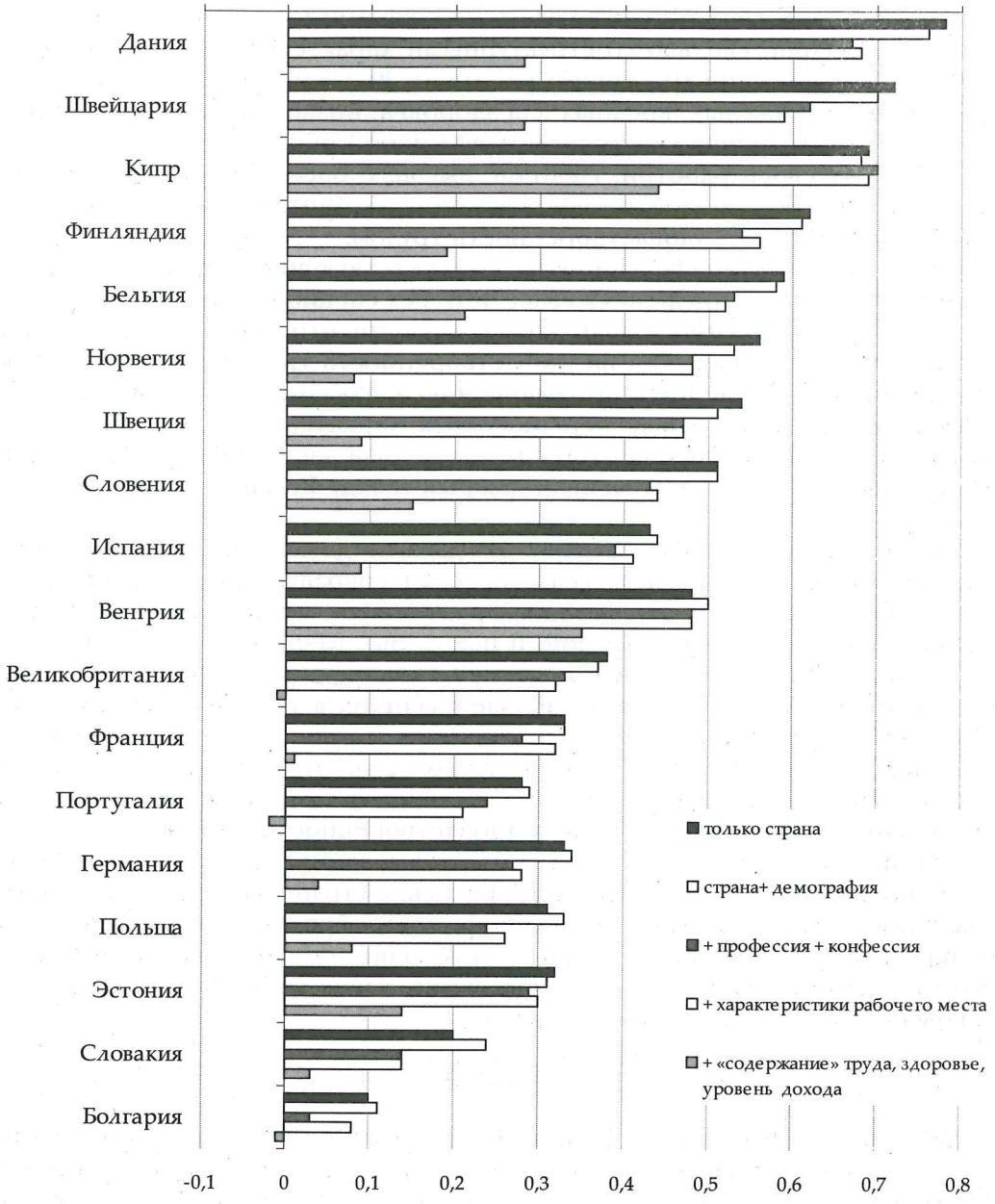
[29] На негативный эффект образования обращают внимание Namkee Ahn, Juan Ramon Garcia. В работе Job Satisfaction in Europe. 2004, FEDEA – D.T. 2004. – 016.

[30] Эффект здоровья особо отмечают авторы Namkee Ahn, Juan Ramon Garcia в той же статье Job Satisfaction in Europe.

График 9

Межстрановые различия в уровне удовлетворенности трудом

(регрессионные коэффициенты перед страновыми дамми, уровень УТ в России принят за базу)
1 — страна + демография; 2 — + профессия + конфессия; 3 — + характеристики рабочего места;
4 — + «содержание» труда, здоровье, уровень дохода

«обочине». К тому же все межстрановые дистанции значительно сократились, и разрыв между Россией и Данией стал уже не столь драматичным. Это означает, что люди, схожие по индивидуальным характеристикам и по параметрам занимаемых ими рабочих мест, примерно одинаково оценивают удовлетворенность трудом, независимо от того, в какой стране они живут. То, что хорошо, хорошо везде. Представляется, что низкий уровень удовлетворенности трудом связан прежде всего не с какими-то сущностными особенностями россиян, сколько со структурными характеристиками экономики, в рамках которой они (россияне) работают. Высокий удельный вес плохих рабочих мест (тяжелых, вредных для здоровья, низкооплачиваемых, примитивных с точки зрения содержания труда и т.п.) определяет высокую долю недовольных своей работой. Наличие высшего образования у обладателей таких рабочих мест положительно связано с их притязаниями и тем самым еще сильнее снижает удовлетворенность трудом.

Регрессионные коэффициенты, соответствующие страновым дамми-переменным из перечисленных выше четырех спецификаций, представлены на графике 9. Значение и знак этих коэффициентов показывают влияние страновой принадлежности на удовлетворенность трудом с учетом контроля различных переменных по отношению к России. Диаграмма наглядно иллюстрирует, чем больше персональных характеристик мы принимаем во внимание (чем полнее контроль), тем меньше «чистый» эффект страны, чем полнее контроль, тем меньше разрыв между Россией и другими странами.

Проведенный анализ показывает, что даже когда мы контролируем многие переменные, различия между странами хотя и сокращаются, все же остаются. Самое первое объяснение остающихся различий заключается в том, что наша спецификация остается неполной, и некоторые важные наблюдаемые и ненаблюдаемые факторы мы по-прежнему не контролируем. Мы можем только гадать, каковы были бы межстрановые различия в том случае, если бы мы могли проконтролировать все необходимые и существенные переменные. И только в этом случае мы могли бы утверждать, что страновая принадлежность («национальный менталитет»), не сводимая к индивидуальным различиям, влияет на различия в уровне удовлетворенности трудом.

Результаты исследования свидетельствуют, что усредненные страновые значения отражают не столько специфические страновые эффекты, сколько различия в структуре экономики, профессий, образовании, характеристик конкретных рабочих мест и т.п. В значительной степени мы имеем дело со структурными различиями между странами, а не с различиями между «одинаковыми» людьми в «разных» странах.

Выводы

Различия между странами по удовлетворенности трудом формируются под влиянием разных факторов, и многие из них удалось раскрыть: уровень образования, состояние здоровья, отраслевая и профессиональная принадлежности, уровень дохода, опыт безработицы, автономия в организации работы, содержание труда и т.п. Существуют также и некоторые собствен-

но уникальные страновые влияния, но их вклад заметно меньше, чем это кажется на первый взгляд. Усредненные страновые значения отражают не столько специфические страновые эффекты, сколько различия в структуре экономики, профессий, образовании, характеристик конкретных рабочих мест и т.п.

Проблема не только в том, что страны различаются с точки зрения системы ценностей, но и в том, что различаются конкретные люди и те условия, в которых они работают. И если человек занят интересным и творческим делом, в значительной степени самоорганизуя свою работу и отвечая за нее, получая при этом достойное вознаграждение, то тем выше шанс того, что у него будет почти «швейцарско-датская» удовлетворенность трудом, независимо от того, в какой стране он живет. Не будем забывать про то, что в России сохраняется очень высокий удельный вес «плохих» (с точки зрения описанных выше условий) рабочих мест, и это может сказываться на оценках россиян своего труда. Но если притязания к работе реализованы, то люди получают от нее такое же удовлетворение, что и их европейские соседи.

Приложение

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между удовлетворенностью трудом в целом и удовлетворенностями отдельными элементами труда

Страна	Коэффициенты корреляции между удовлетворенностью труда в целом и				
	интересом к работе	удовлетво-ренностью режимом работы	оценкой справед-ливости оплаты труда	наличием стресса на работе	оценкой стабиль-ности работы
Дания	0,573	0,444	0,177	–0,260	0,178
Швейцария	0,579	0,374	0,230	–0,065	0,311
Кипр	0,633	0,557	0,437	–0,024	0,188
Финляндия	0,634	0,407	0,211	–0,165	0,115
Бельгия	0,566	0,514	0,277	–0,226	0,205
Норвегия	0,575	0,320	0,161	–0,121	0,139
Швеция	0,577	0,390	0,161	–0,142	0,205
Словения	0,484	0,462	0,331	–0,071	0,232
Испания	0,538	0,450	0,337	–0,154	0,222
Венгрия	0,438	0,451	0,254	–0,166	0,219
Британия	0,642	0,430	0,291	–0,087	0,235
Франция	0,565	0,368	0,216	–0,264	0,172
Португалия	0,600	0,600	0,239	–0,213	0,227
Германия	0,552	0,431	0,259	–0,109	0,316
Польша	0,554	0,356	0,232	–0,119	0,263
Эстония	0,656	0,507	0,337	–0,206	0,271
Словакия	0,515	0,451	0,349	–0,195	0,274
Болгария	0,553	0,514	0,198	–0,226	0,291
Украина	0,613	0,577	0,224	–0,218	0,274
Россия	0,639	0,574	0,315	–0,238	0,231

Примечание: практически все коэффициенты корреляции в перечисленных странах статистически значимы (с вероятностью более 99%); исключение составляют три страны (Швейцария, Кипр, Словения), где не фиксируется связь между удовлетворенностью трудом и наличием стресса на работе.

Таблица 2

Удовлетворенность трудом в различных странах

Страна	Среднее значение удовлетворенности трудом	Стандартное отклонение	% крайне неудовлетворенных (значение 0–2 по шкале удовлетворенности)	% высокоудовлетворенных (значение 8–10 по шкале удовлетворенности)
Дания	7,82	1.80	2,2	68,1
Швейцария	7,72	1.86	2,2	67,4
Кипр	7,70	1.76	1,4	59,4
Финляндия	7,62	1.63	1,8	65,4
Бельгия	7,50	1.87	2,5	60,1
Норвегия	7,45	1.80	2,5	60,5
Швеция	7,40	1.88	2,5	57,7
Словения	7,28	2.08	3,0	54,4
Испания	7,19	1.88	2,0	50,2
Венгрия	7,11	2.42	5,1	49,5
Великобритания	6,92	2.39	6,7	50,4
Франция	7,00	2.14	4,4	46,3
Португалия	6,91	1.74	1,8	41,6
Германия	6,90	2.32	6,3	50,7
Польша	6,90	2.11	4,1	45,9
Эстония	6,90	2,22	4,6	45,4
Словакия	6,69	2.11	4,6	41,7
Болгария	6,33	2.57	8,3	36,9
Украина	6,28	2,57	8,0	33,3
Россия	6,14	2.52	8,5	41,4

Таблица 3

Коэффициенты пробит регрессии с упорядоченными данными (ordered probit), зависимая переменная — удовлетворенность работой

	K (Std.err.). 1	K (Std.err). 2	K (Std.err). 3	K (Std.err.). 4
1	2	3	4	5
Пол	0,04 **	0,03 *	0,027	–0,012
Возраст	–0,02 ***	–0,019 ***	–0,020***	–0,03 ***
Возраст*возраст	0,00 ***	0,000 ***	0,00 ***	0,000 ***
Постшкольное образование	0,10 ***	–0,05	–0,06 *	–0,12 ***
Хорошее здоровье				0,22 ***
Город/село	–0,04 *	–0,04 **	–0,036 **	–0,038 **
Отношение к религии				
Неверующие (база)				
Католики		0,08 ***	0,070 **	0,076 **
Протестанты		0,08 ***	0,073 ***	0,07***
Православные		–-0,05	–0,042	–0,024
Другие		0,07	0,079	0,122 **
Профессиональные группы				
руководители (база)				
Специалисты высшего уровня квалификации		–0,02	–0,014	0,028
Специалисты среднего уровня квалификации		–0,16 ***	–0,128 ***	–0,071 **
Работники, занятые подготовкой информации, документации и т.п.		–0,29 ***	–0,20 ***	–0,077**
Работники сферы обслуживания, торговли и т.п.		— 0,25 ***	–0,21 ***	–0,072
Работники сельского, лесного хозяйства, рыбоводства		–0,23 ***	–0, 27 ***	–0,088
Квалифицированные рабочие		–0,28 ***	–0,20 ***	–0,027
Операторы, аппаратчики, машинисты		–0,32 ***	–0,23 ***	–0,002
Неквалифицированные рабочие		–0,52 ***	–0,40 ***	–0,16 ***
Отрасль				
промышленность (база)				
Сельское хозяйство			–0,00	–0,032
Услуги			0,016	–0,006
Образование, медицина			0,118 ***	0,118 ***
Размер организации (человек)				
До 10 (база)				
10–24			0,015	0,045 **
25–99			0,01	0,05 ***
100–500			–0,008	0,035
Свыше 500			0,038	0,09 ***
Тип контракта				
Постоянный (база)				
Срочный			–0,09***	0,032
Работает без договора			–0,031	–0,035

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
Количество рабочих часов в неделю				
Норма 36–41 часов (база)				
Меньше нормы			0,006	0,010
Больше нормы			0,059 ***	0,032
Отношение занятости				
Наемный рабочий (база)				
Собственное дело			0,25***	–0,000
Состоите ли в профсоюзе			0,016	0,016
Был ли опыт безработицы			–0,17 ***	— 0,12 ***
Автономия в организации работы				0,047 ***
Степень влияния на принятие важных решений				0,034 ***
Материальное положение трудностей не вызывает (уровень дохода приемлемый для жизни)				0,287 ***
Страны				
Россия (база)				
Бельгия	0,58***	0,53 ***	0,52 ***	0,21***
Болгария	0,11***	**0,03**	0,080***	— 0,006
Швейцария	0,70***	0,62 ***	0,59 ***	0,285 ***
Кипр	0,68 ***	0,70 ***	0,69 ***	0,444 ***
Германия	0,34***	0,27 ***	0,28 ***	**0,044**
Дания	0,76 ***	0,67***	0,68 ***	0,28 ***
Эстония	0,31 ***	0,29 ***	0, 30***	0,14 ***
Испания	0,44 ***	0,39 ***	0,41 ***	0,09 **
Финляндия	0,61***	0,54 ***	0,56 ***	0,19***
Франция	0,33 ***	0,28 ***	0,32 ***	**0,012**
Британия	0,37***	0,33 ***	0,32 ***	**–0,012**
Венгрия	0,50 ***	0,48 ***	0,48 ***	0,35***
Норвегия	0,53 ***	0,48 ***	0,48 ***	**0,076**
Польша	0,33 ***	0,24***	0,26 ***	0,081 **
Португалия	0,29 ***	0,24***	0,21 ***	**–0,020**
Швеция	0,51***	0,47***	0,47 ***	**0,086**
Словения	0,51 ***	0,43***	0,44 ***	0,15 ***
Словакия	0,24 ***	0,14 ***	0,14 ***	**0,027**
Украина	0,08 ***	0,06 ***	0,074 ***	0,099 ***
N	20298	20298	20298	19941
Log likelihood	–41361,354	–41202,397	–41053.84	–39672,487
Prob>chi2	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

* — вероятность ошибки менее 10%.
** — вероятность ошибки менее 5%.
*** — вероятность ошибки менее 1%.

Н.В. Андреенкова

Глава 6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЕЕ ФАКТОРОВ

Удовлетворенность жизнью — зачем ее изучать и что это такое?

ИЗУЧЕНИЕ удовлетворенности жизнью, а также более широкого понятия «субъективного благополучия» уже многие годы является одной из центральных тем исследований в разных странах, а в последние 15 лет — и сравнительных международных проектов. Внимание к этой теме постоянно растет во многом потому, что удовлетворенность жизнью является одним из основных показателей «качества жизни», повышение которого является приоритетной задачей общественного развития, одной из важнейших ценностей современного общества. Понимание того, что для определения общего уровня общественного благополучия и развития только экономических показателей совершенно недостаточно, пришло в послевоенные годы. Экономические показатели, такие как доход на душу населения, количество больничных мест, количество школ на душу населения, потребление и т.д., были в целом достаточны для формирования и оценки успешности экономически-ориентированной политики. Однако при переходе на так называемую социально-ориентированную политику и выдвижении новых общественных целей — качества и благополучия жизни для каждого — потребовались и новые виды показателей эффективности этой политики — социальные. Кроме того, с расширением процесса глобализации встал вопрос о «социальной цене» безудержного экономического роста, возникла потребность в новом ориентире развития, позволяющем учесть все сферы человеческой жизни, а не только ее материальную составляющую.

Поиск социальных индикаторов, которые адекватно показывали бы успешность или неуспешность вектора общественного развития, начался в социологии с 70-х годов прошлого века и получил название «движения по построению социальных показателей». Сразу в нескольких странах начались большие трендовые исследования качества жизни, такие как «Исследование уровня жизни» в Швеции, «Общее социальное исследование» (GSS) в США и др. Хотя политический интерес к теме социальных индикаторов к середине

70-х–80-х годов несколько упал из-за экономического спада в западных странах, когда внеэкономические цели развития были опять отодвинуты на второй план, как и финансирование исследований социальных индикаторов, однако сама область научных знаний об удовлетворенности и качестве жизни к этому времени значительно расширилась. Были опубликованы работы, которые до сих пор считаются наиболее значимыми в сфере изучения субъективного благополучия и удовлетворенностью жизнью, – «Качество американской жизни» А. Кэмбелла[1], «Социальные индикаторы благополучия» Ф. Андрюса и С. Уити[2], «Социальный прогресс наций» Р. Эстеса[3], «Качество жизни в ФРГ» В. Глатцера и В. Запфа[4]. В 80-е годы Б. Хеди и А. Уиринг провели первое большое лонгитюдное исследование удовлетворенности жизнью в Австралии, опрашивая одних и тех же людей об их удовлетворенности жизнью на протяжении длительного периода времени[5].

Данные об удовлетворенности жизнью используются сегодня для целого ряда целей:

– оценки качества жизни в конкретной стране, регионе, местности;

– мониторинга социальных процессов;

– оценки определенных политических решений, их влияния на жизнь людей. Например, различные меры по улучшению жизни пенсионеров и престарелых, которые принимаются в разных странах, тестируются с точки зрения их влияния на общее качество жизни этих групп людей и их уровень удовлетворенности жизнью;

– изучения и понимания того, какие условия необходимы в определенной социально-экономической среде для жизни, которую население считало бы «хорошей».

В социологии и социальной психологии удовлетворенность жизнью считается частью более широкого понятия субъективного благополучия, которое, в свою очередь, определяется как «широкая категория феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей, их удовлетворенности отдельными сферами жизни, а также в их суждениях о качестве жизни в целом»[6]. Удовлетворенность жизнью обычно считается когнитивной стороной субъективного благополучия, которую дополняет аффективная сторона – положительные и отрицательные эмоции, которые человек испытывает в какой-то отрезок времени. На ранних этапах изучения субъективного благополучия в рамках социальной психологии главное внимание уделялось проблемным эмоциональным состояниям, таким как депрессия или состояние

---

[1] *Campbell A., Converse P.E. and Rodgers W.L.* 1976. The quality of American Life. New York: Russel Sage Foundation.

[2] *Andrews F.M. and Withey S.* 1976. Social Indicators of Well-being. American perception of life-quality. New York: Plenum Press.

[3] *Estes R.J.* 1984. The social progress o f nations. New York: Preager.

[4] *Glatzer W. and Zapf W.* 1984. Lebensqualitat in der Budesrepublik. Frankfurt am Main: Campus Verlag.

[5] *Heady B. and Wearing A.* 1992. Understanding Happiness. A theory of subjective well-being. Melbourne: Longman Cheshire.

[6] *Diener E., Suh E.M., Lucas R. and Smith H.* 1999. Subjective well-being: three decades of progress. Pshychological bulletin, 125 (2).

беспокойства. Однако изучение позитивного состояния людей оказалось не менее значимым. Субъективное благополучие в целом и удовлетворенность жизнью, в частности, отличается от такого показателя как «настроение» или «эмоциональное состояние» своей относительной устойчивостью во времени.

Долгое время исследователей занимал вопрос о том, является ли удовлетворенность жизнью и оценка людьми того, насколько они счастливы, в сущности одинаковыми показателями или они измеряют разные аспекты отношения людей к жизни. Оба показателя довольно часто использовались в больших трендовых многострановых сравнительных исследованиях. На данных таких опросов было показано, что коэффициент корреляции удовлетворенности жизнью и уровня счастья не превышает 0,5[7] (в некоторых случаях 0,6). В России в 90-х годах прошлого века по данным большого лонгитюдного исследования RUSSET корреляция между этими вопросами также достаточно далека от 1 (составляет 0,64). Эти данные говорят о том, что удовлетворенность жизнью и счастье хотя и тесно связаны друг с другом, но не являются идентичными[8]. Не подтвердилась и гипотеза о том, что показатель счастья меряет в основном чувства, а удовлетворенность – когнитивную оценку событий в жизни. Скорее счастье отражает оценку социальной стороны жизни людей (наиболее тесно показатель счастья связан с удовлетворенностью семейной жизнью, социальными связями и т.п.), а удовлетворенность жизнью – интегральный показатель оценки внешней стороны жизни людей (удовлетворенность своим социальным статусом, материальным положением, другими факторами достижений). Исходя из такого подхода, удовлетворенность жизнью в наибольшей степени зависит от социетальных условий и изменений в политической, экономической и социальной сфере жизни страны, а анализ удовлетворенности жизнью помогает оценить влияние этих изменений на жизнь людей, что для России в последние десятилетия является одной из наиболее приоритетных задач. Именно поэтому мы выбрали удовлетворенность жизнью для дальнейшего анализа.

Факторы, определяющие уровень удовлетворенности жизнью

Во-первых, очень важно знать, насколько жители разных стран, отдельные социальные группы внутри каждой из стран удовлетворены жизнью, не менее важно понять, каковы причины удовлетворенности или неудовлетворенности людей своей жизнью.

На протяжении последних десятилетий изучения этой проблемы было выдвинуто несколько теорий, с помощью которых исследователи пытаются объяснить, почему люди бывают удовлетворены или не удовлетворены своей жизнью. Первые же исследования субъективного благополучия показали, что

---

[7] *Campbell A., Converse P.E. and Rodgers W.L.* 1976. The quality of American Life, 1976. New York: Russel Sage Foundation.

Michalos A.C. 1985. Multiple Discrepancy Theory. Social Indicators Research, 16.

[8] Российская социально-экономическая панель – панельное исследование субъективных и объективных показателей качества и удовлетворенности жизнью (1993–1999) ЦЕССИ и Университета Амстердама (www/cessi.ru).

оно мало зависит от демографических и материальных факторов и необходимо было искать более глубокие и сложные объяснения различий между людьми в оценке своей жизни.

Была выдвинута *теория адаптации*, которая говорит о том, что удовлетворенность определяется каждым человеком путем сравнения нынешнего состояния со своим собственным прошлым. Непосредственно после какого-то важного события в жизни оценка своей жизни (удовлетворенность) может довольно сильно измениться, но по прошествии времени она обычно опять возвращается на прежний уровень. То есть события жизни оказывают довольно сильное, но кратковременное влияние на уровень субъективного благополучия, а затем происходит адаптация и возврат к прежнему уровню. Б. Хеди и А. Уиринг, которые показали такой феномен на примере лонгитюдных данных, т. е. изучении одних и тех же людей на протяжении длительного времени, назвали это состояние «динамическим равновесием субъективного благополучия»[9].

Первые сравнительные исследования, которые включали показатель субъективного благополучия, показали, что развитые индустриальные страны мало отличаются друг от друга по уровню удовлетворенности жизнью. Чтобы объяснить такие сходства между разными странами, Ричард Истерлин в 1974 г. высказал предположение, что страны не отличаются по уровню субъективного благополучия потому, что люди оценивают свое субъективное благополучие, сравнивая его со средним внутри того же сообщества[10]. Поэтому внутри каждого общества различия в удовлетворенности жизнью между людьми довольно существенны, а средний уровень в разных странах отличается незначительно. Эта теория получила название *теории социальных сравнений* и говорит о том, что удовлетворенность определяется сравнением с другими социальными группами. Впоследствии были выдвинуты дополнительные гипотезы о том, что объектом сравнений могут быть самые разные значимые социальные группы, в том числе «идеальные», а не обязательно средние по стране.

Однако, если согласно теории социальных сравнений средний показатель удовлетворенности должен стремиться к среднему значению, дальнейшие исследования показали, что на практике это не совсем так — большинство людей в развитых странах находятся выше среднего уровня по шкале удовлетворенности (например, в США 85% населения удовлетворены своей жизнью)[11]. Практически во всех развитых индустриальных странах доля удовлетворенных своей жизнью существенно превышает долю неудовлетворенных (примерно три к одному). Более того, было показано, что люди со сходными характеристиками, живущие в разном окружении — например, более обеспеченном или, наоборот, менее обеспеченном — мало отличают-

---

[9] *Heady B.* and *Wearing A.* 1989. Personality, life events, and subjective well-being: toward a dynamic equilibrium model. Journal of personality and social pshychology, 57.

[10] *Easterlin R.* 1974. Does economic growth improve the human lot? In P.A. David and M.W. Reder (eds.) Nations and households in economic growth: essays in honor of Moses Abramovtz. New York: Academic Press.

[11] *Diener E.* and *Diener C.* 1996. Most people are happy. Pshychological Science, 7.

ся по уровню удовлетворенности жизнью, что должно было бы случиться, если бы теория социальных сравнений была верна. Эмпирические данные скорее говорят о справедливости модели постоянного изменения объектов для социальных сравнений, т. е. о том, что люди специально выбирают тех, с кем себя сравнивать, и не всегда сравнивают себя с одной и той же группой[12].

В начале 80-х годов была выдвинута еще одна теория для объяснения различий людей в субъективном благополучии — *теория достижения целей*. Эта теория говорит о том, что удовлетворенность жизнью определяется тем, насколько далеко или близко человек находится от поставленных перед собой целей, их достижения. При этом уровень субъективного благополучия повышается, когда эти цели достигнуты[13]. Д. Брунстайн на лонгитюдных данных показал, что прогресс в достижении целей ведет к позитивным изменениям в субъективной удовлетворенности жизнью, и наоборот[14].

Во всех этих теориях удовлетворенность жизнью (или субъективное благополучие в целом) зависит от разных изменяющихся во времени и пространстве факторов и не является некой биологической константой. Хотя выдвигались и теории о том, что удовлетворенность жизнью является либо генетически заложенной характеристикой, либо определяется «национальным характером», т. е. закрепленными культурными и поведенческими характеристиками всего народа, либо является частью структуры личности, сформированной в ходе ранней социализации. Такие теории стали выдвигаться после того, как был зафиксирован довольно высокий уровень стабильности в уровне удовлетворенности жизнью между странами. На протяжении многих лет средний уровень удовлетворенности жизни, который систематически измерялся в развитых индустриальных странах, оставался довольно стабильным, несмотря на изменения в социальных отношениях, структуре, экономическом и политическом окружении. Но стабильность эта все-таки относительна, а не постоянна. Иначе изучение удовлетворенности жизнью, особенно в межстрановом контексте, являлось бы научным курьезом или лишь забавными публицистическими заметками об особенности наций, но серьезного общественного значения эти исследования не имели бы, так как не подлежали бы никакому социальному воздействию, не могли быть изменены.

С расширением географии и времени наблюдений мы можем констатировать, что даже средний уровень удовлетворенности жизнью в отдельных странах меняется, если социетальные изменения происходят достаточно быстро и оказываются достаточно сильными. Мы покажем это на примере России далее в этой статье. Поэтому маловероятно, что генетическая предрасположенность или национальный характер являются факторами, определяющими уровень удовлетворенности жизнью в стране, хотя социально-психологические

---

[12] *Taylor S.E., Wood J.V. andLichtman R.R.* 1983. It could be worse: selective evaluation as a response to victimization. Journal of social issues, 39.

[13] *Diener E.* 1984. Subjective well-being. Psychological Bulletin, 95.

[14] *Brunstein J.C.* 1993. Personal goals and subjective well-being. Journal of Personality and social psychology, 65.

характеристики личности, возможно, оказывают определенное влияние на оценку людьми своей жизни в целом.

В обширнейшей литературе о факторах, влияющих на удовлетворенность жизнью людей, можно найти десятки разных предположений, часть из которых были проверены на эмпирических данных, а часть – пока нет. Все эти факторы мы условно разделим на две большие группы – внутренние и внешние факторы, каждая из которых будет состоять из ряда подгрупп, по которым и будем проводить дальнейший анализ:

А) Внутренние факторы, характеризующие самого человека и его место в социальных отношениях. Среди них:

– социально-психологические – характер, черты личности. Чаще всего в эмпирических исследованиях изучалась связь удовлетворенности жизнью и таких характеристик личности, как невротизм и интра- и экстравертизм[15], генетические факторы[16], уровень оптимизма, открытости и т.п.;

– социально-демографические – пол, возраст, социально экономические (трудовое положение, опыт безработицы, уровень образования) и контекстуальные, ситуационные, жизненные обстоятельства (состояние здоровья, семейное положение и т.п.);

Б) Внешние факторы, характеризующие среду, в которой живет человек:

– социальное окружение, социальные связи;

– институциональные – формы демократии[17], идеологическое разнообразие в правительстве[18], политические и частные свободы;

– экономические – на уровень удовлетворенности жизнью может влиять уровень безработицы (прямое влияние на тех, кто сам имел опыт безработицы, и косвенное на всех остальных)[19], уровень инфляции, общее состояние экономики страны. До сих пор ученые спорят о роли ВВП или роста ВВП на уровень субъективного благополучия. В этом отношении

---

[15] *Hayes N. and Stephen J.* 2003. Big 5 correlates of three measures of subjective well-being. Personality and Individual differences, 34 (3).

[16] *Tellegen A., Lykken D., Bouchard T.J., Wilcox K.J., Segal N.J.* and *Rich S.* 1988. Personality similarity in twins reared apart and together. Journal of personality and social pshychology, 54. Статья описывает исследование однояйцовых и разнояйцовых близнецов, выращенных вместе и по раздельности, и влияние этого на удовлетворенностью жизнью.

[17] *Frey Br.S. and Stutzer A.* 2000. Happiness, economy and institutions. Economic Journal. 110 (October).

[18] *Radcliff B.* 2001. Politics, markets and life satisfaction: the political economy of human happiness. American Political Science Review, 95.

[19] *Clark A.E. and Oswald A. J.* 1994. Unhappiness and unemployment. Economic journal, 104 (May). Winkellmann, L. and R. Winkellman, 1998. Why are the unemployed so unhappy? Evidence from panel data. Economica, 65.

Di Tella R., MacCulloch R.J. and Oswald A.J. 2001. Preferences over inflation and unemployment: evidence from surveys of happiness. American economic review, 91 (1).

Becchetti L., Castriota S. and Giutnella O. 2006. The effects of age and job protection on the welfare costs of inflation and unemployment: a source of ECB anti-inflation bias & Centre for economic and international studies (CEIS) working paper. No. 245.

нельзя не упомянуть известный «парадокс Истерлина», который состоит в том, что согласно эмпирическим данным внутри отдельных стран богатые люди больше удовлетворены жизнью, чем бедные, однако на межстрановом уровне такой связи нет (речь идет о развитых индустриальных странах). Более того, увеличение дохода на душу населения во времени не ведет к изменению среднего уровня субъективного благополучия (опять же на примере развитых индустриальных стран);

– экологические – в частности, выдвигались гипотезы о влиянии на удовлетворенность жизнью климата, в котором живет человек[20].

Несмотря на то, что было рассмотрено очень большое количество разнообразных факторов, влияющих на субъективную удовлетворенность или благополучие людей, до сих пор не найдено комплексное объяснение этого феномена.

Социально-демографические факторы и ситуационные факторы, взятые все вместе, объясняют не более 10% вариаций в уровне удовлетворенности индивидов своей жизнью, по крайней мере в богатых обществах (Кэмбелл, Конверс и Роджерс в 1976 г. говорили о 20%, но это связано с особенностями их определения демографических факторов). Слабо связаны с уровнем удовлетворенности жизнью такие факторы, как возраст, образование, национальность. Согласно более ранним исследованиям, теснее других удовлетворенность жизнью связана с семейным положением. Исследования 90-х годов прошлого века и 2000-х годов показали, что женатые люди – и мужчины, и женщины, более счастливы, чем те, кто никогда не был женат, разведен или живет отдельно[21]. Однако что является причиной, а что следствием, в данном случае пока не ясно: существуют доказательства, например, того, что счастливые люди чаще женятся[22].

Не очень значимыми для объяснения уровня удовлетворенности отдельных людей оказались и такие социальные параметры, как участие на рынке труда, участие в общественной жизни, социальные связи. Все вместе эти факторы также объясняют не больше 10% вариаций в ответах на вопрос об удовлетворенности жизнью[23].

В развитых западных странах несколько большее значение имеют личностные качества людей – их социальная адаптированность, физическая активность, энергетика, психологическая устойчивость. Интересно, что уровень интеллекта (по крайней мере на примере IQ теста) почти никак не связан с уровнем удовлетворенности жизнью. Способствуют более высокому

---

[20] *Rehdanz K.* and *Maddison D.* 2005. Climate and Happiness. Ecological Economics, 52 (1).

[21] *Lee G.R., Seccombe K.* and *Shehan C.L.* 1991. Marital status and personal happiness: an analysis of trend data. Journal of marriage and the family, 53.

[22] *Mastekaasa A.* 1992. Marriage and psychological well-being: some evidence on selection into marriage. Journal of marriage and the family, 54.

Scott C.K. 1991. Marital status and well-being. Unpublished doctoral dissertation, University of Illinois.

[23] *Veenhoven R.* The study of life satisfaction in Saris, W.E., Veenhoven R., Scherpenzeel A.C. and Bunting B. (eds). A comparative study of satisfaction with life in Europe. Eotvos University Press. 1996.

уровню удовлетворенности такие черты личности, как уверенность в себе, экстравертизм и открытость, нацеленность принять ответственность на себя, а не ощущать внешний контроль над своей жизнью. Все эти факторы могут объяснить около 30% вариаций ответов на вопрос об удовлетворенности жизнью[24].

Таким образом, более половины вариаций в удовлетворенности людей своей жизнью до сих пор не удалось объяснить никакими факторами – ни стабильными факторами личности, ни внешними факторами среды.

Уровни анализа удовлетворенности — сравнение стран и сравнение людей (агрегированный и индивидуальный анализ)

Если различия в уровне удовлетворенности жизнью между людьми на индивидуальном уровне объяснить пока не удается, то с объяснением различий в средней удовлетворенности жизнью между странами дело двигается более успешно.

Большие трендовые межстрановые сравнительные исследования 90-х годов прошлого века (Всемирное исследование ценностей, ISSP и др.) дали возможность расширить анализ уровня удовлетворенности жизнью географически и включить в него кроме развитых индустриальных западных стран и другие страны, находящиеся на разных этапах развития. Это во многом изменило взгляд ученых на проблему. Сравнение большого количества стран показало, что страны отличаются по среднему уровню удовлетворенности населением своей жизнью и различия между странами довольно велики. Если различия между развитыми индустриальными странами очень незначительны, практически во всех этих странах средний уровень удовлетворенности жизнью выше среднего, то в других странах уровень удовлетворенности гораздо ниже, чаще всего он находится где-то около середины шкалы, иногда и несколько ниже.

На средний уровень удовлетворенности жизнью в разных странах влияют несколько факторов – уровень богатства страны (ВВП или подобные показатели), уровень гражданских свобод и уважения прав человека, доминирование индивидуалистических ценностей[25].

Удовлетворенность жизнью в разных странах по данным ESS

В ESS включен целый ряд показателей субъективного благополучия, в том числе удовлетворенность жизнью в целом, отдельными сторонами как частной жизни (финансовым положением), так и общественной жизни (состоянием экономики страны, системой образования, системой здравоохранения, работой правительства, развитием демократии), а также показатель счастья. Это позволяет проводить как межстрановый анализ субъективного

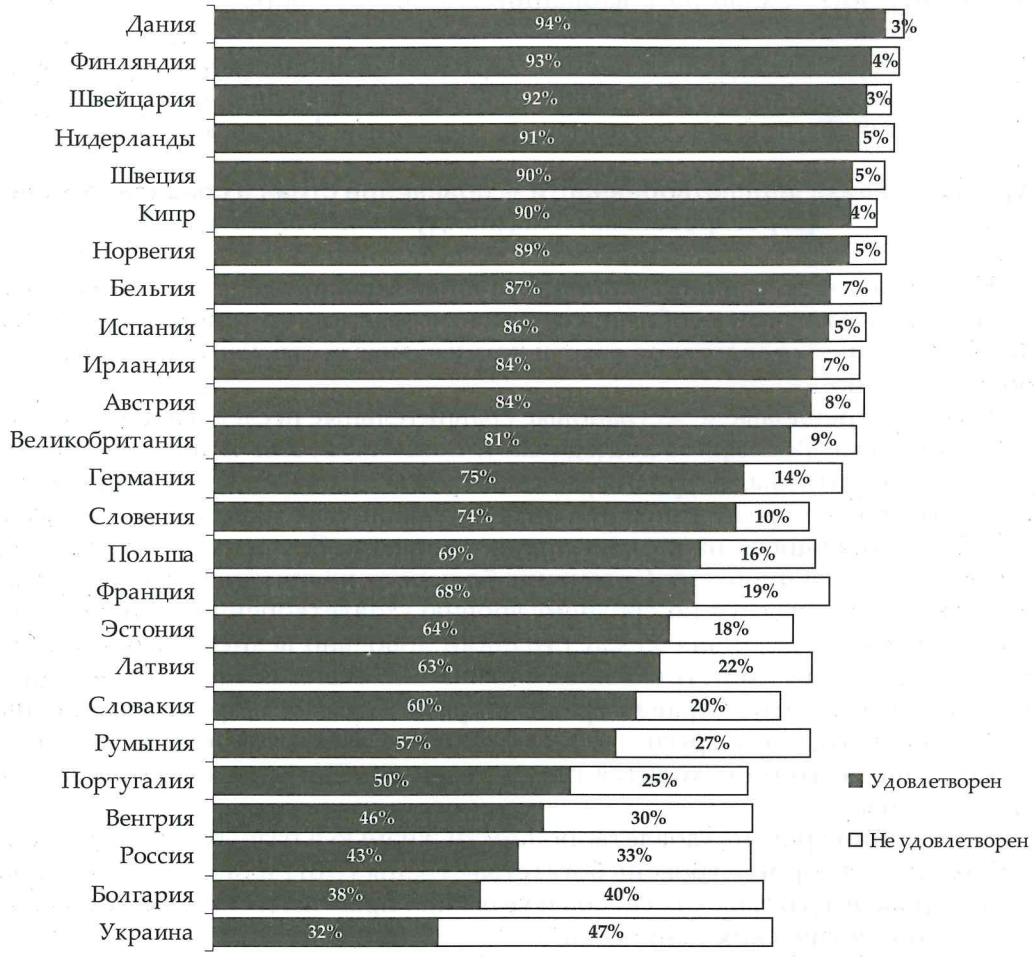
---

[24] *Veenhoven R.* 1993. Happiness in Nationas. Subjective appreciation of life in 56 nations (1946–1992), RISBO, studies in Social and Cultural transformations 2. Erasmus University Rotterdam, Netherlands.

[25] *Diener E., Diener M. and Diener C.* 1995. Factors predicting the subjective well-being of nations. Journal of personality and social psychology, 69.

График 1

Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?
(% от всех респондентов)

благополучия, так и анализ детерминант такого благополучия в рамках отдельной страны и проверки разных теорий.

Данные ESS дают возможность проверить теории о различиях в уровне удовлетворенности жизнью между странами уже в начале XXI в. на примере Европы. В большинстве европейских стран уровень удовлетворенности жизнью очень высокий – в 12 из 25 стран он превышает 80%. Практически во всех развитых европейских странах более трех четвертей населения удовлетворены своей жизнью. Исключение составляет лишь Франция (68%). Эти данные полностью согласуются с выводами, которые были сделаны в предыдущие десятилетия, что в развитых западных странах средний уровень удовлетворенности жизнью очень высок, и люди, и страны мало отличаются между собой по степени удовлетворенности жизнью.

Однако в странах Восточной Европы ситуация гораздо более сложная. Во-

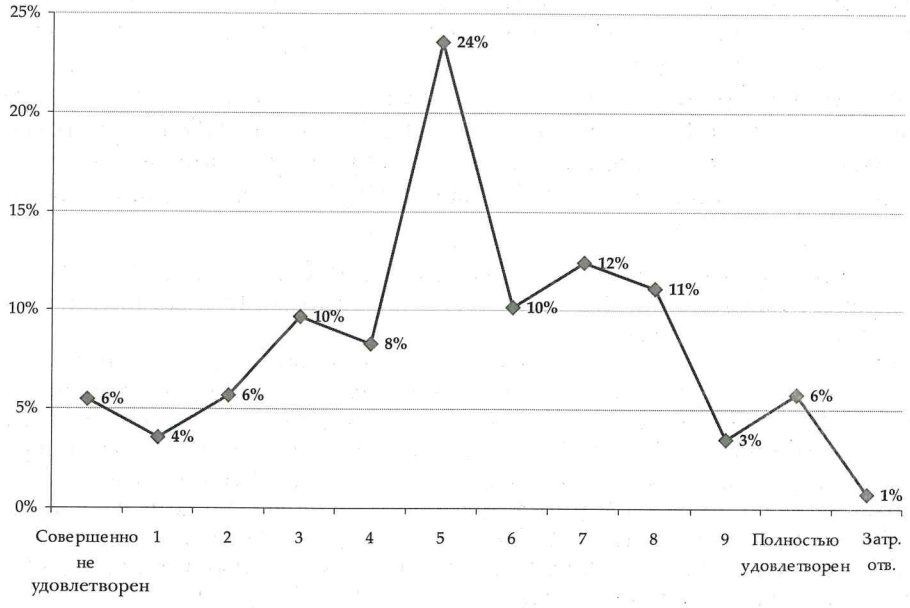
первых, по среднему уровню удовлетворенности жизнью эти страны довольно сильно отличаются и от развитых индустриальных стран, и между собой. В двух странах – Словении и Польше – средний уровень удовлетворенности близок к нижней границе стран Западной Европы и находится на уровне трех четвертей населения. В Эстонии, Латвии и Словакии он составляет более 60% населения, в Румынии – 57%. В остальных странах уровень удовлетворенности жизнью в целом можно оценить как довольно низкий – 50% удовлетворены жизнью в Португалии, 46% – в Венгрии, 43% – в России и совсем низок он в Болгарии и в Украине.

Если в Западной Европе дифференциация людей по уровню удовлетворенности жизнью невелика, то в странах Восточной Европы такие различия значительны. Если в Западной Европе доля не удовлетворенных жизнью составляет примерно лишь 10%, то в ряде стран Восточной Европы доля таких людей в два раза больше (около 20% в Польше, Эстонии, Латвии, Словакии), от 25% до трети в Румынии, России и Венгрии. А в двух странах (Украине и Болгарии) доля неудовлетворенных превышает долю удовлетворенных. То есть люди не только дифференцированы по уровню удовлетворенности жизнью, но можно говорить и о поляризации людей по их оценке своей жизни в странах Восточной Европы (см. график 1).

В России уровень удовлетворенности жизнью на сегодняшний день один из самых низких в Европе. Нейтральную середину выбрали 24% опрошенных, ниже середины находятся 33% россиян, а выше – 43%. Как видно из приведенного графика 2, различия между россиянами в оценке своей жизни довольно значительны. Если подавляющее большинство жителей Европы используют для оценки своей жизни значения 6–10 на 11-балльной шкале,

График 2

Уровень удовлетворенности жизнью в России

то ответы россиян распределены по всей шкале от самой низкой удовлетворенности жизнью до самой высокой. Практически все респонденты смогли оценить свою жизнь по предложенной 11-балльной шкале, доля затруднившихся сделать это не превысила 1%.

Если низкий средний уровень удовлетворенности жизнью в России можно объяснить факторами, которые показали свою высокую значимость в предыдущих сравнительных исследованиях на межстрановом уровне – уровень экономического развития, уровень развития гражданского и демократического общества, уровень коррупции и бюрократии и т.п., то объяснить различия в уровне удовлетворенности внутри самой России, которые, как мы видим на графике 2, очень велики, в рамках существующих теорий довольно трудно. Попробуем проанализировать отдельные факторы, которые могли бы объяснить различия в удовлетворенности жизнью в России, и построить совокупную модель этих факторов.

Динамика удовлетворенности жизнью в России

Если в европейских странах средний уровень удовлетворенности в последние 20–30 лет остается на относительно стабильном высоком уровне и происходящие изменения незначительны, то в России за годы после начала реформ изменений в этом отношении было довольно много[26].

На графике 3 приведены данные ESS за 2006 г. и данные еще двух трендовых российских исследований – Российской социально-экономической панели Russet (1993–1999) и Исследования ценностей ЦЕССИ (1991–2005). Российская социально-экономическая панель (RUSSET) – лонгитюдное исследование, целью которого являлось изучение последствий и влияния социально-экономических и политических преобразований в жизни страны на субъективные и объективные показатели качества жизни населения. Исследование проводилось ежегодно с 1993 по 1999 г., т. е. затронуло период наиболее радикальных изменений в жизни российского общества после распада Советского Союза[27].

Доля удовлетворенных жизнью в первые годы реформ (данные 1991 г.) немного превышала долю неудовлетворенных (31% и 24% соответственно), значительную долю составляли те, кто оценивал удовлетворенность своей жизнью где-то посередине (34%). Уже к 1993 г. доля неудовлетворенных

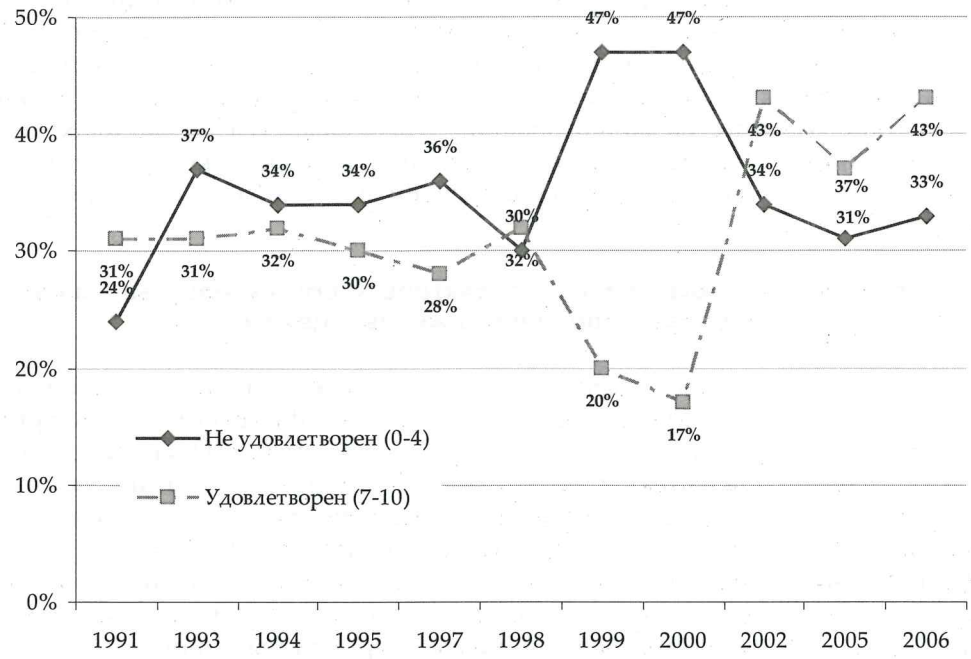
---

[26] *Andreenkova A. and Scherpenzeel A.C.* Satisfaction in Russia in Saris, W.E., Veenhoven, R., Scherpenzeel, A.C. and Bunting B. (eds). A comparative study of satisfaction with life in Europe. Eotvos University Press, 1996.

[27] Russet – Российская социально-экономическая панель – панельное исследование, т. е. одни и те же люди были включены в исследовании на протяжении целого ряда лет (с 1993 по 1999 г.). Респонденты для исследование отобраны по случайной вероятностной многоступенчатой выборке населения России 18 лет и старше. В первой волне панели 1993 г. участвовали около 3700 человек. Все интервью в ходе этого исследования были проведены методом личного интервью на дому у респондентов. Исследование проводилось ЦЕССИ (Институтом сравнительных социальных исследований) и Университетом Амстердама (рук. проекта – Вильям Сарис) при финансовой поддержке Научного фонда Нидерландов.

График 3

Динамика уровня удовлетворенности жизнью в России в 90-е и 2000-е годы

Примечание. Данные 1993—1999 гг. — RUSSET, 1991, 2002, 2005 — Всероссийское исследование ценностей ЦЕССИ по методике Всемирного исследования ценностей, 2002 г. — ежегодный Мониторинг ЦЕССИ. Все данные получены на основе всероссийских национальных опросов взрослого населения РФ 18 лет и старше, личные интервью на дому

превысила долю удовлетворенных в основном за счет сокращения тех, кто раньше оценивал свою жизнь где-то посередине. На протяжении 90-х годов доля людей, которые были удовлетворены своей жизнью, постепенно падала, а доля тех, кто был ею недоволен, медленно росла. Этот процесс продолжался вплоть до 1998 г., когда размер групп удовлетворенных и неудовлетворенных практически сравнялся за счет постепенного роста количества удовлетворенных жизнью. Но после кризиса 1998 г. произошло резкое снижение удовлетворенности жизнью у значительной части населения. Тех, кто не был удовлетворен своей жизнью, стало рекордно много (47%), а доля удовлетворенных резко упала. Лишь в 2001 г. эта тенденция стала постепенно меняться в положительную сторону. При этом средний уровень удовлетворенности жизнью не вернулся на прежний уровень 90-х годов, как это произошло бы согласно теории адаптации, но находится на более высоком уровне, хотя еще очень далеком от большинства европейских стран.

Как видно из графика 3, уровень удовлетворенности людьми своей жизнью в целом в России на протяжении всего времени реформ был тесно связан с внешними социально-экономическими обстоятельствами. Во время ухудшения экономического положения средняя удовлетворенность жизнью в стране падала, а с улучшением общего состояния экономики и стабили-

зации обстановки опять росла. До нынешнего времени уровень удовлетворенности жизни в России не стабилизировался на каком-то определенном уровне. Таким образом, маловероятно, что правдивы теории о зависимости уровня удовлетворенности жизнью от национального характера. Россияне не являются «по природе» неудовлетворенной нацией. Скорее изменения в социально-экономических условиях оказывают непосредственное и довольно существенное влияние на жизнь людей, что отражается на оценках людьми своей жизни. Но какие именно факторы и насколько серьезно они влияют на удовлетворенность россиян своей жизнью, нам еще предстоит выяснить.

Социально-демографические факторы и обстоятельства жизни и удовлетворенность жизнь в целом

На первый взгляд может показаться, что удовлетворенность жизнью зависит от большого количества социально-демографических, структурных переменных. Статистически значимой (на уровне $p<0.001$) является связь удовлетворенности жизнью и субъективной оценки состояния здоровья (0,27), уровня дохода (0,24), возраста (-0,18), семейного положения (0,17), образования (0,10), связь с полом (-0,06 на уровне $p<0.01$).

Однако практически все эти переменные являются взаимосвязанными, и поэтому необходимо выявить внутреннюю структуру этой связи и оценить ее при учете взаимовлияния всех значимых структурных переменных.

Доход и удовлетворенность жизнью

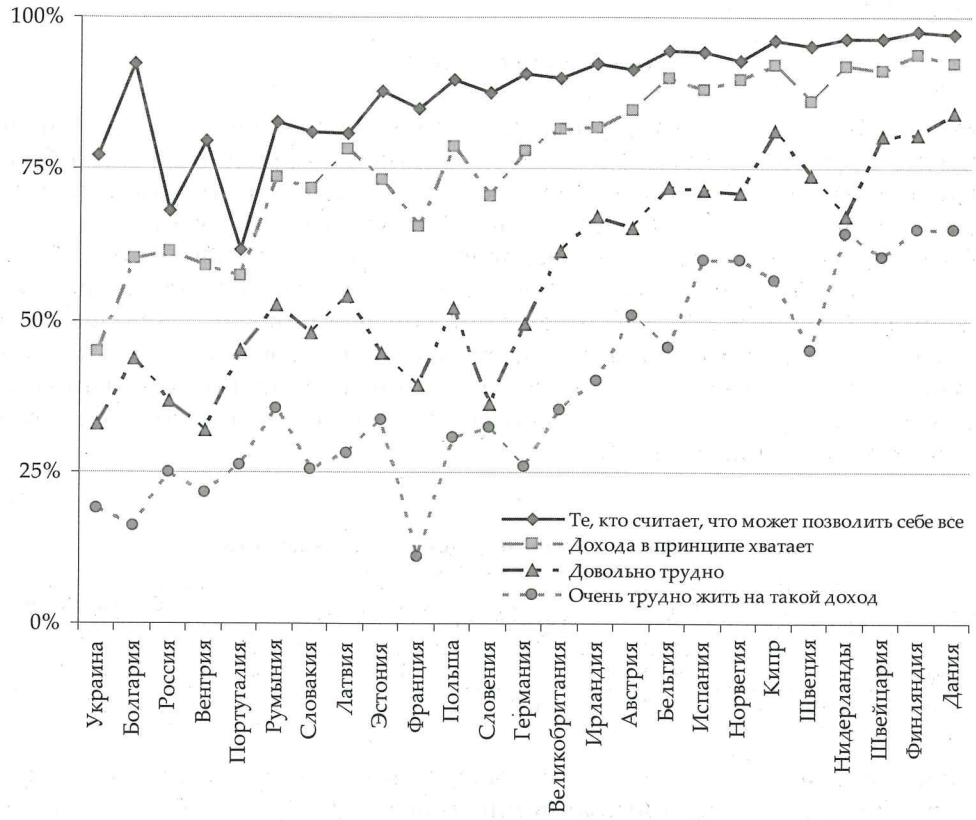
Если деньги и не приносят счастья, то по крайней мере в России они очень ему способствуют. Линейная связь уровня дохода и уровня удовлетворенности жизнью в России не только существует, но она и довольно сильная. Различия в уровне удовлетворенности жизнью между людьми с самым низким доходом и самым высоким доходом в выборке почти двукратное (средняя 3,76 и 6,82 соответственно). Если среди самых бедных в России доля не удовлетворенных жизнью (0–4 по 11-балльной шкале) составляет более половины (58%), то среди людей со средним доходом их уже в два раза меньше, а среди людей с высоким доходом – менее 10%. Однако, как и в западных странах, наиболее тесно уровень удовлетворенности жизнью связан с материальным положением в группах с низким уровнем дохода, а с увеличением дохода эта связь ослабевает. То есть после достижения определенного уровня дохода его увеличение больше не приводит к соответствующему увеличению уровня удовлетворенности жизнью. Коэффициент корреляции этих двух переменных в группе людей с доходом до 12 тыс. рублей на семью в 2006 г. составил 0,178, а среди группы с доходом более 12 тыс. рублей, – 0,131.

В некоторых странах бедным быть хуже, чем в других странах. В целом ряде западных стран различия в уровне удовлетворенности между людьми с разным уровнем дохода незначительны (хотя они везде существуют, даже в Дании), но в более бедных странах Восточной Европы эти различия очень велики (см. график 4).

График 4

Уровень удовлетворенности жизнью среди людей с разным уровнем дохода

(% удовлетворенных жизнью, 6—10 по 11-балльной шкале)

Среди людей с относительно высоким доходом уровень удовлетворенности жизнью гораздо более схож между странами, чем среди людей с низким доходом. В большинстве европейских стран около 80% людей с высоким доходом в целом удовлетворены своей жизнью. В России среди них удовлетворены жизнью чуть более 60%, как в Украине и Португалии. И это принимая во внимание то, что доля людей, оценивающих свой доход как довольно высокий, в России значительно меньше, чем в среднем по Европе. Среди групп населения с низким доходом уровень удовлетворенности жизнью существенным образом различается между странами. Если в таких странах, как Нидерланды, Швейцария, Финляндия, Дания, около половины людей с самым низким доходом все равно удовлетворены своей жизнью, то в России среди этой группы удовлетворены менее 20% опрошенных. То есть на удовлетворенность жизнью людей влияет не только их личный доход, даже выраженный в категориях уровня жизни, но и другие условия жизни в стране в целом. Особенно низко оценивают качество своей жизни бедные группы населения в более бедных странах (хотя кроме экономического раз-

вития эти страны характеризуются и еще целым рядом параметров, которые трудно учесть при анализе – период реформ, нестабильность системы, слабое развитие демократии, высокий уровень коррупции, низкий уровень самоуправления и т.п.).

Семейное положение

Хотя наиболее удовлетворенными жизнью являются люди, которые никогда не состояли в браке, а наименее удовлетворены те, у кого брак по разным причинам распался (чаще всего из-за смерти супруга или из-за развода), однако связь эта опосредована с возрастом. В группе людей до 30 лет очень мала доля людей с распавшимся браком, чтобы можно было провести анализ. В группе после 30 лет слишком мала для анализа группа с распавшимся браком и тех, кто никогда не состоял в браке, а в более старших возрастах тех, кто никогда не состоял в браке, совсем мало. Поэтому велика вероятность того, что зависимость удовлетворенности жизнью от семейного положения во многом связана с возрастом, а не с положением в браке как таковым (см. табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность жизнью людей разного возраста
(средняя по 11-балльной шкале)

	Всего 18+	18–29	30–40 лет	40–50 лет	Старше 50 лет
Женаты	5,21	6,13	5,22	5,13	5,08
Распавшийся брак	4,47		4,81	4,34	4,42
Никогда не состояли в браке	5,77	6,02	5,01	4,58	5,32

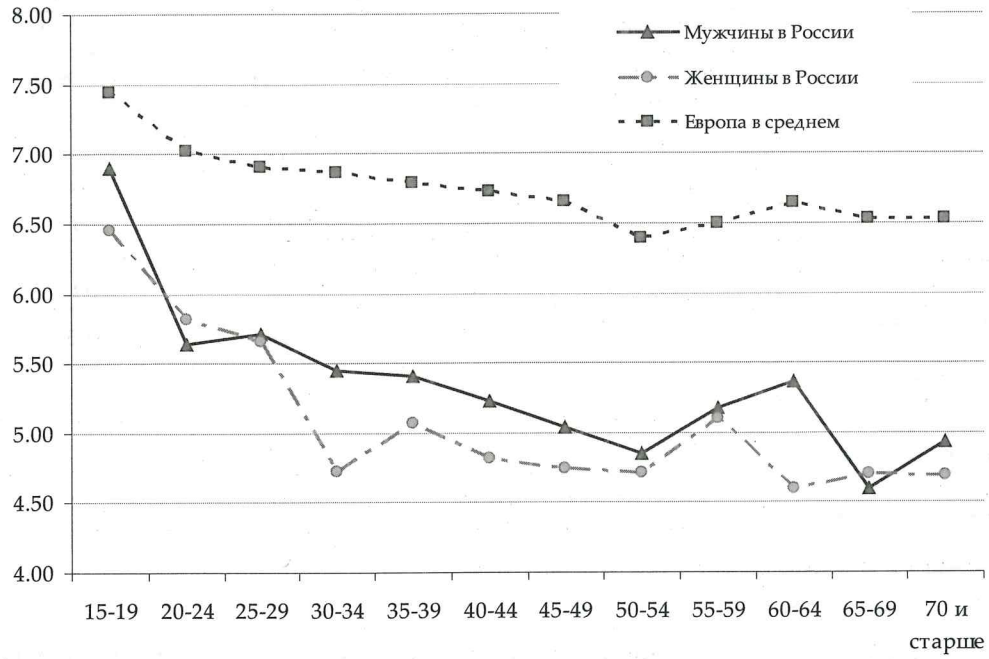
В целом среди людей 18 лет и старше, которые никогда не состояли в браке, удовлетворенность жизнью немного выше, чем у людей, состоявших в браке, и значительно выше, чем у людей с распавшимся браком. Однако среди молодежи до 30 лет, среди которой существенная часть состоит в браке, а существенная – нет, доля удовлетворенных жизнью среди женатых даже немного выше, чем среди тех, кто не был в браке, хотя различия не очень велики. В старшей возрастной группе довольно велики различия между людьми, которые живут в браке и брак которых распался.

Пол и возраст

В отличие от многих других стран, где удовлетворенность жизнью мало связана с базовыми социально-демографическими показателями (пол и возраст), в России такая связь есть, хотя и не очень сильная. Наблюдается общее постепенное снижение удовлетворенности жизнью с возрастом. Наиболее заметны различия между группой молодых людей до 30 лет и населением среднего возраста (примерно до пенсионного), затем происходит некоторое повышение уровня удовлетворенности жизнью, а после 70 лет этот показатель опять снижается. На эти возрастные различия накладываются небольшие и разнонаправленные гендерные различия. Если в юности и молодости уровень

График 5

Удовлетворенность жизнью мужчин и женщин разных возрастов
(средняя по 11-балльной шкале)

удовлетворенности жизнью юношей и девушек практически одинаков, то после 30 лет у женщин он существенно снижается и остается немного ниже, чем у мужчин на протяжении всех лет жизни, и опять начинает сближаться лишь в пожилом возрасте – от 50 лет и старше (см. график 5).

В среднем по Европе такие гендерные и возрастные различия гораздо менее заметны.

Влияние всех социально-демографических факторов вместе на уровень удовлетворенности жизнью в России

Всего вместе демографические факторы и жизненные обстоятельства объясняют 11% вариаций в ответах людей об их удовлетворенности жизнью. В этом отношении Россия практически не отличается от других европейских стран и подтверждает теории, которые до этого проверялись на населении стран Западной Европы (табл. 2).

Наиболее значимыми факторами, влияющими на удовлетворенность жизнью в целом при учете внутренней взаимосвязи всех этих факторов, являются материальное положение людей и субъективная оценка состояния здоровья. Значимость других факторов, даже тех, которые показывали взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью, когда рассматривались индивидуально, таких как возраст, образование или пол, в общей модели является статистически незначимой. То есть скорее всего влияние возраста и образования на удо-

Таблица 2

Влияние социальных, демографических и других факторов, связанных с обстоятельствами жизни, на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	Коэффициент корреляции с уровнем удовлетворенности жизнью в целом	B-коэффициент (регрессионный) не стандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)
(Константа)		6,88	0,32	
Пол	–0.06*	0,00	0,10	0,00
Возраст	–0.18**	0,00	0,00	0,03
Уровень дохода	0.24**	0,00	0,00	0,17**
Семейное положение	–0.02	0,16	0,11	0,03
Наличие и количество детей	–0,15**	–0,16	0,07	–0,06
Образование (годы обучения)	0.10**	–0,01	0,02	–0,01
Принадлежность какой-либо религии	–0.02	0,11	0,10	0,02
Состояние здоровья (субъективная оценка)	–0.27	–0,79	0,07	–0,25**

Примечание. R2=0.12, adjusted R2=0.12, **p<0.001, *p<0.01.

влетворенность жизнью происходит в основном за счет различий разных возрастных групп и людей с разным уровнем образования, дохода и оценки своего здоровья (см. табл. 2).

Социально-психологические факторы и удовлетворенность жизнью в целом

На основе анализа различных теорий, пытающихся объяснить удовлетворенность жизнью социально-психологическими и личностными факторами, мы выделили несколько показателей, которые могли бы сыграть значимую роль в России. Среди них можно выделить следующие (табл. 3):

– стремление самому осуществлять контроль над своей жизнью и вера в то, что это возможно. Противоположной является позиция, что контроль над жизнью человека является внешним и зависит от множества обстоятельств (от Бога до начальника) и в меньшей степени от самого человека. Согласно этой теории, люди нацеленные на осуществление самостоятельного контроля над своей жизнью, чаще достигают позитивных результатов в жизни и больше склонны оценивать свою жизнь как успешную или «удовлетворительную»;
– физическая активность;
– психологическая устойчивость;
– любознательность, стремление к знаниям, новому, открытость миру;
– общий уровень оптимизма;
– самооценка.

Таблица 3

Влияние личностных качеств на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	Индивидуальный коэффициент корреляции с уровнем удовлетворенности жизнью в целом	B-коэффициент (регрессионный) не стандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)
(Константа)		5,44	0,36	
Ответственность на себя[1]	–0,20**	–0,13	0,06	–0,05
Физическая активность[2]	–0,16 **	–0,12	0,05	–0,05
Психологическая устойчивость[3]	0,21**	0,17	0,06	0,06*
Стремление к новому[4]	–0,14**	–0,11	0,07	–0,03
Оптимизм[5]	–0,33**	–0,57	0,06	–0,20**
Высокая самооценка[6]	0,30**	0,49	0,06	0,19**

Примечание. R2=0.16, adjusted R2=0.15, **p<0.001, *p<0.01.

[1] Я верю, что могу сам(а) решать, как мне жить (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

[2] В моей повседневной жизни я много двигаюсь, физически активен (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

[3] Когда в моей жизни что-то идет не так, обычно мне требуется много времени, чтобы прийти в норму (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

[4] Мне нравится узнавать новое, оптимизмом (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

[5] Я всегда смотрю на свое будущее с оптимизмом (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

[6] Временами я чувствую себя неудачником (5-балльная шкала согласен-не согласен с утверждением).

Все социально-психологические факторы, включенные в модель, могут объяснить около 15% вариаций в уровне удовлетворенности жизнью. Среди них наиболее важными являются общий оптимистичный взгляд на будущее и высокая самооценка.

Все включенные в модель социально-психологические факторы действительно связаны с удовлетворенностью жизнью (индивидуальные коэффициенты корреляции все статистически значимы). При этом наиболее тесно с удовлетворенностью жизнью связана с общим уровнем оптимизма и самооценкой хода своей жизни. Наиболее слабая связь с физической активностью и стремлением к новым знаниям. После учета взаимовлияния всех этих факторов значимость оптимизма и самооценки хода жизни остается довольно высокой, а значимость всех других социально-психологических факторов сильно снижается и практически ничего не добавляет к объяснительной силе этой модели.

Внешние факторы

Еще одной объяснительной возможностью удовлетворенности жизнью является предположение, что удовлетворенность жизнью определяется не столько личностными (социальными, демографическими или психологическими) характеристиками людей, сколько их оценкой и отношением к внешнему окружению. К такому внешнему окружению могут относиться как социальное окружение (близкое или дальнее), так и общеполитические и общеэкономические обстоятельства жизни, точнее, отношение и оценка людьми этих обстоятельств.

К характеристике социального окружения и социальной жизни мы отнесли:

– оценку того, как люди вокруг относятся друг другу (социальные отношения в непосредственном окружении)[28];
– уважение и оценка со стороны других[29];
– уровень межличностного доверия в самом широком социальном окружении, обществе в целом[30];
– частота общения с людьми и возможности для душевного общения[31];
– оценка личной безопасности[32];

---

[28] Вы чувствуете, что люди, живущие с Вами по соседству, помогают друг другу? (оценка по 7-балльной шкале от 0 до 7, где 0 – совсем нет, а 6 – в очень большой степени).

[29] Вы чувствуете, что люди относятся к Вам с уважением?

Вы чувствуете, что люди обращаются с Вами несправедливо?

Вы чувствуете, что Вас оценивают по заслугам?

(оценка по 7-балльной шкале от 0 до 7, где 0 – совсем нет, а 6 – в очень большой степени).

[30] Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?

Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?

В большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?

(Оценка по шкале от 0 до 10.)

[31] Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам? – никогда; реже, чем раз в месяц; один раз в месяц; несколько раз в месяц, но не каждую неделю; один раз в неделю; несколько раз в неделю, но не каждый день; каждый день.

Есть ли у Вас кто-то, с кем Вы могли бы поговорить по душам, о личном?

[32] Были ли случаи за последние 5 лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа или нападения, насилия?

Насколько безопасно Вы чувствуете или почувствовали бы себя, когда идете в одиночестве в том районе, где Вы живете, после наступления темноты? Вы чувствуете или почувствовали бы себя в полной безопасности, в относительной безопасности, небезопасно или совсем небезопасно?

Как часто, если это вообще случается, Вы беспокоитесь о том, что Ваш дом/ квартиру могут ограбить, обокрасть? (Постоянно или почти всегда, довольно часто, иногда, никогда.)

– оценка политической обстановки в стране (уровень доверия представительным демократическим институтам (парламенту), оценка деятельности правительства, оценка работы демократии в стране в целом);
– оценка работы социально значимых сфер – системы образования и системы здравоохранения;
– оценка экономической обстановки в стране.

Социальная жизнь и социальное окружение

Практически все факторы социального окружения связаны с удовлетворенностью жизнью в целом на индивидуальном уровне, за исключением участия в общественно полезной деятельности и помощи другим людям, которые на удовлетворенность жизнью влияют в России мало. Однако при учете взаимного влияния всех этих факторов значимыми остались только пять, среди которых наиболее важные – уверенность, что люди судят о тебе по заслугам, частота социального общения и восприятие общих взаимоотношений между людьми как честных и справедливых, а также менее тесно связанные с удовлетворенностью жизнью представления о справедливости, отношения со стороны других и возможности для близкого душевного общения. Остальные факторы, такие как представления об общем социальном климате в личном окружении (люди помогают друг другу), межличностное доверие, взаимопомощь, оказались малозначимыми.

Таблица 4

Влияние факторов социального окружения и социальной жизни на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	Индивидуальный коэффициент корреляции с уровнем удовлетворенности жизнью в целом	B-коэффициент (регрессионный) нестандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)
(Константа)		3,01	0,46	
Люди вокруг помогают друг другу	0,15**	0,06	0,03	0,04
Уважение со стороны других	0,17**	0,03	0,05	0,02
Несправедливое отношение других	–0,18**	–0,13	0,04	–0,08**
Оценка по заслугам	0,24**	0,30	0,04	0,16**
Межличностное доверие	0,16**	0,04	0,02	0,04
Люди ведут себя честно	0,23**	0,13	0,02	0,13**
Люди помогают друг другу	0,20**	0,06	0,02	0,06
Частота проведения времени с людьми	0,17**	0,21	0,03	0,15**
Есть с кем поговорить по душам	–0,13**	–0,43	0,15	–0,06**
Участие в общественно полезной деятельности	–0,07	–0,14	0,06	–0,05
Частота помощи другим	–0,02	0,08	0,03	0,05

Примечание. R2=0.14, adjusted R2=0.14, **p<0.001, *p<0.01.

Все факторы социального окружения вместе взятые могут объяснить около 14% различий в удовлетворенности жизнью между людьми в России.

Макроэкономические и макросоциальные факторы (среда)

Субъективное представление людей о благоприятности среды, макрофакторов оказывает очень серьезное влияние на уровень их удовлетворенности своей жизнью больше, чем какие-либо другие факторы (см. табл. 5). Особенно тесна связь удовлетворенности жизнью и оценкой экономического положения в стране (0,38). Это наиболее тесно связанный с удовлетворенностью жизнью показатель из всех, которые мы проанализировали.

Нужно принять, однако, во внимание, что с технической точки зрения все показатели удовлетворенности макросредой оценивались по той же шкале удовлетворенности, что и удовлетворенность жизнью в целом и поэтому корреляции могут увеличиваться за счет «эффекта метода».

Слабее других характеристик внешней среды с удовлетворенностью жизнью связаны показатели безопасности.

Если учесть взаимовлияние всех этих факторов друг на друга, то значимыми останутся лишь несколько. В частности, самым важным фактором внешней среды остается субъективная оценка макроэкономических условий, при учете этого фактора все остальные оценки состояния политической и социальной сферы отходят на второй план.

Таблица 5

Влияние субъективной оценки благоприятности среды, макрофакторов на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	Индивидуальный коэффициент корреляции с уровнем удовлетворенности жизнью в целом	B-коэффициент (регрессионный) нестандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)
(Константа)	2,09	2,09	0,33	
Доверие парламенту	0,02	0,02	0,02	0,02
Оценка работы экономики	0,38**	0,38	0,03	0,33**
Оценка работы правительства	0,09	0,09	0,02	0,08**
Оценка работы демократии	0,04	0,04	0,03	0,04
Оценка работы системы образования	0,06	0,06	0,02	0,06
Оценка работы системы здравоохранения	0,10**	0,10	0,03	0,09**
Опыт столкновения с насилием	0,19**	0,19	0,11	0,03
Чувство безопасности в округе	–0,12**	–0,12	0,06	–0,04
Беспокойство о возможном насилии	0,09	0,09	0,08	0,03
Беспокойство о возможности грабежей	0,18**	0,18	0,07	0,06

Примечание. R2=0.27, adjusted R2=0.27, **p<0.001, *p<0.01.

Общая модель

В общую модель, с помощью которой мы попытаемся объяснить различия в удовлетворенности жизнью людей, т. е. найти факторы, ее определяющие, мы включили все наиболее значимые факторы из рассмотренных выше отдельных моделей. Среди социальных и демографических факторов – пол, возраст, доход, состояние здоровья, среди социально-психологических факторов – психологическая устойчивость, общий оптимизм, уверенность в себе, среди социальных – частота общения с людьми, возможности душевного общения, уровень межличностного доверия в обществе, оценка со стороны других.

Такая модель может объяснить 23% различий в уровне удовлетворенности жизнью между людьми. При этом наиболее важным оказывается:

– субъективная оценка состояния здоровья;
– общий оптимистический взгляд на жизнь;
– справедливая оценка со стороны других;
– личный доход;
– уверенность в себе.

Таблица 6

Влияние всех факторов социальной жизни и социального окружения (микро- и макро-) на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	B-коэффициент (регрессионный) нестандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)	Значимость β
(Константа)	5,31	0,48		0,00
Пол	–0,03	0,10	–0,01	0,76
Возраст	0,00	0,00	–0,03	0,16
Доход	0,00	0,00	0,12	0,00
Состояние здоровья	–0,47	0,08	–0,15	0,00
Психологическая устойчивость	0,05	0,06	0,02	0,37
Оптимизм	–0,39	0,06	–0,14	0,00
Уверенность в себе	0,32	0,06	0,12	0,00
Межличностное доверие (люди ведут себя нечестно)	–0,12	0,03	–0,07	0,00
Оценка по заслугам	0,25	0,04	0,13	0,00
Частота проведения времени с людьми	0,11	0,03	0,07	0,00
Возможности душевного общения	–0,33	0,14	–0,04	0,02

Примечание. R2=0.23, adjusted R2=0.23, **p<0.001, *p<0.01.

Таблица 7

Влияние всех факторов на удовлетворенность жизнью в целом
(многомерный регрессионный анализ)

	B-коэффициент (регрессионный) не стандартизованный (b)	Стандартная ошибка B-коэффициента (st error b)	Стандартизированный коэффициент регрессии (β)	Значимость β
(Константа)	3,16	0,44		0,00
Пол	–0,10	0,09	–0,02	0,27
Возраст	0,00	0,00	0,00	0,93
Доход	0,00	0,00	0,09	0,00
Состояние здоровья	–0,32	0,07	–0,10	0,00
Психологическая устойчивость	0,14	0,05	0,05	0,01
Оптимизм	–0,30	0,05	–0,11	0,00
Уверенность в себе	0,21	0,05	0,08	0,00
Межличностное доверие	–0,10	0,03	–0,06	0,00
Оценка по заслугам	0,17	0,03	0,09	0,00
Оценка состояния экономики страны	0,30	0,03	0,26	0,00
Оценка работы правительства	0,10	0,02	0,10	0,00
Оценка работы системы здравоохранения	0,12	0,02	0,11	0,00
Частота проведения времени с людьми	0,07	0,03	0,05	0,01
Возможности душевного общения	–0,31	0,13	–0,04	0,02

Примечание. R2=0.37, adjusted R2=0.37, **p<0.001, *p<0.01.

Оказывают пусть небольшое, но заметное влияние такие факторы, как межличностное доверие в обществе и частота социальных контактов. При учете всех факторов вместе демографические параметры практически перестают играть значимую роль, как и психологическая устойчивость и возможности для душевного общения.

Если подключить к этой модели и макроэкономические факторы – оценку состояния экономики, правительства и системы здравоохранения, то модель сможет объяснить 37% вариаций.

При этом наиболее значимым становится оценка макроэкономических условий (фактор номер один, существенно превосходящий по значимости все остальные), общий уровень оптимизма, состояние здоровья, оценка работы правительства и работы системы здравоохранения, за ними следует внешняя оценка личности и личных достижений, личный доход.

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что сегодня в России личные обстоятельства жизни менее важны для оценки людьми своей жизни в целом, чем их отношение к ситуации в стране в целом. Возможно, именно это определяет более низкий средний уровень удовлетворенности

жизнью в России, чем в других странах Западной Европы. Даже наиболее благополучные слои населения, которые живут в наиболее благоприятных обстоятельствах, показывают более низкую удовлетворенность жизнью, чем люди в схожих обстоятельствах в западных европейских странах.

Однако полностью объяснить причины низкого или высокого уровня удовлетворенности жизнью в России пока не удается, как не удается это сделать уже на протяжении многих десятилетий в странах Западной Европы. Так что загадка, почему одни люди довольны жизнью, несмотря на обстоятельства, а другие жалуются на нее, остается. Мы продолжим работать над ее решением и в рамках ESS, и с привлечением всех других данных.

Л.М. Дробижева,
Е.М. Арутюнова

Глава 7

НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Национально-гражданская идентичность россиян

Конец прошлого и начало нового столетия для многих государств стали временем поиска своей идентичности. От Японии, где решался вопрос, делает ли ее место и культура Азией, или ее богатства и современность – Западом, до Германии, сомневающейся в единой идентичности ее граждан, и даже Англии, ее ученые и политики, а иногда и простые люди размышляли об идентичности.

В социально-гуманитарных науках мало кто не согласится с тем, что современное общество – это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. И все же в разных концах мира не снижается интерес к обсуждению проблем идентичностей.

В Северной Америке, как пишет Ф. Фукуяма, многие гордятся своим плюрализмом и мультикультурализмом. При этом существование национальной идентичности (имеется в виду политическая, государственная, гражданская идентичности) во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом[1], хотя доминантность ее стала обсуждаться после террористических актов 11 сентября. В Европе создание Европейского Союза стимулировало конструирование европейской идентичности. Но, как пишет Фукуяма, «европейская идентичность все еще во многом остается порождением разума, а не чувства... европейские национальные идентичности не исчезли... По сравнению с Америкой, национальные идентичности в Европе в большей степени основаны на этнической принадлежности». Хотя в европейских странах, как и в США, люди выражают приверженность идее политического гражданства, «этническое происхождение все еще имеет серьезное значение».

Таким образом, проблема совместимости национально-государственной,

---

[1] *Фукуяма Ф.* Идентичность и иммиграция // http://n-europe.eu/content/index.php?p=1290

этнической, региональной идентичности, их динамика актуальны не только для России. Особая важность ее для нашей страны связана с историческим этапом.

Современная Россия находится в состоянии преодоления последствий перехода от советской эпохи к демократическому транзиту и от переходного времени к выбору своего пути и места в мировом сообществе. Выбор идет по трем векторам — политическому, экономическому с соответствующими последствиями в социальной структуре и идеологическому, в соответствии с которым выстраивается пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал.

Начало XXI в. стало в России временем достаточно активного нациостроительства. В дискурсе руководства страны это проявляется достаточно очевидно. Заметным и замечаемым стало употребление в публичном пространстве, и прежде всего в выступлениях Президента РФ, понятия нации не в этнокультурном значении, а в смысле государственной общности — политической нации. В таком значении понятие нации и производное от него определение «национальный» (доход, интересы и т.д.) в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2007 — 18 раз[2], в Послании 2005 г. 5 раз употреблялось само понятие нации в значении государственной общности. Оно находит выражение в дискурсе через такие определения, как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы народ России», «единый народ России»[3].

На встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. Президент РФ В.В. Путин отмечал: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»[4].

В публичном пространстве нашло отзвук выступление одного из идеологов президентского окружения — В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовке кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 г., где он говорил: «России не хватает национальной идеологии и элиты, которая бы разделяла эту идеологию... Мы — нация, привыкшая к государственности... Государство — это способ самоорганизации общества»[5]. Конструкт раскрывается образом общества, «при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражда-

---

[2] Подсчеты с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word — Ctrl+F.

[3] *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г.; *Путин В.В.* Выступление на встрече с представителями общественности по проблематике Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 г. Ростов на Дону // http://www.kremlin.ru/appears/2000/11/08/0000type63378_284244.shtml

[4] //http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_type63374type63378_60337.shtml

[5] *Сурков В.* Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // http://www.edinros.ru/news.html?id=111148

нами, социальными группами и народами, ее образующими»[6]. Идеолог не скрывает, что идет «информационная борьба», «борьба за умы». «Вопросы самообразования, вопросы терминов, вопросы производства образов — это признак действующей нации». Нужно самим производить «образы и смыслы» и «у нас должна быть своя версия политического языка. Иначе мы обречены на то, как говорится, «кто не говорит, тот слушает». А тот, кто слушает, тот слушается»[7].

Практически впервые за постсоветский период власть рационализирует нациостроительство, определяет силы, на которые можно опереться, чтобы «создать образ будущего России и начать осознанно и целенаправленно создавать будущее», — это «национальная буржуазия, военные, средний класс и их духовные и политические представители»[8].

Но, как хорошо известно и социологам, и политологам, для того чтобы довести идеи, смыслы до массового восприятия, надо распространять их, учитывая «здравый смысл», т.е. через такие образы, высказывания, которые могут быть поддержаны теми, на кого они рассчитаны, создавая впечатления, будто они и сами так думают[9]. И надо сказать, что и Президент РФ, и его ближайшее окружение не только учитывали это в высказываниях, но и предпринимали очевидные усилия для формирования образа России, идентичности россиян через эффективные каналы (СМИ, образование, подготовка «Наших» и др.). Реализация этих усилий была различной. Сама постановка проблемы российской идентичности, настоящего и будущего нации — актуальна и находила освещение и в прессе, и на научных форумах[10]. И там и там высказывались и здравые оценки, и были очевидные переборы.

В этой ситуации, естественно, интересно проанализировать массовое общественное сознание. Ведь не только этническая идентичность, но и идентичность политической нации может быть как нормальной, позитивной,

---

[6] *Сурков В.* Национализация будущего. [Параграфы рго суверенную демократию]// http://www.edinros.ru/news.html?id=116746

[7] *Сурков В.* Концепция суверенной демократии апеллирует к достоинству российской нации. Выступление на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность»// http://www.edinros.ru/news.html?id=115114

[8] Либерально-консервативное видение будущего России//Независимая газета. — 2005 г. — 8 ноября.

[9] *Павловский Г.* Обсуждение выступления В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России»//Эксперт. — 2006. — № 9. — С. 74.

[10] См., например, обсуждение выступления В. Суркова на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность»//http://www.edinros.ru/news.html?id=115122; *Дубин Б.В.* Конструкция власти и репродукция власти: механизмы забывания и повторения; *Зудин А.Ю.* Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы//Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. — М., 2007; *Зверева Г.И.* Повторение пройденного? Специфика дискурса политической власти в современной России// Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. — М., 2007.

так и гиперболизированной, болезненной. Об этом в связи с рассуждением о национализме писал Майкл Линд. О наложении этнической и гражданской модели национализма и даже возможности со временем изменения их значения на примере Франции и Германии писал в 90-е годы и Р. Брубейкер[11]. В связи с этим встает вопрос о смысловой нагрузке каждой из анализируемых идентичностей[12]. Мы продолжаем его обсуждать на новом материале в меняющемся социально-политическом контексте.

Целями данной работы является:

1) показать качественное наполнение государственной и гражданской идентичности;

2) рассмотреть соотношение гражданской и этнической идентичности с точки зрения возможности их позитивной совместимости;

3) выяснить, что может способствовать укреплению позитивной гражданской идентичности, индикатором которой являются отношения к иноэтничной миграции.

Ответить на некоторые вопросы помогают данные, полученные в Европейском социальном исследовании (ESS). В нем задавались не только вопросы о соотнесенности (отождествлении) с важнейшими общностями — граждан страны, жителями локальности — городов, сел, людьми своей национальности, людьми того же достатка, профессии, но изучались и ценности, привязанность к которым свидетельствует о формировании гражданской идентичности или сохранении прежних идентичностей — советской или традиционалистской. Сегодня утверждается, становится устойчивой прежде всего национально-гражданская идентичность россиян. Ведь еще в начале прошлого десятилетия даже в Москве всего четверть населения определяла себя как россиян.

Теперь, по результатам ESS, близость со всеми гражданами России ощущают 64% респондентов.

Все граждане Российской Федерации переживали период переосмысления того, что они живут в стране с новыми территориальными очертаниями, этническим составом населения, политическим устройством, рождающимися и отмирающими ценностями, изменяющейся социальной стратификацией. Скорость и масштабы осознания трансформационных изменений, встраивание в новую систему отношений, освоение новых смыслов и значений были разными. И это определяло то многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой — росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют твои какие-то интересы, осознавалась важность больших, воображаемых (с точки зрения представляемых людьми) сообществ — политической нации, государственного, гражданского сообщества, республиканского, областного,

---

[11] *Lind M.* In Defense of Liberal Nationalism//Foreign Affairs.1994. Vol. 73. № 3. P. 87; *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass. 1992. P. 9–11.

[12] Об этом нам уже приходилось высказываться — см.: *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России/Отв. ред. В.С. Магун. — М., 2006.

этнического сообщества. Прошедшее с 1991 г. время — срок исторически небольшой, но не случайно социологи во всем мире выделяют один тренд — время сжимается, а пространство фрагментируется. За истекшее время существования новой России ныне живущее поколение пережило последствия распада СССР, прошло через взрывы этничности, рост национальных движений, суверенизации в республиках, сепаратизма регионов, а затем — укрепление вертикали власти, переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Это было время кардинальных социальных изменений — формирования новых социальных слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах, смены политического устройства общества.

Разными людьми, проживающими в субъектах Российской Федерации, одни изменения воспринимались как позитивные, иные как деструктивные, и при этом они накладывались друг на друга, образуя сложные конфигурации, неоднозначно воспринимаемые в центрально-европейских и других регионах страны, в городской и сельской среде, в разных поколениях.

Мы постараемся показать, как эти изменения отразились на самосознании людей, их идентичности.

Понятие государственно-гражданская, или национально-гражданская идентичность достаточно новое для нашей публичной сферы, да и российской научной литературы. Новое, потому что в России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как государственная идентичность, россияне, российская идентичность. Сначала было предложено понимание нации как граждан государства[13], а затем это понятие вошло в политический и научный лексикон, аналогично тому, как оно понимается во Франции, Великобритании, США.

Если под нацией понимается государственная общность, то снимается или во всяком случае в законодательном пространстве устраняется право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Право на суверенитет в таком случае закрепляется за государственной (российской) общностью. Отсюда акцент на «политическую нацию» в дискурсе власти.

Мы не случайно обращаемся именно к этому понятию — **государственно-гражданская, национально-гражданская идентичность**, *которое включает не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления о сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм) по отношению к своей стране.* Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности, здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Политические, социально-культурные, экономические изменения в обществе находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому

[13] Инициатива принадлежала В.А. Тишкову, но споры с ним вели и Р.Г. Абдулатипов, и Э.А. Баграмов, и Ж.Т. Тощенко, и В.И. Козлов и др.

по изменениям в идентичности судят о направлениях в развитии общества, но и сама идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этих точек зрения мы постараемся рассмотреть идентичность россиян как ресурс государства и общества и в то же время как некий барометр их изменений.

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями, как социальные, и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Этническая идентичность, так же как государственная, нами понимается широко не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений. В условиях глобализации этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую — современности.

Понимая, что современная идентичность россиян — сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей, мы сосредоточиваем свое внимание на рассмотрении позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности. При этом мы пытаемся оценить, всегда ли более позитивна национально-государственная идентичность в сравнении с этнической, и если это так, то насколько они отличаются; какие варианты их совместимости могут стать социальным ресурсом общества; определить масштабы распространения позитивных смыслов при гражданской идентификации и при идентификациях с людьми своей национальности; какие наиболее важные социальные и политические контексты могут способствовать позитивным трендам в национально-гражданской и этнической идентичности.

Источником для рассмотрения этих проблем явились результаты общероссийского опроса населения в рамках Европейского социального исследования (ESS)[14] в 2006 г. Мы используем также результаты межрегионального исследования «Будущее России: социальная сфера», проведенного в нескольких областях Российской Федерации[15]. Для сравнения и дополнения материала

[14] Руководитель исследования по России В.А. Андреенков, руководитель научного совета проекта Н.И. Лапин. Автор ответственен за разработку инструментария по идентичностям и межэтническим отношениям.

[15] Области — Калининградская, Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская, Томская, Приморский край, Бурятия. Всего было опрошено 4380 человек. Ресурсным центром исследования являлась группа исследователей из ИС РАН (Л. Дробижева — рук., А. Чирикова, М. Черныш). Опросы проводились в областях Межрегиональными исследовательскими научными центрами (МИОНами) при спонсорской поддержке ИНО-Центра.

Таблица 1

Динамика гражданской идентичности,%

Период	Источник данных	Регион, в котором проводился опрос	% от всех опрошенных
1992	ИЭА	Москва	24%
2004	ИКСИ	Всероссийская выборка	45%
2006	РМЭЗ	Мегаполисы	51%
2006/2007	ESS	Всероссийская выборка	64%
2008	ИС РАН	Всероссийская выборка	85%

используются также данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Института социологии РАН (РМЭЗ)[16].

Все исследователи, занимающиеся проблемами российской идентичности, фиксируют ее устойчивость и приближение к условно называемым базовым идентификациям (товарищи по работе, люди той же профессии и др.). В 1992 г. в Москве, как уже отмечалось, лишь четверть населения идентифицировала себя как россиян[17]. В 2002 г. с образом «мы — россияне» солидаризовались 63% населения[18]. В 2004 г. была зафиксирована российская идентичность у 78,5% опрошенных[19], а в 2007 г. выявили ее у 85% населения. В примерно этот же период «часто» или «иногда» ощущали себя «гражданами России» (68% горожан и 59% — жителей села)[20]. Данные ESS подтверждают сделанные ранее выводы (см. табл. 1).

Приведем также данные, которые позволят читателю составить некоторое представление о размахе возможных отличий идентификаций в республиках[21]. В регионах с доминирующим русским населением гражданами России ощущали себя от 95–90% жителей в Свердловской, Томской, Воронежской областях, до 82–77% в Саратовской, Калининградской областях, Приморье (в среднем более 76%). За 2007 г. по двум республикам — Саха

---

[16] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения проводится Институтом социологии совместно с Ун-том Сев. Каролины (США) и Институтом питания РАМН. Рук. с российской стороны П.М. Козырева, М.С. Косолапов.

[17] Данные опроса Института этнологии РАН.

[18] *Данилова Е.Н.* Через призму социальных идентификаций//Россия реформирующаяся/Отв. ред. Л. М. Дробижева. — М., 2005. — С. 226.

[19] Всероссийское исследование населения Института комплексных социальных исследований (ИКСИ). Российская идентичность в условиях трансформаций/Отв. ред. Горшков М. К., Тихонова Н.Е. — М., 2005.

[20] Более высокий уровень российской идентичности в исследованиях под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой, возможно, связан с тем, что в выборку этого исследования в Северо-Кавказском регионе попали лишь Ростовская область и Ставропольский край, т.е. не попадала ни одна республика региона.

[21] При рассмотрении идентичности в регионах мы будем использовать данные, которые были получены в 2006 г. группой Института социологии РАН совместно с Межрегиональными исследовательскими научными центрами (МИОНами).

Таблица 2

Гражданская идентичность на региональном уровне по данным исследования «Будущее России»,%

Воронежская, Свердловская, Томская области, Республика Саха (Якутия)	Новгородская и Саратовская области	Калининградская область, Приморский край, Республика Бурятия	Чеченская Республика
90—95%	82%	77%	25—40%

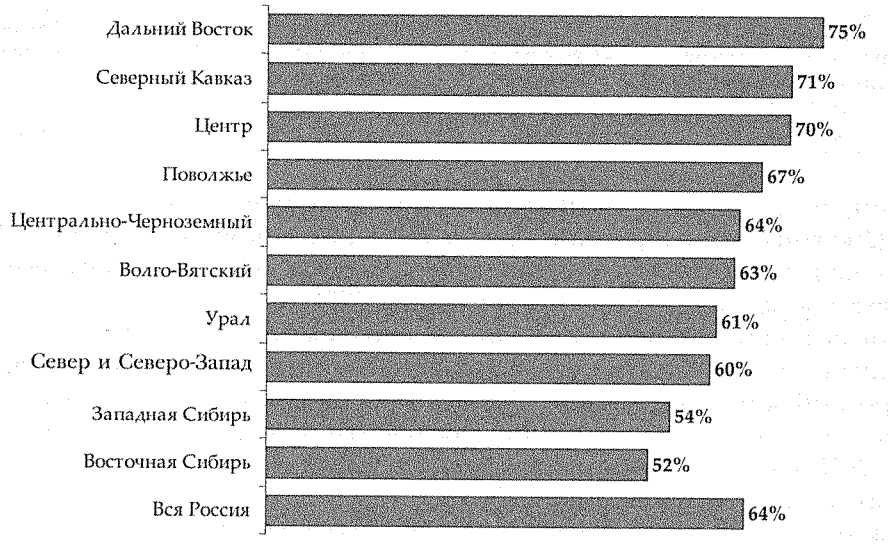
(Якутии) и Татарстану — мы располагаем представительными данными[22]. В Саха (Якутии) идентифицировали себя с гражданами России чуть больше 90% и якутов, и русских. В Татарстане и татары, и русские чаще всего себя чувствуют и россиянами, и татарстанцами (63% и 71% соответственно). По северокавказским республикам данные ненадежные, но в тенденции там республиканская идентификация сильнее общероссийской, и она чаще ниже общероссийских показателей. Последние данные, которые получили наши коллеги по г. Грозный, — российская идентичность присутствует не более чем у 25% граждан, хотя лояльность по отношению к российской власти намного выше (см. табл. 2 и график 1).

Для того чтобы рассмотреть вопрос о содержании самой гражданской идентичности и совместимости ее с этнической идентичностью, важно учесть постановку вопросов. В социологии, как известно, часто фиксируются расхождения результатов опросов именно из-за этого. Индивид определяет свою позицию в системе координат (Г. Зиммель, Г. Стоун), отождествляет себя с той или другой общностью, определяет, кем он является. В основе измерения лежит конструктивистский подход (П. Бергер, Т. Лукман). При выборе «мы-идентичности» человек свободен в выборе и делает его на основе осознания. Но вместе тем по условиям опроса респондент находился в положении, приближенном к реальному жизненному пространству, он отождествляет себя с разными социальными общностями и пространствами — с людьми своего поколения, той же профессии, достатка, людьми той же национальности, религии, живущим в городе, поселке, области, республике, со всеми гражданами России, общностью «советский народ», людьми, близкими по политическим взглядам, товарищами по работе, учебе, европейцами. И респондентам предлагается ответить, как часто они ассоциируют себя с этими общностями (часто, иногда, никогда). Но современное общество, как уже упоминалось, пространство постоянно меняющихся идентичностей. Актуальность каждой из них для личности или группы зависит от обстоятельств. Русский человек, живущий в селе или небольшом городе в Центральной России, редко сталкивается с потребностью осознавать себя и россиянином, и русским, хотя он и будет себя считать россиянином, а российский украинец, живущий на границе с Казахстаном или в районе Екатеринбурга — с высоким притоком новых мигрантов — будет чаще ощущать себя россиянином и даже может ас-

[22] В Саха (Якутии) исследование проведено сотрудниками Института социологии РАН (руководители исследования Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш) совместно с учеными республики (руководители А.Д. Бравин, Э.Я. Яковлева), по Татарстану — исследовательской группой под руководством Г.А. Исаева.

График 1

Гражданская идентичность на региональном уровне по данным ESS, %

социировать себя с русскими. Мне приходилось наблюдать это при опросах в Магаданской области. Если респондент фиксирует, что он часто испытывает чувство общности с людьми своей страны, людьми той национальности, с которой он себя отождествляет, это заставляет исследователя искать факторы, которые приводят к такой актуализации данных идентичностей.

На основе данных по республике Саха (Якутия) мы провели анализ, насколько часто идентифицируют себя люди в основном по административному, государственному принципу — россиянами, или ассоциируют себя с сообществом, которое мы называем гражданами России. Оказалось, что чаще люди идентифицируют себя именно как граждан России. Говорит ли это о формировании именно гражданского сознания? Судя по ответам респондентов, о такой тенденции говорить можно.

По данным ESS, свою связанность со страной россияне ощущают приблизительно в такой же мере, как и граждане Германии, и Латвии, но меньше, чем во Франции, США, Канаде. Скорее всего это свидетельствует о том, что россияне пережили кризис идентичности, когда их прежняя государственная идентичность претерпела существенные изменения при изменении в государственном устройстве и территориальном пространстве.

Отвечая на вопрос, что значит «быть гражданином страны», абсолютное большинство ответило: «чувствовать ответственность за то, что происходит в стране», «любить свою страну, быть патриотом своей страны».

Национально-гражданская идентичность достаточно устойчива. По данным ESS, доля разделяющих представления о себе как гражданах страны практически одинакова во всех поколениях от старших до младших возрастов и в разных социальных группах.

При всех сложностях в стране, прежде всего сильной социальной дифференциации, гражданское сознание — мощный фактор нивелирования социаль-

Таблица 3

«Мы-идентификации» в зависимости от удовлетворенности жизнью (%)*

Часто ощущают близость, единство с людьми...	Удовлетворенные жизнью		Не удовлетворенные жизнью	
	Все население	Работающие	Все население	Работающие
Мы — граждане России	59	61	42	49
Мы — люди одной национальности	50	48	61	73

* По данным РМЭЗ, выборка по городу Москве.

но значимых культурных различий, в том числе этнических границ, стимул солидарности в стране. Как показывают исследования, такая солидарность, в свою очередь, является катализатором экономического развития, поскольку служит взаимному доверию и сотрудничеству населения, содействует мотивации к экономической активности людей. Доверие между гражданами и активность строятся на фундаменте закона и права. С реализацией их у нас немало проблем. Судебно-правовой системе доверяют чуть более 40% респондентов. А власти в лице Государственной Думы доверяют еще меньше — 35%. Изменение отношений с властью, повышение уровня доверия власти и окружающим людям может повысить уровень гражданского сознания.

Другим условием роста гражданской идентичности может быть повышение удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее аспектами — материальным положением, уровнем безопасности, духовной сферой. Эта зависимость демонстрируется в табл. 3, где зафиксированы гражданская и этническая идентичности и удовлетворенность жизнью.

Как видим, среди удовлетворенных жизнью больше доля «мы-идентификаций» с гражданами России, а среди недовольных жизнью больший вес приобретает этническая идентичность.

Этническая идентичность длительное время противопоставлялась гражданской идентичности. Для этого были основания — разинтегрированность страны, недоверие центральной власти, непривычность нового очертания страны, ощущение потери славного исторического прошлого. Все это нивелировало государственную, гражданскую идентичность.

Возможность позитивной совместимости гражданской и этнической идентичности

При всех тревогах и изменениях в стране люди ищут солидарности с теми, кто их лучше понимает. В бурные времена в понимающей среде всегда «теплее и уютнее» (З. Бауман). Уже поэтому самой массовой по распространенности в период трансформации в России была этническая идентичность. 82% респондентов без каких-то значимых отклонений по возрасту и социальному положению идентифицировали себя по национальности.

Россия — страна полиэтническая, многокультурная. Проблемы возникают тогда, когда между различными истолкованиями себя (идентичностями) нет никакого пересечения, нет согласия. Данные Европейского социального исследования (ESS) показывают, что такое пересечение, наоборот, достаточно

Таблица 4

Соотношение национально-гражданской и этнической идентичности (данные ESS)

	В целом	Часто	Иногда	Никогда
Ощущают близость с гражданами России (%)	64	22	42	11
Ощущают близость с людьми той же национальности (%)	83	49	34	5

широко распространено у нас в стране. Государственная, гражданская и этническая идентичность совмещаются у большинства граждан — до 60%.

Формирование представлений о национально-гражданской идентичности уже стало значимым социальным фактом. Снижается доминантность этнического самосознания, являвшаяся следствием распада Союза, взрывов этничности, утери или изменения других идентичностей (изменения социального статуса, привычного представления «советские люди» и т.п.). По данным всех исследований последних лет, этническая идентичность, оставаясь значимой, не намного опережает национально-гражданскую (см. табл. 4). А в субъектах Федерации с доминирующим русским населением она даже ниже (66% против 85%), что может быть связано именно с этническим составом населения, поскольку для большинства в этих регионах нет непосредственно присутствующего другого.

Обратим внимание и еще на одну выявленную тенденцию: «часто» испытывают чувство общности респонденты по этническому признаку, а среди респондентов русской национальности чаще отмечается близость с гражданами России, что соответствует выявленной ранее закономерности о значимости для русских именно государственнических представлений.

Также очевидно, что доминантность этнической идентичности сопровождается ее большей актуализацией для значительной части населения (часто ощущают близость по этническому признаку 49% респондентов в целом по стране и 36% русских). Как нам уже приходилось писать ранее, эта актуализация этничности в начале 90-х годов была связана с распадом Союза и общей высокой тревожностью, а в самом конце XX в. и в начале XXI — с быстрым и высоким притоком иноэтничных мигрантов. Такая актуализация этничности имела место и в других европейских странах.

В этих условиях можно было ожидать позитивных изменений за счет тенденции роста гражданской идентичности. И вот теперь, когда она проявилась, важно задуматься, какой формируется у нас сама гражданская идентичность.

Ощущающие общность с гражданами России, по данным ESS, не намного выделяются оптимизмом в своей жизни. Среди тех, кто часто чувствует эту общность, с оптимизмом смотрят в будущее 58%, среди иногда чувствующих ее — 54%, а никогда — 52%. Не отличаются в этом отношении и те, кто ощущают связь с людьми той же национальности. Соответствующие показатели — 55–52–50%.

Более оптимистичные люди бывают чаще открытыми для общения. Но в этом отношении все идентифицирующие себя как российские граждане не выделяются в сравнении со всем населением страны. К тому же они не отличаются от граждан России в целом ни по своему социальному положению

и достатку (различия по слоям и уровням дохода варьируют в 3–5%), ни по основным жизненным ощущениям.

В прогнозе мы предполагали, что люди с гражданской идентичностью меньше подвержены предрассудкам и реже проявляют этническую замкнутость. Измерителем этих установок является вопрос, который ставился в исследованиях Левада-Центра: респондентов просят выразить согласие или несогласие с лозунгом Конгресса русских общин (КРО) «Россия для русских». В 2005 г. в целом по стране согласие с эти лозунгом выразило до 50% респондентов. В 2006 г. по результатам опроса в российских регионах с доминирующим русским населением с ним согласилось 43%.

Известно, что после провозглашения этого лозунга КРО его содержание приобрело изоляционистское значение, но для кого-то из простых людей он звучит просто констатирующе. Поэтому мы проверили его значение, поставив вопрос, согласны ли респонденты с мнением «национальность всегда будет разъединять людей», и совместили ответы на этот вопрос с согласием с мнением «Россия для русских». Оказалось, что совпадение ответов очень велико. Более 60% среди русских с гражданской идентичностью, поддерживающих лозунг «Россия для русских», одновременно имели этноизоляционистские установки (см. табл. 5).

Обратим внимание, что изоляционистские установки почти не отличаются и среди тех, кто идентифицирует себя по национальности (см. табл. 6). Это значит, что проблема позитивного совмещения гражданской и этнической идентичности упирается в снятие этноизоляционистских предубеждений.

Эти предубеждения можно объяснить пережитыми этническими вызова-

Таблица 5

Установки респондентов, идентифицирующих себя с гражданами России (ощущают близость с гражданами России в небольшой и значительной степени)

		Согласны с мнением «Россия для русских»	
		частота	%
Изоляционистская установка (национальность всегда будет разъединять людей)	Согласен	854	65
	Скорее не согласен	275	21
	Не согласен	98	8
	Затрудняюсь отв.	86	6
	Итого	1313	100

Таблица 6

Установки респондентов, идентифицирующих себя с людьми своей национальности (ощущают близость с людьми своей национальности в небольшой и значительной степени)

		Согласны с мнением «Россия для русских»	
		частота	%
Изоляционистская установка (национальность всегда будет разъединять людей)	Согласен	696	66
	Скорее не согласен	234	22
	Не согласен	61	6
	Затрудняюсь отв.	63	6
	Итого	1054	100

ми, массовыми национальными движениями в СССР и в начале 90-х годов в России, военными действиями и постконфликтной ситуацией в Чечне, уязвленными чувствами от отношения к русским в соседних странах. Ясно, что межэтническая напряженность в ближайшей перспективе не исчезнет. По данным исследования «Будущее России», около 90% во всех регионах не выразили желания принимать людей другой этнической принадлежности в стране, тем более как граждан страны. Причем такие настроения имеют место как в центральных районах, так и в пограничных (Калининград, Приморье — 90%, Саратов, Свердловская обл. — 85%). Конечно, это больше антииммигрантские, чем этнические настроения. Об этом говорит то, что готовы совместно работать с коллегами иной национальности от 73% в Томской обл. до 53–65% в других областях. И лишь в Приморье — 44%, хотя в каких-то случаях готовы контактировать здесь еще 37,5%. Примерно такие же настроения в отношении соседства, еще больше готовность иметь близкого друга иной национальности. И даже в отношении супружеских союзов, близких родственников готовность к межнациональному общению остается (согласны всегда — 56%, в каких-то случаях — 18).

Уровень ксенофобских настроений фиксировался в стране достаточно высокий. «Россия для русских» — с этим мнением соглашалось в последние годы до 50% населения. Правда, при этом не более 30% русских полагали, что они должны иметь какие-то преимущества при поступлении на работу и учебу[23].

Проблема толерантности в российском обществе сейчас встает в обновленном варианте. Казалось бы, и в прошлом, в дореволюционное время, расширяясь, империалистическая Россия жила по нормам, допускающим адаптацию населения новых территорий. И в Советском Союзе тоже вроде бы постоянно декларировалась дружба народов, хотя реализация ее была, конечно, очень вариативной. Однако теперь в современной России толерантности предстоит сформироваться снизу как норме повседневного поведения людей. Граждане Скандинавских стран и Франции вряд ли с любовью относятся к прибывающим мигрантам, но там, в сформировавшихся гражданских обществах считается неприличным проявить нетолерантность к этим людям. Такую норму в России еще только предстоит сформировать («иных ты можешь не любить, но уважать ты их обязан»).

Именно уровнем толерантности будет измеряться возможность позитивного совмещения этнической и гражданской идентичности. Особенно актуальным будет совмещение гражданской и русской этнической идентичности. Известно, что «Русский проект», рассматривавший гражданскую идентичность как формирование идентичности всех, кто использует русский язык, является русским по культуре и православным человеком, не оказался успешным. Татары, чуваши, якуты и тувинцы, кабардинцы и черкесы, считая себя гражданами России, не согласятся отказаться от своей национальности и считать себя русскими. Но россиянами они себя в подавляющем большинстве считают. Формирование российской нации и российской идентичности вполне совместимы с сохранением толерантной этнической идентичности.

[23] Данные Левада-Центра.

Для этого необходимо оптимизировать государственную политику в отношении формирования гражданской идентичности, открыто заявив, что российская идентичность не исключает, а включает этническую идентичность в негиперболизированном виде. Такую этническую идентичность, которая не противопоставляет себя другим (сопоставляет, но не противопоставляет).

Важным направлением укрепления позитивной гражданской и этнической идентичности станут более открытые отношения, основанные на праве взаимоотношения Центра и регионов. Укрепление вертикали власти поддерживалось регионами как необходимая мера. Эти акции дали свои положительные результаты. Но к середине первого десятилетия XXI в. они сузили возможности для проявления инициативы на местах. Даже расширение прав регионах, которое было предпринято в конце президентства В.В. Путина, не решило многих проблем, и прежде всего финансирования для осуществления этих расширенных прав, притока капиталов в регионы на основе открытых переговоров и гражданского контроля за их реализацией. В идеологическом плане важно категоризировать отличие государственной и гражданской идентичности, определить понимание российской нации и этнонации, снять противопоставление гражданской и этнической идентичности, показать, что их позитивная совместимость возможна в случае, если государственная идентичность не включает имперских претензий, а этническая идентичность не претендует на сецессию и вооруженный сепаратизм. Придется разъяснить и применение принципа самоопределения в связи с признанием Южной Осетии и Абхазии. Правда, надо сказать, на межстрановом уровне этот принцип используется с двойным стандартом. Но все же, если мы хотим продвигаться не только в понимании, но и в принятии этого принципа гражданами страны, его разъяснение на правительственном уровне необходимо. Совершенно очевидно, что в условиях мирового экономического кризиса для поддержания необходимого уровня межэтнической и в целом социальной толерантности важно будет предупредить перенесение социальной напряженности в этническую сферу. Социальная и экономическая сферы связаны чувствительными нитями с отношением к миграционным потокам. Данные ESS позволяют достаточно подробно рассмотреть отношение общества в России и в других странах к иммиграции и иммигрантам.

Мигрантофобия в России и Европе

Современное гражданское общество характеризуется рациональной толерантностью. Не случайно ESS включает несколько вопросов об отношении населения к притоку инонациональных мигрантов. Миграционные потоки сегодня — не только неизбежная реальность, но и насущная необходимость во многих странах. С увеличением их масштабов сталкивается сегодня и Россия. Масштабы миграции ставят новые актуальные проблемы: как справиться с потоками иноэтничной, инокультурной иммиграции, какую стратегию выбрать — ассимилировать или интегрировать, адаптировать или изолировать новые притоки населения? Решение этих проблем осуществляется в соответствии с выбранной на государственном уровне стратегией. В Канаде

реализуется мультикультурная модель; во Франции – модель, основанная на ассимиляции, но учитывающая этнокультурные отличия.

Какая бы модель ни была избрана для реализации, в ней должен быть учтен важнейший ракурс – как реагирует на приток мигрантов принимающая сторона, какие установки имеют граждане страны по отношению к новым группам населения, с которыми им предстоит жить в едином пространстве, а значит, взаимодействовать во всех сферах жизни? Исследования последних лет свидетельствуют о том, что в российском обществе широко распространены ксенофобные настроения, это свидетельствует о росте предубеждений в сравнении с прошлыми периодами и о готовности к дискриминационным практикам.

Для некоторых российских регионов проблема иммиграции более актуальна, чем для других, что связано с демографической ситуацией, а следовательно, с обеспеченностью трудовыми ресурсами, а также с уровнем ресурсного обеспечения региона. Так, в первой половине 90-х годов основной приток иммигрантов (из стран СНГ и Балтии) был в Центральный, Южный и Приволжский округа. К началу 2000-х годов наиболее привлекательными регионами для иммигрантов стали Москва и Московская область, и эта тенденция сохраняется в последние годы, в то время как миграционный прирост остальных округов на начало 2000-х приблизился к нулю[24]. Ситуация в сфере внутренней миграции не менее остра, и здесь исследователями выделяются два миграционных полюса – Центральный округ, принимающий трудовые ресурсы со всех регионов, и Дальний Восток, отдающий их в более западные регионы[25].

Кроме того, в каждом регионе этнический образ иммигранта может быть более или менее ярко выраженным и разным. Например, для южных и центральных регионов на данный момент это приезжающие из стран Закавказья и стран Средней Азии; для Дальнего Востока – это иммигранты из Китая.

В качестве индикатора отношения к иноэтничным мигрантам примем отношение к их приезду в страну на постоянное жительство (вопрос: «Следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны, переезжать жить в страну?»). Варианты ответов на этот вопрос различные – от согласия впускать в страну «многих таких людей», что можно интерпретировать как согласие на свободный их въезд до категоричного несогласия на въезд («никому не позволять») (см. табл. 7).

Число сторонников свободного въезда иноэтничных мигрантов в страну на жительство в России невелико – 11%. Однако при сравнении с другими странами очевидно, что по этому показателю наша страна находится на одном уровне со многими такими благополучными странами, как, например, Норвегия, Дания, Бельгия, Швейцария, Нидерланды, Германия и т.п. Наиболее открытыми в этом отношении проявили себя жители Швеции, среди которых 33% согласны на приезд мигрантов другой расовой и этнической

[24] Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. – М., 2006. – С. 28–30.

[25] Там же. – С. 27.

Таблица 7

Отношение к иноэтничным мигрантам в разных странах, %

	Многим позволять переезжать жить	Некоторым позволять переезжать жить	Лишь немногим позволять переезжать жить	Никому не разрешать
Австрия	9	33	45	13
Бельгия	10	46	29	15
Болгария	27	31	19	24
Швейцария	10	50	33	7
Кипр	2	11	58	29
Германия	10	40	35	15
Дания	12	41	39	8
Эстония	9	25	42	24
Испания	13	35	37	15
Финляндия	8	33	49	10
Франция	9	42	39	10
Великобритания	8	40	37	15
Венгрия	5	13	43	39
Ирландия	16	52	23	9
Нидерланды	10	40	38	12
Норвегия	14	45	36	5
Польша	24	45	23	8
Португалия	5	31	34	30
Российская Федерация	11	26	35	28
Швеция	33	52	13	2
Словения	10	46	31	13
Словакия	20	39	27	14
Украина	25	30	28	17

принадлежности, наименее открытыми — жители Кипра (2%). Сторонников приема большого числа иноэтничных мигрантов много в Болгарии, Украине, Польше и Словакии (от 27% до 20%). По этому показателю страны трудно группировать по экономическому уровню или уровню развития демократии, поскольку сторонников свободного доступа мало как в небогатых Венгрии и Кипре, так и в таких развитых странах, как Франция и Великобритания.

Гораздо более значимым является отношение к запрету на приезд иноэтничных мигрантов — показатель изоляционистских установок. Страны с самым высоким уровнем изоляционизма — Венгрия, Португалия, Кипр, Россия, Болгария, Эстония — это страны, находящиеся либо в постконфликтной ситуации, либо в ситуации выского уровня социального напряжения. Лидирует по числу сторонников запрета Венгрия — 39% респондентов в этой стране против приезда мигрантов; 30% и 29% демонстрируют Португалия и Кипр — страны Западной Европы, при этом отстающие от среднеевропейского уровня развития. Россияне также имеют высокий уровень изоляционистских

установок – 28%. Двадцатипроцентный рубеж превышают также Болгария и Эстония. Низкий уровень негативных установок демонстрируют респонденты в странах с развитыми демократиями и высоким уровнем жизни – Финляндия, Дания, Швейцария, Норвегия, Швеция: число сторонников запрета на въезд мигрантов в этих странах не превышает 10%, в Швеции – 2%. В эту группу неожиданно попала и Польша.

В странах высокого уровня развития с устоявшейся миграционной политикой больше в сравнении с другими странами сторонников дифференцированного подхода: в таких странах, как Швейцария, Франция, Дания, Великобритания, количество тех, кто готов позволить переезжать в страну некоторым или немногим людям другой расы или национальности, достигает 70–80%. В России сторонников дифференцированного подхода 61%.

Наряду с отношением к приезду мигрантов, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства в стране, в ESS включены вопросы об отношении к мигрантам той же расы и национальности. Этот показатель не является основным, поскольку, рассматривая отношение к мигрантам, мы подразумеваем, что мигранты, как правило, иноэтничны. С одной стороны, к приезжим своей национальности можно ожидать более лояльного отношения в странах, где этническая идентичность актуализирована среди множества других идентичностей. С другой стороны, отношение к мигрантам той же расы или этнической принадлежности может быть показателем изоляционистских установок вообще и дополнять данные об отношении к другим группам. Исследования в сфере этнических установок показывают, что если есть негативный стереотип в отношении какой-либо этнической или социальной группы, то он легко может быть перенесен на любую другую группу[26].

Наиболее негативное отношение к мигрантам своей национальности свойственно респондентам преимущественно тех же стран, в которых наблюдается негативное отношение к мигрантам других национальностей. В Португалии 26% граждан считает, что не следует позволять приезжать мигрантам той же расы или национальности, в Венгрии – 17%, страны с уровнем негативизма в 11–13% – Болгария, Испания, Россия, Кипр. Таким образом, негативное отношение к другой группе (а приезжающие своей же национальности могут считаться «другими», поскольку составляют конкуренцию на рынке труда) может объясняться общим высоким уровнем ксенофобии, а не только неприятием какой-то конкретной группы.

Наибольшая открытость в отношении мигрантов той же национальности, что и большинство в стране, свойственна жителям Украины (56% считают, что следует позволять многим украинцам приезжать жить в страну), а также болгарам (43%) и россиянам (43%). Мы не располагаем данными об уровне этнической идентичности в других странах[27], но высокий уровень этнической идентичности россиян (83% «часто» и «иногда» идентифицируют себя по

[26] *Katz D., Braly K.* Racial stereotypes in one hundred college students//Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 1–16.

[27] Показатели разных типов идентичности замерялись в рамках данного исследования только в России.

национальности) подтверждает гипотезу о причинах лояльности к мигрантам своей национальности.

Более открытую готовность к приему людей своей национальности также демонстрируют шведы, поляки, датчане, норвежцы, швейцарцы (от 20 до 30%) – в этих странах установки на принятие мигрантов в целом достаточно позитивны.

Еще один показатель – отношение к приезду на жительство мигрантов из более бедных стран за пределами Европы (см. табл. 8). Этот показатель конкретизирует отношение к весьма определенным группам, причем в каждой стране они свои. Логично предположить, что для россиян это мигранты из стран Средней Азии и Закавказья. Этот индикатор повторяет тенденции отношения к иноэтничным мигрантам вообще, но в силу своей конкретности фиксирует еще более негативные установки у тех респондентов, кому они свойственны в большей мере. Наибольший уровень изоляционизма здесь демонстрируют жители Венгрии (47% считает, что не следует позволять

Таблица 8

Отношение к мигрантам из более бедных стран за пределами Европы в разных странах, %

	Многим позволять переезжать жить	Некоторым позволять переезжать жить	Лишь немногим позволять переезжать жить	Никому не разрешать
Австрия	10	34	42	14
Бельгия	12	44	30	14
Болгария	23	27	21	29
Швейцария	10	49	34	7
Кипр	2	7	56	35
Германия	10	35	37	18
Дания	10	35	46	9
Эстония	6	21	42	31
Испания	15	35	36	14
Финляндия	7	27	54	12
Франция	8	37	39	16
Великобритания	8	36	37	19
Венгрия	3	9	41	47
Ирландия	16	49	27	8
Нидерланды	10	36	39	15
Норвегия	14	46	34	6
Польша	24	47	22	7
Португалия	5	30	35	30
Российская Федерация	10	21	32	37
Швеция	33	52	12	3
Словения	9	41	33	17
Словакия	19	42	26	13
Украина	21	23	27	29

людям из более бедных стран за пределами Европы приезжать жить в Венгрию), затем – россияне (37%) и киприоты (35%). На уровне 30% находятся эстонцы, португальцы, украинцы и болгары. Как видим, в число стран с наибольшим уровнем негативизма попали либо страны постсоциалистические, либо небогатые западноевропейские. Крупные высокоразвитые страны (Великобритания, Германия, Франция), а также Нидерланды, Бельгия, Австрия, Финляндия продемонстрировали меньший уровень негативизма (от 10 до 20%). Наиболее позитивно настроенными к таким мигрантам снова оказались жители Дании, Швеции, Швейцарии, Норвегии и Польши.

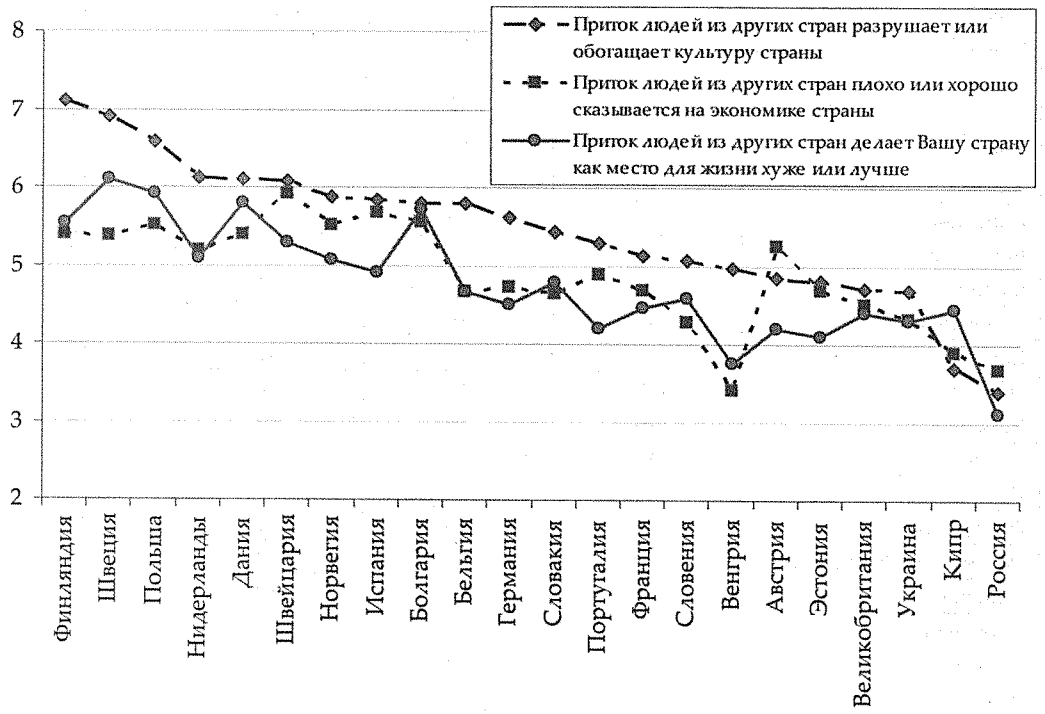
Негативные установки по отношению к приезжающим могут быть обусловлены разными причинами, однако большинство из них связаны либо с положением дел на рынке труда, либо с представлениями о том, как другая культура будет воздействовать на «свою» культуру. Для того чтобы составить картину представлений респондентов о том, как приток мигрантов влияет на их страну, им было предложено оценить это по 11-балльной шкале – от 0, где подразумевается наиболее негативное влияние, до 10 – наиболее позитивное влияние. Предлагалось оценить влияние мигрантов на культуру, экономику страны и на страну в целом как место для жизни (график 2).

Наибольший оптимизм при оценке влияния миграционного притока на культуру своей страны проявили жители Швеции, Польши, Финляндии – в

График 2

Оценка влияния миграции на разные аспекты жизни страны

(средний балл по 11-балльной шкале)

этих странах большинство респондентов считают, что приток мигрантов скорее положительно сказывается на культуре страны — средняя оценка по 11-балльной шкале от 6,6 в Польше до 7,1 в Финляндии. Группа стран с чуть менее позитивной оценкой (средняя от 5,6 до 6,1) состоит преимущественно из стран Западной Европы с высоким уровнем жизни — Нидерланды, Дания, Швейцария, Норвегия, Испания, Бельгия, Германия. Здесь же Болгария. Еще более низкая оценка (средняя от 4,7 до 5,4 балла) в Словакии, Португалии, Франции, Словении, Венгрии, Австрии, Эстонии, Великобритании, Украине. Страны с наиболее неблагоприятной оценкой, где респонденты оценивают влияние иммиграционного притока скорее как негативное, — Кипр (3,7 балла) и Россия (3,4 балла).

При оценке влияния притока мигрантов на экономику страны разброс оценок между странами ниже, чем в случае с культурой. Наиболее позитивные оценки здесь — в целом не очень высокие по 11-балльной шкале — в диапазоне от 5 до 6 баллов — продемонстрировали респонденты Швейцарии (5,9 балла), Испании (5,7), Болгарии (5.6), Норвегии, Польши (по 5,5), Дании, Финляндии, Швеции (по 5,4 балла), Австрии (5,3) и Нидерландов (5,2). От 4 до 5 — т.е. скорее как негативное влияние мигрантов на экономику своих стран — оценили Португалия (4,9), Германия, Эстония, Франция, Бельгия, Словакия (по 4,7), Великобритания (4,5), Украина, Словения (по 4,3 балла). Наиболее негативно оценивают влияние мигрантов на экономику своих стран киприоты (3,9 балла), россияне (3,7), жители Венгрии (3,4).

Третья оценка — становится лучше или хуже с притоком людей из других стран собственная страна как место для жизни. Как и предыдущая оценка, она достигает максимума на отметке в 6 баллов.

Респонденты считают, что их страна как место для жизни с притоком мигрантов становится скорее лучше: жители Швеции (6,1 балла), Польши (5,9), Дании (5,8), Болгарии (5,7), Финляндии (5,5), Швейцарии (5,3), Нидерландов, Норвегии (по 5,1). Менее оптимистичны (от 4,9 до 4,1 балла) жители Испании, Словакии, Бельгии, Словении, Германии, Франции, Великобритании, Украины, Португалии, Австрии, Эстонии. В эту же группу с оценкой 4,4 балла попал Кипр, что на фоне в целом негативных установок киприотов по отношению к мигрантам довольно неожиданно. Наиболее негативная оценка снова у россиян — 3,2 балла, на сходном уровне — венгры (3,8).

Естественно, суждения респондентов о том, как сказывается приток людей из других стран на экономике или культуре страны, не могут отражать реальной картины этого влияния. То, как оценивают это влияние респонденты — как негативное или как позитивное, является дополнительной иллюстрацией установок местного населения по отношению к приезжающим. Однако это разные сферы, и качественное отличие оценки этих разных сфер демонстрирует разные стороны отношения к иноэтничному влиянию. Культура страны для обывателя — сфера более удаленная, результаты влияния на которую извне находятся где-то в перспективе. При оценке же влияния на экономику участвует не только общее представление об экономике страны (скорее всего, далеко не экспертное), но и собственное повседневное представление респондента о соотношении сил на рынке труда, его собственный опыт участия в экономической жизни. Иными словами,

в экономике, как сфере, актуальной для каждого здесь и сейчас, в оценке участвуют иные мотивы — более приземленные, прагматические. Еще более близка к повседневной жизни респондента и оценка влияния иммиграции на страну как место для жизни. В то же время оценка влияния на культуру может затрагивать собственную этническую идентичность и групповые этнические интересы. Поэтому при оценке влияния на культуру более высокая оценка свидетельствует об открытости к другим культурам, а более низкая демонстрирует изоляционистские установки — представления о том, что инокультурное влияние вредит «нашей» культуре, стремление отгородиться от «чуждого» влияния.

Данные ESS позволяют заключить, что население стран—участниц исследования серьезно отличается в установках относительно мигрантов, и в том числе иммигрантов — тех, кто приезжает из других стран. Наибольшую открытость проявили жители Швеции, Финляндии, Дании, Швейцарии. Закрытость установок в большей мере свойственна киприотам, россиянам, жителям Венгрии. Можно сказать, что в этих странах ксенофобные настроения преобладают среди населения.

Разный уровень изоляционистских установок обусловлен многими причинами. Основное поле, где коренятся мотивы негативного отношения к мигрантам, — отношения на рынке труда. Не менее значимым, но качественно иным полем является культурное, связанное с ценностными представлениями, поведенческими нормами, традициями.

Еще один влияющий фактор — степень «привыкания» граждан к миграционным притокам. В странах, где миграция — давняя реальность, население «привыкает» к этому. В России миграционные потоки такого масштаба — явление последних 10–15 лет, пока оно новое и непривычное для граждан, и это один из существенных факторов резкого всплеска ксенофобных настроений.

На формирование ксенофобных установок влияет и шлейф исторических воспоминаний. Речь идет о переживаемом россиянами ощущении потери территорий, а также символической роли «старшего брата». Компенсация этих переживаний частично выражается и в изоляционистских установках. Таким образом, различия между странами объясняются во многом ситуационными факторами — конкретной исторической и политической ситуацией в каждой стране.

Наконец, для объяснения различий значима роль институтов государственной власти — с точки зрения выработки четкой и эффективной миграционной политики, учитывающей интересы и принимающей стороны, и приезжающих.

Отношение к иммиграции у молодежи

Исследования установок молодежи в сфере межэтнического общения, как правило, связаны с определенными надеждами на то, что молодежь — в силу более оптимистичного восприятия жизни — будет демонстрировать более позитивные в сравнении со старшими группами установки. Так действительно было в нашей стране на рубеже 1980–1990 гг., когда молодежь была

терпимее других возрастных групп, сказывалась общая атмосфера надежд на перемены в обществе[28]. В 2000-е годы на смену этому поколению пришли другие люди — с другими установками, выросшие в других условиях. Каково оно — новое поколение молодых россиян? Как оно определяет себя и как относится к другим? Каковы его установки в сравнении с ровесниками в европейских странах? Отличаются ли установки молодежи разных регионов России? Какие факторы обусловливают степень толерантности нового поколения по отношению к «этническим другим»?

Наш анализ фокусируется на возрастной группе 15–34 года — группы, которая находится пока на подходе к социальной зрелости и в скором будущем будет определять контуры нашего мира.

Россия и Европа: отличается ли российская молодежь в своих установках по отношению к иммигрантам?

Основной индикатор установок по отношению к иммиграции — отношение к приезду иноэтничных иммигрантов на постоянное место жительства в страну. И здесь основное внимание привлекает *число сторонников полного запрета – показатель изоляционистских установок.* Наибольший уровень негативизма демонстрирует молодежь следующих четырех стран: Венгрии (30%), Кипра (27%), Португалии (24%), России (23%). Далее по понижению находится целая группа стран с показателями негативизма от 10% до 16%, причем лидируют в ней по уровню негативизма страны Восточной Европы — Болгария (16%), Эстония, Украина, Словакия (12%). Уровень негативизма в 10–12% демонстрирует молодежь Германии, Великобритании, Испании и Австрии. Группа стран, где молодежь демонстрирует низкий уровень негативизма в отношении иноэтничной иммиграции (ниже 10%) включает преимущественно страны Западной Европы, однако сюда вошли также Словения (6%) и Польша (3%), а самые позитивные в этом отношении показатели — в Скандинавских странах: не более 4% не согласны на приезд иноэтничных иммигрантов.

При сравнении уровня изоляционизма молодежи со средними показателями изоляционизма в возрастах 35–49 лет и старше 50 лет, становится очевидным, что во всех исследуемых странах *более молодые люди менее негативно настроены по отношению к иммиграции людей других национальностей, чем население каждой страны в целом.* Но при этом иерархия стран по уровню негативизма у молодежи повторяет основную тенденцию. Однако степень единства точек зрения разных возрастных групп в странах различна. Так, в таких странах, как Кипр, Словакия, Австрия, Ирландия, Швейцария, Норвегия и Швеция мнение молодежи в наименьшей степени отличается от среднего по стране. А наименее едины в негативных установках разновозрастные жители Венгрии, Португалии, Болгарии, Эстонии, Бельгии, Словении, Финляндии, Польши, Дании, в этих странах негативизм молодежи заметно ниже среднего по возрастам в стране, например в Венгрии в среднем по стране 39% против приезда мигрантов, а среди молодежи таковых 30%.

---

[28] *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского «национализма». Почему в нем отсутствует мобилизующее, модернизационное начало // Pro et Contra. — 2005. — № 2(29).

Для подавляющего большинства стран характерна *тенденция к повышению с возрастом уровня изоляционистских установок.* Однако если установки молодежи и 35–49-летних чаще бывают близкими по уровню, то установки старшей возрастной группы во многих странах отличаются значительным негативизмом. Например, в Эстонии 14% молодежи против приезда иммигрантов в Эстонию, а среди старшей возрастной группы – 33%. Сходная ситуация по соотношению мнений жителей разного возраста наблюдается в Великобритании, Бельгии, Словении, Финляндии, Польши и Дании. В странах, благополучных с этой точки зрения, негативизм старшей группы не выглядит угрожающе, например в Дании молодежь и средняя группа весьма позитивно настроены к иноэтничным мигрантам (только 2–3% против), в то время как среди датчан старше 50 лет противников приезда иммигрантов 14%. В России соотношение мнений респондентов трех возрастов сходно с большинством стран: среди респондентов старшего возраста противников иммиграции больше (33%), чем среди молодежи (23%).

Не менее важным является анализ мнений относительно *дифференцированного приема иммигрантов* в страну. В странах, где существует отработанная миграционная политика, можно ожидать большей поддержки неоднозначного, но дифференцированного, избирательного подхода в осмыслении гражданами проблемы иммиграции, основанного на рациональном представлении и потребностях страны. Показателем такого отношения можно считать ответы: «Позволять приезжать некоторым таким людям» и «Немногим таким людям». Как и среди всех возрастных групп в среднем, у молодежи сторонников дифференцированного подхода большинство во всех странах, и выбор такого подхода не демонстрирует яркой возрастной дифференциации. В 2/3 исследуемых стран количество молодых сторонников дифференцированного подхода достигает 70–85%, и это страны Западной Европы, максимальные показатели – в Скандинавии. Соответственно, респонденты некоторых стран Восточной Европы, а также россияне к выборочному подходу склонны в меньшей степени, концентрируясь на полярных позициях «пускать – не пускать». В Болгарии и Украине такой подход разделяют чуть больше половины молодого населения. В России сторонников дифференцированного подхода среди молодежи 65%, и эта цифра не отличается от среднего по стране.

Наконец, отношение к возможности для иммигрантов свободного приезда в страну на жительство. Наиболее открытыми оказываются молодые жители Швеции – без малого 40% из них согласны принять в своей стране любых иноэтничных других. Также открытость демонстрируют молодые жители Болгарии, Украины, Польши и Словакии – готовность к принятию около 25–35%. Такие высокие показатели – за счет меньшей приверженности избирательному подходу. В большинстве же стран молодежь, как и население всех возрастов, в незначительной степени согласна не дифференцировать приезжающих. Мнение российской молодежи не отличается от россиян других возрастов – согласие здесь дают 12%.

Более конкретная и близкая европейцам ситуация – **приезд мигрантов из более бедных стран за пределами Европы.** Поскольку Евросоюз активно расширяется в последние годы, для граждан высокоразвитых стран, вступивших в него ранее, под это определение могут подходить и иммигранты из

стран–новичков Евросоюза, более бедных стран бывшего соцлагеря. Как уже упоминалось выше, для россиян в такую категорию, скорее всего, попадают приезжающие из стран Средней Азии и Закавказья. Здесь, как и в отношении к иноэтничным иммигрантам, молодежь более позитивна, чем население каждой страны в целом, но тенденция в уровнях установок та же – снова наибольшими противниками приезда иммигрантов стала молодежь Венгрии (38%), затем на сходном уровне – молодежь Кипра и Португалии (около 30%), а также России (26%), Болгарии, Эстонии и Украины (24–18%).

Кроме того, мы обращали внимание, что этот вопрос фиксирует более жесткие установки в силу большей своей конкретности. Однако, если сравнивать отношение молодежи в каждой стране к иноэтничной иммиграции и иммиграции из более бедных неевропейских стран, очевиден интересный момент: в странах с наихудшими установками – Венгрии, Кипре, Португалии, России, Болгарии, Эстонии и Украине – молодежь относится более негативно именно к приезжающим из более бедных стран за пределами Европы, тогда как во всех остальных странах молодежь в своем отношении не различает иноэтничных иммигрантов и иммигрантов-неевропейцев. Для россиян это можно объяснить тем фактом, что именно приезжие из Закавказья и Средней Азии сейчас входят в нежелательную группу. Для части респондентов стран бывшего соцлагеря, недавно вступивших или стремящихся в Европейский Союз (Украина), отношение к таким мигрантам может быть элементом самоутверждения в новой или желаемой идентичности европейских жителей.

Анализируя противоположную точку зрения (позволять переезжать многим людям из более бедных стран за пределами Европы), видим ту же тенденцию, что и в отношении к иноэтничным мигрантам: наиболее открыты молодые респонденты Швеции (39%), Польши, Болгарии, Украины, Словакии (от 30% до 24% последовательно). В России таких – 11%. Выборочный подход поддерживает подавляющее большинство молодежи в странах Западной Европы.

Как уже отмечалось выше, рассуждая об иммиграции, чаще всего мы подразумеваем, что речь идет о приезжих другой национальности. Поэтому отношение к приезду на постоянное место жительства людей той же национальности, что и большинство в стране, является скорее дополнительным, нежели основным показателем. Мы выяснили тот факт, что россияне в целом относятся к мигрантам той же национальности, что и большинство в стране, скорее позитивно (свыше 40% согласны на приезд многих). Может быть, это связано с высоким уровнем этнической идентичности в целом по стране (83%).

Так ли это для молодежной аудитории опроса? Хотя мы не располагаем данными по уровням этнической идентичности в других странах, кроме России, мы можем сделать предположения о значимости этничности в отношении к мигрантам у молодежи и у старших групп. Итак, наиболее лояльными к мигрантам той же расы и национальности (вариант ответа «позволять приезжать многим таким людям»), что и большинство в стране, являются молодые жители Украины и Болгарии (55 и 50%), Швеции (41%), России (38%), Польши, Словакии, Дании (порядка 30%). Однако в этих странах принципиально отличается отношение к разным видам миграции:

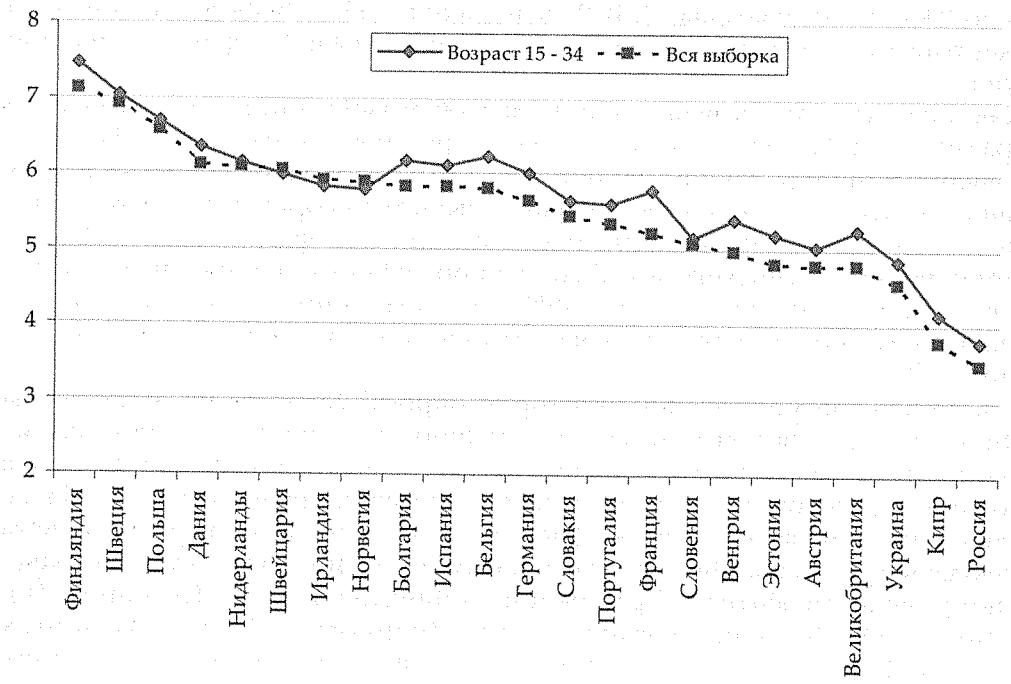
если молодежь Швеции одинаково позитивно относится ко всем трем видам миграции, то для Украины, Болгарии, России характерно намного более лояльное отношение именно к мигрантам той же расы и национальности, что и большинство в стране. Также особую лояльность к «своим» по расе и этнической принадлежности проявляют (каждая страна на своем уровне) Дания, Эстония, Германия, Швейцария, Венгрия, Кипр.

Отношение к мигрантам, как уже было сказало выше, связано с представлениями людей о том, какое влияние миграции оказывают на страну респондента, в частности, на такие важные стороны жизни общества, как экономика и культура, а также на страну как место для жизни. В подавляющем большинстве стран молодежь повторяет тенденции во мнениях населения в целом: иерархия стран по уровню негативизма во мнениях сохраняется, и наихудшие установки по всем трем видам оценки снова демонстрируют жители Венгрии, России, Кипра, Эстонии, Украины. Оценки влияния на культуру выделяются наибольшим разбросом мнений по странам: от высокой оценки в таких странах, как Финляндия, Швеция, Польша, до низкой на Кипре и в России (график 3). К примеру, молодежь в Финляндии почти в 2 раза выше оценивает позитивность влияния мигрантов на культуру своей страны, чем молодежь в России (7,4 балла против 3,8 по 11-балльной шкале).

График 3

Оценка влияния миграции на культуру страны

(«Приток людей из других стран разрушает или обогащает культуру страны»), средний балл по 11-балльной шкале, где 0 – разрушает, 10 – обогащает

Отметим тенденцию: *во всех трех оценках молодежь в большинстве стран несколько более позитивна, чем население в целом.* В тех странах, где оценки высокие, население разных возрастов более единодушно, одинаково оценивает влияние иммиграции. А в тех странах, где оценки более низкие или стремятся к минимуму, молодежь выглядит более позитивной.

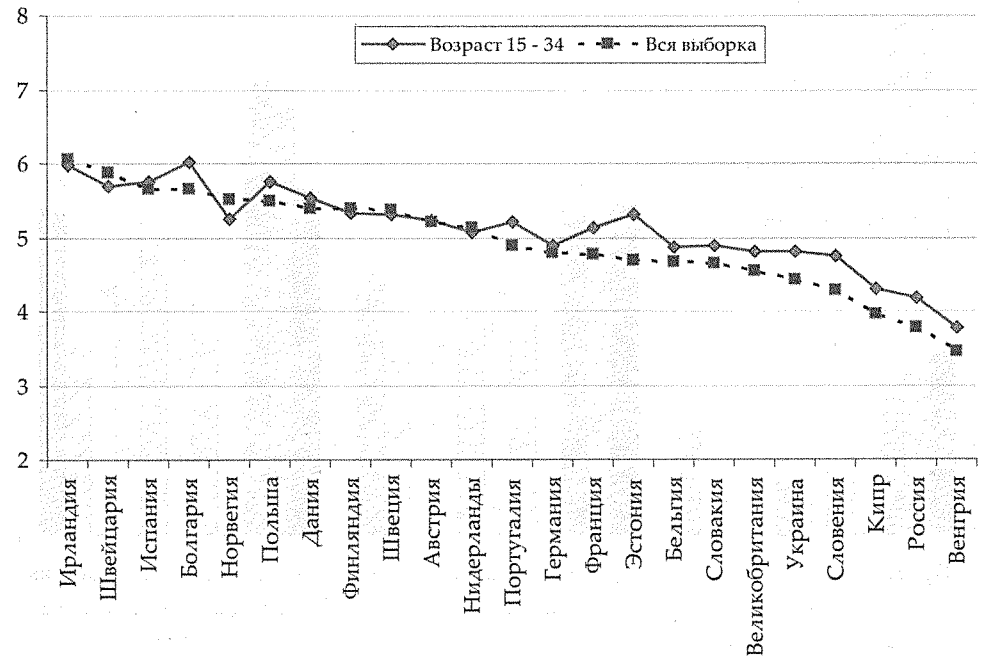
При оценке влияния иммиграции на страну как место для жизни эта тенденция так же отчетлива, например, в Эстонии, где оценка изменений страны под влиянием иммигрантов одна из самых низких (4,1 по всем возрастам), молодежь демонстрирует оценку 4,7 балла, что близко к уровню оценки молодежью в Швейцарии, Норвегии, Нидерландах, Испании, Словакии, Бельгии, Словении, Германии, Франции (около 5 баллов). Молодые россияне, хотя и демонстрируют самую низкую оценку влияния иммигрантов на страну как место для жизни, все же более позитивны (3,6 балла), чем население страны в целом (3,2 балла).

Отдельно остановимся на оценке влияния иммигрантов на экономику страны в разрезе мнений разных возрастных групп. Ситуация во многих странах Европы такова, что экономическая необходимость пополнения трудовых ресурсов из других стран может быть вполне очевидна обывателю, но при этом мотивы, связанные с осознанием собственной роли и перспектив на рынке труда, тоже имеют значение. Кроме того, влияют ситуационные

График 4

Оценка влияния миграции на экономику страны

(«Приток людей из других стран плохо или хорошо сказывается на экономике страны»), средний балл по 11-балльной шкале, где 0 – «плохо», 10 – «хорошо»

факторы – если в обществе распространены предубеждения относительно иммигрантов, то рациональные мотивы уходят на второй план. Однако в возрастной группе 15–34 года часть респондентов еще не имеет собственного опыта трудовой деятельности, а часть – только начала карьеру. Поэтому для молодежи более значимыми могут быть факторы воздействия среды разных уровней, в том числе медийной.

При оценке молодыми людьми позитивности или негативности изменений страновой экономики (график 4) под влиянием иммиграции для большинства стран, как и в предыдущих случаях, характерно более позитивное отношение в сравнении со средними по странам. И снова в странах, где влияние иммигрантов оценивается наиболее негативно, отношение молодежи позитивнее, чем в целом. Российская молодежь тоже в рамках этой тенденции, хотя в сравнении с другими странами оценка низкая (4,2 балла).

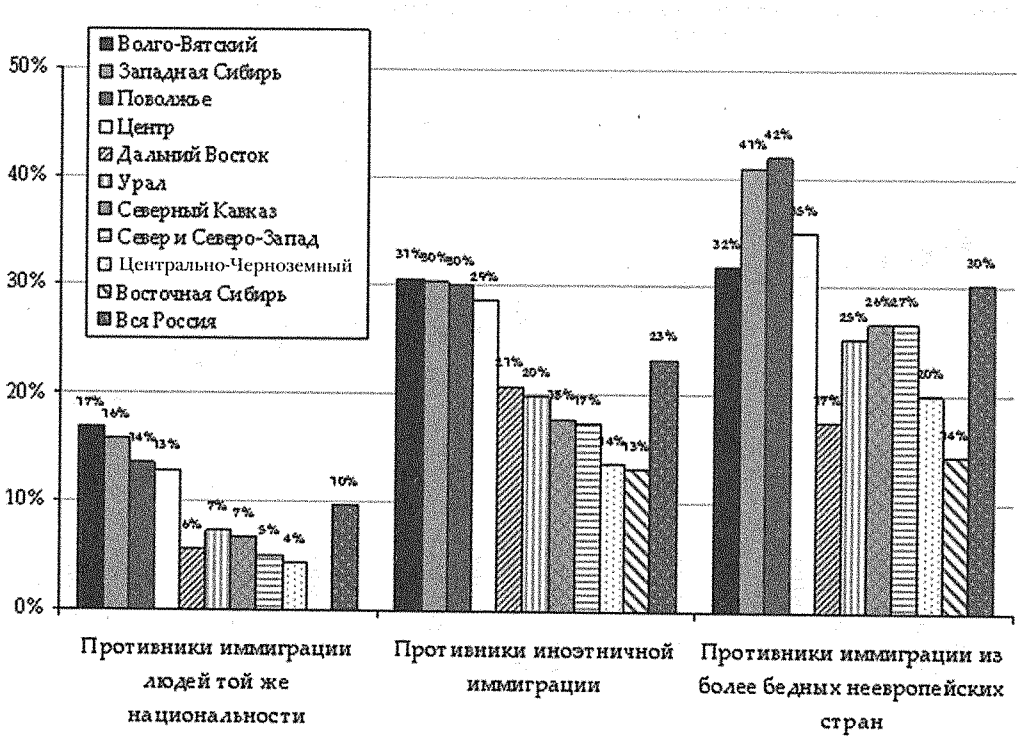
Региональные особенности отношения российской молодежи к иммиграции

Здесь мы подробнее остановимся на установках российской молодежи и попытаемся проанализировать влияние различных факторов на установки россиян в возрасте 15–34 года.

График 5 демонстрирует степень негативного отношения молодежи из

График 5

Уровень негативизма (противники разных видов иммиграции) среди молодежи по регионам, % от ответивших

регионов России к разным видам иммиграции. Снова обратим внимание на то, что формулировка вопросов об отношении к иммиграции больше подходит для стран с моноэтничным населением. В России при рассмотрении региональных различий, «большинство населения» может трактоваться респондентом и как большинство населения страны, и как большинство населения региона. Возможен также упрощенный вариант понимания вопроса, без соотнесения с «большинством в стране», а как соотнесение с национальностью респондента.

Наиболее терпимо к иммигрантам другой национальности или расы настроена молодежь в Восточной Сибири и Центрально-Черноземном регионе. Если в среднем по России 23% молодежи являются противниками иноэтничной иммиграции, то в этих регионах не больше 13%. В основном же по регионам без малого третья часть молодежи в Волго-Вятском, Центральном регионах, Западной Сибири и Поволжье настроены против приезда иноэтничных мигрантов в Россию. По 1/5 молодежи негативно относятся к иноэтничной миграции на Дальнем Востоке и на Урале, чуть меньше на Северном Кавказе и на Севере и Северо-Западе.

Отношение к иммигрантам из бедных неевропейских стран еще более негативно, и особо выделяются здесь регионы Западной Сибири и Поволжья — с уровнем негативизма свыше 40%, в Центральном регионе — 35%. Только в двух регионах уровень негативного отношения к иммигрантам из бедных неевропейских стран ниже 20% — в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

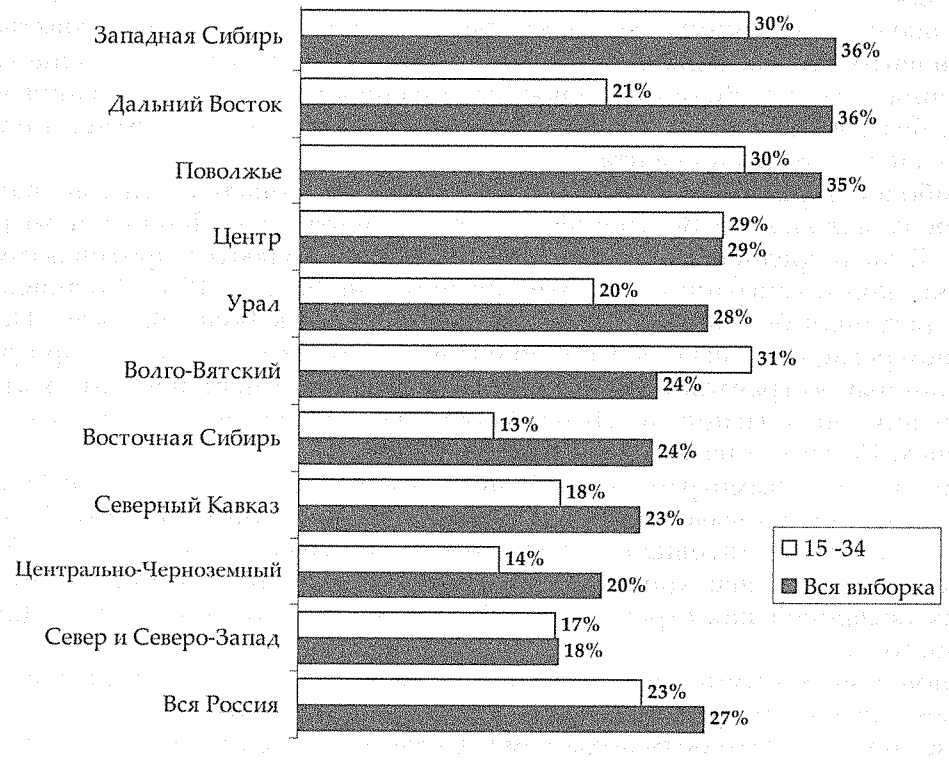
Отношение к иммиграции людей той же этнической принадлежности ожидаемо лучше, о причинах этого уже было упомянуто. В региональном разрезе снова с негативным подходом выделяется молодежь Волго-Вятского, Центрального регионов, Западной Сибири и Поволжья.

Если мы обратимся к анализу отличий установок молодежи от всего населения, то очевидно, что *в своем отношении к иноэтничной иммиграции (основной показатель) молодежь большинства российских регионов более позитивна, чем население в целом* (график 6). Так, если на Дальнем Востоке общий уровень негативизма по отношению к иммигрантам составляет 36%, то среди молодежи этого региона противников иноэтничной (здесь, вероятно, китайской) иммиграции на 15% меньше. Единственный регион, где молодежь относится к иноэтничной иммиграции более негативно — Волго-Вятский. Наиболее солидарна молодежь с другими возрастами в Центральном регионе.

Регионы с наиболее негативным отношением молодежи к иммиграции демонстрируют также и преимущественно негативные оценки влияния иммиграции на страну. Так, молодежь Поволжья оценивает влияние иммиграции на экономику страны на 3,7 балла по 11-балльной шкале, молодежь Волго-Вятского региона — на 3,8 балла, это самые низкие оценки по регионам. Оценки влияния на экономику страны выше, чем оценки влияния на культуру и страну как место для жизни, что выносит на первый план прагматические мотивы населения. Под оценкой влияния иммиграции на страну как место для жизни можно увидеть бытовые мотивы и ожидать здесь низкие оценки как иллюстрации распространенности ксенофобных настроений в России. Действительно, здесь молодежь наиболее негативна, особенно в Поволжье

График 6

Противники иноэтничной иммиграции в Россию по регионам, %

(3 балла) и на Севере и Северо-Западе (3,2 балла). Влияние на культуру страны также оценивается молодыми респондентами достаточно негативно: средняя оценка 3 балла – в Поволжье, 3,3 – в Западной Сибири.

Самые высокие оценки дает молодежь следующих регионов: Северный Кавказ – в 5 баллов из 11 оценивается влияние иммиграции на экономику, в 4,9 – влияние на культуру и в 4,1 – влияние иммигрантов на страну как место для жизни; Дальний Восток – соответственно, 4,7; 4,2; 4,3 балла.

Во всех регионах, кроме Волго-Вятского, оценки молодежью влияния иммиграции на страну выше, чем оценки в среднем по региону, т.е. общая тенденция несколько более позитивного отношения молодежи к миграции в сравнении со средней оценкой по всему населению подтверждается.

Идентичности российской молодежи

Рассмотрению разных идентичностей россиян посвящен раздел выше, здесь же мы остановимся только на том, как определяет себя в гражданском, этническом и региональном измерениях российская молодежь[29].

[29] Показатели идентичности в рамках данного опроса замерялись только в России.

По данным Европейского социального исследования (ESS), молодежь России не отличается по всем трем рассматриваемым показателям идентичности: 63% молодежи часто и иногда ощущают близость с гражданами России; 84% — с людьми своей национальности; 77% — с жителями своего края, области, республики, причем интенсивность идентичности (часто ощущают близость) также совпадает у молодежи и в среднем по стране.

Региональный разрез выявляет некоторые различия в уровнях идентификаций. Так, уровень гражданской идентичности молодежи наиболее высок на Северном Кавказе (70% «часто» и «иногда» ощущают близость со всеми гражданами России), на Дальнем Востоке (70%) и в Центре (67%). Меньше всего близость, единство с гражданами России ощущает молодежь на Урале (54%). Эти данные в основном совпадают с тенденцией региональных отличий гражданской идентичности у россиян всех возрастов, однако интенсивность (выбор ответа «часто») гражданской идентичности у молодежи в некоторых регионах несколько ниже, чем у населения в целом. Так, молодежь Северного Кавказа демонстрирует интенсивную гражданскую идентичность в 23% случаев (31% у всего населения Северного Кавказа).

Гражданская идентичность молодежи в регионах России совмещается с этнической, наиболее выразительный пример — молодежь Северного Кавказа, который ожидаемо является лидером по уровню этнической идентичности среди регионов России и, как было показано выше, по уровню гражданской идентичности. И наоборот — относительно низкий уровень гражданской идентичности сопровождается более низким уровнем этнической идентичности, например, на Урале, что позволяет считать эти идентичности не конкурирующими на данный момент.

Интенсивность этнической идентичности у молодежи в большинстве регионов совпадает или находится на несколько более низком уровне, чем у населения региона в целом: в Центрально-Черноземном регионе 38% молодежи часто ощущают близость с людьми своей национальности (45% по населению региона в целом); в Волго-Вятском регионе 47% молодежи часто ощущают близость с людьми своей национальности (56% по всему населению региона в среднем). Выпадает из этой тенденции только молодежь Восточной Сибири, где уровень этнической идентичности один из самых высоких (89%), и эта идентичность достаточно интенсивна (67% часто ощущают близость с людьми своей национальности), в то время как уровень этнической идентичности у всего населения — 80%, в том числе 54% часто ощущают близость с людьми своей национальности.

Высокий уровень региональной идентичности — свыше 80% (при среднем для всей молодежи 77%) характерен для молодежи Северного Кавказа (87%), Дальнего Востока, Волго-Вятского региона, Севера и Северо-Запада. Молодежь Западной и Восточной Сибири на фоне самого низкого уровня региональной идентичности населения этих регионов в целом (67% и 62%) выделяется более высоким уровнем региональной идентичности, приближаясь к среднему значению по России.

Таким образом, в сравнении с молодыми европейцами установки российской молодежи по отношению к иммигрантом весьма негативны. Молодежь не выходит за рамки тенденции, характерной для всего населения в целом,

и демонстрирует высокую степень изоляционизма и интолерантности. При этом у российской молодежи, так же как и у молодежи других стран, больший, чем в старшем поколении, патриотизм и гордость своим отечеством.

Приведенный анализ позволяет заключить, что на фоне в целом негативных установок по отношению к иммиграции в российском обществе молодежь настроена несколько более позитивно. Это характерно для всех регионов России, как и для всех стран, участвовавших в ESS. Молодежь везде более открыта к переменам и в большей степени готова к переменам в этническом составе населения и к усилению конкурентности в трудовой сфере.

Вместе с тем отношение к иммиграции молодежи разных российских регионов различно. По этому признаку регионы условно можно сгруппировать следующим образом:

— относительно позитивное отношение — Центрально-Черноземный регион, Восточная Сибирь;

— средненегативное — Северный Кавказ, Дальний Восток, Урал, Север и Северо-Запад;

— выраженное негативное — Волго-Вятский регион, Поволжье, Центр, Западная Сибирь.

Наиболее серьезна ситуация в Волго-Вятском регионе: здесь отношение молодежи не только одно из самых интолерантных (по установкам и оценкам влияния), но и отсутствует тенденция к более позитивным установкам молодежи по сравнению со всем населением региона.

Общим для всех стран, участвующих в ESS, является воздействие на рассмотренные проблемы реального притока мигрантов. Там, где имеется больше приток мигрантов в регионы с интенсивным экономическим развитием — столицы, наиболее модернизированные города, инновационные территории с высокой интенсивностью жизни и многочисленными стрессовыми ситуациями, там возникающее негативное напряжение проецируется на тех, кого считают «иными». Другой полюс проблемы — приток мигрантов в регионы с низким ресурсным потенциалом. Здесь свою роль играет более значимая культурная дистанция местного населения и мигрантов.

В.С. Магун,
М.Г. Руднев

Глава 8

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ: МЕЖСТРАНОВЫЕ И МЕЖИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СРАВНЕНИЯ[1]

Задача и методология

ВО МНОЖЕСТВЕ публикаций широко обсуждается вопрос о сходствах и отличиях культурно-психологических характеристик россиян и жителей других стран, и эти обсуждения являются частью более широкой полемики о путях развития России. Новые возможности для обоснованных сравнений подобного рода появились благодаря вступлению нашей страны в число участников Европейского социального исследования (ESS). В данной статье используются данные по всем 25 странам, участвовавшим в третьей волне ESS (2006–2007 гг.), всего в массиве 47 098 респондентов.

Это исследование впервые дает возможность нарисовать ценностный портрет населения России в сопоставлении с большей частью населения Европы. Для целей сравнения важно, что в нем участвовали как «старые» капиталистические страны, так и бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, в том числе, кроме России, еще три страны, входившие в состав бывшего СССР.

Для анализа данных был использован дизайн-вес. Однако и после этой процедуры в массивах многих стран сохранились смещения, связанные с недостижимостью респондентов[2]. Один из способов обойти подобные выборочные

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке Центра фундаментальных исследований Государственного университета – Высшая школа экономики.

Авторы выражают глубокую благодарность Институту сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) и лично В.Г. Андреенкову и А.В. Андреенковой за осуществление Европейского социального исследования в России. Авторы также признательны В.Е. Гимпельсону, М.С. Жамкочьян, А.Л. Лукьяновой, Г.А. Монусовой и Ш. Шварцу (Shalom H. Schwartz) за ценные замечания и предложения. Естественно, что мы сами несем ответственность за все недостатки статьи.

[2] Даже после корректировки дизайн-эффекта в российской выборке сохраняется меньшая доля мужчин, чем в генеральной совокупности населения России, и смещение

искажения — провести межстрановые сравнения, контролируя гендерные, возрастные и другие «анкетные» характеристики респондентов, что снимает вопрос о соотношении представителей соответствующих групп в совокупном массиве. Такой контроль является сущностью процедуры регрессионного анализа, и этот анализ будет в статье использован.

Число респондентов, ответивших на вопросы методики Шварца, колебалось в зависимости от содержания вопроса; в России, например, ценностный индекс Самоутверждения был вычислен для 2416 респондентов, а индекс Самостоятельности — только для 2395 (напомним, что общий объем российской выборки — 2437 человек). На Кипре число ответивших по разным ценностным индексам колебалось от 992 до 995 респондентов, в Германии — от 2889 до 2899. Во всех случаях, когда будем называть численность респондентов по стране или региону, будем указывать минимальную численность ответивших.

В данной статье ценности определяются как убеждения человека в значимости (или важности) *лично для него* некоторого объекта или явления, и в этом смысле можно утверждать, что мы здесь изучаем *индивидуальные* ценности. (Это утверждение не противоречит тому, что подобные убеждения человека могут быть социально детерминированы, или тому обстоятельству, что изучаются убеждения не отдельного индивида, а больших групп людей.)

Ценность, таким образом, — это синоним неравнодушия человека к тому или иному аспекту действительности; она обычно осознается и переживается в двух случаях — либо в ситуации, когда необходимый для сохранения и развития индивида объект отсутствует, либо в ситуации, когда человек обладает тем, что необходимо, но это обладание не воспринимается как стабильное, раз и навсегда данное. Ценности человека не идентичны его поступкам, но при определенных условиях они могут стать одним из побудителей его практических действий, направленных на воплощение этих ценностей в жизнь. Правда, это лишь одна из их функций, не менее важно воздействие ценностей индивида на его вербальные действия, а через них — на вербальные и практические действия других людей.

Базовые ценности — это те конечные, целевые ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих его жизнедеятельность.

Недавно мы выполнили аналогичную работу на материалах второй волны ESS (2004–2005 гг.) [Магун, Руднев, 2007], в которой с ценностями населения других европейских стран сравнивали ценности жителей Украины. Мы пришли к выводу, что население Украины отличается по своим ценностям от населения большинства европейских стран: средняя значимость большинства рассмотренных ценностей оказалась в Украине либо в числе самых высоких, либо в числе самых низких в диапазоне средних значений по 24 странам. Можно полагать, что и российские ценности сильно отличаются от жизненных приоритетов

в сторону более старших возрастных групп. Правда, проведенное в рамках Европейского социального исследования изучение влияния весов, корректирующих смещения выборок стран-участниц из-за недостижимости респондентов, показало, что перевзвешивание, как правило, не слишком значительно влияет на результаты анализа данных. См.: [Vehovar, Zupanic, 2007, Billiet, 2007].

жителей других европейских стран с развитой капиталистической экономикой и с длительными демократическими традициями. К такой гипотезе подталкивают и выводы тех сравнительных международных исследований, в которых прямо использовались данные о российских ценностях[3]. Но большинство этих выводов строилось на базе агрегированных данных, когда целая страна отображалась в виде точки, соответствующей средним оценкам ее населения по одному или нескольким ценностным параметрам. Задача данной статьи – пойти дальше анализа общестрановых средних и более детально исследовать, из каких именно внутристрановых подгрупп с точки зрения разделяемых ими ценностей состоит российское население. Для этого надо посмотреть, как индивиды, живущие в разных странах, могут быть объединены на основе своих ценностных характеристик вне зависимости от страны проживания. Мы предполагаем, что при сравнении ценностей на уровне отдельных индивидов и социальных групп, обнаружится гораздо бóльшая общность между жителями разных стран, чем при анализе на страновом уровне[4].

В рамках ESS для измерения ценностей применялась модификация Портретного ценностного вопросника (Portrait Values Questionnaire) Шварца [Schwartz et al., 1999, 2001]. Как и другие его методики[5], вопросник построен на основе разработанной Шварцем классификации ценностей, ключевым в ней является выделение 10 ценностных индексов (Шварц называет их также «латентными мотивационными типами ценностей») [Schwartz, Bilsky, 1990, Schwartz, 1992]. В связи с тем, что в анкете ESS используется сокращенный вариант ценностного вопросника, некоторые из ценностей не удалось при измерении дифференцировать друг от друга, и специальный анализ показал, что более правомерно формировать на основании этих измерений не 10, а только 7 ценностных индексов [Davidov, Schmidt, Schwartz, 2008] (см. табл. 1).

Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями (см. табл. 1), и каждый из этих портретов респондент должен был оценить по 6-балльной шкале: «очень похож на меня» (6 баллов), «похож на меня» (5 баллов), «довольно похож на меня» (4 балла), «немного похож на меня» (3 балла), «не похож на меня» (2 балла), «совсем не похож на меня» (1 балл)[6]. Каждый ценностный индекс формировался

---

[3] См., напр.: [Inglehart, Baker, 2000].

[4] Это было видно уже при анализе украинских данных 2-го раунда ESS: при межстрановых сравнениях отдельных групп населения (например, мужчин или молодежи) число статистически значимых различий Украины с другими странами по некоторым ценностям значительно сокращалось (см.: [Магун, Руднев, 2007]).

[5] Существует не менее 5 различных методик (SVS, PVQ21, PVQ49, PVQV, PVQ-WVS). Описание одной из них на русском языке содержится в работе В. Карандашева [Карандашев, 2004]. Опыт применения этих методик, адаптированных для русскоязычных респондентов, описан Н. Лебедевой [Лебедева, 2001], а также М. Бобневой и Е. Дорофеевым [Бобнева., Дорофеев, 1997], Е. Белинской [Белинская, 2008], О. Тихомандрицкой и Е. Дубовской [Тихомандрицкая, Дубовская, 1999].

[6] Обращаем внимание, что для удобства восприятия градации шкалы изменены так, чтобы бóльшая значимость ценности обозначалась и более высоким баллом. В анкете ESS и в исходном массиве данных ESS нумерация пунктов этой шкалы иная.

посредством усреднения нескольких подобных описаний, конкретный состав каждого индекса указан в табл. 1.

Из приведенного списка ценностных суждений видно, что формулировки ценностей в методике Шварца более общие, чем в других международных исследованиях, и что она отличается более широким охватом разных аспектов человеческой жизнедеятельности, а также четкой нацеленностью на выявление именно индивидуальных, личных ценностей людей[7].

Ценности россиян будут сравниваться с ценностями жителей Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Ирландии, Испании, Кипра, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Украины, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции и Эстонии.

В ходе анализа мы увидели, что эстонскую выборку целесообразно разделить по культурно-языковому признаку на основе ответа респондентов на вопрос о предпочитаемом языке общения в домашней обстановке. Соответственно, были выделены эстоноговорящие респонденты, большинство которых принадлежит к эстонскому («титульному») этносу, и русскоговорящие, большинство которых является этнически русскими жителями Эстонии[8]. Подобное разделение часто применяется и в других социологических исследованиях; в данном случае цель его состояла в том, чтобы проверить, в какой степени общность русскоязычных жителей Эстонии с русскоязычными россиянами, будет сказываться на общности их ценностей[9].

В ходе опроса для каждого респондента был получен 21 показатель значимости каждой из тех ценностей «первого (исходного) уровня», что были включены в анкету, по шкале от 1 до 6. Они использовались сами по себе, а также для вычисления уже упомянутых 7 ценностных индексов (ценностей «второго уровня» интеграции); эти производные индексы представляли собой среднюю соответствующих ценностных показателей первого уровня.

В большинстве расчетов, где участвовали ценности первого и второго уровней, они предварительно подвергались преобразованию, называемому «центрированием». Дело в том, что исследователи субъективных феноменов давно установили, что у каждого респондента существует определенный стиль реагирования, выражающийся в склонности группировать разные оценки на одном и том же участке шкалы: например, давать только очень низкие,

---

[7] В этом последнем пункте методика Шварца отличается, например, от методики Р. Инглхарта. В знаменитых вопросах, сформулированных Инглхартом для диагностики ценностей, респондента спрашивают не о том, что важно для него лично, а о тех целях, которые, как он считает, «должна поставить наша страна», — впрочем, не исключено, что человек и в этом случае проецирует на страну лично значимые для себя вещи, см.: [Inglehart, 1997].

[8] Более подробно различия в ценностях между эстоноговорящими и русскоговорящими жителями Эстонии рассмотрены в работе: [Руднев, 2009].

[9] Разделение населения Эстонии по этническому признаку при анализе ценностей сделано по совету Ш. Шварца: как показывают предпринятые нами сопоставления, среди четырех стран со значительным русскоговорящим населением наибольший ценностный разрыв с титульным этносом зафиксирован именно в Эстонии.

Таблица 1

Иерархия ценностных показателей (по версии Ш. Шварца)*

Ценностные оси (ценности «четвертого уровня»)	Укрупненные категории ценностей (ценности «третьего уровня»)	Типологические ценностные индексы (ценности «второго уровня»)	Исходные высказывания, предлагавшиеся респондентам (ценности «первого уровня»)**
Открытость изменениям — Сохранение	Сохранение	Безопасность	Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности
			Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан
		Конформность — Традиция	Он убежден, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит
			Для него важно всегда вести себя правильно. Он старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить
			Для него очень важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание
			Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным обычаям
	Открытость изменениям	Самостоятельность	Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом
			Для него важно принимать самому решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других
		Риск — Новизна	Ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что для него в жизни важно попробовать много разного
			Он ищет приключений и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью
		Гедонизм	Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать
			Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно заниматься тем, что доставляет ему удовольствие

Продолжение таблицы 1

Забота о людях и природе — Самоутверждение	Самоутверждение (Достижение и Власть—богатство)	Для него важно показать свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает
		Для него очень важно быть очень успешным. Он надеется, что люди признают его достижения
		Для него важно быть богатым. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей
		Для него важно, чтобы его уважали. Он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет
	Забота о людях и природе (Благожелательность и Универсализм)	Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии
		Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям
		Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни
		Для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей. Даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения
		Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде

* Данная классификация отличается от той, что использовалась в наших предыдущих публикациях [Магун, Руднев, 2007; 2008]. Это связано с анализом Давидова с соавторами, показавшими, что вариант вопросника Шварца, используемый в ESS, позволяет надежно дифференцировать только 7, а не 10 базовых ценностей [Davidov, Schmidt, Schwartz, 2008]. Нынешняя классификация не дифференцирует Конформность и Традицию, Достижение и Власть—Богатство, а также Благожелательность и Универсализм.

В нынешней публикации мы также заменили название одной из ценностных категорий и полюса соответствующей ценностной оси: прежнее название «Выход за пределы "Я"» заменено на «Забота о людях и природе».

** В формулировках вопросов для респондентов-женщин использовались местоимения женского рода.

или только очень высокие, или только средние оценки[10]. И поэтому возникает задача «очистки» (отделения) содержательных показателей от влияния подобного стиля реагирования. В качестве показателя, характеризующего предпочитаемый респондентом участок шкалы, Ш. Шварц рекомендует брать среднюю всех ответов респондента на 21 вопрос, касающийся ценностей, – этот показатель получил название mrat[11]. Поправка на упомянутый стиль реагирования осуществляется с помощью вычитания показателя mrat либо из исходной 6-балльной оценки (для ценностей первого уровня), либо из средней оценки по нескольким исходным вопросам анкеты (для ценностей

[10] Один из недавних обзоров по этой теме: [Smith, 2003].

[11] См. [Schwartz, 2003]. Mrat расшифровывается как «mean rating», т.е. средняя оценка. Судя по данным, которые рассматриваются в этой статье, менее всего склонны отмечать свое сходство с другими людьми жители Швеции, Норвегии, Франции, Украины и Эстонии (титульный этнос), более всего – жители Кипра и Словении, а жители России, вместе с жителями Словакии, Ирландии, Австрии, Румынии, Швейцарии, Болгарии, Бельгии и русскоязычным населением Эстонии характеризуются средними значениями показателя mrat.

второго уровня). Таким образом, значения каждого из центрированных ценностных показателей – это не абсолютная, а *сравнительная* значимость для респондента той или иной ценности *по отношению* к средней значимости для него всех вообще ценностей, включенных в список Шварца. Иными словами, основным объектом анализа в работе с методикой Шварца является *степень приоритетности* той или иной ценности во внутриндивидуальной ценностной иерархии респондента.

Поскольку мы работаем с центрированными показателями, не удивительно, что значения ценностных индексов часто характеризуются отрицательными величинами. Отрицательная величина означает, что значимость данной ценности ниже средней значимости ценностей (mrat), характерной для данного индивида; положительная же величина, соответственно, означает, что эта значимость выше средней. В большинстве случаев нами используются центрированные ценностные показатели, всякий раз, когда используются *нецентрированные* показатели, это специально оговаривается.

Предшествующие исследования Ш. Шварца показали, что 7 ценностей «второго уровня» объединяются в 4 более крупных категории ценностей (ценности «третьего уровня», см. табл. 1), пары которых, в свою очередь, связаны взаимно обратными соотношениями: с ростом значимости одной категории ценностей значимость другой снижается.

К категории «Сохранение» относятся ценности «Безопасность», «Конформность–Традиция», к противоположной по смыслу категории «Открытость изменениям» относятся ценности «Риск–Новизна»[12], «Самостоятельность» и «Гедонизм», и эти две категории образуют первую ценностную ось (относящуюся вместе со второй осью к ценностям «четвертого уровня») – «Открытость изменениям – Сохранение». Вторая ось – «Забота о людях и природе – Самоутверждение» отражает оппозицию ценностных категорий «Самоутверждения» (значимость власти, богатства, личного успеха) и «Заботы о людях и природе» (значимость социального равенства, заботы о ближних и «дальних», а также бережного отношения к окружающей среде).

В табл. 1 приводится иерархия ценностных показателей, фиксируемых с помощью методики Ш. Шварца, – от исходных суждений, содержащихся в анкете, до индексов по интегральным ценностным осям.

Иерархия показателей в табл. 1 отражает модель структуры ценностей, предложенную Ш. Шварцем и подтвержденную им с использованием методов многомерного шкалирования. Особенность этой модели в том, что получаемые с ее помощью ценностные оси не независимы (не ортогональны).

Те же самые исходные показатели могут быть сгруппированы и по-иному. На массиве второго раунда ESS мы провели факторный анализ 21 ценностного показателя «первого уровня»[13] и получили несколько иные по содержанию

---

[12] В терминологии Ш. Шварца эта ценность называется «Стимуляция» («Stimulation»).

[13] В факторном анализе использовались нецентрированные показатели. Как будет показано ниже, он сам осуществляет «очистку» ответов от влияния предпочитаемого респондентом участка шкалы. См. также [Cornwell, Dunlap, 1994].

ценностные оси, чем те, что предложены Ш. Шварцем [Магун, Руднев, 2007]. В отличие от осей Шварца, выделенные нами *факторные* оси являются независимыми друг от друга (ортогональными), и, как оказалось, каждая из них имеет более сложную структуру. Проанализируем теперь факторную структуру ценностных показателей для массива третьего раунда ESS, в рамках которого будет осуществляться сравнение России с другими странами. Соответствующая факторная матрица приводится в табл. 2.

С **первым фактором** положительно связаны суждения респондента о своем сходстве со всеми представленными в анкете персонажами — это значит, что с ростом значений фактора респондент считает, что ему более свойственны *все* описанные в анкете ценностные проявления этих персонажей. Подобное единообразие как раз и свидетельствует о наличии у каждого человека определенного стиля реагирования, выражающегося в концентрации его разнообразных ответов — вне зависимости от их конкретного содержания — на том или ином участке шкалы. Напомним, что процедура центрирования, в ходе которой из каждой оценки респондента вычитали его *среднюю* оценку, как раз и устраняла влияние этого фактора. Но факторному анализу подвергнуты нецентрированные оценки респондентов, и поэтому предпочитаемый респондентом уровень оценок выделился в отдельный фактор, самый большой по доле дисперсии. Не удивительно, что корреляция между индивидуальными значениями по данному фактору и средними оценками респондентов (показателем mrat) составляет 0,99, т.е. индивидуальные значения первого фактора и индивидуальная средняя — это по сути одна и та же переменная.

Второй и третий факторы по своему смыслу близки к описанным Шварцем осям [Schwartz, 1992], на полюсах которых расположены 4 ценностных категории. Но отличия полученной факторной структуры от классификации Шварца все же имеются. Дело в том, что Шварц рассматривает каждую из осей как оппозицию только двух ценностных категорий, между тем как в состав каждого из *реально полученных* факторов входят ценности, представляющие все 4 ценностных категории.

Рассмотрим обнаруженные факторы подробнее.

По **второму фактору** наибольшие по абсолютной величине веса у показателей, характеризующих *ценности сохранения* (включающие как сохранение существующего социального порядка, так и *само*сохранение) и *открытости изменениям.*

С ростом индивидуальных значений фактора *повышается* значимость ценностей сохранения (быть скромным, вести себя правильно, делать, что говорят, следовать традициям и обычаям, избегать всего, что угрожает безопасности, иметь сильное государство, которое могло бы защитить, и т.п.) и *снижается* значимость открытости изменениям (приключений и риска, жизни, полной впечатлений, возможности заниматься тем, что доставляет удовольствие, возможности себя баловать, новизны и сюрпризов, оригинальности и творчества и т.п.). Три ключевых показателя, которые имеют максимальные по абсолютной величине веса и воплощают основной смысл фактора — это, с одной стороны, значимость скромности и избегания любых поступков, которые могут вызвать осуждение (факторные нагрузки показателей равны

Таблица 2

Факторная структура исходных ценностных высказываний населения 25 европейских стран
(n = 45728, 2006–2007 годы, нецентрированные данные; метод главных компонент, без вращения)

Названия укрупненных ценностных категорий, к которым Ш. Шварц относит исходные высказывания респондентов	Содержание исходных ценностных высказываний из анкеты ESS-ценностей «первого уровня» (6–балльная шкала: от 1 — «совсем не похож на меня», до 6 — «очень похож на меня»)	Факторные нагрузки		
		Фактор I	Фактор II	Фактор III
Сохранение	Важно жить в безопасном окружении	0,44	0,41	0,30
	Важно, чтобы правительство и сильное государство могло защитить своих граждан	0,44	0,41	0,24
	Важно выполнять, что говорят, и следовать правилам даже если никто за этим не следит	0,28	0,42	0,36
	Важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	0,39	0,53	0,25
	Важно быть скромным, держаться в тени, не привлекать внимания	0,20	0,54	–0,12
	Важно следовать традициям, религиозным или семейным обычаям	0,34	0,47	0,24
Открытость изменениям	Важно придумывать новое, быть творческим, все делать оригинально	0,49	–0,28	–0,21
	Важно самому принимать решения, быть свободным, не быть зависимым	0,51	–0,15	–0,22
	Любовь к сюрпризам и поиск нового; важность разнообразия	0,57	–0,39	–0,17
	Поиск приключений, любовь к риску, стремление к жизни, полной впечатлений	0,41	–0,61	–0,05
	Важно хорошо проводить время; желание баловать себя	0,52	–0,44	–0,16
	Поиск возможности повеселиться; важно делать то, что доставляет удовольствие	0,49	–0,46	–0,17
Самоутверждение	Важно демонстрировать способности; хочет, чтобы люди им восхищались	0,58	–0,29	0,33
	Важно быть успешным; надеется на признание своих достижений	0,61	–0,31	0,35
	Важно быть богатым; хочет иметь много денег и дорогие вещи	0,36	–0,39	0,51
	Важно быть уважаемым человеком; хочет управлять людьми	0,49	0,00	0,43
Забота о людях и природе	Важно помогать окружающим; хочет заботиться об их благополучии	0,52	0,29	–0,34
	Важно быть верным другом; хочет посвятить себя близким людям	0,53	0,25	–0,33
	Важно равенство в обращении с людьми во всем мире, равенство возможностей для всех	0,41	0,27	–0,32
	Важно выслушивать мнения не похожих на него людей, понять точку зрения тех, с кем не согласен	0,46	0,26	–0,43
	Важно заботиться об окружающей среде, беречь природу	0,45	0,39	–0,26
Информативность факторов		22 %	14 %	8 %

0,54 и 0,53) и, с другой стороны, значимость приключений, риска и жизни, полной впечатлений (факторный вес — –0,61).

В то же время заметные веса по второму фактору имеют и показатели, которые, если следовать схеме Шварца, *в оппозицию «Открытость изменениям — Сохранение» не вписываются.* Так, с *положительными* весами в фактор входит значимость ценностей *Заботы о людях и природе*, а именно: сохранения природы и окружающей среды и заботы о них, толерантности, равенства в обращении со всеми людьми, помощи окружающим и верности своим друзьям. С *отрицательными* весами в фактор входит значимость ценностей *Самоутверждения*: значимость того, чтобы быть богатым, иметь много денег и владеть дорогими вещами, а также значимость успеха, способностей и их общественного признания.

Вхождение в фактор этих дополнительных ценностей может быть понято в свете представлений об инструментально-целевых соотношениях. Оппозиция «Открытость изменениям — Сохранение» характеризует конечные, «главные» ценности, характерные для людей, имеющих заметные значения по данному фактору, т.е. их ценности-цели. Примкнувшие же к этой оппозиции дополнительные показатели характеризуют соответственно инструментальные ценности, или ценности-средства. Действительно, то, что к ценностям *сохранения* примыкают ценности *заботы о других людях и окружающей среде*, может быть объяснено тем, что поддержание хороших отношений с близкими и «дальними» людьми и сохранение окружающей среды — необходимые условия, эффективные средства сохранения социального порядка и сохранения человеком самого себя[14]. Что же касается успеха и денег, то это те ресурсы, наличие которых у человека, во-первых, снимает у него страх перед переменами, а во-вторых, дает дополнительные возможности вносить в жизнь разнообразие и изменения. Поэтому стремление к изменениям «вынуждает» человека высоко ценить успех и деньги, что и объясняет прямую связь в сознании людей межу ценностями *Открытости изменениям* и *Самоутверждения*[15].

---

[14] И это, кстати, означает, что «эгоистическая» ориентация на сохранение себя и забота об окружающих вовсе не обязательно противоречат друг другу. Более того, появление содружественных отношений между этими категориями ценностей во втором (более информативном) факторе, а конфликтных — только в третьем указывает на то, что гармоничные отношения между ценностями заботы о себе и заботы о других как раз более характерны для рассматриваемого массива.

[15] Об инструментально-целевых соотношениях в сфере ценностей см.: *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. — Л.: Наука, 1983. — С. 6—56; (см. также Интернет-версию: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/184520.html, ссылка верна на 1 августа 2009 г.). Широко известно деление на терминальные и инструментальные ценности, введенное М. Рокичем (*Rokeach M.* The Nature of Human Values. — N.Y.: The Free Press, 1973; это разделение использовалось также в работе: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. — Л.: Наука, 1979), но оно не подходит для объяснения описываемых здесь соотношений, поскольку у Рокича данное разделение ценностей носит фиксированный характер. В реальности же терминальные и инструментальные ценности постоянно меняются местами: например, то, что в рамках второго фактора выступает в качестве цели, в рамках третьего фактора становится средством, и наоборот.

Одна и та же цель может быть достигнута разными средствами, и этим объясняется, почему каждое отдельное средство (точнее, ценности, его выражающие) имеет меньшие нагрузки по фактору, чем те ценности-цели, реализации которых оно служит.

Итак, содержание данного ценностного фактора, действительно, оказалось сложнее, чем в схеме Шварца. Ценности *Сохранения* (включающие как сохранение существующего социального порядка, так и *само*сохранение) сопряжены здесь с ценностями *Заботы о людях и природе*, а ценности *Открытости изменениям* – с ценностями *Самоутверждения*. Поэтому и полное имя данного фактора должно отражать эту сложность, и каждый полюс должен иметь двойное наименование: *«Открытость, сопряженная с самоутверждением VS Сохранение, сопряженное с заботой»*. Первой в названии каждого полюса указана доминирующая на этом полюсе категория ценностей; по этим доминантам и будем кратко называть данный фактор: «Открытость изменениям – Сохранение». Но подчеркнем еще раз: несмотря на совпадение кратких названий, содержание данного фактора несколько отличается от содержания соответствующей оси в классификации Шварца.

По **третьему фактору** наибольшие по абсолютной величине веса у показателей, характеризующих *ценности самоутверждения* и *заботы о людях и природе*. С ростом индивидуальных значений фактора *повышается* значимость ценностей самоутверждения (быть богатым, уважаемым человеком, которому подчиняются другие люди, быть успешным и способным, и чтобы успех и способности признавались окружающими) и *снижается* важность для респондента заботы о людях и природе (толерантности, равенства в обращении со всеми и равенства возможностей для всех людей, помощи окружающим людям и т.п.).

Три ключевых показателя, которые имеют максимальные по абсолютной величине веса и воплощают основной смысл фактора – это на одном полюсе ценность богатства, уважения и власти над людьми (факторные нагрузки равны 0,51 и 0,43), а на другом – ценность толерантности: готовности человека выслушивать мнения тех, кто от него отличается, желание понять их точку зрения (факторный вес – –0,43).

И снова заметные нагрузки по третьему фактору имеют также показатели, которые, если следовать схеме Шварца, *в оппозицию «Забота о людях и природе – Самоутверждение» не вписываются*. Так, с *положительными* весами в фактор входит значимость ценностей *Сохранения*, а именно: безопасного окружения, сильного государства как защитника своих граждан, следования правилам, традициям и обычаям и избегания поступков, которые могут вызвать осуждение. С *отрицательными* весами в фактор входит значимость ценностей, относящихся к категории *Открытость изменениям*: значимость оригинальности и творческого подхода, а также новизны.

Присоединение этих дополнительных показателей вполне объяснимо в свете упомянутых выше представлений о целях и средствах. В данном случае ценности-цели, характерные для людей, имеющих заметные значения по данному фактору, характеризует оппозиция «Забота о людях и природе – Самоутверждение». Примкнувшие же к этой оппозиции дополнительные показатели могут восприниматься людьми как средства для реализации

этих целей. Конформность и осторожность воспринимаются как средства достижения личного успеха, богатства и власти, а творчество, свобода и стремление к новизне – как способы служения людям и совершенствования экосистемы, частью которой является человечество[16].

Таким образом, содержание третьего ценностного фактора тоже оказалось сложнее, чем в схеме Шварца, и соответственно его полюсам тоже приходится давать двойное наименование: *«Самоутверждение, сопряженное с послушанием и осторожностью, VS Забота о людях и природе, сопряженная с личной инициативой и творчеством»*. Здесь снова первой в названии каждого полюса указана доминирующая на этом полюсе категория ценностей, и по этим доминантам будем кратко называть данный фактор: *«Забота о людях и природе – Самоутверждение»*. И вновь подчеркнем: содержание данного фактора несколько отличается от содержания соответствующей оси в классификации Шварца.

Итак, результаты факторного анализа подтвердили, что 21 ценностное суждение, действительно, описывается с помощью двух основных параметров (или факторов, или осей). Выяснилось, что эти интегральные параметры богаче по содержанию, чем ценностные оси, выделенные Шварцем, поскольку с каждым из них связаны не две, а все четыре ценностные категории. Целевые («ядерные») характеристики выделенных нами факторов совпадают с содержанием выделенных Шварцем ценностных осей, но оказалось, что к этим целевым ценностям примыкают еще и инструментальные, и за счет них рассматриваемые интегральные параметры становятся более сложными, проявляющимися в большем разнообразии ценностных показателей.

Чтобы иметь возможность сравнивать россиян с жителями других стран по ценностным факторам, приписываем каждому респонденту индивидуальные оценки по второму и третьему факторам.

Глава состоит из пяти разделов. Первый мы представили выше. Во втором разделе излагаются результаты сравнений «среднего» россиянина со «средними» представителями других европейских стран по выраженности различных ценностей. Здесь рассматриваются сравнения по *7 ценностным индексам «второго уровня»* (именно они чаще всего используются Ш. Шварцем и теми, кто применяет его методику), а также по более дробным и более укрупненным ценностным показателям. Первые взяты *непосредственно из исходных вопросов анкеты (напомним, что всего их 21)*, а вторые – это *два факторных индекса*, которые построены на базе выявленной нами факторной структуры 21 исходного показателя. В третьем разделе сравниваются соотношения различных ценностей (ценностные профили) среднего россиянина и «средних» же представителей

---

[16] Обратим внимание, что соотношения между ценностными категориями в третьем факторе противоположны имевшим место во втором: так, стремление к успеху и богатству во втором факторе прямо связано с открытостью изменениям, а в третьем – отношения между этими ценностями взаимно обратные. Здесь нет никакого противоречия, это типичная двойственность отношений между переменными, которую вскрывает факторный анализ, и она часто объясняется тем, что разные по направлению соотношения характерны для разных подвыборок респондентов. См. об этом подробнее: *Магун В.С.* 1) Потребности и психология социальной деятельности личности. – С. 138–170; 2) Два типа соотношения продуктивности труда и удовлетворенности работой/ Социологические исследования. – 1983. – № 4.

других стран. В четвертом разделе мы отказываемся от понятия среднего россиянина и анализируем внутристрановые распределения населения стран Европы на основе разделяемых людьми ценностей; межстрановые сравнения осуществляются здесь как сравнения этих распределений. В пятом разделе мы проверяем, не объясняются ли обнаруженные межстрановые отличия в ценностях различиями в социальном составе населения разных стран. Для этого с помощью множественного регрессионного анализа мы «выравниваем» респондентов разных стран по их демографическим и социально-статусным характеристикам (иначе говоря, «контролируем» эти характеристики).

Сравнение среднего россиянина со «средними» представителями других стран по ценностным индексам «второго уровня» и интегральным факторным индексам «четвертого уровня»

Начнем со сравнений России с европейскими странами по средним значениям 7 перечисленных выше ***ценностных индексов «второго уровня»***.

В табл. 3 описаны итоги этих сравнений (они проводились с помощью процедуры однофакторного дисперсионного анализа – ANOVA, статистическая значимость различий определялась с помощью критерия Тамхена, $p<0,05$). *Из описания видно, что большинство различий России по ценностным индексам с другими европейскими странами статистически значимо, и следовательно, эти ценностные показатели среднего россиянина чаще отличаются, чем совпадают с ценностями «средних» представителей других стран.*

По 6 из 7 ценностных индексов Россия занимает крайние или близкие к крайним позиции среди 25 европейских стран, и поэтому в каждом из этих 6 случаев большинство отличий российского населения от населения других стран однонаправленны. Так, например, по ценности *Самоутверждения* россияне отличаются от 21 страны из 24, а также от титульного населения Эстонии и почти все эти отличия – в сторону бóльшей значимости этой ценности для российского населения. Следует, правда, иметь в виду, что Россия, как правило, делит свою позицию с другими странами. Например, по средней важности *Безопасности* Россия стоит на втором месте среди других стран. В действительности же это крайнее положение, поскольку Украина, которая формально опережает Россию, статистически значимо не отличается от нее (критерий Тамхена, $p<0,05$). Значимо не отличаются от России и население Венгрии, Болгарии и Кипра, а также русскоговорящие эстонцы, занимающие по ценности *Безопасности* соответственно третье, четвертое, пятое и шестое места.

Графики 1.1–1.7 являются визуальным сопровождением табл. 3. На этих графиках приведены средние значения ценностных индексов в каждой из 25 стран, включенных в Европейское социальное исследование. На графиках страны ранжированы в порядке убывания важности соответствующей ценности; объемы выборок колеблются от 992 (Кипр) до 2889 (Германия). Окраска столбиков позволяет увидеть, с какими странами у России есть статистически значимые отличия (их окраска отличается от российской), а с какими они отсутствуют.

Таблица 3

Средние значения 7 ценностных индексов «второго уровня» в России и результаты их сравнения со средними по другим странам с помощью процедуры ANOVA

Названия укрупненных ценностных категорий (индексы «третьего уровня»)	Названия 7 ценностных индексов «второго уровня»	Средние значения ценностных индексов «второго уровня», баллы Россия, N = 2395	Характеристика положения России в сравнении с другими европейскими странами на основе средних значений*
Сохранение	Безопасность	0,75	Россия **опережает все** страны, кроме Украины, Венгрии, Болгарии и Кипра, с которыми нет значимых различий. Нет значимых различий также и с русскоговорящими жителями Эстонии.
	Конформность – Традиция	0,01	Россия занимает **среднюю** позицию, не тяготея к полюсам; отстает от 6 стран и опережает 10 стран. Нет значимых различий с 8 странами — Ирландией, Бельгией, Финляндией, Словенией, Португалией, Кипром, Норвегией, Эстонией (как с русско-, так и с эстоноговорящей).
Открытость изменениям	Самостоятельность	0,16	Россия смещена к нижнему краю диапазона европейских стран, упорядоченных по среднему значению этой ценности. **Отстает** от 17 стран, а также титульного населения Эстонии, и опережает всего две – Болгарию и Украину. Нет значимых различий с 4 странами – с Португалией, Польшей, Румынией, Словакией, а также с русскоговорящей Эстонией.
	Риск—Новизна	–0,93	Россия смещена к нижнему краю диапазона, **отстает** от населения 19 стран, а также от эстоноговорящих эстонцев. Нет значимых различий с населением 4 стран – Румынии, Венгрии, Испании и Украины, а также с русскоговорящим населением Эстонии.
	Гедонизм	–0,73	Россия смещена к нижнему краю диапазона, **отстает** от населения 20 стран Европы. Опережает население 2-х стран – Украины и Польши. Нет значимых различий с населением Словакии, Румынии и русскоязычным населением Эстонии.
Самоутверждение	Самоутверждение	–0,18	Россия характеризуется почти самой высокой значимостью этой ценности среди европейских стран, **опережая** 21 страну, а также титульное население Эстонии. Сильнее, чем у россиян, эти ценности выражены только у жителей Латвии и Румынии. Нет значимых различий у России лишь с русскоязычным населением Эстонии.
Забота о людях и природе	Забота о людях и природе	0,42	Россия (вместе с Румынией, Словакией, Словенией и русскоговорящим населением Эстонии) **отстает** от большинства европейских стран, от нее отстает лишь Латвия.

* Характеристика основывается на статистически значимых различиях по критерию Тамхена ($p < 0,05$). Ошибки средних во всех случаях не превосходят 0,04 балла.

График 1.1

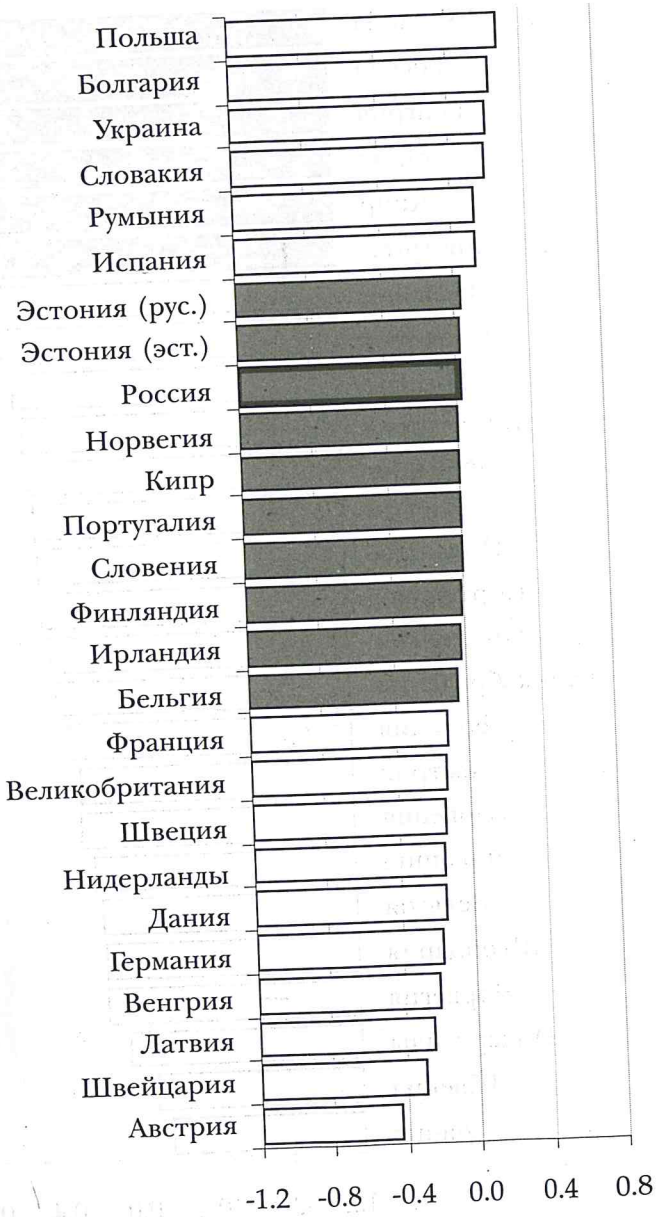
Средние значения ценностного индекса «Безопасность» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.2

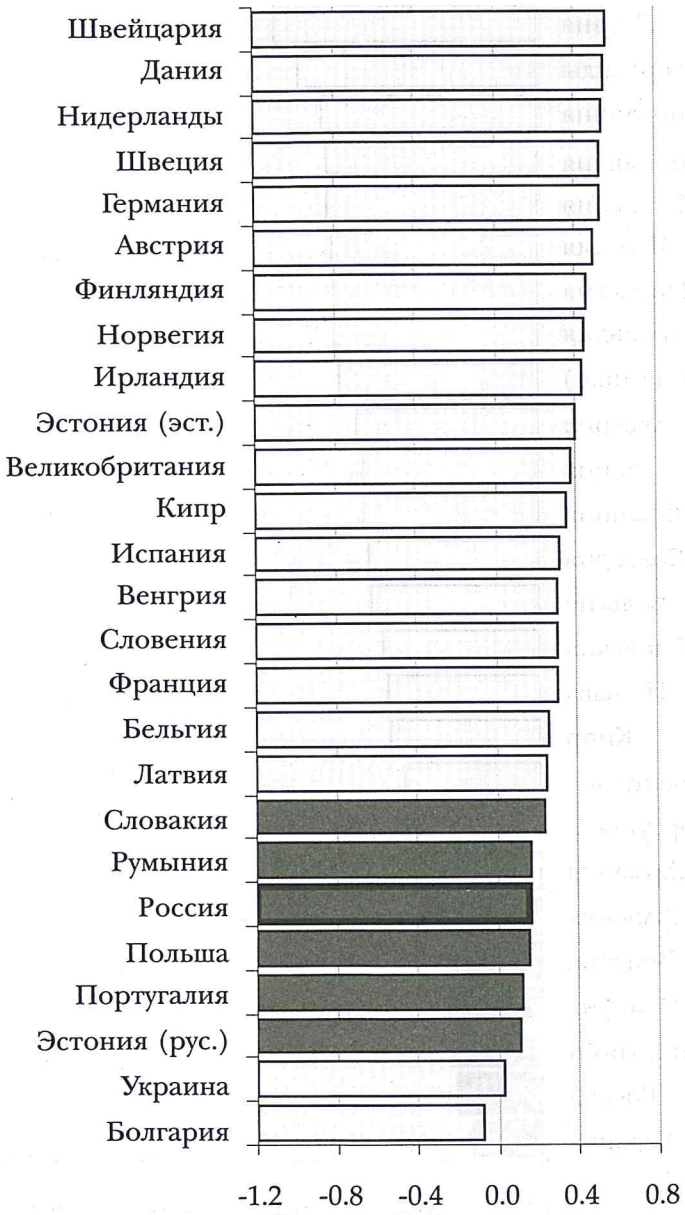
Средние значения ценностного индекса «Конформность — Традиция» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.3

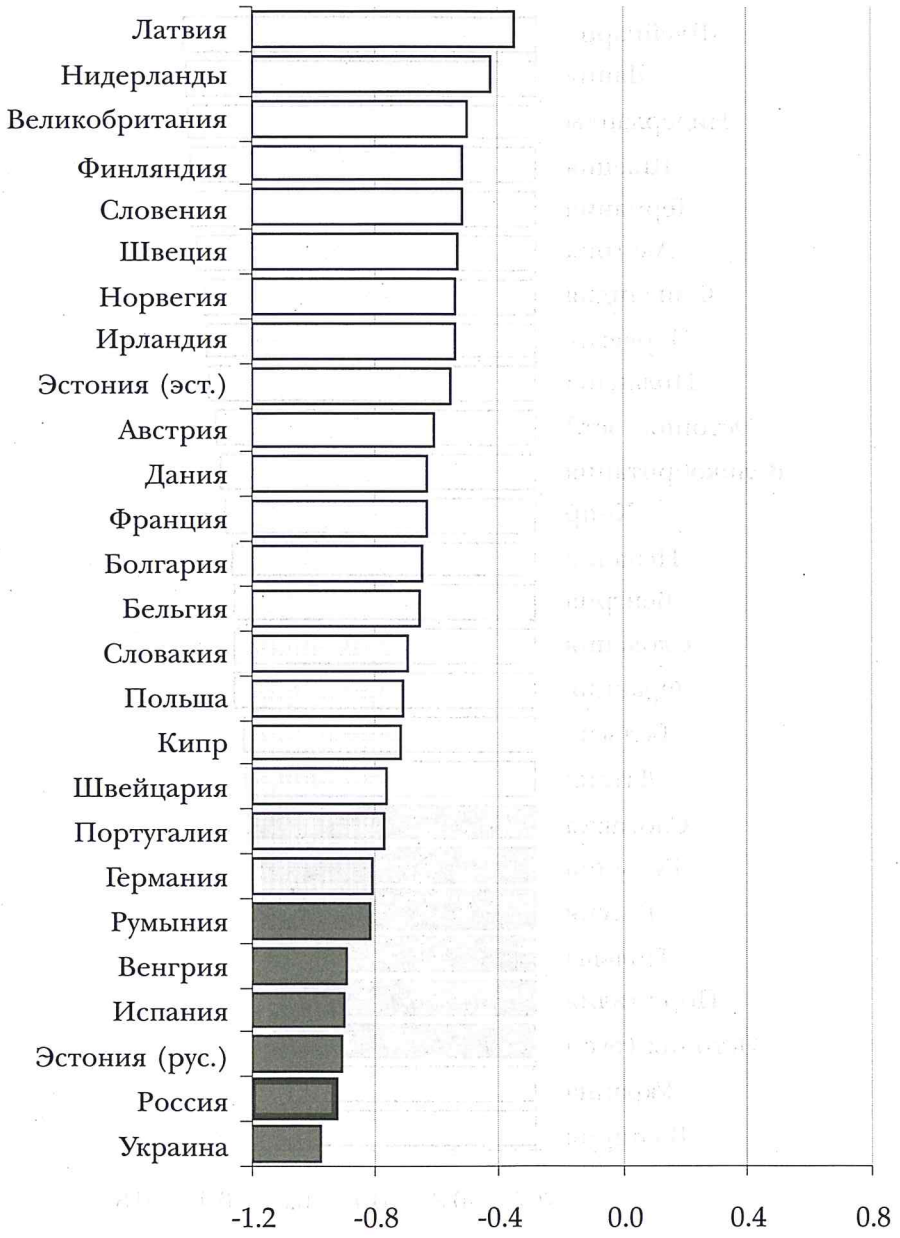
Средние значения ценностного индекса «Самостоятельность» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.4

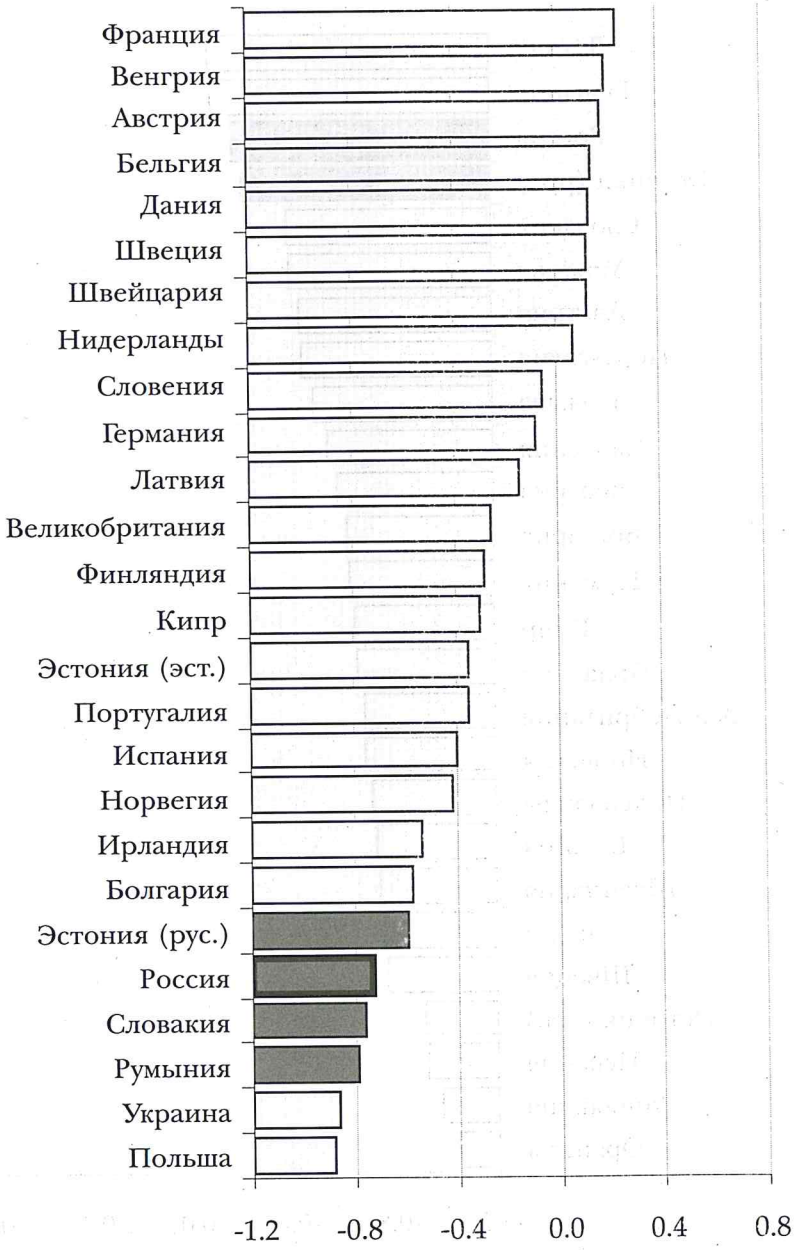
Средние значения ценностного индекса «Риск—Новизна» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.5

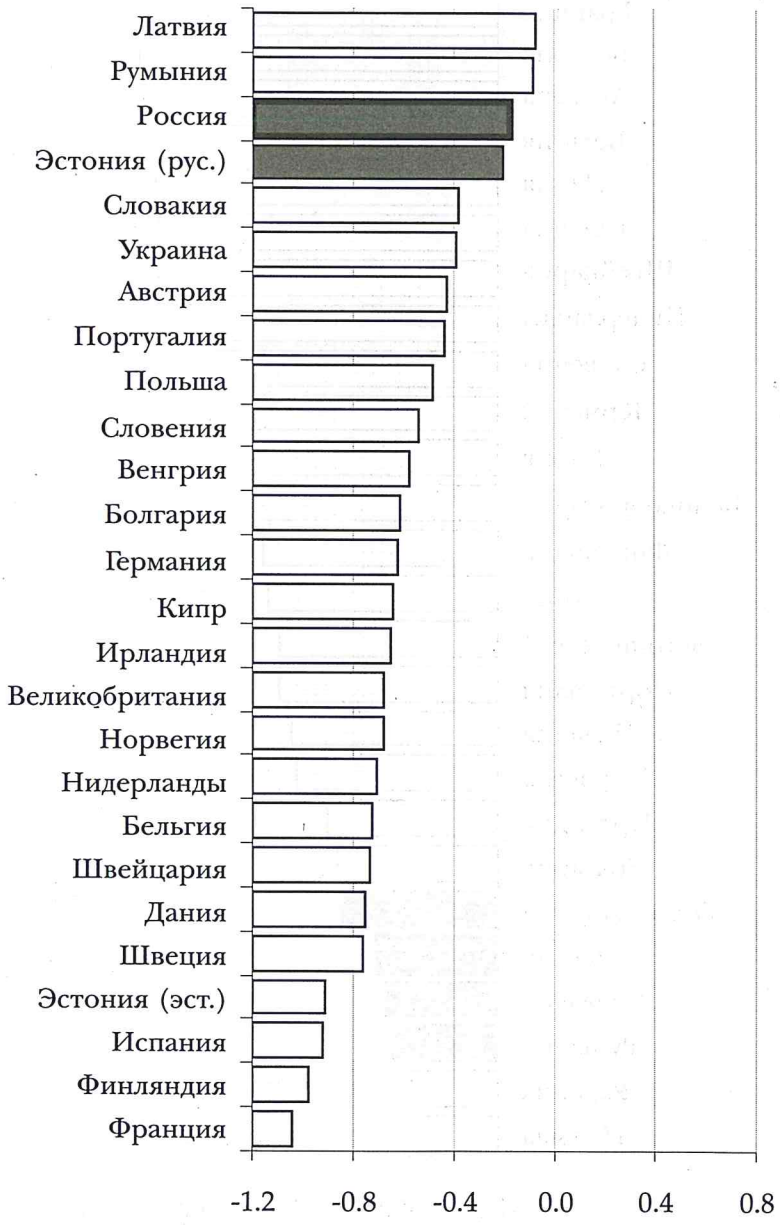
Средние значения ценностного индекса «Гедонизм» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.6

Средние значения ценностного индекса «Самоутверждение» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

График 1.7

Средние значения ценностного индекса «Забота о людях и природе» в 25 европейских странах

Статистически значимые различия с Россией отсутствуют.

На основе попарных сравнений российского населения с населением других стран можно сделать следующие выводы:

I. По ценностям, относящимся к *Открытости изменениям* и *Сохранению*:

Россия превосходит большинство стран по выраженности ценностного индекса *Безопасность*, входящего в категорию *Сохранение*, но занимает среднее положение по выраженности ценностей *Традиции–Конформности*, входящих в ту же категорию. По выраженности ценностей, входящих в категорию *Открытость изменениям*, Россия, наоборот, уступает большинству стран (см. графики 1.3–1.5, на которых показаны ценности *Самостоятельность*, *Гедонизм* и *Риск–Новизна*)[17].

Отмеченные тенденции подтверждаются и при сравнении ответов респондентов на отдельные вопросы анкеты (ценностей «первого уровня»)[18]. Если возьмем компоненты индекса *Безопасность*, то увидим, что россияне чаще остальных отмечают свое сходство с человеком, для которого «важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность» (Россия опережает все страны, нет отличий от Болгарии, Украины и русскоязычной части Эстонии), и чтобы сам он мог «жить в безопасном окружении» (Россия опережает все страны, кроме Венгрии, нет отличий от 9 стран, в том числе от обеих частей эстонской выборки).

Если взять составляющие индекса *Конформность – Традиция*, то средние ответы россиян на отдельные вопросы анкеты тоже ведут себя аналогично «поведению» суммарного индекса: россияне оказываются в середине европейского диапазона по оценкам своего сходства с человеком, который «убежден, что люди должны делать то, что им говорят», «ценит традиции», считает, что «важно быть простым и скромным» и «вести себя правильно». По оценкам своей близости ко всем этим портретам средний россиянин находится в середине европейского диапазона и не отличается от представителей многих других стран (по ответам на разные вопросы число стран, с которыми у России нет значимых отличий, колеблется в диапазоне от 7 до 14).

Если взять компоненты индексов *Самостоятельность*, *Риск–Новизна* и *Гедонизм*, то их средние значения тоже находятся у нижнего края европейской шкалы, что полностью соответствует положению России среди европейских стран по средним значениям самих этих индексов[19].

---

[17] Вывод о слабой выраженности *Самостоятельности* согласуется с полученными ранее данными об устойчиво низкой (в сравнении с развитыми капиталистическими странами) выраженности инициативности в трудовых ценностях россиян, см.: [Магун, 2006].

[18] Ответы респондентов на отдельные вопросы анкеты были центрированы – по той же причине и по той же схеме, что и ценностные индексы «второго уровня».

[19] Небольшое расхождение между компонентами одного и того же индекса «второго уровня» можно заметить только для составляющих индекса *Риск-Новизна*. По важности «новизны» («Ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия...») россияне имеют наиболее низкие значения, не отличаясь лишь от средних представителей Украины и русскоязычного населения Эстонии, а по важности «риска» («Он ищет приключений и ему нравится рисковать...») средний россиянин имеет средне-низкие значения, опережая Венгрию, Румынию и Испанию и не отличается от 8 стран и русскоязычных эстонцев.

По всем индексам «второго уровня», относящимся к категориям «Открытость изменениям» и «Сохранение», средние российские оценки всякий раз оказываются неотличимы от значительного числа других стран, что указывает на заметную степень общности между россиянами и другими европейцами по этой группе ценностей.

II. По ценностям, относящимся к *Заботе о людях и природе* и *Самоутверждению:*

Россия занимает крайние или близкие к краям позиции по средней выраженности обоих этих ценностных индексов (графики 1.6–1.7). Ценность *Самоутверждение* выражена у россиян сильнее, чем у жителей большинства других рассматриваемых стран, а ценность *Забота* выражена, наоборот, слабее, чем в большинстве других стран. Вывод о высоком значении индекса *Самоутверждения*, в состав которого входит, в частности, ценность богатства, согласуется с тем фактом, что на всем протяжении 1990-х годов по показателю «материализма» и близким к нему ценностным индикаторам, разработанным Р. Инглхартом, Россия устойчиво находилась в числе мировых лидеров [Андреенкова, 1994, Inglehart 1997, Inglehart, Baker, 2000]. Он согласуется также и с выводом о дальнейшем усилении «материалистической» мотивации россиян в 2000-е годы [Магун, 2006].

Для проверки результатов этих сравнений мы снова обратились к ответам респондентов на те вопросы анкеты, из которых были составлены соответствующие ценностные индексы. И снова мы увидели, что положение среднего россиянина в диапазоне европейских стран почти по всем (по 8 из 9) составляющим индексов *Заботы* и *Самоутверждения* соответствуют положению россиян по самим этим индексам. Это подтверждает правомерность предпринятых межстрановых сравнений.

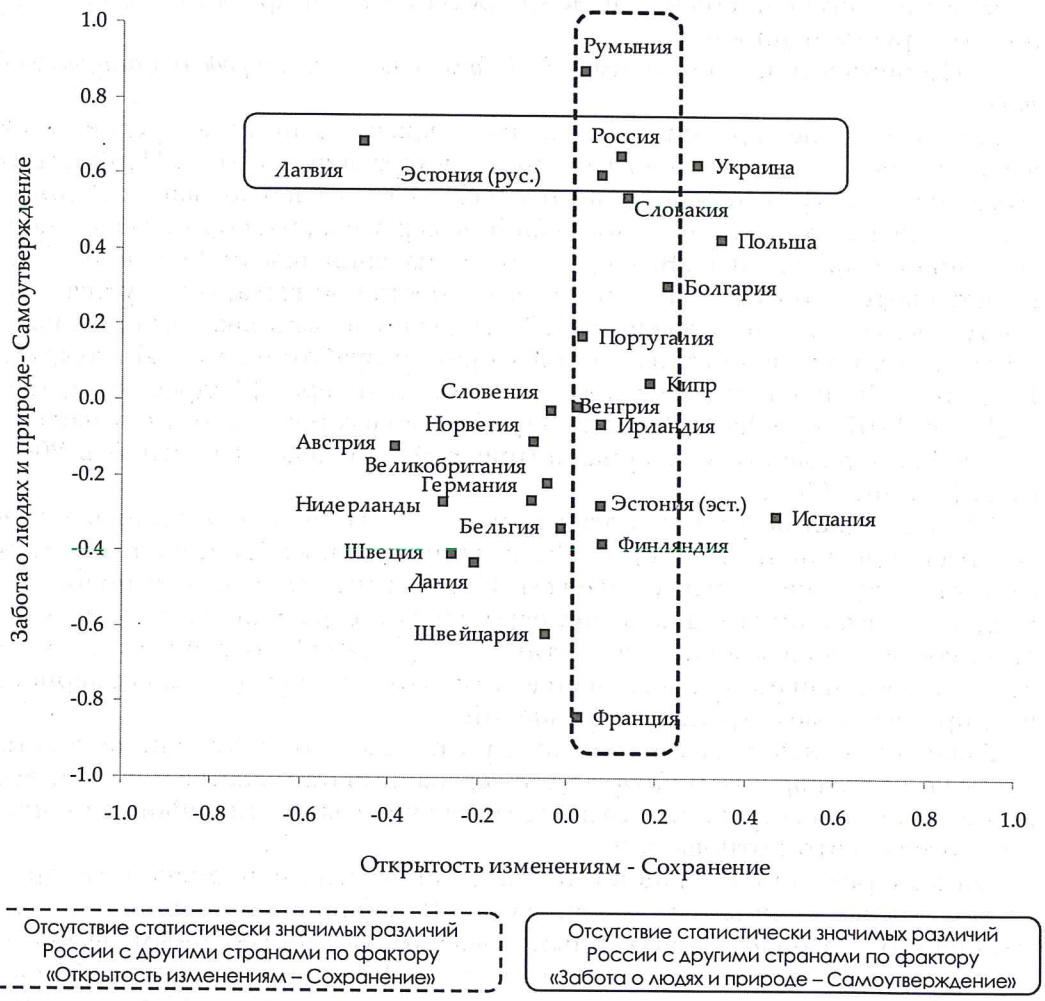
Важно отметить также, что средние российские показатели по ценностям *Забота о людях и природе* и *Самоутверждение* значимо отличаются почти от всех рассматриваемых стран, что указывает на значительную специфику сегодняшней России в этом отношении.

Описав результаты сравнений по 7 ценностным индексам «второго уровня», построенным по алгоритмам Ш. Шварца, перейдем теперь к сравнениям по более укрупненным показателям, построенным на основе осуществленного нами и описанного выше факторного анализа. ***Факторные ценностные индексы*** относятся к наиболее высокому (четвертому) уровню интеграции ценностных характеристик, и их использование позволит дать более целостную характеристику российского населения (см. график 2).

На графике 2 показано положение России и 24 других европейских стран в пространстве двух ценностных факторов. При движении по горизонтальной оси меняются средние показатели стран по фактору *Открытость изменениям — Сохранение*: чем правее на графике расположена точка, тем более значимы для населения соответствующей страны ценности *Сохранения* и менее значимы ценности *Открытости изменениям*. При движении по вертикальной оси меняются показатели по фактору *Забота о людях и природе — Самоутверждение*: чем выше на графике расположена точка, тем более значимы для населения соответствующей страны ценности *Самоутверждения* и менее значимы ценности *Заботы о людях и природе*.

График 2

Положение 25 европейских стран в пространстве двух ценностных факторов, средние оценки по странам

Отсутствие статистически значимых различий России с другими странами по фактору «Открытость изменениям – Сохранение»

Отсутствие статистически значимых различий России с другими странами по фактору «Забота о людях и природе – Самоутверждение»

Как видим, Россия занимает по вертикали почти крайне верхнее положение, а по горизонтали — срединное. Иными словами, *население России (если сравнивать его с населением других стран на основе средних величин) характеризуется срединным положением по ценностной оси «Открытость изменениям – Сохранение» и одной из самых высоких ориентаций на ценности «Самоутверждения» (в ущерб ценностям – «Заботы о людях и природе»).*

При этом по выраженности параметра «*Открытость изменениям — Сохранение*» средний россиянин похож на представителей большого числа других стран — российская средняя по этому ценностному фактору не дает статистически значимых отличий от средних оценок 10 других стран! По степени выраженности ценностей *Открытости—Сохранения* россияне попадают в одну

категорию с очень разными странами: с Болгарией, Кипром, Францией, Финляндией, Венгрией, Ирландией, Португалией, Румынией, Словакией и Эстонией (включая и русскоговорящих, и титульный этнос).

Что же касается ценностей *Заботы — Самоутверждения*, то в этом отношении средний россиянин гораздо более своеобразен — только с русскоговорящими жителями Эстонии, населением Латвии и Украины у России нет статистически значимых различий[20].

На первый взгляд, кажется неожиданным, что по фактору *Открытость – Сохранение* Россия занимает срединное положение: исходя из крайне высоких оценок России по *Безопасности* и крайне низких — по *Самостоятельности, Риску–Новизне* и *Гедонизму* (т.е. по основным компонентам *Открытости — Сохранения*) можно было бы ожидать, что ее оценки по данному показателю будут резко сдвинуты в сторону *Сохранения*. Понять это кажущееся противоречие помогает описанная выше полная структура фактора, о котором идет речь. Напомним, что в рамках данного фактора *Сохранение* оказалось сопряжено с *Заботой о людях и природе*, т.е. с категорией ценностей, значимость которых для россиян ниже, чем в большинстве других стран, и именно эти низкие значения и «нейтрализовали» высокую значимость ценностей *Сохранения*. На другом же полюсе *Открытость изменениям* сопряжена, как показал тот же факторный анализ, с ценностями *Самоутверждения*, и благодаря этому сильно выраженное у россиян *Самоутверждение* «нейтрализовало» слабо выраженную *Открытость изменениям*. Эти процессы и обеспечили сдвиги российской средней оценки по рассматриваемому фактору в сторону срединных значений.

Таким образом, ценностная характеристика населения России, полученная на основе межстранового сравнения факторов, согласуется с той, что была дана выше на основе сравнения 7 ценностных индексов «второго уровня», но позволяет выразить ее в более интегральном виде. Полезным оказалось выделение интегральных характеристик именно с помощью факторного анализа: благодаря большей сложности этих интегральных характеристик выявилось срединное положение россиян по одному из двух ценностных факторов и их сходство с населением значительного числа европейских стран.

Итак, по итогам всех описанных в этом разделе ценностных сопоставлений можно представить сегодняшнего среднего россиянина, как человека, для которого, в сравнении с жителями большинства других европейских стран, включенных в исследование, характерна более высокая осторожность (или даже страх) и более выраженная потребность в защите со стороны сильного государства; у него слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и ему менее свойственна склонность к риску, стремление к веселью и удовольствиям. Сходная выраженность перечисленных ценностей характерна и для представителей ряда других европейских стран, причем не только постсоциалистических.

В то же время средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большин-

---

[20] Все описанные сравнения средних по интегральным ценностным факторам осуществлялись с помощью процедуры ANOVA, применялся критерий Тамхена, $p<0,05$.

ства европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. В связи с этим в его сознании меньше, чем у представителей других стран, остается места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает (более низкие значения *Заботы*). В рассматриваемом массиве оказалось немного стран близких к России по степени выраженности этих ценностей.

Обратим внимание, что сильное стремление к личному успеху и богатству не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения — люди мечтают об успехе, который бы достигался малой ценой[21].

Приведенная выше характеристика близка к той, что мы по итогам предыдущего раунда опросов дали обобщенному представителю Украины [Магун, Руднев, 2007], но отличие среднего россиянина — в несколько меньшей конформности и в меньшем акценте на скромность и следование традициям, а кроме того — в менее выраженной, чем у украинцев, ориентации на равенство и толерантность в подходе к людям. Как и средний россиянин, средний украинец меньше отличается от представителей других стран по ценностному фактору «Открытость изменениям — Сохранение», нежели по ценностному фактору «Забота о людях и природе — Самоутверждение», но у россиян степень общности в этом отношении с другими европейцами еще выше.

Публицисты, ученые и общественные деятели выражают сегодня серьезную озабоченность низким уровнем альтруистических, солидаристских ценностей в российском обществе и, наоборот, гипертрофированностью индивидуалистических ориентаций. Часто бывает, что активность моральной критики не связана с реальным состоянием массовых нравов и ориентаций, но в данном случае это не так: результаты нашего исследования подтверждают, что проблема, действительно, существует. Сравнение России с другими европейскими странами явно свидетельствует, что у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им «эгоистических» ценностей[22].

При сломе советской патерналистской системы государство полностью переложило свои социальные обязательства на плечи отдельного человека,

---

[21] Этот вывод совпадает с результатами исследования трудовых ценностей россиян, см.: [Магун, 1995, 2006].

[22] Важно подчеркнуть, что речь идет о крайне сильной выраженности не всех индивидуалистических ценностей, а только ценностей *Самоутверждения*, которые наиболее явно связаны с конкуренцией между людьми («игрой с нулевой суммой») и потому наиболее явно противостоят ценностям *Заботы о людях и природе*. Другие индивидуалистические ценности — *Гедонизм* («хорошо проводить время», «баловать себя», «делать то, что доставляет удовольствие» и т.п.) и *Самостоятельность* («самому принимать решения», «все делать своим оригинальным образом» и т.п.) — наоборот, как показано выше, выражены у россиян пока слабее, чем у большинства других европейцев.

и это привело к росту индивидуализма как чувства личной ответственности индивида за свое благополучие и благополучие своей семьи [Кессельман, Мацкевич, 2001, Лапин, 2003]. Одновременно с этим, в силу отказа от коммунистической идеологии, поменялись и моральные приоритеты: следование личному интересу и участие в конкуренции перешли из разряда осуждаемых в категорию одобряемых ценностей, а забота о благе окружающих, наоборот, потеряла былой нравственный ореол [Магун, 1994]. Тот факт, что сегодня Россия по показателю «Заботы – Самоутверждения» опережает почти все остальные страны – симптом того, что сдвиг российского общества в сторону конкурентных ценностей индивидуального успеха, власти и богатства был чрезмерным, и установившийся сегодня в обществе баланс между ценностями конкурентного индивидуализма и солидарности не является оптимальным.

По-иному соотносятся с обыденными представлениями результаты эмпирической диагностики ценностей, относящихся к категориям *Открытости изменениям* и *Сохранения*. Сегодняшние эмпирические данные *не подтверждают* приписываемой «русскому национальному характеру» склонности к покорности и послушанию, равно как и стремление следовать обычаям и традициям. Кроме того, в отношении всей этой группы столь существенных для развития страны ценностей не подтверждается и представление об уникальности, «особости» российского общества. По каждому из пяти относящихся сюда ценностных индексов и тем более по ценностному фактору *Открытости изменениям – Сохранения* средний россиянин не отличается от представителей целого ряда других европейских стран, демонстрируя общность России не только с постсоциалистическими, но и с некоторыми развитыми капиталистическими странами.

Сравнение среднего россиянина со «средними» представителями других стран по ценностным профилям

Описанные выше сравнения осуществлялись по каждому ценностному показателю в отдельности. А в какой степени совпадают или отличаются *соотношения* между разными ценностями – ***ценностные профили***, или ***иерархии ценностей***?

На графике 3 приведены ценностные профили населения России и нескольких других стран-участниц исследования, построенные на основе 7 ценностей «второго уровня». Из рисунка видно, что для населения России наиболее значима ценность *Безопасности*, на втором месте *Забота о людях и природе*, на третьем месте – *Самостоятельность*, на четвертом – *Конформность – Традиция*. Средние значения всех этих ценностей – положительны, т.е. их значимость выше общероссийской средней по всем 7 ценностям (эта средняя для центрированных показателей равна нулю).

На пятом месте стоит *Самоутверждение*, а на шестом и седьмом местах – ценности *Гедонизма* и *Риска–Новизны*. Средние величины этих трех ценностей отрицательны: это означает, что в целом, в сравнении с общероссийской средней по всем 7 ценностям, россияне придают им меньшее значение.

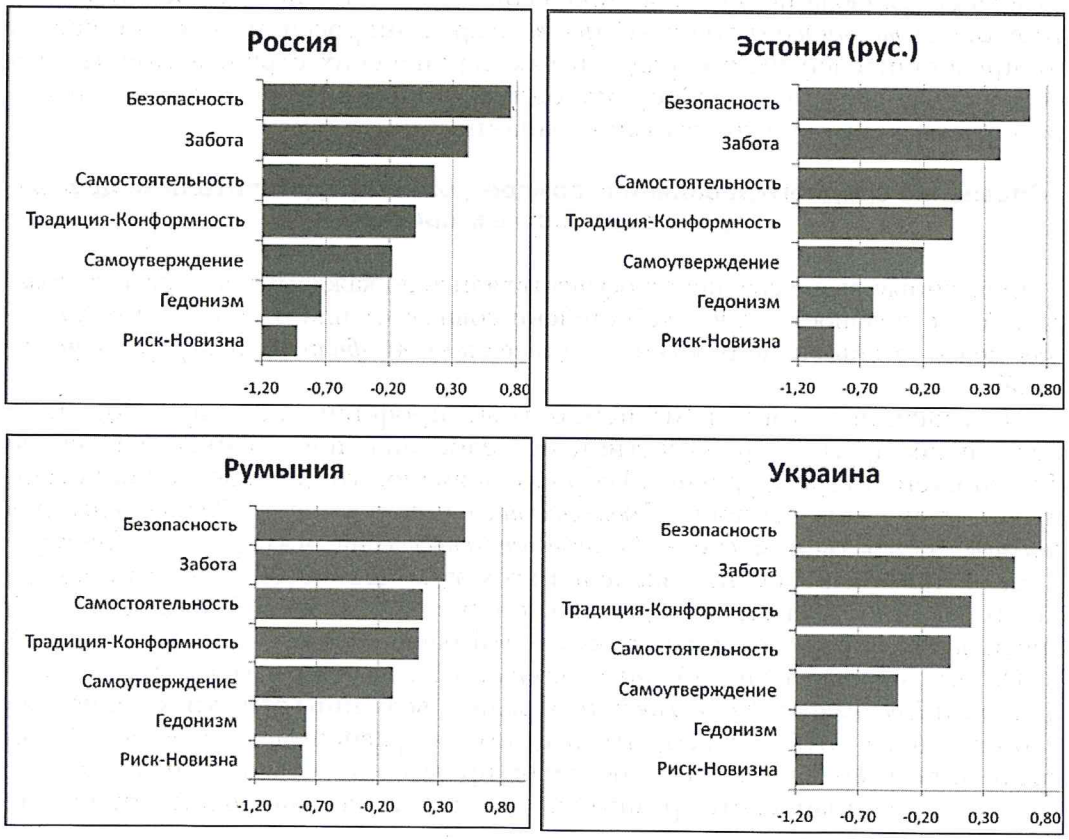
Обратим внимание, что сравнительная значимость одной ценности относи-

тельно других ценностей *внутри страны* часто не совпадает с ее сравнительной важностью относительно *других стран*. Иными словами, иерархическое положение ценности в какой-либо стране не эквивалентно ее «географическому» положению. Как видно из российского профиля (график 3), для среднего россиянина *Забота о людях и природе* более важна, чем *Самоутверждение*, но *в сравнении с другими странами* ценности *Заботы* выражены в России, наоборот, слабее, а ценности *Самоутверждения* – сильнее (см. графики 1,7 и 1.6). (С последним обстоятельством связаны различия в *степени* приоритетности ценностей в разных странах. В частности, *Забота* важнее *Самоутверждения* не только для россиян, но и для жителей всех европейских стран. Но если сравнить ценностные профили разных стран, то бросается в глаза, что, например, в Дании и Швеции, тоже представленных на графике 3, первая ценность превосходит вторую гораздо сильнее, чем в России.)

Для сравнения с Россией были выбраны страны, чьи профили, судя по коэффициентам ранговой корреляции, особенно близки либо, наоборот, наи-

График 3

Иерархии ценностей «второго уровня» у населения России, Эстонии, Румынии, Украины, Словакии, Франции, Дании и Швеции (средние по стране значения 7 ценностных индексов, упорядоченные по убыванию)

более далеки от российского. Так, коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между ценностными профилями среднего россиянина и профилями тех, кто особенно похож на него, достигают 1 (с русскоговорящим населением Эстонии), 0,98 (с населением Румынии), 0,96 (с населением Кипра и Украины), 0,95 (с жителями Словакии); все перечисленные ко-

эффициенты значимы при $p<0,001$. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между профилем среднего россиянина и профилями тех, кто на него наименее похож, заметно ниже и равны 0,49 (с датчанами), 0,54 (со шведами), 0,77 (с французами); при $p<0,05$ эти коэффициенты статистически незначимы. Коэффициент Спирмена между средним россиянином и средним представителем титульного этноса Эстонии равен 0,84 (статистически значим при $p<0,05$). В целом, как видим, даже ценностные профили, самые непохожие на российский, достаточно близки к нему. Об этом свидетельствуют положительные знаки всех коэффициентов корреляции между российским ценностным профилем и профилями других европейских стран. (В принципе этот коэффициент может принимать и отрицательные значения, вплоть до -1; в данном же случае он варьируется от 0,49 до 1, причем большинство коэффициентов статистически значимы при $p<0,05$ или при более строгом уровне значимости[23].)

В сравнениях, описанных выше, каждая страна была представлена одним значением той или иной ценности, и мы намеренно игнорировали *внутри*страновые различия между индивидами, создавая в то же время благоприятные условия для обнаружения *меж*страновых различий. И даже при таком методе сравнения удалось выявить *сходства* между странами и по 7 индексам, и по двум ценностным факторам, и по ценностным профилям. По-видимому, эти сходства еще усилятся при переходе от агрегированного (странового) анализа данных к анализу на уровне отдельных индивидов.

«Деконструкция стран», или типология респондентов без учета их страновой принадлежности

В сравнениях и классификациях, описанных в предыдущих разделах, в качестве единиц анализа выступали агрегированные объекты — целые страны, мы принимали как само собой разумеющееся, что ценности отдельных респондентов, отвечавших на вопросы анкеты, определяются страной, в которой они живут. Откажемся теперь от этой «страновой презумции» и классифицируем отдельных участников исследования как самостоятельные единицы, не связывая их с самого начала определенной страновой идентичностью. При таком подходе люди совсем не обязательно объединятся между собой по страновому принципу. Попытка именно такой классификации с использованием кластерного анализа (по методу k-средних) и была нами предпринята.

За единицу анализа был взят отдельный респондент, и статистический алгоритм распределял людей по кластерам только на основании их ответов на 21 исходный ценностный вопрос (т.е. на основании ценностей «первого уровня», которые были предварительно центрированы) безотносительно

[23] Положительно и, как правило, статистически значимо коррелируют между собой также все ценностные профили 56 стран, рассматриваемых Шварцем и Барди [Schwartz, Bardi, 2001].

страны проживания. Мы остановились на типологии, состоящей из 4 кластеров, поскольку в этом случае они были относительно равномерно наполнены и, кроме того, различия между ними хорошо описывались в терминах интегральных ценностных факторов. В кластере I оказалось 8293 (18%), в кластере II – 16 058 (35%), в кластере III – 11 078 (24%) и в кластере IV – 10 299 (23%) респондентов[24].

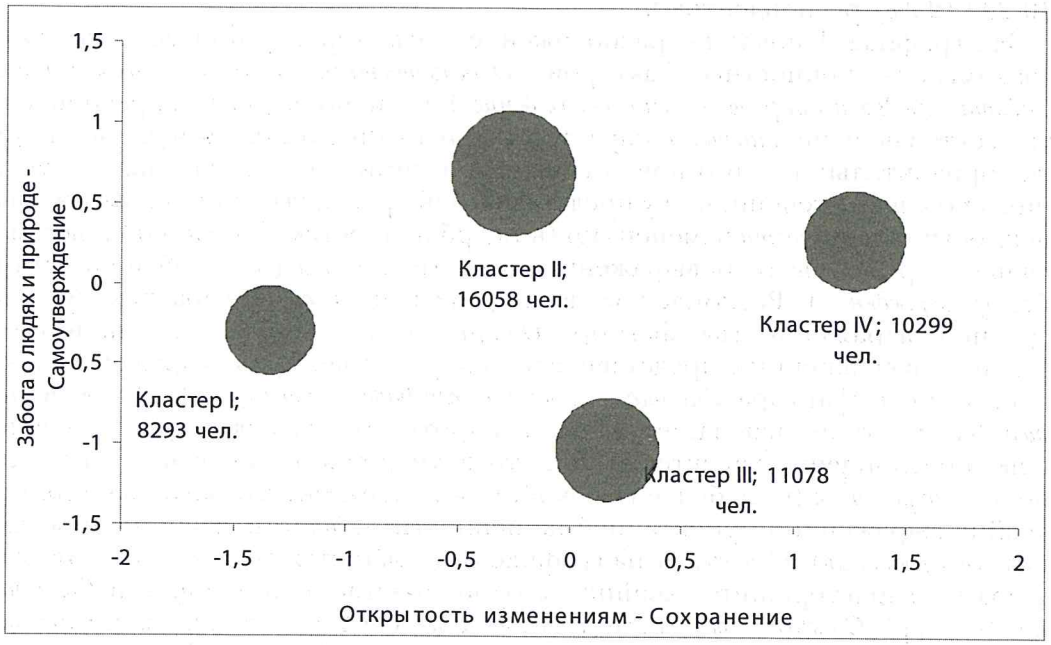
На графике 4 показано расположение 4 кластеров в пространстве уже знакомых нам ценностных факторов – *Открытость изменениям – Сохранение* и *Забота о людях и природе – Самоутверждение*. Как видно из рисунка, респонденты, составляющие *кластер I*, характеризуются самыми низкими значениями по горизонтальной оси и почти самыми низкими – по вертикальной, т.е. у них в большей степени, чем у представителей трех других типов, выражены ценности *Открытости* изменениям (в ущерб ценностям *Сохранения*) и весьма сильно (средне-высоко) выражены ценности *Заботы* (в ущерб ценностям *Самоутверждения*). Респонденты, вошедшие в *кластер II*, характеризуются средней выраженностью фактора *Открытость – Сохранение* и наиболее сильной, в сравнении с представителями других кластеров, выраженностью ценностного фактора *Забота о людях и природе – Самоутверждение*. *Кластер III* на рисунке располагается почти напротив второго кластера, входящие в него респонденты характеризуются тоже умеренной ориентацией на ценности *Сохранения* (чуть более высокой, чем контингент второго кластера) и крайне выраженной ориентацией на ценности *Заботы* (в ущерб ценностям *Самоутверждения*). *Кластер IV* на графике располагается по диагонали от кластера I и характеризуется крайне высокой значимостью ценностей *Сохранения* (в ущерб *Открытости изменениям*), а также средне-высокой значимостью ценностей *Самоутверждения* (в ущерб ценностям *Заботы*). Таким образом получилось, что 4 кластера располагаются в пространстве ценностных факторов приблизительно в вершинах ромба: у каждого кластера один из двух факторов выражен в крайней (в наибольшей или наименьшей по сравнению с другими кластерами) степени, а другой фактор выражен у двух кластеров в средней степени (это фактор *Открытость изменениям – Сохранение*), а у двух других – в средне-низкой или средне-высокой степени (это фактор *Забота о людях и природе – Самоутверждение*). Диагонали ромба приблизительно соответствуют направлению двух ценностных осей, причем более длинная диагональ вытянута вдоль оси *Открытость–Сохранение*.

Как уже говорилось, при распределении респондентов по кластерам учитывались только их ответы на 21 ценностный вопрос анкеты, а страновая принадлежность во внимание не принималась. Но теперь посмотрим: есть

[24] У метода k-средних существует определенный недостаток – его результаты могут зависеть от сортировки исходного массива данных. Чтобы проверить устойчивость наших результатов, был проведен специальный эксперимент, в котором массив несколько раз подвергали сортировке по случайным переменным, после чего проводили процедуру кластерного анализа. При этом центры кластеров несколько смещались, и респонденты перемещались из кластера в кластер, но принципиальные результаты анализа при разных сортировках оказались устойчивыми. Полученные при разных сортировках кластеры оказались очень близки – как в пространстве двух ценностных факторов, так и по средним значениям 7 ценностных индексов «второго уровня».

График 4

Положение четырех кластеров, выделенных путем классификации респондентов, в пространстве ценностных факторов (Положение кластера определяется средними оценками входящих в него респондентов; размер «пузырьков» пропорционален количеству респондентов в каждом из кластеров)

ли какая-то закономерность в том, как распределились по кластерам жители различных стран? Ответ на этот вопрос содержится в табл. 4, где приведены доли населения каждой страны, оказавшиеся в том или ином кластере.

Как видно из этой таблицы, *в каждом из 4 кластеров есть представители всех стран и наоборот — жители каждой из 25 стран представлены во всех кластерах.* При этом в каждом из кластеров есть страны-лидеры и страны-аутсайдеры, т.е. такие, которые «вносят» в состав данного кластера соответственно наибольшую или наименьшую (в сравнении с другими странами) долю своего населения.

В *кластере 1*, члены которого, напомним, в среднем характеризуются крайне высокой ценностью *Открытости* и средне-высокой ценностью *Заботы о людях и природе,* лидируют Австрия, Дания, Нидерланды, Швеция и Латвия — они «вносят» в состав кластера не менее четверти своего населения, а наименьший вклад вносят четыре постсоциалистических страны (Польша, Румыния, Словакия и Украина), а также Испания, взнос каждой из них — не более 10% населения. В целом в данном кластере оказалось 18% всей выборки, он по численности наименьший среди четырех[25]. В *класте-*

[25] В этом и во всех остальных кластерах доли стран-лидеров статистически значимо отличаются от долей стран-аутсайдеров (при $p<0,05$ или при более строгом уровне значимости).

Таблица 4

Распределение населения 25 стран по кластерам, построенным путем классификации респондентов на основе их ценностей, % по строке*

Страна	Кластер I: Крайне высокая ценность «Открытости» и средне-высокая ценность «Заботы о людях и природе»	Кластер II: Срединное положение по ценностному фактору «Открытость — Сохранение» и крайне высокая ценность «Самоутверждения»	Кластер III: Срединное положение по ценностному фактору «Открытость — Сохранение» и крайне высокая ценность «Заботы о людях и природе»	Кластер IV: Крайне высокая ценность «Сохранения» и средне-высокая ценность «Самоутверждения»	Число респондентов
Австрия	34**	30	24	***13***	2383
Бельгия	20	29	***36***	16	1797
Болгария	15	38	13	33	1355
Великобритания	22	28	29	21	2361
Венгрия	17	36	31	16	1475
Германия	21	30	30	19	2889
Дания	25	28	32	15	1465
Ирландия	18	33	24	25	1670
Испания	***8***	***24***	36	32	1859
Кипр	13	38	24	25	995
Латвия	25	55	***8***	***13***	1940
Нидерланды	26	33	30	***11***	1861
Норвегия	21	31	21	26	1552
Польша	***9***	44	***9***	39	1706
Португалия	13	47	16	24	2212
РОССИЯ	17	43	***5***	35	2399
Румыния	***10***	60	***3***	27	2109
Словакия	***10***	52	***8***	31	1745
Словения	20	38	25	17	1466
Украина	***9***	42	***8***	40	1971
Финляндия	19	***23***	36	22	1653
Франция	16	***16***	55	***14***	1984
Швейцария	20	***21***	46	***13***	1798
Швеция	24	26	38	***12***	1604
Эстония (р.)	14	44	10	31	528
Эстония (э.)	17	***24***	34	25	951
Всего	18	35	24	23	45728

* В кластерный анализ не включались респонденты с большим числом неответов (те, кто не ответил больше, чем на половину вопросов).

**Крупным шрифтом и подчеркиванием выделены доли стран—лидеров данного кластера, курсивом — доли стран—аутсайдеров данного кластера.

ре II, участники которого, напомним, занимают срединное положение по оси *Открытость – Сохранение* и у которых крайне высока ценность «Самоутверждения», лидеры и аутсайдеры частично поменялись местами: лидируют как раз постсоциалистические Латвия, Румыния и Словакия (каждая из них «вносит» в состав кластера более половины своего населения!), а наименьший вклад (не более четверти своей численности) вносят Испания, Финляндия, Франция, Швейцария и титульное население Эстонии (в целом данный кластер самый большой, в нем оказалось 35% всей выборки). Участники *кластера III*, как было показано выше, характеризуются срединным положением по оси *Открытость – Сохранение* и крайне высокой ценностью *Заботы*. Лидируют в нем Бельгия, Испания, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция («вносят» от 36 до 55% своего населения), а наименьший вклад снова вносят шесть постсоциалистических стран (четыре из них совпадают с аутсайдерами первого кластера) – Латвия, Польша, Россия, Румыния, Словакия и Украина (вклад каждой из них – менее 10% своего населения). Этот кластер средний по численности, в нем оказалась около четверти всей выборки. Примерно таков же по размеру и последний, четвертый *кластер*, в котором оказались респонденты, характеризующиеся крайне высокой ценностью *Сохранения* и средне-высокой ценностью *Самоутверждения*. Лидируют в нем три постсоциалистические страны: Польша, Россия и Украина. Эти страны вносят в состав кластера 35–40% своего населения, а наименее представлены – Австрия, Латвия, Нидерланды, Франция, Швейцария и Швеция (вклад каждой – от 11 до 14% населения).

Итак, в составе каждого кластера представлены жители всех стран, но представлены неравномерно: одни «вносят» в состав кластера очень заметную долю своего населения, а другие – совсем небольшую.

Примечательно, что полярными по величине этих вкладов в каждом кластере оказываются всякий раз одни и те же категории стран, а именно – постсоциалистические и «старые» капиталистические страны, причем представители каждой из этих категорий поочередно выступают то в роли лидера, то в роли аутсайдера.

И точно так же, как внутри каждого кластера неравномерно представлены доли разных стран, каждая страна неравномерно «вкладывается» в разные кластеры. Примечательно, что особенно резко эта неравномерность вкладов в разные кластеры выражена как раз у постсоциалистических стран: у каждой из них есть два крупных вклада (в большинстве случаев – во второй и четвертый кластеры) и два – заметно меньших по величине (как правило, в первый и третий кластеры).

Подобная неравномерность характерна и для России. Большинство (почти 80%) россиян попадают во второй (43%) и четвертый (35%) кластеры, в которых лидируют постсоциалистические страны, но в то же время в России есть и меньшинство. Оно хотя и разделяет ценности для россиян нетипичные, все же весьма значительно по численности: каждый шестой россиянин (17% российской выборки) входит в первый ценностный кластер и еще 5% – в третий, в обоих этих кластерах тон задают представители старых капиталистических стран.

Посмотрим теперь, что представляют собой эти четыре типа россиян с точки зрения ценностей. Напомним, что если смотреть на российское население в среднем, без деления на кластеры, то оно, в сравнении с населением других стран, характеризуется срединным положением по фактору *Открытости—Сохранения* и крайне высокими значениями фактора *Забота о людях и природе — Самоутверждение* (см. график 2). Именно такое сочетание ценностей характерно для второго кластера, куда как раз и попадает самая большая часть (почти половина) россиян — эти люди воплощают то, что можно было бы назвать сегодняшней модальной российской личностью. Еще около трети (35%) россиян (их можно назвать «вторым большинством») вошли в четвертый кластер и характеризуются крайне высокой выраженностью ценностей *Сохранения* и средне-высокой выраженностью *Самоутверждения*. Таким образом, *российское большинство принадлежит к тем ценностным типам, которые отличаются более сильными, чем представители других ценностных кластеров, ориентациями на ценности Самоутверждения (в ущерб ценностям Заботы о людях и природе). На оси Открытость изменениям – Сохранение одна часть этого большинства характеризуется срединным положением, а другая – крайне сильной выраженностью ценностей Сохранения (в ущерб Открытости изменениям).* Что определенно *не* характерно для этого большинства, так это опережение представителей других ценностных типов по ориентации на ценности *Заботы* и *Открытости изменениям*.

Но именно эти ценности характерны для двух других «фракций» российского общества — «меньшинств», оказавшихся в составе первого и третьего кластеров. Так, 17% россиян, оказавшихся в составе первого кластера, характеризуются самой высокой, в сравнении с другими ценностными типами, ориентацией на *Открытость изменениям* (в ущерб *Сохранению*) и средне-высокой ориентацией на *Заботу* (в ущерб *Самоутверждению*)[26]. И еще для 5% россиян, оказавшихся в составе третьего кластера, характерно обратное сочетание — срединное положение на оси *Открытость — Сохранение* и крайне высокая, в сравнении с другими ценностными типами, ценность *Заботы о людях и природе*.

Таким образом, благодаря переходу со странового на индивидуальный уровень анализа и построению классификации отдельных респондентов, удалось, во-первых, расщепить образ «среднего россиянина» и показать, что в составе *российского большинства* имеется два ценностных подтипа. И во-вторых, удалось обнаружить две группы *ценностных меньшинств*, которые радикально отличаются по своим ценностям от доминирующих в России

[26] Эта характеристика первого кластера ярко выражается в его ценностном профиле, который резко отличается от профилей других кластеров и российского населения в целом. Достаточно сказать, что в этом кластере первое место занимает *Самостоятельность*, далее идет *Гедонизм*, третье-четвертое места делят *Риск–Новизна* и *Забота*. *Безопасность* же оказалась в нижней половине иерархии, где также находятся Самоутверждение и *Конформность–Традиция*. Напомним (см. график 3), что в общероссийской выборке иерархия ценностей была совершенно иной: первое место занимала именно *Безопасность*, *Самостоятельность* располагалась только на третьем месте, а *Гедонизм* и *Риск–Новизна* и вовсе «довольствовались» двумя последними местами в иерархии.

ценностных типов, но к которым тем не менее принадлежит каждый пятый россиянин[27].

Влияние страны проживания и социально-демографического состава населения на базовые ценности: результаты множественного регрессионного анализа

Первый вопрос, который возникает при поиске объяснений описанных выше ценностных отличий между Россией и другими странами — не вызваны ли эти отличия разницей в социально-демографическом составе населения разных стран? Например, тем, что в какой-то стране население старше, чем в России, или воспитывалось более образованными родителями? Чтобы ответить на этот вопрос, мы постараемся с помощью регрессионного анализа «очистить» обнаруженные ранее страновые влияния от воздействия социально-демографических переменных, а также сопоставить страновые и социально-демографические влияния по их силе.

В табл. 4 приведены коэффициенты уравнений линейной регрессии[28], в которых в качестве зависимых переменных используются два наиболее интегральных ценностных показателя — факторы *Открытость изменениям – Сохранение* и *Забота о людях и природе – Самоутверждение*. В качестве *независимых* переменных в регрессии, кроме страновой принадлежности респондентов, включаем также те характеристики, связь которых с ценностями неоднократно обнаруживалась в предшествующих исследованиях — это пол, возраст, принадлежность к этническому меньшинству, характеристики родительской семьи (имел ли кто-либо из родителей респондента высшее образование? когда респонденту было 14 лет, был ли у него отец? каков был статус родителей, когда респонденту было 14 лет — имели ли отец и мать подчиненных? был ли кто-либо из родителей иммигрантом?). Все эти характеристики могут влиять на ценности респондента, но обратное влияние на них со стороны ценностей невозможно (эти переменные называют экзогенными)[29].

---

[27] Есть некоторые социально-демографические особенности этого ценностного меньшинства россиян. В целом это более активная и модернизированная часть населения. В первом и третьем кластерах больше мужчин, чем во втором и четвертом (51% против 39%, различия значимы при $p< 0,05$), оказавшиеся в них россияне более молоды (50% из них младше 30 лет, тогда как среди членов второго и четвертого кластеров таковых всего 23%, но зато там 63% респондентов старше 39 лет — против всего 35% в первом и третьем кластерах). Также можно отметить, что среди респондентов из второго и четвертого кластеров значимо бóльшая доля постоянно проживает в сельской местности, чем среди респондентов из первого и третьего кластеров (29% против 21%). Что касается профессиональной принадлежности, уровня образования, а также региона, в котором проживает респондент, то четких и последовательных различий между «меньшинством» и «большинством» пока обнаружить не удалось. Возможно, это свидетельствует об относительной равномерности распределения упомянутого меньшинства между регионами и социальными стратами.

[28] Строго говоря, исходные шкалы в анкете являются порядковыми, но при их анализе де-факто принимается допущение о линейности: именно на этом допущении построена процедура центрирования.

[29] Есть еще группа параметров — уровень образования респондента, тип поселения

Оба регрессионных уравнения статистически значимы, показатели R^2 для факторов *Сохранения* и *Самоутверждения* равны, соответственно 0,27 и 0,22.

Чтобы оценить влияние *страновой принадлежности*, в качестве контрольной группы было выбрано проживание респондента в России. Благодаря этому коэффициенты, характеризующие влияние различных стран, указывали на то, каким образом сказывается на ценностях изменение страновой принадлежности респондентов с российской на какую-либо другую. Из табл. 5 видно, что различия между Россией и остальными странами статистически значимо сказываются на индивидуальных значениях обоих ценностных факторов. Почти все коэффициенты регрессии, указывающие на влияние страны проживания, статистически значимы на высоком уровне ($p < 0,001$). Это означает, что *ценностные отличия между Россией и другими странами сохраняются и после выравнивания стран по социально-демографическим характеристикам их населения, т.е. они не сводятся к различиям в составе населения.*

Очищенные от влияний возраста, пола и некоторых характеристик родительской семьи влияния страновой принадлежности на *индивидуальные* значения ценностных факторов оказываются статистически значимыми заметно чаще, чем влияния страны проживания на *страновые* средние величины, выявленные с помощью процедуры ANOVA (см. ее результаты выше, на графике 2). Когда анализировались «неочищенные» (gross) влияния на средние величины ценностных факторов, то жители России довольно часто не имели статистически значимых различий с жителями тех или иных стран. Результаты же регрессионного анализа (при данном наборе независимых переменных) показывают, что подобные случаи являются редкостью — незначимых коэффициентов всего 4 из 50.

Коэффициенты регрессии свидетельствуют, что большинство стран характеризуются более низкими по сравнению с Россией значениями фактора *Открытость изменениям – Сохранение*, т.е. более сильной выраженностью *Открытости* и более слабой выраженностью ориентации на *Сохранение* (сейчас таких стран 18, а по «неочищенным» сравнениям их было только 11). Незначимые отличия по этому параметру остались у России только с 4 странами (Болгарией, Кипром, Словакией и Украиной) — в «неочищенных» сравнениях их было 10. И две страны — Испания и Польша по регрессионным коэффициентам также характеризуются большей ориентацией на *Сохранение*, как это было и при «неочищенных» сравнениях (до «очистки» в этой группе стран была еще и Украина). Таким образом, контроль социально-демографических переменных, осуществленный с помощью регрессионного анализа, показал, что отличия России по ценностям *Открытости изменениям — Сохранения* не объясняются ее отличиями в социально-демографическом составе населения. Наоборот, социально-демографические влияния умеряют свойственную

(городское/сельское), в котором он проживает, характеристика его профессионально-должностного положения, — которые тоже могут выступать причинами, влияющими на выраженность ценностей. Но по отношению к ним (пусть и с меньшей вероятностью) ценности и сами могут выступать в роли причин, и поэтому на данном этапе мы не включили эти параметры в регрессионный анализ.

Таблица 5

Коэффициенты линейной регрессии для двух регрессионных уравнений. Зависимые переменные – индивидуальные значения респондентов по двум ценностным факторам

	Зависимая переменная — индивидуальные значения ценностного фактора *Открытость изменениям — Сохранение*; R^2=0,27		Зависимая переменная — индивидуальные значения ценностного фактора *Забота о людях и природе — Самоутверждение*; R^2=0,22	
	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартизованные коэффициенты	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартизованные коэффициенты
	B	Бета	B	Бета
1	2	3	4	5
(Константа)	–0,66(0,03)		0,67(0,03)	
Мужской пол	–0,25(0,01)**	–0,13**	0,17(0,01)**	0,08**
Возраст респондента	0,02(0,00)**	0,43**	0,00(0,00)**	0,03**
Страна проживания *(Россия — контрольная группа)*				—
Страна проживания — Австрия	–0,49(0,03)**	–0,11**	–0,79(0,03)**	–0,18**
Страна проживания — Бельгия	–0,17(0,03)**	–0,03**	–0,99(0,03)**	–0,19**
Страна проживания — Болгария	–0,04(0,03)	–0,01	–0,38(0,03)**	–0,06**
Страна проживания — Швейцария	–0,30(0,03)**	–0,06**	–1,32(0,03)**	–0,25**
Страна проживания — Кипр	0,03(0,03)	–0,00	–0,64(0,03)**	–0,09**
Страна проживания — Германия	–0,30(0,02)**	–0,07**	–0,94(0,02)**	–0,23**
Страна проживания — Дания	–0,46(0,03)**	–0,08**	–1,11(0,03)**	–0,19**
Страна проживания — Испания	0,26(0,03)**	0,05**	–1,00(0,03)**	–0,20**
Страна проживания — Финляндия	–0,16(0,03)**	–0,03**	–1,06(0,03)**	–0,21**
Страна проживания — Франция	–0,15(0,03)**	–0,03**	–1,52(0,03)**	–0,31**
Страна проживания — Великобритания	–0,26(0,03)**	–0,06**	–0,90(0,03)**	–0,20**
Страна проживания — Венгрия	–0,25(0,03)**	–0,04**	–0,68(0,03)**	–0,12**
Страна проживания — Ирландия	–0,07(0,03)*	–0,01*	–0,75(0,03)**	–0,14**
Страна проживания — Латвия	–0,55(0,03)**	–0,11**	0,05(0,03)	0,01
Страна проживания — Нидерланды	–0,50(0,03)**	–0,10**	–0,96(0,03)**	–0,19**
Страна проживания — Норвегия	–0,21(0,03)**	–0,04**	–0,77(0,03)**	–0,15**
Страна проживания — Польша	0,19(0,03)**	0,04**	–0,26(0,03)**	–0,05**

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5
Страна проживания — Португалия	–0,25(0,03)**	–0,05**	–0,51(0,03)**	–0,11**
Страна проживания — Румыния	–0,16(0,03)**	–0,03**	0,19(0,03)**	0,04**
Страна проживания — Швеция	–0,47(0,03)**	–0,09**	–1,08(0,03)**	–0,21**
Страна проживания — Словения	–0,25(0,03)**	–0,04**	–0,71(0,03)**	–0,12**
Страна проживания — Словакия	–0,00(0,03)	–0,00	–0,14(0,03)**	–0,03**
Страна проживания — Украина	0,03(0,03)	0,01	–0,03(0,03)	–0,01
Страна проживания — Эстония (титульный этнос)	–0,16(0,03)**	–0,02**	–0,93(0,03)**	–0,13**
Страна проживания — Эстония (русскоговорящие эстонцы)	–0,23(0,04)**	–0,02**	–0,21(0,04)**	–0,02**
Хотя бы один из родителей имеет высшее образование	–0,17(0,01)**	–0,07**	–0,09(0,01)**	–0,04**
Один из родителей иммигрант	–0,10(0,02)**	–0,03**	–0,08(0,02)**	–0,02**
Респондент принадлежит к этническому меньшинству	0,12(0,02)**	0,03**	0,16(0,02)**	0,04**
Когда респонденту было 14 лет, ОТЕЦ отсутствовал	0,01(0,02)	–0,00	–0,01(0,02)	–0,00
Когда респонденту было 14 лет, один из родителей имел подчиненных	0,02(0,01)*	0,01*	-0,08(0,01)**	-0,03**

* Коэффициент значим при p<0,05.
** Коэффициент значим при p<0,001 или при более строгом уровне значимости.

россиянам более выраженную ориентацию на ценности *Сохранения*, которая обнаруживается при снятии этих влияний в ходе регрессионного анализа.

В отношении ценностного фактора *Забота о людях и природе – Самоутверждение* регрессионные коэффициенты свидетельствуют, что большинство стран характеризуется его более низкими значениями, т.е. более сильной выраженностью *Заботы* и более слабой выраженностью *Самоутверждения*, чем Россия (сейчас таких стран 21, правда, и по «неочищенным» сравнениям их было почти столько же). Незначимые отличия по этому параметру остались у России только с Латвией и Украиной, а Румыния сохранила свое значимое опережение России по выраженности *Самоутверждения*. Таким образом, в данном случае контроль социально-демографических переменных, осуществленный с помощью регрессионного анализа, тоже подтвердил, что отличия России по ценностям *Заботы – Самоутверждения* не объясняются отличиями социально-демографического состава ее населения.

Влияния *социально-демографических характеристик* на оба ценностных фактора тоже почти всегда статистически значимы (p<0,001). Регрессионные

коэффициенты свидетельствуют, что у мужчин более сильно, чем у женщин, выражены ценности *Открытости* и *Самоутверждения*, и что с возрастом усиливается выраженность ценностей *Сохранения* и (совсем немного) *Самоутверждения*.

Значимы и влияния характеристик родительской семьи: наличие у родителей респондента высшего образования повышает значимость для него *Открытости* и *Заботы*, точно так же влияет и то, что родители — иммигранты. Руководящий статус родителей в период социализации респондента повышает для него значимость ценностей *Сохранения* и *Заботы*. Принадлежность самого респондента к этническому меньшинству усиливает его приверженность ценностям *Сохранения* и *Самоутверждения*.

Особо обращаем внимание на *соотношение страновых и социально-демографических влияний* на различные ценности. С помощью стандартизованных бета-коэффициентов, также приведенных в табл. 5, можно не только оценивать значимость влияний и их знаки, но и сравнивать эти влияния по силе.

Как видно из табл. 5, два рассматриваемых ценностных фактора принципиально различаются по соотношению влияющих на них причин. Применительно к ценностному фактору *Открытость изменениям – Сохранение* более сильными детерминантами оказываются пол и особенно возраст респондентов, а их страновая принадлежность (Россия либо какая-то другая страна) влияет, как уже говорилось, тоже статистически значимо[30], но в меньшей степени. Стандартизованный коэффициент влияния возраста на показатель *Открытость изменениям – Сохранение* равен 0,43, а коэффициенты страновых влияний по абсолютной величине не превышают 0,11. Что же касается ценностного фактора *Забота о людях и природе – Самоутверждение*, то в этом случае, наоборот, страновая принадлежность респондента (к России либо к какой-то другой стране) влияет заметно сильнее, чем пол и возраст. Стандартизованный коэффициент при показателе пола (мужского) равен 0,08, коэффициент при показателе возраста равен 0,03, а средняя (по модулю) величина стандартизованного коэффициента регрессии при страновых показателях равняется 0,14. Таким образом, если оставить в стороне другие независимые переменные, то получается, что для предсказания ценностной ориентации по параметру *Открытость-Сохранение* важнее всего знать возраст и пол респондента, а для предсказания его ориентации по параметру *Забота о людях и природе — Самоутверждение* важнее всего знать, в какой стране он живет.

Итак, регрессионный анализ подтвердил влияние страновой принадлежности человека на его ценности, которое сохраняется — или даже усиливается — и после того, как контролируется влияние социально-демографического состава страны. Задача дальнейшей работы в данном направлении — выяснить, что именно из характеристик страновой принадлежности, какие именно качества стран влияют на рассматриваемые ценности.

Это совсем не обязательно должны быть характеристики культуры. Имеющиеся исследования, в частности работы Р. Инглхарта и его коллег

[30] Статистически значимы 21 из 25 страновых коэффициентов.

График 5

Влияние ВВП на душу населения на средние страновые значения ценностного фактора «Открытость изменениям — Сохранение»

График 6

Влияние ВВП на душу населения на средние страновые значения ценностного фактора «Забота о людях и природе — Самоутверждение»

[Inglehart, Baker, 2000], показывают что одной из ключевых детерминант ценностей на страновом уровне является как раз уровень экономического развития. Продолжая эту линию анализа, мы для иллюстрации имеющихся здесь исследовательских возможностей сопоставили страновые средние по двум ценностным факторам с ключевым показателем экономического развития — уровнем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения[31].

Как видно из графиков 5 и 6, с ростом уровня ВВП на душу населения заметно повышаются средние страновые значения ценностей *Открытости изменениям* (в ущерб ценностям *Сохранения*) (коэффициент корреляции равен 0,41, $R^2 = 0,17$), и очень явно повышается выраженность ценностей *Заботы о людях и природе* (в ущерб ценностям *Самоутверждения*), коэффициент корреляции равен 0,79, $R^2 = 0,63$. Эти эмпирические результаты вполне согласуются с выводами Инглхарта относительно детерминации материалистических и постматериалистических ценностей и, конечно, с идеями А. Маслоу (Maslow, 1970) относительно усиления потребностей вышележащих уровней по мере насыщения «физиологических» потребностей и потребностей безопасности.

Заключение

Авторы провели анализ базовых ценностей российского населения и их сравнение с ценностями населения 24 европейских стран. Исследование базировалось на данных, полученных с помощью методики Ш. Шварца в рамках третьей волны Европейского социального исследования. Эта методика измеряет показатели разных уровней интеграции. На самом элементарном — ответы респондентов на 21 вопрос анкеты (ценности «первого уровня»), которые далее объединяются в 7 индексов ценностей «второго уровня»; на самом высоком (четвертом) уровне интеграции располагаются два факторных индекса, построенные авторами данной статьи посредством факторного анализа ответов респондентов на исходные вопросы анкеты.

В итоге установлено:

1. Наиболее значима (если судить по средним показателям) для населения России ценность *Безопасности*, на втором месте *Забота о людях и природе*, на третьем — *Самостоятельность*, на четвертом — *Конформность–Традиция*. Нижнюю часть российской ценностной иерархии открывает ценность *Самоутверждения* (пятое место), а замыкают список ценности *Гедонизма* и *Риска–Новизны*.

2. Попарные межстрановые сравнения средних величин по 7 ценностным индексам «второго уровня» показали, что для среднего россиянина, *в сравнении с жителями других стран*, характерна более высокая осторожность (или даже страх) и потребность в защите со стороны сильного государства, у него слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и ему менее свойственна склонность к риску и стремление к

[31] Уровень валового внутреннего продукта на душу населения измерен по методу Атласа Всемирного Банка, использованы данные за 2006 год. Источник: World Development Indicators Database, http://web.worldbank.org/

веселью и удовольствиям. В отношении значимости перечисленных ценностей средний россиянин *похож на представителей целого ряда других стран*, прежде всего постсоциалистических.

В отношении же значимости другой группы ценностей средний россиянин более своеобразен и, как правило, *похож на представителей лишь небольшого числа* рассматриваемых *стран*. Речь идет о его сильном стремлении к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. Сильная ориентация на личное самоутверждение оставляет в сознании этого человека меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает.

В итоге сильное стремление к личному успеху и богатству не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Ценности строятся по «принципу удовольствия»: высокие притязания без готовности к значительным личным усилиям и рискам.

3. Попарные межстрановые сравнения средних величин по двум ценностным факторам показали, что население России, *в сравнении с населением других стран*, занимает срединное положение на ценностной оси *Сохранение–Открытость изменениям* и характеризуется одной из самых высоких ориентаций на ценности *Самоутверждения* (в ущерб ценностям *Заботы о людях и природе*). По выраженности параметра *Открытость изменениям – Сохранение* средний россиянин похож на представителей 10 других европейских стран. В отношении же ориентации на *Самоутверждение* (противопоставляемой ценностям *Заботы о людях и природе*) средний россиянин гораздо более своеобразен и попадает в одну категорию только с населением Украины, Латвии и русскоязычным населением Эстонии. В итоге сравнение России с другими странами на уровне наиболее интегральных факторных показателей, так же как и сравнение на уровне 7 более частных ценностных индексов, продемонстрировало, что по одной группе ценностей (*Открытость изменениям — Сохранение*) Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран, а по другой группе ценностей (*Забота о людях и природе — Самоутверждение*) — заметно отличается от большинства из них.

4. Наряду с анализом, в котором объектами сравнения выступали средние показатели по странам, был осуществлен также анализ ценностей, при котором исходными объектами сравнения выступали отдельные индивиды. Классификация всех участвовавших в исследовании респондентов, осуществленная только на основе их ценностей (и вне зависимости от того, к какой стране они принадлежат), позволила объединить респондентов в четыре кластера, чьи названия отражают их *положение друг относительно друга* в пространстве интегральных ценностных факторов: *кластер I* — крайне высокая выраженность ценностей *Открытости* и средне-высокая ценность *Заботы о людях и природе*; *кластер II* — срединное положение по ценностной оси *Открытость–Сохранение* и крайне высокая ценность *Самоутверждения*; *кластер III* — срединное положение по ценностной оси *Открытость–Сохранение* и крайне высокая ценность *Заботы о людях и природе*; *кластер IV* — крайне

высокая выраженность ценностей *Сохранения* и средне-высокая значимость ценностей *Самоутверждения*.

В каждом из четырех кластеров оказались представители всех стран и наоборот — жители каждой из 25 стран представлены во всех кластерах. Большинство (почти 80%) россиян попали во второй (43%) и четвертый (35%) кластеры, в которых лидируют постсоциалистические страны. Помимо этого, существует и значимое меньшинство россиян, которое разделяет нетипичные для большинства россиян ценности: каждый шестой россиянин (17% российской выборки) входит в первый ценностный кластер и еще 5% — в третий (в обоих этих кластерах большинство составляют представители старых капиталистических стран).

Таким образом, благодаря переходу со странового на индивидуальный уровень анализа и построению классификации отдельных респондентов удалось, во-первых, расщепить образ «среднего россиянина» и показать, что в составе *российского большинства* имеется два ценностных подтипа. И во-вторых, удалось обнаружить две группы *ценностных меньшинств*, которые радикально отличаются по своим ценностям от доминирующих в России ценностных типов, но к которым тем не менее принадлежит каждый пятый россиянин.

5. С помощью множественного регрессионного анализа предпринята попытка отделить («очистить») обнаруженные ценностные отличия России от других стран от влияния межстрановых различий в социально-демографическом составе населения, а также сопоставить силу влияния страновых и социально-демографических детерминант.

Оказалось, что при контроле за социально-демографическими характеристиками респондентов различия между ценностями россиян и жителей других европейских стран, обнаруженные ранее по результатам сравнения средних (процедура ANOVA), не просто сохранились, но стали еще более отчетливы. В отношении ценностного фактора *Открытость изменениям – Сохранение* регрессионный анализ показал, что если контролировать социально-демографический состав населения, то в этом случае Россия отстает от большинства европейских стран по значимости *Открытости изменениям* (и, соответственно опережает их по ориентации на ценности *Сохранения*).

Оказалось также, что два ценностных фактора — *Открытость изменениям — Сохранение* и *Забота о людях и природе — Самоутверждение* принципиально различаются по соотношению влияющих на них причин. В отношении выраженности ценностного фактора *Открытость изменениям – Сохранение* более сильными детерминантами оказываются пол и особенно возраст респондентов, а их страновая принадлежность (к России либо какой-то другой стране) влияет в меньшей степени. Что же касается значений ценностного фактора *Забота о людях и природе — Самоутверждение*, то в этом случае, наоборот, страновая принадлежность респондента (к России либо к какой-то другой стране) влияет заметно сильнее, чем пол и возраст. Таким образом, если оставить в стороне другие показатели, получается, что для предсказания ориентации по оси *Открытость–Сохранение* надо прежде всего знать возраст и пол респондента, а для предсказания его ориентации по оси *Забота о людях и природе — Самоутверждение* важнее всего знать, в какой стране он живет.

6. Тот факт, что при межстрановых сравнениях у российского населения слабее, чем у жителей большинства других европейских стран, выражены надличные ценности и, наоборот, сильнее, чем в большинстве стран, проявляются ориентации на конкурентные (характерные для игры с нулевой суммой) ценности личного успеха, власти и богатства, подтверждает частичную обоснованность звучащей сегодня моральной критики в адрес массовых ценностей и нравов.

ЛИТЕРАТУРА

Андреенкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // *Социологические исследования* — 1994. — № 11.

Белинская, Е.Л.. Система ценностей личности в перспективе толерантности (http://www.tolz.ru/library/?id=436, ссылка верна на 08.03.08).

Бобнева М.И., Дорофеев Е.Д. Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества/Под ред. Е.Д.Дорофеева, Л.А.Седова. — М: Изд-во ИП РАН, 1997. — С. 32—46.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004.

Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. СПб., 2001. — С. 101—107 (см. также: http://www.narcom.ru/ideas/socio/35.html#5. Разделы 5 и 6).

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. — 2003. — № 6. — С. 80.

Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. — Т. 22. — 2001. — № 3.

Магун В.С. Ценностный реванш в современном российском обществе //Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып. I / Под ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. — М., 1994.

Магун В.С. Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып. II. Под ред. Т.И. Заславской. — М., 1995.

Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников: 1991—2004 гг. //Российский журнал менеджмента. — 2006. — № 4.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами//Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2007. — № 3, № 4.

Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. — С. 33—58.

Руднев М.Г. Влияние внутристрановых этнических различий на жизненные ценности (по материалам сравнения русского и эстонского населения Эстонии) // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Выпуск 2 / Под общей редакцией М.К. Горшкова. — М.: Институт социологии РАН, 2009.

Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. — 1999. — № 3. — С. 80—90.

Billiet Jaak. Population base weights as estimation and adjustments for bias R1 & R2. Review and some results (неопубликованная презентация), 2007.

Cornwell J.M., & Dunlap W.P. On the questionable soundness of factoring ipsative

data // Journal of Occupational and Organizational Psychology. – Vol. 67. – 1994. – 89–100.

Davidov E., Schmidt P., Schwartz Sh. Bringing Values Back In: the Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. – Vol. 72. – №. 3. – 2008. –P. 420–445.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Baker W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. –2000. – Vol. 65. – P. 19–51.

Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R. and Eva G. (editors). Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage Publications, 2007.

Maslow A.H. Motivation and Personality. Sec. ed. N.Y., 1970.

Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement // Journal of Cross Cultural Psychology. – 2001.– Vol. 32. – P. 519–542.

Schwartz S.H. Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses // Documentation for ESS-1, 2003.

Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by M.P. Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

Schwartz S.H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32. – P. 268–290.

Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 58. – P. 878–891.

Schwartz S.H., Lehmann A., & Roccas S. Multimethod Probes of Basic Human Values // Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis / Ed. by J. Adamopoulos, Y. Kashima. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1999.

Smith P.B. Acquiescent Response Bias as an Aspect of Cultural Communication Style // Journal of Cross-cultural Psychology. – Vol. XX. – 2003. – № 10.

Vehovar Vasja, Zupanic Tina. Weighting in the ESS – Round 2 (неопубликованная рукопись, 2007).

Н.И. Лапин

Глава 9

ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ ПО ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ — СОХРАНЕНИЕ»*

В ГЛАВЕ используются данные, полученные при участии автора в ходе первого в России опроса (2006 г.) в рамках Европейского социального исследования (ESS). Методический инструментарий ESS включает блок о ценностях населения, предложенный проф. Ш. Шварцем (Университет в Иерусалиме). Основу его методологии, используемой в данном исследовании, составляет выделение двух ценностно-мотивационных осей: 1) «Открытость изменениям — Сохранение»; 2) «Выход за пределы своего *Я* — Самоутверждение».

Содержание этих осей составляют 4 укрупненные категории ценностей, каждая из которых включает 4 латентных мотивационных типа ценностей (назовем их *векторы ценностей*), которые конкретизируются в виде 10 ценностей (табл. 1)[1].

Ценности измерялись с помощью Портретного ценностного вопросника методом личных интервью на дому у респондентов. Интервьюер обращается к респонденту: «Послушайте описания некоторых людей и скажите, насколько каждый из них похож или не похож на Вас».

Респонденту предлагается 21 описание, по 2 для каждой ценности (для благожелательности — 3); с помощью карточки респондент отвечает по 6-балльной шкале, в какой степени описание похоже на самого респондента.

В данной главе мы сосредоточили внимание на первой, ценностно-

---

* Статья подготовлена в рамках программы 24 Президиума РАН, направление 24.3, проект «Общее и особенное в структуре базовых ценностей населения регионов России».

[1] Подробнее см.: *Schwarz S.H., Melech G, Lehmann A, Burgess S, Harris M.* Expending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Yuman Values with a different Method of Measurement//Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 519–542.

Одна из интерпретаций методологии Ш. Шварца, в контексте изложения результатов российского исследования ESS–2006 содержится в статье: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. — М., 2008. — № 1. — С. 33–58.

Таблица 1

Иерархия: «мотивационные оси — ценности»

Ценностно-мотивационные оси	Латентные мотивационные типы (векторы) ценностей	Ценности
Открытость изменениям — Сохранение	Сохранение	Безопасность
		Конформность
		Традиционность
	Открытость изменениям	Самостоятельность
		Рисковая новизна
		Гедонизм
Выход за пределы своего *Я* — Самоутверждение	Самоутверждение	Достижительность
		Власть/богатство
	Выход за пределы своего *Я*	Благожелательность
		Универсализм

мотивационной оси *Открытость изменениям — Сохранение.* Мы оставляем в стороне ценности *Безопасность* и *Гедонизм*, поскольку они, с нашей точки зрения, находятся на периферии данной оси.

Население макрорегионов России в пространстве «Открытость изменениям — Сохранение»

Данные о поддержке ценностей населением получены по методике ESS. При их обработке для каждого ранга фиксирован процент поддержки; затем 6-балльная шкала была агрегирована в 3-балльную, соответственно трем основным видам отношения к ценностям: (1) определенная поддержка; (2) неопределенное отношение (частично поддержка, частично отрицание); (3) определенное отрицание.

Эмпирические данные показали, что каждый из двух векторов ценностно-мотивационной оси «Открытость изменениям — Сохранение» поддерживается менее чем половиной населения (в среднем поддержка = 44%). При этом высока доля неопределенного отношения (37–38%). Учет всей совокупности данных показывает слабую дифференцированность регионов.

Вместе с тем очевидны и существенные различия между регионами. Эти различия обнаруживаются, если учитывать уровень определенной поддержки каждой ценности населением региона (в процентах). Затем мы усреднили эту поддержку по совокупностям ценностей для каждого из двух их векторов. Эти результаты приведены ниже в табл. 2 и 3. В тексте для значимых случаев также приводятся проценты поддержки, отрицания и неопределенного отношения к тем или иным ценностям.

Кроме того, в целях полноты и наглядности результаты представлены в виде рангов 10 макрорегионов России для каждого вида отношения их населения к соответствующей ценности (табл. 5).

Вектор «Открытость изменениям»

Этот вектор функционирования и эволюции общества характеризуется парой ценностей: *Самостоятельность — Рисковая новизна.*

17 – 2966

Таблица 2

Поддержка населением макрорегионов России ценностей вектора «Открытость изменениям» *(в %, 2006 г.)*

Ценности	Качества	Россия	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Северный Кавказ	Поволжье	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский	Дальний Восток
Самостоятельность	Свобода	62	68	67	56	70	59	53	62	59	58	62
	Творчество	45	47	53	44	34	38	38	46	43	49	57
Рисковая новизна	Новизна	31	32	38	31	26	24	27	30	30	33	36
	Рисковость	19	23	28	15	15	15	13	16	17	19	18
Средние (Мизм)		39	39	42	46	33	36	30	32	38	37	40

Каждая из них операционализируется с помощью двух описаний качеств других людей: а) для самостоятельности — «свобода» и «творчество»; б) для рисковой новизны — собственно «новизна» как нечто неожиданное и «рисковость» как рисковое приключение. Отношение населения макрорегионов к этим качествам представлено в табл. 2: приведены проценты поддержки каждого качества и средние величины поддержки четырех качеств данного вектора.

Свобода — Творчество. В методике ESS качество свободы (быть свободным) понимается как независимость человека от других людей, возможность самостоятельно принимать решения. Творчество означает потребность придумывать новое, все делать оригинальным способом.

В целом свободу в вышеизложенном понимании поддерживают почти две трети населения России (около 62%). Это наиболее характерно для Центрально-Черноземного (70%), Северного и Северо-Западного (68%) и Центрального (67%) регионов. Но творчество поддерживает в полтора раза меньшая доля жителей России (45%). Та же пропорция в Поволжье — регионе-аутсайдере по поддержке свободы: здесь ее поддерживают 53%, а творчество — лишь 38%. И отрицается творчество в России в два с лишним раза чаще, чем свобода (15% против 6%). Неопределенное отношение к свободе также значительно меньше, чем в отношении творчества.

Новизна – Рисковость. Новизна понимается в методике ESS как склонность искать для себя новые занятия, пробовать много разного. Рисковость — это поиск приключений, желание наполнить свою жизнь событиями.

В такой интерпретации эти качества имеют низкую поддержку населения России (около 31% и 19% соответственно). Новизну максимально поддерживает население Центрального и Дальневосточного регионов (38% и 36%), а менее всего — жители Северного Кавказа (23%) и Центрального Черно-

земья (26%). Отрицательное отношение к новизне наиболее характерно для населения Восточной Сибири и Приволжья (по 32%). Неопределенное отношение к инновационному поведению демонстрируют около половины жителей Центрального Черноземья и Дальнего Востока.

Казалось бы, неожиданно, что почти половина населения России (47%) отрицает рисковость. Но это становится понятным, если учесть, что в методике ESS респонденту было предложено понимать под рисковостью поиск приключений, желание наполнить свою жизнь событиями. Наиболее негативно относятся к такому риску жители Западной и Восточной Сибири (56–58%). Почти половина жителей Дальнего Востока (47%) неопределенно относится к такому поведению. Более склонно к авантюрным действиям население Центрального региона (28%).

Таким образом, в **векторе** ***Открытость изменениям*** преобладает свобода (поддержка 62%), что служит хорошей предпосылкой для усиления данного вектора в целом. Однако во многих регионах его реализация существенно ослаблена недостаточной поддержкой творчества, новизны и рисковости.

Наиболее благоприятна ситуация в Центральном регионе: здесь одновременно высоко поддерживаются все 4 качества; это особенно важно с учетом того, что в данном регионе живет более четверти всего населения России. Близко к нему по комплексности находятся Северный и Северо-Западный регионы.

Разбалансированная ценностная ситуация сложилась в Центрально-Черноземном и Восточно-Сибирском регионах. В первом из них свобода имеет максимальную в России поддержку, но в отношении трех других качеств регион занимает 8–9-е места из 10. Напротив, Восточно-Сибирский регион по этим трем качествам находится на 3-м месте, но в отношении свободы – на 8-м.

Дальневосточный регион оказался в промежуточном положении: он занимает 1–2-е места по отношению населения к творчеству и новизне, но 4–5-е места – по отношению к рисковости и самостоятельности. Классически промежуточным можно считать положение Уральского региона: в отношении самостоятельности и творчества он занимает 4–5-е места, а в отношении новизны и рисковости – 6-е место.

Остальные 4 региона отстают по всем позициям, хотя структура отставания в каждом регионе особенная.

Вектор «Сохранение»

Этот вектор характеризуется такой парой ценностей: *Конформность – Традиционность*. Каждая из них операционализируется с помощью пары качеств: «соблюдать правила – поступать правильно»; «не выделяться – следовать традициям». Данные, характеризующие их поддержку, приведены в табл. 3.

Соблюдать правила – Поступать правильно. Соблюдать правила означает, что люди всегда должны следовать правилам, даже если никто за этим не следит. *Поступать правильно* – стараться не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить. Эта пара инструментальных ценностей характеризует поведение, которое принято называть конформистским.

Таблица 3

Поддержка населением макрорегионов России ценностей вектора «Сохранение» (в %, 2006 г.)

Ценности	Качества	Россия	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Северный Кавказ	Поволжье	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский	Дальний Восток
Конформность	Соблюдать правила	37	29	43	32	29	38	34	40	39	33	30
	Поступать правильно	55	48	55	53	42	54	56	59	64	52	63
Традиционность	Не выделяться	51	46	54	58	42	48	50	57	56	46	40
	Следовать традициям	55	47	58	59	60	60	52	52	56	55	62
Средние (Мс)		49	49	42	52	50	51	43	48	52	54	46

Правильное поведение имеет у россиян значительно более высокую поддержку, нежели *соблюдение правил* (55% против 36%): первое имеет моральный смысл для самого человека, сродни его совести, а соблюдение правил — скорее, норма, продиктованная внешними обстоятельствами, хотя и соблюдаемая без внешнего контроля (сродни правилам дорожного движения); латентно допускается, что правила могут быть неправильными, тогда их соблюдение оказывается под вопросом, — поэтому каждый пятый россиянин отрицает эту норму.

Наиболее сильно выражено такое отрицание в Северном и Северо-Западном, Волго-Вятском и Восточно-Сибирском регионах (соответственно 32%, 30% и 30%). А приверженность правилам в большей степени характерна для жителей Центрального, Уральского и Западно-Сибирского регионов (43%, 40% и 39%). Впрочем, больше половины населения Центрально-Черноземного и Поволжского регионов проявили неопределенное отношение к этой норме (56% и 54% соответственно).

Другое дело — *вести себя правильно.* Эту фундаментальную норму поддерживают не только в среднем больше половины россиян — она доминирует в 8 из 10 макрорегионов страны! Наибольшую поддержку она имеет в Западной Сибири и на Дальнем Востоке (по 63%). А сравнительно меньшую поддержку она получила в Северном и Северо-Западном, а также в Центрально-Черноземном регионах (48% и 42% соответственно); во втором из них неопределенное отношение даже превысило поддержку (49%).

Вместе с тем в большинстве регионов наблюдается соответствие между уровнем поддержки или отрицания того и другого компонентов: если высоко поддерживается правильное поведение, то сходна и поддержка соблюдения правил; и наоборот: в том и другом случаях — низкая поддержка. Это означает согласие между внутренним убеждением и внешним поведением. Но такое

согласие существует не везде. Наиболее явные разногласия внутреннего и внешнего мы видим в Центральном регионе и на Дальнем Востоке.

Не выделяться – Следовать традициям. Не выделяться — значит не привлекать к себе внимание, быть простым и скромным. А следовать традициям — ценить их, стараться соблюдать религиозные и семейные обычаи. Первое качество — преимущественно инструментальная норма-ценность, второе — терминальная. В среднем по России они имеют достаточную поддержку (50,8% и 55,4% соответственно). Но в разных макрорегионах наблюдаются значительные различия в уровнях их поддержки. Можно предположить, что эти различия коренятся в различиях традиций.

Высокая поддержка инструментальной «скромности» характерна для жителей Волго-Вятского, Уральского и Западно-Сибирского регионов (56–58%). А максимальную поддержку обычаев, традиций демонстрирует население Дальнего Востока, Центрального Черноземья, Северного Кавказа (59–62%). Ни в одном регионе нет высокой поддержки одновременно обоих компонентов. Но нередко встречается соответствие низких уровней поддержки; так, в Северном и Северо-Западном, Восточно-Сибирском регионах «скромность» поддерживают 45–46%, а следование традициям — 47% в первом из них и 55% во втором. Подчас наблюдаются контрасты в уровне их поддержки: лишь 40–42% населения Центрального Черноземья и Дальнего Востока поддерживают «скромность», зато в пользу традиции высказались 60–62%. Напротив, жители Урала оказались на 2-м месте по поддержке «скромности» (57%), а по уважению традиций — лишь на 8-м (52%). Иными словами, если люди четко следуют традициям, то это не значит, что они ведут себя «скромно», не выделяются; но и наоборот: тот, кто стремится выделиться, не всегда заботится о соблюдении традиций.

В целом **вектор *Сохранения*** поддерживается населением России высоко и консолидированно по трем из четырех его качеств (51–55%). Только качество соблюдения правил находится значительно ниже этого уровня (36%). Вследствие этого средняя поддержка этого вектора оказывается немного ниже половины населения (49%).

Расположение макрорегионов России на ценностно-мотивационной оси «Открытость изменениям – Сохранение»

Чтобы подытожить полученные результаты, необходимо определить соотношение двух векторов для каждого макрорегиона. Выразим это соотношение как *Коэффициент Изменение – Сохранение (Кис)*:

$$Кис = Ми : Мс.$$

Если ось *Открытость изменениям — Сохранение* рассматривать буквально как прямую, то итоговый индекс можно определить как разницу между первым и вторым векторами: *Иис* = Ми — Мс.

Обобщенные данные по 10 макрорегионам России приведены в табл. 4. Распределение макрорегионов по *Иис* в пространстве, образуемом пересечением двух векторов, представлено на графике 1 (цифры в скобках означают ранги *Кис*).

Как видим, в целом по России средние величины вектора *Открытость*

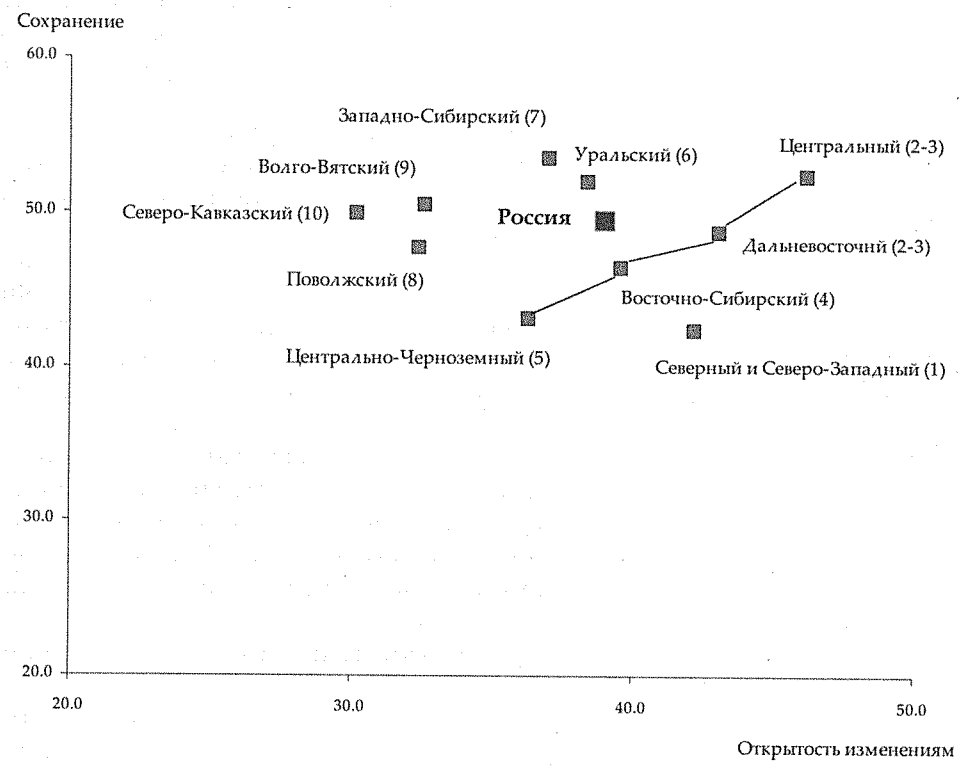
Таблица 4

Соотношение векторов оси «Открытость изменениям – Сохранение»

Векторы, коэффиц.	Россия	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Северный Кавказ	Поволжье	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский	Дальний Восток
Изменение (Ми)	39,0	42,2	46,2	32,6	36,3	30,2	32,4	38,4	37,0	39,6	43,1
Сохранение (Мс)	49,4	42,3	52,3	50,5	43,1	49,9	47,7	52,0	53,5	46,4	48,7
Кис	0,79	1,0	0,88	0,64	0,84	0,6	0,68	0,74	0,69	0,85	0,88
Ранги Кис		1	2-3	9	5	10	8	6	7	4	2-3
Иис	–10,4	–0,1	–6,1	–17,9	–6,8	–19,7	–15,3	–13,6	–16,5	–6,8	–5,6
Ранги Иис		1	3	9	4-5	10	7	6	8	4-5	2

График 1

Макрорегионы России в пространстве векторов «Сохранение» — «Открытость изменениям»

уступают вектору *Сохранение*. При этом из 8 изучаемых качеств максимальную поддержку имеет свобода (62%), которая входит в вектор изменения. Но три другие качества этого вектора имеют значительно меньшую поддержку (45, 31 и 19%). Напротив, среди качеств вектора *Сохранение* лишь одно имеет невысокую поддержку (соблюдение правил — 36%), а три другие пользуются поддержкой более половины населения.

Преимущество вектора сохранения над вектором изменения наблюдается в каждом макрорегионе. Особенно велико оно в кластере, который включает 5 регионов: Северо-Кавказский, Поволжский, Волго-Вятский, Уральский, Западно-Сибирский; здесь *Кис* = от 0, 6 до 0, 74; *Иис* = от –13,6 до –19,7. Умеренные различия между двумя векторами сложились в другом кластере, включающем четыре региона: Центральный, Дальневосточный, Восточно-Сибирский и Центрально-Черноземный; здесь *Кис* = от 0,84 до 0,88; *Иис* = от –5,6 до –6,8. Особое положение занимает Северо-Западный регион: здесь обнаруживается почти полное равенство средних величин двух векторов (42,2 и 42,3); соответственно, *Кис* почти равен 1,0, а *Иис* = –0,1. В целом по России Кис = 0,79, а Иис = –10,4.

Как оценить все эти различия по критериям «хорошо — плохо» для экономики и в целом для развития России?

Можно предположить, что в целом Россия находится на грани между удовлетворительным и тормозящим развитие соотношением ценностно-мотивационных векторов населения страны как социетального сообщества.

Преобладание вектора «Сохранение» над вектором «Открытость изменениям» *в пяти регионах* служит тревожным индикатором состояния этих регионов, наличия социокультурных тормозов их успешного развития. Требуется специальное внимание к проблемам социокультурного развития этих макрорегионов и входящих в них субъектов РФ.

В четырех других регионах наблюдается умеренное преимущество вектора «Сохранение» над вектором «Изменение». По-видимому, оно свидетельствует об удовлетворительном их соотношении: изменяй, но не рискуй базовыми условиями существования, что говорит о наличии социокультурных предпосылок, необходимых для развития этих регионов. Вместе с тем реальное состояние этих регионов весьма различно: это указывает на существование иных — экономических, административно-управленческих и других факторов, способствующих или препятствующих их развитию. Следовательно, необходим более тщательный поиск этих конкретных факторов, в том числе на уровне более локальных территориальных сообществ — субъектов РФ.

Что касается равенства двух векторов ценностно-мотивационной оси *в Северном и Северо-Западном регионах*, то оно, видимо, в значительной мере связано с культурно-историческими особенностями населения и геополитическим положением региона, особенно Северо-Западного, его более интенсивными взаимодействиями с инновационными сообществами Евросоюза и другими странами Запада.

Сказанное можно рассматривать как предварительные оценки выявленных соотношений двух векторов на ценностно-мотивационной оси *Открытость изменениям — Сохранение*. Требуются дальнейшие исследования структуры ценностей каждого макрорегиона и его структурных частей — субъектов РФ.

Максимы поведения жителей макрорегионов в ценностном пространстве «Открытость изменениям — Сохранение»

Подытожим сказанное в виде максим поведения жителей каждого макрорегиона. При этом будем двигаться от кластера регионов с большим разрывом ценностных векторов, через кластер регионов с умеренными различиями между векторами, к расположенному особняком региону с паритетными векторами.

Кластер 1. Евразийский хребет России: регионы с большим преимуществом вектора Сохранение над вектором Открытость изменениям.

Представив карту России, нетрудно заметить, что эти регионы расположены в основном на географической полосе с юга на север, между европейской и азиатской частями России: Северный Кавказ – Поволжье – Волго-Вятский регион – Урал – Западная Сибирь. Обратимся к особенностям регионов этого евразийского хребта России.

Наибольший разрыв между двумя обозначенными векторами сложился в **Северо-Кавказском макрорегионе** (*Кис* = 0,6, ранг № 10). И не потому, как можно бы подумать, что его население максимально поддерживает ценностный вектор «Сохранение»; напротив, эта поддержка (49,9%) находится в середине общероссийского рангового ряда (ранг № 5). Особенно ценятся в этом векторе фундаментальные нормы-качества: поступать правильно и следовать традициям (54–59%). Менее ценятся инструментальные нормы-качества: соблюдать правила (38%) и не выделяться (48%). Однако все дело в самой низкой в России поддержке вектора *Открытость изменениям* (30,2%, ранг № 10). Особенно низок уровень поддержки качеств *новизны* и *творчества* (26 и 34%), а также *рисковости* (15%), хотя поддержка свободы (59%) близка общероссийской. В итоге рекордный разрыв между векторами: — 19,7%. Итоговую максиму поведения жителей региона можно выразить так: *следуй традициям и поступай правильно, не соблазняясь рисковой новизной.*

Двигаясь к северу, в **Поволжский макрорегион**, мы также наблюдаем разрыв между ценностными векторами: – 15,3% (Кис = 0,68, ранг № 8), причем также — за счет очень низкой поддержки *открытости изменениям* (32,4%, ранг № 9, рядом с Северо-Кавказским регионом). *Свобода* и *рисковость* здесь ценятся немного ниже, чем на Северном Кавказе, а *творчество* и *новизна* — чуть выше. В целом поддержка ценностей вектора *Сохранения* немного уступает южному соседу, особенно в соблюдении правил и следовании традициям. А в общем — сходная максима поведения: *поступай правильно и не соблазняйся рисковой новизной.*

К северо-западу, в **Волго-Вятском макрорегионе,** население максимально поддерживает традиции (59%), а также «скромную простоту — не выделяться» (58%, 1-й ранг в сравнении с другими регионами). Здесь высоко ценятся свобода (56%, хотя в сравнении с другими регионами этот уровень поддержки оказывается на предпоследнем месте) и творчество (44%, ранг № 6). Поддержка других качеств находится в середине рангового ряда. Как и в двух предыдущих макрорегионах, в целом соотношение ценностных векторов *Изменение – Сохранение* являет дисбаланс в пользу сохранения: разрыв между векторами = — 17,9%, *Кис* = 0,64 (ранг № 9). Максиму поведения можно

выразить так: *следуя традициям, проявляй самостоятельность и поменьше рискуй.*

Уральский макрорегион также характеризуется значительным преимуществом ценностного вектора сохранения: оно составляет — 13,6%, а Кис = 0,74 (ранг № 6). Поддержка вектора сохранения здесь даже несколько выше, чем в трех рассмотренных регионах (52%, ранг № 3), но существенно выше — поддержка открытости изменениям (38%, ранг № 5). Жители Урала меньше ценят традиции, для них более важно поступать правильно (59%), соблюдать правила (40%) и не выделяться (57%). В то же время они заметно выше ценят свободу (62%). Вырисовывается такая максима поведения: *действуй самостоятельно, правильно, по правилам и не выделяйся.*

Наконец, к кластеру регионов евразийского хребта России, характеризующегося большим разрывом векторов в пользу сохранения, относится **Западно-Сибирский макрорегион**: разрыв составляет — 16,5%, *Кис* = 0,69. Здесь наблюдается умеренная поддержка всех качеств вектора Изменений (37%, ранг № 6) при максимальной поддержке ценностей вектора Сохранения (53,5%, ранг № 1). Важнейшее качество — поступать правильно (63%, ранг № 1); его поддержка совмещается с поддержкой инструментальных норм-качеств: соблюдать правила (39%) и не выделяться (56%). Ценностным императивом поведения жителей региона можно считать: *поступай правильно, соблюдай правила и не выделяйся.*

Кластер 2. К востоку и западу от евразийского хребта: регионы с умеренным преимуществом вектора «Сохранение» над вектором «Открытость изменениям».

На карте России этот кластер образуют две географически полярные пары регионов: в Азии — Дальне-Восточный и Восточно-Сибирский; в Европе — Центрально-Черноземный и Центральный регионы. Попытаемся понять логику этой полярности, которая объемлет регионы с умеренными различиями векторов изучаемой оси.

По соотношению интересующих нас векторов жители **Дальневосточного макрорегиона** находятся на втором-третьем местах в России, наравне с Центральным регионом: *Кис* = 0,88, а *Исс* = — 5,6 (чуть выше, чем в Центральном регионе). Здесь высокую поддержку имеют творчество и новизна (ранги 1 и 2 в общероссийском рейтинге), а также нормы-качества — следовать традициям и поступать правильно (62–63%, ранги 1 и 2). Следовательно, максиму поведения дальневосточников образует парадоксальное сочетание: *проявляй творчество и новизну, при этом следуй традициям и поступай правильно.*

Жители **Восточно-Сибирского макрорегиона** незначительно уступают дальневосточникам по соотношению двух векторов (*Кис* = 0,85, *Исс* = — 6,8). Их характеризует поддержка творчества, новизны и риска, а по поддержке ценностей сохранения они уступают большинству других регионов (ранги № 6–8). Их максима поведения достаточно логична: *проявляй творчество, новизну и готовность к риску, будь умерен в следовании традициям и конформности.*

Похожие пропорции поддержки норм-качеств векторов Изменения — Сохранения характеризуют жителей западнее Уральского хребта. В **Центрально-Черноземном макрорегионе** мы констатируем те же пропорции, что и в Восточно-Сибирском: *Кис* = 0,84, *Исс* = — 6,8. Однако здесь лидирует под-

держка иных качеств: одновременно свободы (ранг № 1) и традиции (№ 2). Все другие качества поддерживаются низко (ранги 9–10). Максиму поведения можно представить такой: *будь свободен, независим от других при принятии решений, но цени традиции и старайся следовать им.*

Центральный макрорегион по всем ценностным позициям находится в верхней половине межрегионального рейтинга рангов. Здесь высока поддержка свободы и творчества (68 и 52%). Регион находится на первом месте по поддержке новизны (38%) и одновременно – соблюдения правил (43%). Он также впереди всех регионов по поддержке рисковости, хотя и здесь ее уровень всего 28%. Вместе с тем поддержка большинства ценностей сохранения приближается к высоким общероссийским значениям (54–58%, 4–5-й ранги). В итоге ценности сохранения поддерживаются существенно выше, чем ценности изменения (52% против 42%, *Кис* = 0,88). По-видимому, это – удовлетворительное соотношение, особенно в условиях послекризисной стабилизации экономики и всего общества, которая наблюдалась в год опроса, когда задачи изменения уступают задачам сохранения.

В целом ценностным позициям Центрального региона свойственна двойственная комплексность: по сравнению с другими регионами его характеризует инновационная рисковость, но в сочетании с соблюдением правил; аналогичным образом население региона одновременно оказывает максимальную поддержку разновекторным ценностям – *Самостоятельности* и *Традициям* (68 и 58%). Возможно, такая двойственность связана с различиями в уровне и качестве жизни населения общероссийского центра (Москвы) и макрорегиональной периферии, включая Московскую область. Интегрированная максима поведения может быть представлена так: *принимая решения, будь свободен и старайся подходить ко всему творчески, не пугаясь рисковой новизны; при этом старайся следовать правилам и вести себя правильно, не привлекая к себе внимания и ценя традиции.*

Наконец, мы обращаемся к **Северному и Северо-Западному макрорегиону**. Как ранее уже отмечалось, это единственный в России макрорегион, в котором ценности сохранения не преобладают над ценностями изменения, а находятся в паритетном соотношении с ними (*Кис* = 1,0, *Цис* = – 0,1). Как и в других регионах России, максимальной поддержкой здесь пользуется самостоятельность (68%), а также творчество (46%) и рисковость (22%) – сам по себе процент невысокий, но означает второе место в рейтинге макрорегионов, поскольку в среднем рисковость поддерживают лишь 19% россиян). Поддержка ценностей сохранения (46–48%) в данном регионе заметно ниже среднероссийской (8–10-й ранги), особенно в отношении соблюдения правил. Свобода и рисковость – отличительные черты населения этого макрорегиона. Максима поведения: *будь свободен в своих решениях, в том числе рисковых, ко всему подходи творчески; учитывай традиции, старайся вести себя правильно, не привлекая к себе особого внимания, но не сковывай себя соблюдением правил.*

О толерантных симбиозах культурно разнородных ценностей

Подытоживая, отметим, что многие из приведенных максим поведения основаны на культурно разнородных качествах, ценностях. По-видимому,

они предстают в ценностном сознании россиян не как формально противоречивые их сочетания, а как взаимоприемлемые, **толерантные симбиозы**. Почему и как стало возможно формирование и устойчивое воспроизводство этих симбиозов ценностей в регионах, в российском обществе в целом? Какой тип рациональности они выражают?

В нашем понимании **регион** – это исторически сложившееся социокультурное сообщество, в котором структуры большого общества (институты, организации) непосредственно взаимодействуют с первичными поселенческими общностями и жизненными мирами людей. В современном обществе регион выступает как асимметричное сообщество, поскольку в нем макросоциальные структуры доминируют над поселенческими общностями[2], хотя мера этого доминирования в разных регионах различна.

На уровне жизненных миров в регионе формируется многообразие типов коммуникационных взаимодействий между его жителями; но все эти типы имеют общую функцию жизненного мира – обеспечивать *взаимопонимание* людей в их коммуникационных взаимодействиях. «Когда под угрозой оказываются общие функции символического воспроизводства жизненного мира, он оказывает упорное сопротивление и успешно удерживает линию фронта между собой и системой»[3].

Смысловую основу взаимопонимания как раз и образует *структура ценностей* населения – членов поселенческих общностей и всего региона. Она формируется на стыке двух потоков ценностей: с одной стороны, большое общество, его институты и организации транслируют в регионы ценности, которым свойственна формальная рациональность; с другой стороны, поселенческие общности наполняют социокультурное пространство регионов ценностями, которые обладают субстанциальной (изначально присущей) рациональностью[4]. Происходит столкновение двух типов рациональности ценностей. Особую сложность и остроту оно приобрело в современном российском обществе, которое оказалось в состоянии трансформации, характеризующейся высокой неопределенностью векторов и множественными рисками в большинстве его сфер (сложилось поляризованное общество рисков); такое общество стало источником нескольких потоков формально рациональных ценностей.

В этих условиях исключительно сложная задача по обеспечению взаимопонимания легла на жизненные миры населения регионов. Ее решение оказалось возможным благодаря характерной для россиян *толерантности* – на этот раз как способа *практической рационализации* отношения к конфликтным

---

[2] Ср.: *Coleman J.S.* The Asymmetric Society. Syracuse, N.-Y., Syracuse University Press, 1982. Характеристику концепции «асимметричного общества» Дж. Коулмена см. в книге: *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. – М.: МГИМО, 2006. – Гл. 4.

[3] См.: *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: антология. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 365.

[4] О субстанциальном и формальном, теоретическом и практическом типах рациональности см.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное. – М.: Прогресс, 1990.

потокам ценностей. На этой почве возник коллективный консенсус по отношению к разнородным ценностям — как практически взаимоприемлемым и потому образующим не формально конфликтное сочетание, а толерантный симбиоз.

Толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей стал практическим ответом жизненных миров россиян на аксиологический вызов трансформирующегося общества. Это результат практической рациональности коммуникационных взаимодействий жителей городов и сел (поселенческих общностей) как первичных территориальных структур регионов (субъектов РФ, федеральных округов, экономических районов). Доминирование социетальных макроструктур обусловливает сходство функционально-ориентированных структур ценностей регионов (интегрирующего и дифференцирующего кластеров ценностей) с общероссийской структурой ценностей. Вместе с тем разнообразие историко-культурных особенностей регионов России выражается в различиях уровней поддержки культурно разнородных ценностей населением конкретных регионов. Этим объясняются различия детализированной структуры ***региональных симбиозов*** ценностей и формирующихся на их основе *культурно-нормативных императивов поведения* населения регионов.

Таблица 5

Ценностные ранги макрорегионов России (ESS 2006 г.)

Вект. ценн.	Отношение	Россия	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Северный Кавказ	Поволжье	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский	Дальний Восток
Открытость изменениям:		Самостоятельность										
	Поддер.	61,7/1	2	3	9	1	10	6	4	7	8	5
	Неопред.	32,3/8	10	8	4	9	1	5	7	6	3	2
	Отрицат.	6,0/8	3	8	2	7	6	4	5	1	6	9
		Творчество										
	Поддер.	44,9/5	4	2	6	8–9	8	9	5	7	3	1
	Неопред.	40,3/3	10	7	6	1	3	2	4	5	8	9
	Отрицат.	14,8/ 4	2	9	4	8	1	6	7	3	5	10
		Новизна										
	Поддер.	30,8/7	4	1	5	9	8	10	6	7	3	2
	Неопред.	41,9/1–2	6	9	7	1	5	3	4	8	10	–
	Отрицат.	27,3/ 2	6	8	4	9	2	5	7	3	1	10
		Рисковость										
	Поддер.	18,8/8	2	1	7	9	10	8	6	5	3	4
	Неопред.	34,0/7	4	8	7	2	6	3	5	9	10	1
	Отрицат.	47,2/1	9	8	4	7	3	6	5	2	1	10

Продолжение таблицы 5

Вект. ценн.	Отношение	Россия	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Северный Кавказ	Поволжье	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский	Дальний Восток
Сохранение		Соблюдать правила										
	Поддер.	36,5/ 6	10	1	7	9	5	4	2	3	6	8
	Неопред.	41,9/1-2	7	4	8	1	2	6	9	5	10	3
	Отрицат.	21,6/ 3	1	8	3	9	10	5	6	7	2	4
		Поступать правильно										
	Поддер.	55,0/ 4	9	5	7	10	4	6	3	1	8	2
	Неопред.	36,2/ 6	2	7	5	1	3	6	9	10	4	8
	Отрицат.	8,8/ 6	1	2	5	6	9	3	7	8	4	10
		Не выделяться										
	Поддер.	50,8/ 2	8	4	1	9	5	6	2	3	7	10
	Неопред.	36,9/ 4	3	9	8	2	5	6	7	10	4	1
	Отрицат.	12,3/ 5	7	3	9	4	6	2	8	5	1	10
		Следовать традициям										
	Поддер.	55,4/ 3	10	5	4	2	9	3	8	6	7	1
	Неопред.	36,3/ 5	1	7	3	6	2	10	4	9	8	5
	Отрицат.	8,3/ 7	1	7	9	8	5	6	2	3	4	10

* *Обозначения.*

«Отношение»: «поддер.» — поддержка данной ценности населением региона; «неопред.» — неопределенное отношение населения региона к данной ценности; «отрицат.» — отрицательное отношение населения региона к данной ценности.

«Россия»: в каждой строке данного столбца приведены проценты от всех опрошенных, выразивших то или иное отношение к данной ценности; сумма процентов = 100; после косой линии приведен ранг, который имеет соответствующее отношение к данной ценности среди 8 рассматриваемых нами ценностей.

Е.Н. Кофанова,
М.М. Мчедлова

Глава 10

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

КАК известно, ни одно устойчивое социокультурное образование не может существовать без религиозно-этических систем, подпитывающих культурную матрицу. Религия как глубинный фактор, более долговременный, чем политические и идеологические пристрастия, определяет наиболее устойчивые формы и основания социального устроения, его цивилизационную специфику. Именно поэтому сегодня, когда происходит качественная трансформация всего социально-политического континуума, глобальные сдвиги на культурно-цивилизационной карте мира, настолько актуализировалась проблема религиозной идентичности и связанная с ней проблема степени религиозности современного, в нашем случае российского и европейского, общества.

Во второй половине XX в. происходило очень большое количество различных социальных трансформаций, радикально изменивших облик цивилизации. Современный мир находится в состоянии, где главным объяснительным императивом становятся происходящие широкомасштабные изменения. Новые постмодерные реалии определяют содержание и смысл существования общества и всех его сфер. «Мы являемся свидетелями метаморфозы общества, в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между мужьями и женами, точно так же как в ходе Реформации они освобождались от господства Церкви и переходили к формам жизни светского общества»[1].

Актуализация проблем этно-конфессиональных идентичностей является закономерным ответом на потерю традиционных оснований структуризации социально-политического континуума. Социокультурные образования, как западные, так и незападные, вынуждены обращаться к тем критериям устойчивости, которые доказали в течение длительного времени свою роль в обеспечении их сохранения и выживаемости. Наиболее стабильной является

---

[1] *Бек У.* Общество риска: На пути к иному модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 78.

цивилизационная устойчивость, позволяющая цивилизациям создавать тот мощный фундамент, параметры которого переживают менее долговечные политические и экономические образования, а также сохраняют свои сущностные характеристики в условиях видоизменения внешних параметров бытия.

Но современные социально-политические и экономические трансформации, как показало время, не ведут к состоянию «всеобщего благоденствия» и не приближают мир к классическому идеалу социальной справедливости. Наоборот, и на обыденном уровне, и на уровне рефлексии фиксируется углубление социального и этнического неравенства между индивидами и государствами, обострение социальных противоречий, крах «государства благосостояния». Эффекты транснациональности и атопичности в качестве следствия привели к новому «великому переселению» народов и религий, обнажив и высветив неэффективность традиционных стратегий межкультурных и межрелигиозных контактов.

Россия не стоит в стороне от «столбовой дороги» общественного развития. Она также находится под влиянием мировых качественных изменений, порождающих деструктивные практики. Одновременно Россия испытывает воздействие внутренних негативных импульсов, связанных с отрицательными результатами трансформационных процессов, неизбежно возникающих при тотальной ломке предшествующего социального строя. Россия, покоясь на многонациональном и поликонфессиональном цивилизационном фундаменте, на длительных традициях мирного сосуществования, очень болезненно реагирует на актуализацию различий в этнических и религиозных сферах. С одной стороны, фиксирование роста нетерпимости, с другой — срабатывание исторического опыта конструктивного сосуществования, позволяющее пока избежать самых деструктивных сценариев.

В российской традиции цивилизационная устойчивость может быть интерпретирована и как сосуществование различных конфессиональных традиций. Определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, с православием ни одна религия не может конкурировать по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей. Существование в поле российской цивилизации религий, самих по себе имеющих цивилизациобразующий статус[2], уже является свидетельством и атрибутом более глубокой субстанциальной сущности.

---

[2] Выделение цивилизаций по религиозному основанию в обществознании связано с именами И. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона. Особую актуальность подобный подход приобрел в последнее время в связи с актуализацией религиозных различий в культурном и политическом планах.

Особую остроту в изучении религиозности придает тенденция к сокращению количества практикующих верующих в странах Европы, а также внедрение в европейское пространство больших масс людей, принадлежащих к иным культурно-религиозным ареалам. Не случайно в последнее время все чаще звучат призывы от политических деятелей в Европе о необходимости возврата к ее христианским корням (Н. Саркози), поднимаются вопросы пересмотра некоторых положений с целью приспособления церковных канонов к новым веяниям (дискуссия о целибате или о реабилитации Мартина Лютера).

Поскольку религия является одним из наиболее устойчивых факторов, определяющих цивилизационную специфику социума, то в отмеченных координатах переустроения социальности представляется гносеологически важным рассмотреть религию, вплетенную в ткань социальных отношений таким образом, чтобы раскрыть и понять развитие социокультурных взаимосвязей. И здесь следует отдавать отчет, что во всем, что касается религиозной сферы, требуется ясное и четкое понимание используемых понятий и терминов. Это тем более важно, что они не всегда в полной мере совпадают в бытовом и научном словоупотреблении, а тем более в политизированной риторике. Речь идет о том, что означают термины «традиционная религия», «степень религиозности» и т.д. Ведь во многом от четкого и ясного употребления понятий, от ухода от навязанных мифов и клише в сторону объективного анализа зависят адекватность результатов исследования и как следствие, наши выводы и объяснительные схемы.

Так, есть объективные факторы, позволяющие исследователю использовать термин «традиционная религия», не придавая ему политико-правового измерения и не видя в этом дискриминации других вероисповеданий. К этим факторам относится прежде всего степень воздействия данной религии на ментальность и образ жизни народа или группы народов, на становление и развитие государственности и национального самосознания, на поведенческие стандарты и мировосприятие. Разумеется, эти функции религиозная организация обретает и реализует при весьма длительном существовании среди значительной части населения. Именно принимая во внимание данные положения, мы можем сравнивать особенности религиозно-культурных доминант, оказывающих влияние на общественные, политические и индивидуальные практики в различных странах Европы.

Изучение религиозности в России на базе данных Европейского социального исследования позволяет решать троякую задачу. Во-первых, на фоне повышения активности конфессиональных структур (благотворительность, акции милосердия, возрождение традиционных ценностей и нравственных оснований) показать, реальную картину — состоялось ли религиозное возрождение в России, либо процесс «расколдования» мира необратим и современная жизнь вытесняет религиозную активность и практику на периферию социальной и личной жизни; кроме того, выявить взаимоотношение консервативного и подвижного: как степень и характер религиозного самоопределения воздействует на формирование социальных, политических, культурных и иных предпочтений и ориентаций. Во-вторых, сравнить, как данные процессы протекают в других европейских странах и как наиболее острые

вызовы современности — политика, миграция, семейный кризис, падение уровня общественной солидарности, нетерпимость и толерантность — проявляются в странах с различными религиозными традициями. И, наконец, в-третьих, выяснить, насколько религия помогает сохранять устойчивость в современном мире, координаты которого меняются так быстро, что даже «...указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно»[3].

Уровень религиозности в России и странах Европы

По данным Европейского социального исследования, российское общество делится на две почти равные части: 49% россиян относят себя к последователям религии, 48% — нет.

При сравнении долей респондентов, причисляющих себя к последователям определенных религиозных течений в странах Европы, следует обратить внимание на следующие параметры. Европу достаточно сложно воспринимать как нечто усредненное: в различных государствах этого континента доли считающих себя последователями религии не одинаковы, однако есть страны, в которых подавляющее большинство считают себя таковыми.

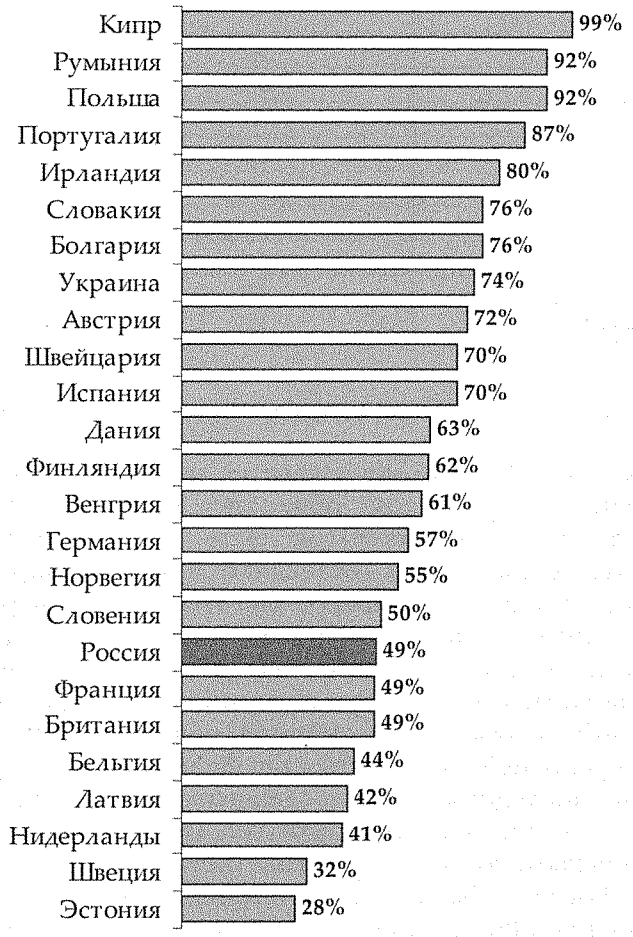
Причем это не зависит от того, в какой части Европы находятся данные государства или от конкретного религиозного течения. Подавляющее большинство населения таких стран, как Кипр (98%), Румыния (92%) и Польша (93%), заявляет о своей приверженности к определенному религиозному течению; чуть меньше последователей определенных конфессий в Португалии и Ирландии — 87% и 80%, соответственно. Наименьшие доли считающих себя последователями религии — в Нидерландах (41%), Швеции (32%), Эстонии (28%). Россия (49%) по данному показателю находится близко к Франции, являющей наиболее длительные традиции светскости (49%), и Словении (50%). Если сравнить Россию с Украиной, то оказывается, что в последней практически в 2 раза больше доля людей, заявляющих о своей принадлежности к определенной конфессии (график 1).

Причины и объяснения столь разной доли последователей различных конфессий в странах Европы могут быть весьма разнообразными: это и исторические традиции, в том числе секулярности, и национальный характер, и различные политические и идеологические перипетии. Однако очевидно новое прочтение в осознании себя последователем определенной религиозной традиции. Это, прежде всего, основание культурной самобытности, а не Вера как таковая. В подобном контексте на Кипре, где население практически полностью заявило о своей конфессиональной принадлежности, оно консолидировано на основании глубинного религиозного идентификационного параметра, столь необходимого для выживания общности в сложившемся этническом и политическом окружении. Это положение можно отнести и к Ирландии. Логично предположить, что в Польше и Румынии

[3] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для общества и человека. — М., 2004. — С. 113—114.

График 1

Доля тех, кто считает себя последователем какой-либо религии, вероисповедания (%)

религия также является фактором, скрепляющим общность, поскольку эти две страны на протяжении длительной истории не могут определиться со своими политическими и культурно-идентификационными ориентирами. Это заставляет опираться на более устойчивое основание. Нельзя сбрасывать со счетов и национальный характер различных народов, ведь религия воздействует прежде всего на сферу общественной и индивидуальной психологии, когда от глубины и характера эмоций и экзальтированности зависят и форма выражения приверженности к религиозному течению, и количество последователей.

В России среди тех опрошенных, кто относит себя к какой-либо религиозной конфессии, подавляющее большинство считают себя православными христианами — 87% (от общего числа россиян — 43%). На втором месте в рейтинге самых распространенных конфессий — ислам: 11% верующих (6% от числа всех опрошенных) идентифицируют себя с мусульманами.

19 – 2266

Таблица 1

Религиозная принадлежность россиян

Конфессии, к которым россияне себя относят	% от всех опрошенных	% от тех, кто себя относит к какой-либо религии
Католичество	0,3	0,6
Протестантизм	0,2	0,4
Православное христианство	43	87
Другие христианские религии	0,2	0,4
Ислам	6	11
Восточные религии	0,1	0,2
Другие нехристианские религии	0,1	0,2
Всего последователей религий	49	100
Не дали ответ на вопрос	51	–

Приверженцы любой другой религии составляют менее 1% россиян (см. табл. 1).

Такое положение вещей подтверждается и многолетним мониторингом Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН. Однако надо отметить, что несмотря на то, что последователи буддизма или протестантских конфессий составляют в данном опросе 0,4% и 0,2% соответственно, а по данным опросов ИС РАН, по 1% верующих, и следовательно, они находятся в зоне статистической погрешности, вряд ли стоит элиминировать из анализа особенностей религиозности в России данные когорты верующих. Это объясняется исторической ролью отмеченных религиозных традиций в структуре российского общества. Так, буддизм является доминирующий религией в трех субъектах Федерации, по территориальному охвату далеко не последних, а его последователи живут на своих исконных территориях, в исторических ареалах бытия. Последователи протестантских конфессий составляют, по данным многолетнего мониторинга ИС РАН, около 1 млн граждан России. Именно представители различных течений протестантизма являются в России наиболее сплоченными, наиболее религиозно активными, а также наиболее приверженными установкам активистской гражданской культуры.

По данным Европейского социального исследования, в европейских странах среди последователей религии абсолютное большинство составляют представители христианских конфессий, подтверждая христианское основание Европейской цивилизации, при этом сохраняются традиционные ареалы их распространения. Относят себя к католической церкви во Франции 85% последователей религии, в Португалии – 97%, Испании – 94%, Польше – 99%, Бельгии – 90%. Необходимо также отметить высокий процент последователей римско-католической церкви в таких странах, как Словения (93%), Словакия (83%), а также Венгрия (68%). Протестантские течения наиболее распространены в Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции (94%, 97%, 84% и 89% соответственно). В России, Румынии, Украине и Эстонии большинство верующих являются последователями Православной церкви (87%, 88%, 82% и 64% соответственно). Другие христианские конфессии

имеют наибольшую долю последователей в Великобритании, где этот показатель составляет 28% (см. табл. 2).

Таким образом, можно констатировать, что сложившаяся религиозная карта Европы пока еще остается христианской. Однако современные миграционные процессы и социокультурные тренды привели к размыванию гомогенного культурно-религиозного европейского пространства, и в странах Европы наблюдаются вкрапления групп, причисляющих себя к последователям иных религиозных систем, прежде всего ислама: так, во Франции их насчитывается 8%, в Бельгии – 6%, в Швеции – 5%, в Швейцарии – 5%, в Великобритании – 4%, в Германии – 4%. Интересным представляется факт, что доля мусульман выше именно в тех европейских странах, где отмечены наименьшие показатели религиозности среди традиционного населения. Это

Таблица 2

Религиозная принадлежность респондентов в странах Европы
(% последователей какой-либо религии)

	Католичество	Протестантизм	Православное христианство	Другие христианские религии	Иудаизм	Ислам	Восточные религии	Другие нехристианские религии
Австрия	90,0	4,8	0,7	0,8	0,2	1,6	1,3	0,5
Бельгия	90,0	1,2	0,6	1,4	0,4	6,0	0,3	0,1
Швейцария	46,2	46,2	1,4	1,1	0,1	3,4	1,4	0,3
Германия	41,7	52,1	0,4	1,3	0,2	3,3	0,8	0,2
Дания	1,3	93,5	0,2	1,2	–	2,6	0,6	0,6
Эстония	3,3	27,1	63,7	3,3	0,7	1,2	–	0,7
Испания	94,2	0,4	1,1	2,1	–	2,1	0,2	0,1
Финляндия	-	96,8	1,9	0,5	–	0,3	0,3	0,3
Франция	86,4	2,5	0,4	2,2	0,8	7,0	0,2	0,5
Великобритания	18,7	45,8	0,3	27,9	0,9	3,5	2,3	0,7
Венгрия	66,6	29,1	–	4,0	0,2	–	–	–
Ирландия	93,9	3,5	0,1	1,3	0,1	0,6	0,4	0,1
Латвия	37,2	25,7	25,2	12	–	–	–	–
Нидерланды	44,5	37	0,5	9,3	0,1	6,0	1,7	0,8
Норвегия	2,5	89	0,4	4,0	–	2,3	0,9	0,7
Польша	98,6	0,3	0,3	0,6	–	0,1	–	–
Португалия	96,9	0,8	–	1,6	0,2	0,2	0,2	0,1
Румыния	6,1	5,3	87,6	0,9	0,1	–	–	–
Россия	0,6	0,4	87	0,4	–	11,3	0,2	0,2
Швеция	4,1	84	1,5	3,0	0,3	5,3	1,2	0,7
Словения	92,8	1,8	2,4	0,8	–	1,8	0,1	0,3
Словакия	81,6	10,7	0,8	6,8	0,1	0,1	–	–
Украина	11	3,9	82,4	1,3	0,1	0,8	–	0,4

также подтверждает тезис о том, что религиозная принадлежность сегодня воспринимается скорее как стабильное идентичностное основание, чем приверженность к определенной совокупности догматических постулатов (см. табл. 3).

Следует подчеркнуть, что в отличие от России, где мусульмане проживают на своих исконных исторических территориях и являются неотъемной частью российской цивилизации, в Европе мусульманские анклавы представляют собой иную, пришедшую извне «большую традицию», воспринимаемую как чуждую. Этим объясняется и достаточно остро стоящая проблема нахождения способов сосуществования различных религиозно-этических традиций, и проблема миграционных трендов, которую образно можно назвать «великим переселением народов и религий». Для России эта проблема также в числе острых, особенно в регионах с преимущественно православным населением.

И хотя отношение европейцев к проблемам миграции можно оценить как достаточно толерантное (об этом подробно говорится в главе 7 настоящей книги), в большинстве исследуемых стран доминирует мнение, что европейская интеграция зашла слишком далеко и ее дальнейшее распространение было бы неправильным (см. табл. 4).

Насколько действенны механизмы и потенциал толерантности в подоб-

Таблица 3

Соотношение христиан, мусульман и представителей других конфессий среди последователей религии в странах Европы *(% от всех опрошенных)*

	Христиане	Мусульмане	Другие конфессии
Бельгия	93	6	1
Болгария	–	–	–
Швейцария	94	5	2
Кипр	–	–	–
Германия	95	4	1
Дания	96	3	1
Эстония	97	1	1
Испания	98	2	0
Финляндия	99	0	1
Франция	90	8	2
Великобритания	91	4	5
Венгрия	100	–	0
Норвегия	96	2	2
Польша	100	0	–
Португалия	99	0	1
Россия	87	11	0
Швеция	93	5	2
Словения	98	2	0
Словакия	100	0	0

Таблица 4

Европейская интеграция должна быть продолжена или она уже зашла слишком далеко, % *(оценивалось по 11-балльной шкале)*

	Интеграция уже зашла слишком далеко (11 по шкале)	Скорее зашла далеко (1–5 по шкале)	Скорее должна быть продолжена (6—9 по шкале)	Интеграция должна быть продолжена (10 по шкале)
Бельгия	8	53	36	4
Болгария	2	25	41	32
Швейцария	3	53	39	4
Кипр	3	20	68	20
Германия	9	54	32	6
Дания	5	42	45	8
Эстония	5	50	36	10
Испания	4	43	46	6
Финляндия	7	66	27	1
Франция	9	55	31	5
Великобритания	10	65	22	3
Венгрия	7	55	32	6
Норвегия	5	63	30	2
Польша	2	30	53	15
Португалия	3	50	44	3
Россия	7	49	33	11
Швеция	6	59	33	2
Словения	3	51	39	7
Словакия	2	43	46	9

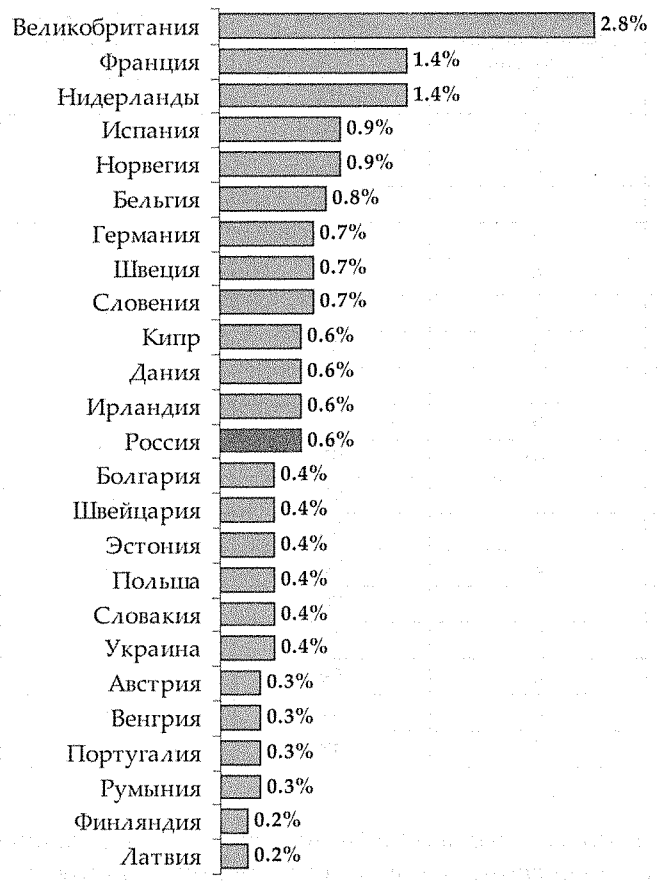
ных условиях? В России только 0,6% опрошенных, вне зависимости от принадлежности к конфессии, испытывают дискриминацию по религиозному признаку, что свидетельствует о высоком уровне религиозной терпимости по отношению к людям с иным мировоззренческим выбором. В Европе о дискриминации в зависимости от веры говорит также небольшая доля респондентов — не более 2,8% (график 2).

Причем гораздо чаще о дискриминации заявляют приверженцы ислама. В Швеции и Бельгии каждый десятый мусульманин испытывает ущемление по религиозному признаку, во Франции — каждый пятый мусульманин, в Германии — каждый шестой, в Испании — каждый четвертый. Это свидетельствует о сложностях в нахождении сегодняшнего способа сосуществования различных религиозных групп в Европейском культурном ареале, в отличие от российской исторической традиции долговременного совместного сосуществования различных религиозных систем в рамках единого социокультурного пространства.

Из мировых тенденций мы видим, что светскость государства отнюдь не гарантия от нетерпимости и экстремистских стратегий. Так, Франция, имеющая наиболее длительные традиции светскости, столкнулась с проявлениями

График 2

Количество респондентов, ощущающих дискриминацию по религиозному признаку (% от всех опрошенных)

насильственных действий со стороны анклавов иной «Большой традиции», носителей иной религии, в том числе и в силу недостаточной укорененности в матрице Европейской цивилизации императивов толерантности: еще тридцать лет назад в школах этого государства объясняли, что мусульманин — это враг. Существующие сейчас во Франции протестные настроения против Турции как потенциального члена ЕС обусловлены и культурологическими причинами: Турция 500 лет оккупировала Грецию — колыбель Европейской цивилизации. Конечно, эти примеры не исчерпывают всего круга исторических и современных проблем, они просто демонстрируют некоторые клише, циркулирующие в общественном сознании Франции и накладывающие достаточно яркий отпечаток на технологии межкультурного взаимодействия.

Вектор развития европейской публичной политики в сторону «нации-государства» привел к исчезновению многих этносов и языков, религиозным войнам, насильственному уничтожению культур. Именно монологичные

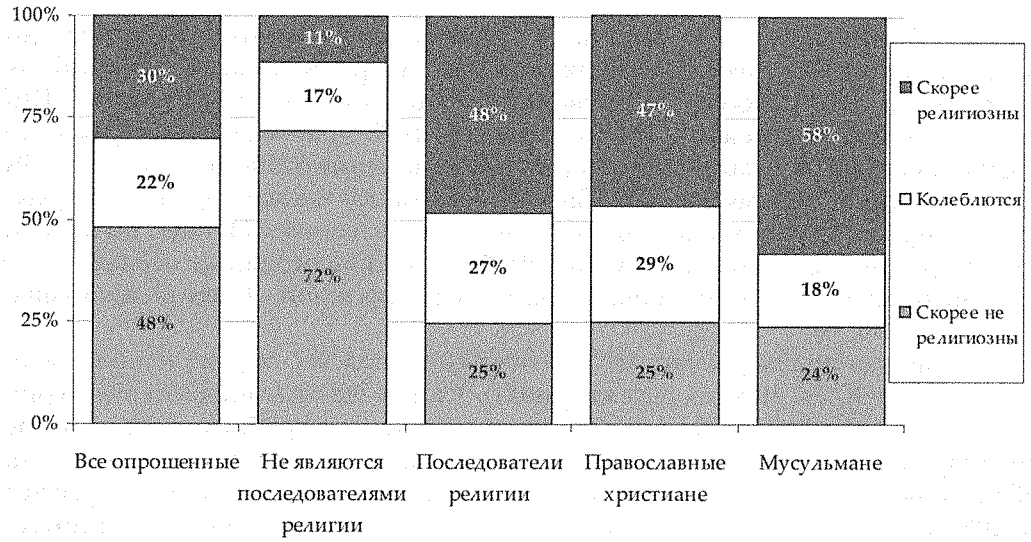
стратегии поставили Европейскую цивилизацию в современных условиях перед необходимостью выработки новых вариантов межкультурного и межцивилизационного взаимодействия, и она вынуждена была сознательно обратиться к толерантности как алгоритму сосуществования частей в рамках поликультурного бытия. Поэтому в политику мультикультурализма закладываются рациональные рычаги и регуляторы сосуществования различных социокультурных образований. Показательно в этом отношении возникновение и развитие в поле Европейского Союза «языкового права», защищающего существование языков этнокультурных меньшинств, а также внимание гуманитарной науки к локальным сообществам.

При определении степени религиозности россиян выяснилось, что российское общество скорее светское. Около половины опрошенных в России, по данным ESS, в целом нерелигиозны, в их числе 14% отмечают, что они совершенно не религиозны и 32% — скорее нет. Порядка пятой части респондентов, 22%, колеблются при определении меры своей религиозности. В целом религиозными себя считают менее трети россиян — 30%, среди них 26% склоняются к такому мнению и лишь 3%, по собственным оценкам, глубоко религиозны (см. график 3).

Если обратить внимание на степень религиозности последователей различных конфессий в России, то доля очень религиозных мусульман в 2,5 раза больше доли глубоко религиозных последователей православия — 12% против 5%. Одновременно среди позиционирующих себя последователями российских религиозных течений около 10% совсем не считают себя религиозными людьми, а еще около 15% скорее нерелигиозны, чем религиозны.

График 3

Степень религиозности россиян («Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?»)

О характере, глубине и степени религиозности можно судить не только по субъективным самоидентификационным оценкам, но и по уровню религиозной активности респондентов. Показатели, характеризующие степень этой вовлеченности, позволяют судить не только о глубине религиозной веры и мировоззренческой убежденности, но и о том, какое место религия и ее институционализированные формы играют в жизни респондентов, принадлежащих к тем или иным религиозным и мировоззренческим группам. Респондентам были заданы вопросы о частоте посещения ими публичных богослужений, исполнения религиозных обрядов и участия в религиозных праздниках, а также о регулярности домашней молитвы. При этом необходимо отметить, что достоверное суждение о вовлеченности в религиозную жизнь можно сделать лишь на основе комплексного анализа ее проявлений, поскольку в разных религиозных системах они играют различную роль.

Около трети россиян посещают религиозные службы более-менее регулярно; в их числе бывают там раз в неделю и чаще только 4% опрошенных; раз в месяц — 8% респондентов; и еще больше число тех, кто участвует в публичных богослужениях только по религиозным праздникам — 19%. Четвуртая часть россиян, 27%, делают это лишь изредка. И свыше трети опрошенных, 41%, указывают, что никогда не посещают религиозные службы. Затрудняются с оценкой — менее 3% опрошенных.

Более характерно для россиян общаться с Богом посредством молитвы. Ежедневно молятся 15% опрошенных; немного реже, но как минимум раз в неделю — 6%; ежемесячно или хотя бы по религиозным праздникам — 14%; еще реже — 16%. И около половины россиян, 46%, никогда не совершают молитву (график 4).

Если судить об уровне религиозной активности по частоте совершения молитвы и посещения храма одновременно, то окажется, что практикующих верующих в России не так уж и много — всего 0,4% тех, кто это делает ежедневно, и еще 1% тех, кто делает это чаще одного раза в неделю. Напротив, тех, кто никогда не делает ни того, ни другого, около трети — 34% (табл. 5).

Если обратиться к тому, как часто молятся и посещают храмы последователи наиболее многочисленных российских религиозных течений, то оказывается, что каждый день свершают молитву 43% мусульман и 19% православных, чуть реже — 7% мусульман и 10% православных. Храмы посещают регулярно — каждый день или хотя бы один раз в неделю всего 6% православных и 24% мусульман. Таким образом, мусульмане являются более активно практикующими верующими, чем православные. Однако по религиозным праздникам ходит в храм на 10% больше православных, а совершают молитву практически одинаковые доли последователей обоих религиозных течений (табл. 6).

Это еще раз подтверждает, что соотнесение людей с определенным религиозным течением можно рассматривать скорее как следование культурно-цивилизационной традиции, чем веру с постулатами и требованиями вероучения. Обращает на себя внимание факт, что респондентов, позиционирующих себя как людей, не являющихся последователями определенных конфессий, на 20% больше, чем тех, кто никогда не отправляет внешних атрибутов

График 4

Частота посещения религиозной службы («Если не считать особые случаи, такие как свадьбы или похороны, как часто в последнее время Вы посещаете религиозные службы?» «Кроме тех случаев, когда Вы посещаете религиозные службы, как часто Вы молитесь, если вообще это делаете?»)

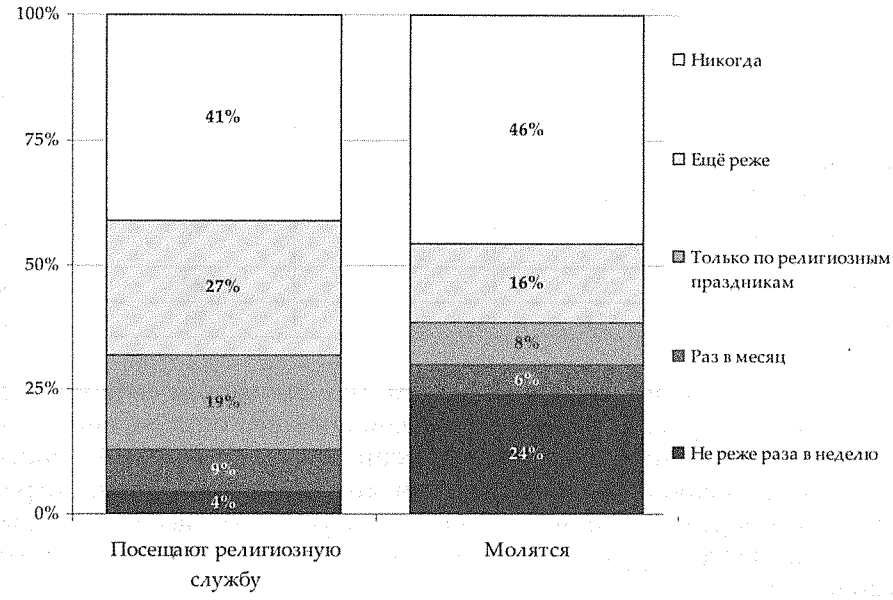

Таблица 5

Частота совершения молитв и посещения религиозной службы
(% от общего числа респондентов)

Посещают религиозную службу	Молятся						
	Каждый день	Чаще, чем раз в неделю	Один раз в неделю	Один раз в месяц	Только по религ. праздникам	Еще реже	Никогда
Каждый день	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Чаще, чем раз в неделю	0,9	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Один раз в неделю	1,7	0,4	0,6	0,0	0,1	0,1	0,1
Один раз в месяц	3,1	1,3	0,9	1,7	0,4	0,5	0,5
Только по религиозным праздникам	3,3	1,7	1,0	2,0	5,7	1,9	2,7
Еще реже	2,9	1,6	0,4	1,5	1,2	10,9	8,5
Никогда	2,2	0,8	0,5	0,7	0,9	2,6	33,7

Таблица 6

Частота посещения религиозных служб и молитвы (в %)

	Частота посещения религиозных служб		Частота молитвы	
	Православные христиане	Мусульмане	Православные христиане	Мусульмане
Каждый день	1	4	19	43
Чаще, чем раз в неделю	1	4	10	7
Один раз в неделю	4	16	6	5
Один раз в месяц	14	9	10	1
Только по религиозным праздникам	30	19	13	14
Еще реже	33	6	22	3
Никогда	18	42	21	27

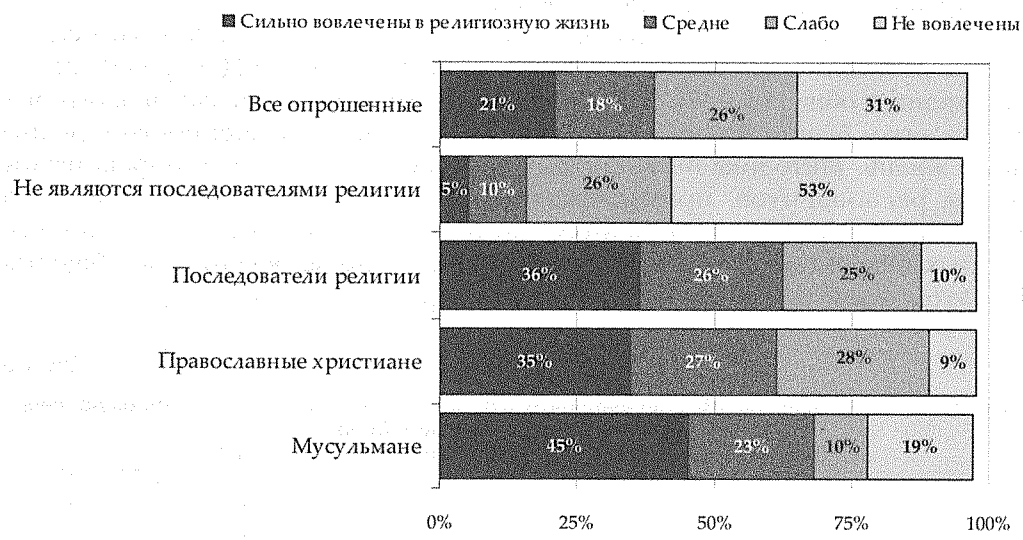
культов. Это показывает, что даже людям, не относящим себя к конфессии, либо не чужда «дорога к храму», либо соблюдение определенных обрядов является манифестацией их идентификационных оснований. Таким образом, институционализированные российские конфессии распространяют в определенной мере свое влияние на неверующую часть населения, вследствие чего граница между верующими и неверующими не является непрозрачной и незыблемой.

Более того, ежегодные опросы Института социологии РАН стабильно показывают, что свыше 65% респондентов, среди которых есть и известная часть неверующих, признает в той или иной мере авторитет Церкви в социальных и моральных вопросах. Не случайно во всех опросах, связанных с доверием к социальным и гражданским институтам, религиозные организации занимают лидирующее место (после Президента и армии).

Если обратиться к проблеме вовлеченности в религиозную жизнь, то 21% опрошенных считают себя сильно вовлеченными, 31%, наоборот, в религиозную жизнь не вовлечены (график 5). При этом среди мусульман сильно вовлечены 45%, тогда как среди православных таких на 11% меньше. Это связано с большими традиционалистскими установки приверженцев ислама, а также с более ярко появляющейся переплетенностью духовных и светских институтов. Еще раз следует подчеркнуть факт сильной (5%) и средней (10%) вовлеченности в религиозную жизнь части людей, не являющихся последователями конкретных религиозных течений, а также полное или практически полное неучастие в религиозной жизни 37% респондентов, считающих себя последователями православия, и 29% последователей ислама. И это несмотря на каноническую обязанность для представителей наиболее многочисленных конфессий в России (в исламе — желательность) участия в публичных богослужениях и отправлении культа. Таким образом, вероятной представляется амбивалентная ситуация: если для одних групп в их религиозной самоидентификации ключевой является вовлеченность в религиозную жизнь и религиозная практика, то для других — общая культурно-цивилизационная принадлежность.

График 5

Степень вовлеченности россиян в религиозную жизнь

Итак, следует подчеркнуть два момента.

1. Среди людей, не являющихся последователями определенных конфессий также высок уровень духовных исканий, порядка 30% процентов заявляют о своей сильной и даже глубокой религиозности, что свидетельствует о потребности в поиске трансцендентного основания.

2. Около четвертой части православных и мусульман (26% и 25% соответственно) считают себя скорее нерелигиозными людьми, а значит, позиционируя себя как последователей православия или ислама, они скорее обозначают свою принадлежность к той или иной культурной традиции, нежели связывают это с вопросом веры. Таким образом, актуализация религиозной идентичности является показателем не возрастающей религиозности населения и его возврата к Вере, а скорее повышения роли устойчивых культурно-цивилизационных характеристик в жизни индивида и общества. Обратим внимание, в частности, на то, что явление, когда число респондентов, заявляющих о своей принадлежности к той или иной конфессии, оказывается существенно больше числа верующих в Бога, неизменно фиксируется и опросами Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН. Очевидно, что религиозная самоидентификация нередко определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии («русский, поэтому православный», «татарин, поэтому мусульманин»). Правильность подобного положения подтверждается и данными Европейского социального исследования: в России близость с людьми той же веры всегда или иногда ощущает подавляющее число респондентов, даже если они не

являются последователями религии или не являются практикующими верующими. При этом чаще это чувство испытывают мусульмане (62%), а также глубоко религиозные люди (68%). Подобное чувство все время испытывают 50% православных, а среди неверующих – 29%.

Если сравнить приведенные данные Европейского социального исследования с результатами, полученными по опросу населения Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН (2006–2007), то по практически аналогичным индикаторам были образованы группы по степени вовлеченности в религиозную жизнь. Методика была составлена таким образом, что опрашивались группы респондентов, принадлежащие не только к двум наиболее многочисленным религиозным течениям, но и к другим, без учета особенностей которых невозможно понять поликонфессиональное российское общество. При этом были получены несколько иные результаты (табл. 7).

Таблица 7

Показатели, характеризующие вовлеченность в религиозную жизнь приверженцев различных религий и мировоззрений (в %)

(данные Центра «Религия в современном мире» ИС РАН)

	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
Участие в публичных богослужениях						
Не реже одного раза в месяц	28	26	36	8	8	1
Только по религиозным праздникам	34	31	38	27	37	1
Редко (раз в год и реже)	25	30	18	25	33	6
Не участвуют	13	12	9	40	22	92
Исполнение религиозных обрядов						
Исполняют все основные обряды и предписания своей религии	11	25	28	8	8	0
Стараются исполнять наиболее важные религиозные обряды и предписания	28	29	37	24	32	0
Исполняют нерегулярно	46	38	25	37	46	8
Не исполняют	15	8	10	31	13	91
Участие в религиозных праздниках						
Отмечают регулярно	23	37	34	14	13	0,4
Отмечают лишь основные	57	40	45	48	65	16
Отмечают редко	16	20	16	28	18	30
Не отмечают	4	3	5	10	3	53
Частота совершения молитвы						
Ежедневно	37	39	37	17	14	2
Не реже одного раза в неделю	24	20	26	19	27	2
Иногда	34	36	33	50	52	19
Никогда	6	5	4	14	8	77

Необходимо отметить, что достоверное суждение о вовлеченности в религиозную жизнь можно сделать лишь на основе комплексного анализа ее проявлений, поскольку в разных религиозных системах они играют различную роль. Так, для христианских конфессий особую важность приобретают регулярные молитвенные собрания, причем в протестантизме, в отличие от православия и католицизма, значительно меньшее место уделено религиозным праздникам и обрядовым предписаниям. Напротив, в нехристианских вероисповеданиях значение ритуально-обрядовой и праздничной сферы религиозной жизни достаточно велико.

Своеобразие религиозности последователей разных верований, принадлежность респондентов к той или иной мировоззренческой и конфессиональной группе определялись на основании их личной самоидентификации, однако одновременно пристальное внимание было уделено исполнению ими необходимых требований культа.

Европейское социальное исследование показало, что наибольший процент регулярно участвующих в публичных богослужениях (36%) отмечен в протестантской группе; за ними следуют приверженцы православия и католицизма, где в публичных богослужениях еженедельно принимают участие 28% и 26%, соответственно. Напротив, в мусульманской группе уровень посещаемости храма (мечети) относительно невысок – лишь 8% опрошенных. Самый низкий показатель – у приверженцев буддизма, где храм (дацан, хурул) не реже одного раза в месяц посещают менее 1% респондентов.

Разумеется, здесь сказываются особенности культа и организации каждой из представленных конфессий или религий. Так, в протестантизме религиозная община – это, как правило, высококонсолидированное сообщество единоверцев, поддерживающих между собой постоянные неформальные связи. Регулярным молитвенным собраниям с обязательной проповедью пастора здесь отводится важная роль. Высокая степень внутриобщинной консолидации характерна также для приверженцев католицизма Вероятно, здесь сказывается фактор религиозного меньшинства, существующего в иноверческом окружении (вопрос о толерантном сосуществовании различных конфессий является особым). В то же время в православии и исламе – религиях большинства российского населения – религиозные общины гораздо более аморфны и имеют текучий состав, особенно в крупных городах. В религиозной же практике буддизма публичные церемонии вообще проводятся лишь в связи с праздниками.

Что касается исполнения основных религиозных обрядов и предписаний, то здесь разрыв между конфессиональными группами более значителен. Наиболее высок этот показатель также у протестантов (28%) и католиков (25%), значительно ниже – у последователей православия, ислама и буддизма. Причем доля мусульман и буддистов, исполняющих все обрядовые предписания, практически равна доле тех, кто регулярно посещает храмы, а доля православных в 2 раза меньше.

В данном случае сказываются особенности обрядовой системы каждого религиозного направления: относительная простота характерна для протестантизма и отчасти католицизма (для католиков-мирян, например,

правила относительно постов гораздо менее строги, чем для православных).

Регулярно отмечают религиозные праздники свыше трети респондентов в группах католиков и протестантов, чуть меньше трети православных и только каждый восьмой мусульманин. Наибольший процент практикующих ежедневную домашнюю молитву вновь среди протестантов и католиков (37% и 39% соответственно), к ним примыкают православные (37%). Среди мусульман ежедневную молитву, несмотря на то, что данное установление является одним из пяти столпов ислама, совершают не более 17%. Замыкают группу буддисты (14%). Примечательно, что даже в группе неверующих 1,6% совершают ежедневную молитву.

Таким образом, исходя из суммарных характеристик религиозной активности, можно констатировать ее высокую степень в протестантской группе, за которой следуют католики. Несколько ниже показатели у православных, еще ниже у мусульман, а самые низкие демонстрируют приверженцы буддизма.

Различный характер проявления религиозной активности в разных конфессиональных группах связан не только с особенностями их культовой практики. Это еще раз подтверждает уже не раз акцентированные положения: если для одних групп в их конфессиональной самоидентификации решающую роль играет включенность респондентов в религиозную практику, то для других — общая культурно-цивилизационная ориентация. Последнее в наибольшей мере относится к приверженцам самых многочисленных традиционных российских религий.

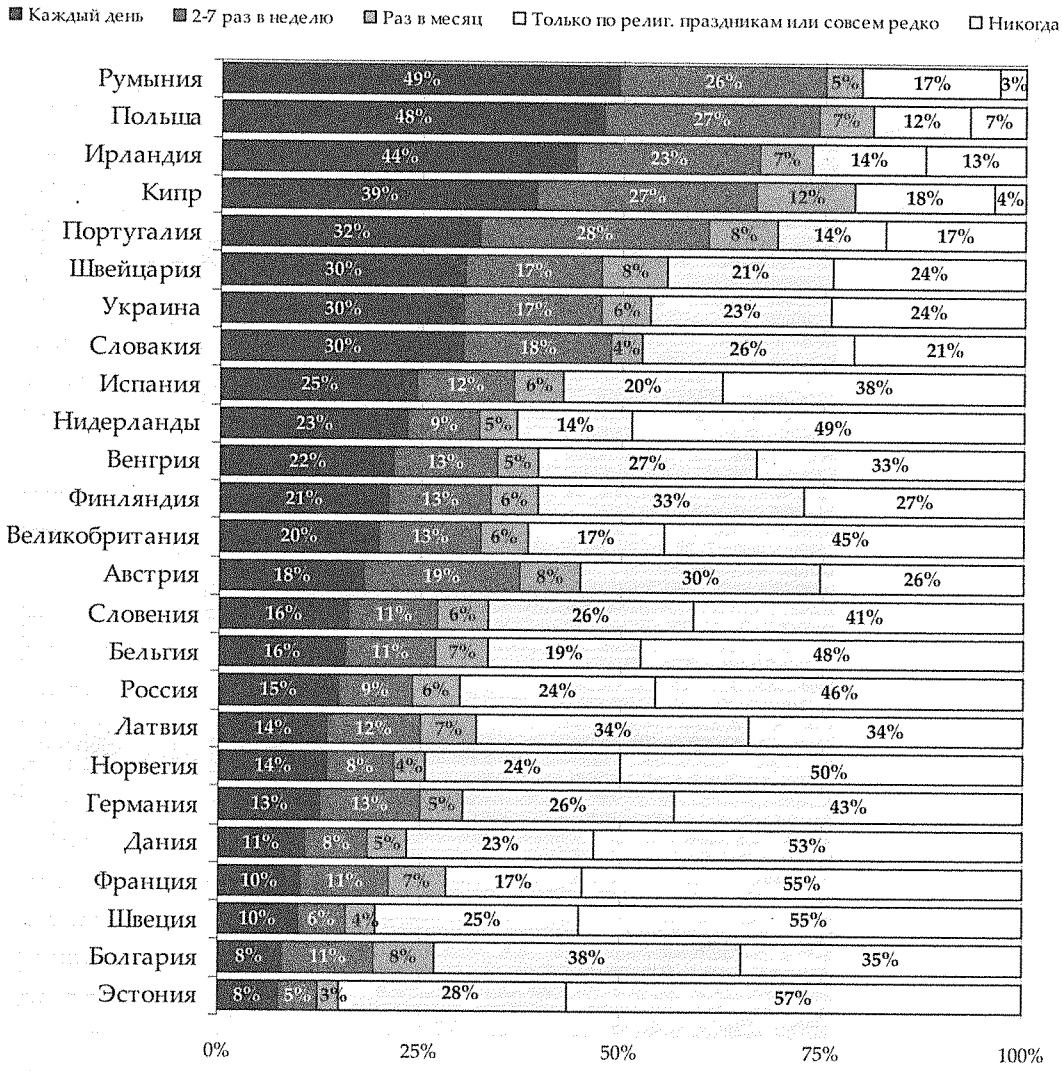
Если вернуться к Европейскому социальному исследованию, то сравнение долей практикующих верующих в различных странах Европы по отмеченным индикаторам позволяет выяснить, насколько специфика религиозной практики России является ощутимой (график 6).

Наибольшая доля верующих, совершающих молитву каждый день, зафиксирована в Польше (48%), Румынии (49%), Ирландии (44%), на Кипре (39%), в Португалии (32%), Украине (30%), Словакии (30%). Около четверти респондентов ежедневно молятся в Испании, Венгрии, Нидерландах. Меньше всего доли последователей конфессий, ежедневно молящихся, — в Болгарии, Франции, Германии, Дании, Эстонии, Швеции (от 8% в Эстонии до 12% в Германии). Россия в данном контексте находится в стане стран, в которых совершает ежедневную молитву меньшинство. Наименьшее количество тех, кто никогда не молится, на Кипре, в Румынии и Польше (не более 7%), что еще раз доказывает уже отмеченную важность религиозной принадлежности, в том числе и в области отправления культа, для этих стран в координатах поддержания устойчивости общества и поиска идентичностного основания.

Посещение религиозных служб не столь популярно в странах Европы, даже в тех, где практически все население является последователями определенной религии. Доля тех, кто ходит в церковь ежедневно, не превышает по всем странам 4%. Более-менее регулярно богослужения посещают свыше половины опрошенных в Польше, Ирландии, на Кипре, в Португалии, Румынии. Как мы видим, нет однозначного соответствия между частотой совершения молитвы и принадлежностью к определенной конфессии, скорее

График 6

Частота совершения молитвы

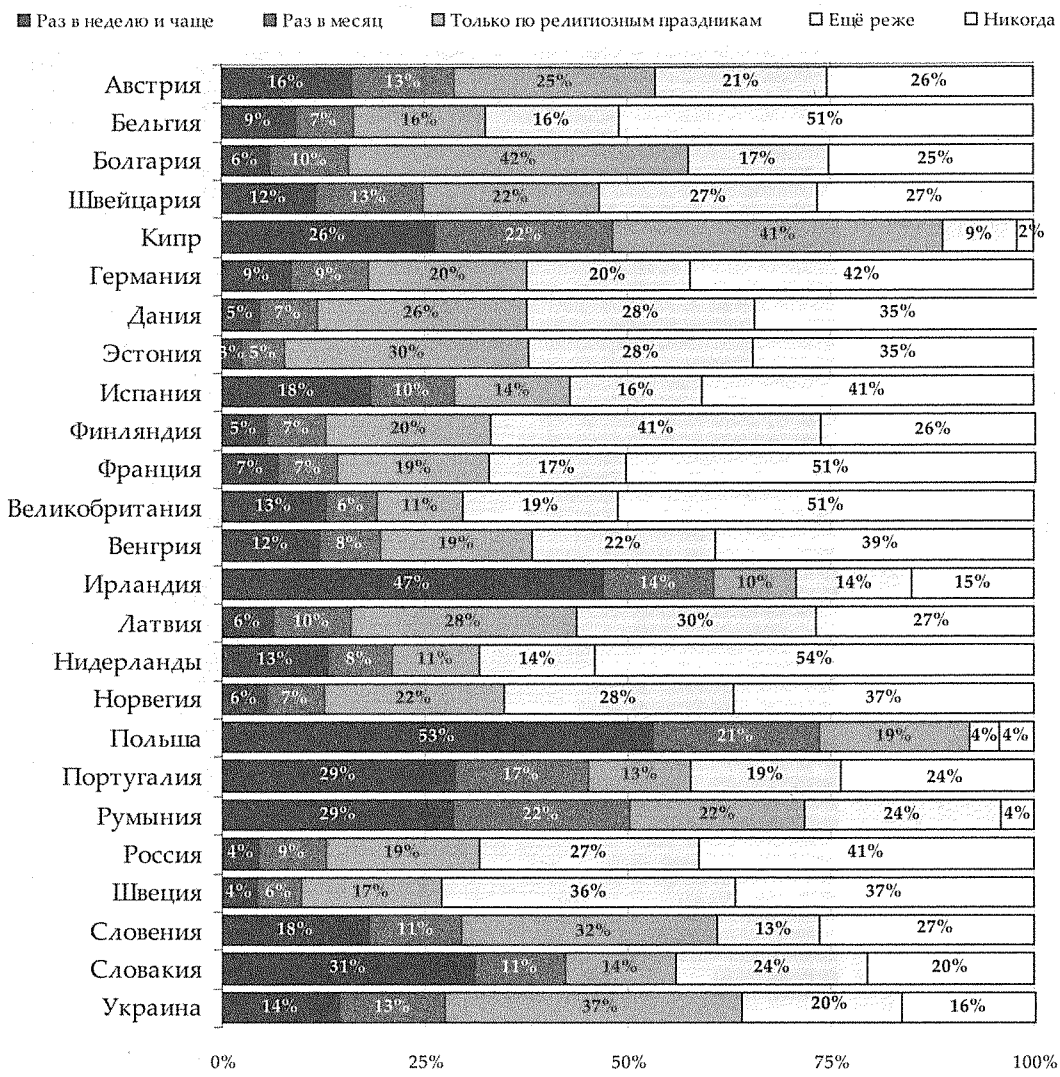

роль играют иные факторы, означенные выше, а вернее, их совокупность (см. график 7).

Если обратиться к вопросу, кто более активен — представители христианских конфессий или пришлых мусульманских групп, то оказывается, что именно в тех странах, где наиболее низки показатели активности, существуют наиболее многочисленные исламские группы и они демонстрируют гораздо большую, чем христиане (практически в 2–3 раза), степень исполнения таких атрибутов последователей вероучения, как молитва и посещение богослужений в данных странах. Это прежде всего мусульмане Франции, Германии, Австрии, Дании, Швеции.

График 7

Частота посещения религиозной службы

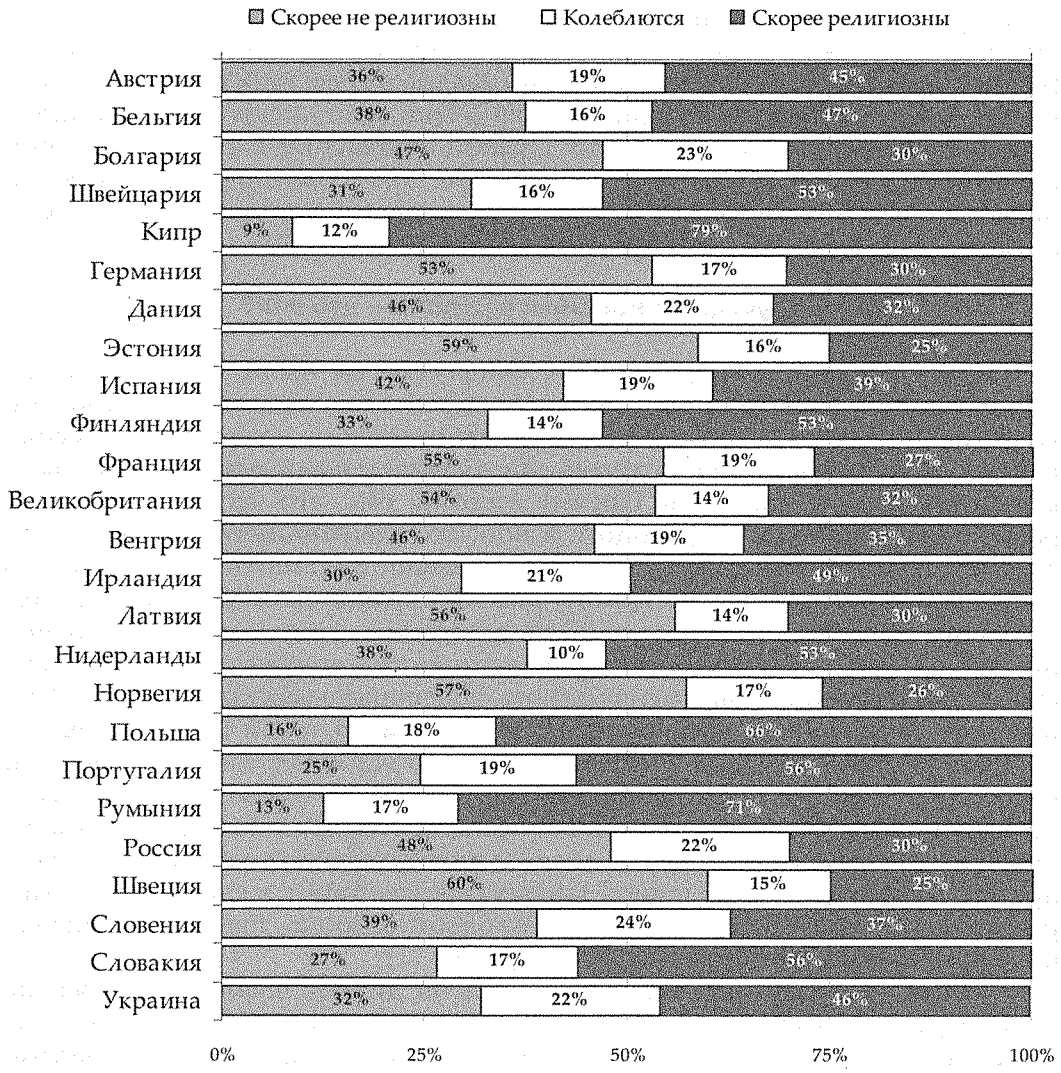

Вопрос о степени религиозности также подтвердил наметившиеся тенденции. Наибольшую степень религиозности населения являет собой Кипр, где практически 90% опрошенных говорит о своей глубокой религиозности; за ним следуют Польша, Ирландия, Португалия, Словакия, Украина. Интересным представляется в данном ряду положение Финляндии, где население не так часто молится и практически не посещает богослужения, однако о своей достаточно глубокой религиозности заявляют почти 50% населения (график 8).

В общем, Европа, несмотря на определенные различия между странами, представляет собой пока еще достаточно секулярное общество, однако

График 8

Степень религиозности респондентов («Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя читаете?»)

тенденции определенных трансформаций налицо. Наибольшую степень религиозности, а также наиболее строгое соблюдение номинальной атрибутики демонстрирует население Кипра, Польши, Румынии, Ирландии, Украины, Португалии, причем если в первых пяти странах самыми вескими причинами служат необходимость консолидации в иноконфессиональном и политически-враждебном окружении (Кипр, Ирландия), а также не устоявшаяся собственная цивилизационная идентичность (Польша, Румыния, Украина), то в Португалии доминируют историческая традиция и национальный характер, способствующий более экзальтированному выражению религиозных

чувств. В большинстве стран Европы количество практикующих верующих традиционных религий снижается, и именно такие тенденции сужения поля религиозной практики поставили перед европейским обществом вопрос о необходимости изменений в христианской религии.

В странах с наименьшей долей религиозных людей мусульманские анклавы представляют собой более консолидированное сообщество, где исполнение религиозных канонических предписаний является средством скрепления общности. Россия в данных координатах не очень отличается от большинства европейских стран, более светских в своем отношении к трансценденции, однако длительное совместное проживание приверженцев, прежде всего православия и ислама, делает императивы их взаимодействия гораздо более мягкими, чем в Европе, что проявляется и в религиозной практике.

Верующие в России и в Европе — кто они?

Чтобы последователи различных конфессий не были так сказать «абстрактными», «схематичными», важно посмотреть на их детальный портрет. По вопросу о том, как социально-демографические характеристики россиян влияют на их отношение к религии, представляется важным акцентировать внимание на ряде моментов. Прежде всего на том, что часть общества обращается к религии как традиции, в поисках идентичности, в стремлении сохранить историческую память. ESS позволяет выявить, какие именно социально-демографические группы россиян являются естественными хранителями традиций. Кроме того, быть верующим сейчас «модно», а значит публичное подчеркивание своей принадлежности к конфессии — это один из способов адаптации в современном мире, подспорье в карьерном росте[4]. Данные опроса позволяют выявить, насколько типичен такой путь к успеху.

Помимо этого, считаем важным учесть, что наименее защищенные слои населения, которые в религии ищут прежде всего утешения, вероятно, уделяют больше (чем благополучные респонденты) внимания всем трем составляющим взаимодействия с религией: они более охотно фиксируют свою принадлежность к определенной конфессии; участвуют в связанных с этим ритуалах; уделяют больше внимания духовной стороне, пытаясь компенсировать «земные неудачи».

«"...Религии спасения", этические религии делают человеческую жизнь осмысленной, обеспечивают ее моральной архитектурой», при этом «религиозные символы и институты определяются культурным контекстом, специфическим для того или иного социума...»[5]. Используем такой подход применительно к современной России, с учетом ее недавней 70-летней истории борьбы с религией.

Теоретически моральные принципы, по крайней мере тех россиян, которые считают себя христианами, должны базироваться на знании десяти

---

[4] Эту тенденцию зафиксировал М. Вебер в начале XX в. применительно к США. См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. — М., 1990.

[5] *Гараджа В.И.* Социология религии. — М., 2007. — С. 263.

заповедей и семи смертных грехов. Однако все десять заповедей знают менее 1% россиян; чаще всего припоминают заповеди «не убей» (56% россиян), «не укради» (52%), «не прелюбодействуй» (25%). Ни одной заповеди не могут вспомнить 44% наших соотечественников. Аналогичная картина со знанием семи смертных грехов: назвать все семь могут менее 1% опрошенных. Причем чаще всего называют все те же «убийство (43%) и «воровство» (28%), которых в перечне смертных грехов на самом деле нет[6]. Получается, что специфика нашей страны в настоящее время заключается в том, что у нас религия едва ли обеспечивает человеческую жизнь моральной архитектурой, однако и без этой архитектуры помогает смириться с жизненными обстоятельствами.

Европейское социальное исследование показывает, что *религия в жизни женщин, как правило, играет значительно большую роль, чем в жизни мужчин*, причем в самых разных аспектах – когда речь идет и о принадлежности к конфессии, и о ритуальной составляющей религиозной жизни, и о духовной стороне.

В России мужчины реже, чем женщины, относят себя к какой-либо конфессии (40% и 57% соответственно). Эта закономерность проявляется и в большинстве других стран–участниц исследования. Например, на Украине последователи той или иной религии составляют среди мужчин 63%, среди женщин – 80%; в Австрии – 69% и 75%; в Швейцарии – 66% и 72%.

Однако есть и исключения из этого правила, в четырех из 25 государств доли приверженцев религии среди мужчин и женщин практически одинаковы. Это прежде всего страны, где число респондентов, принадлежащих к конфессии, выше 90% – Кипр (там 99% мужчин и 98% женщин – последователи религии), Румыния (92% мужчин и 93% женщин) и Польша (90% и 94%). Кроме того, доли респондентов, заявляющих о своей конфессиональной принадлежности, примерно равны среди мужчин и женщин Норвегии (53% и 56%), хотя в этом государстве относят себя к религиозным конфессиям лишь немногим более половины опрошенных. Можно предположить, что такое состояние обусловлено тем, что в Норвегии женщины чувствуют себя социально защищенными в ничуть не меньшей степени, чем мужчины. Отметим, что в данном случае сама конфессия, к которой респонденты себя относят, не влияет на соотношение мужчин и женщин, к ней принадлежащих: так, в Норвегии самая распространенная религия – протестантизм, в Польше – католицизм, в Румынии – православное христианство.

Среди стран–участниц ESS–2006 не оказалось ни одной, где бы доля последователей религии среди мужчин была выше, чем среди женщин.

Еще более заметна разница между ответами мужчин и женщин, когда речь идет о степени вовлеченности в религиозную жизнь и религиозности.

В России сильно вовлечены в ритуалы 9% мужчин и 28% женщин, совсем не молятся и не посещают религиозные службы 46% мужчин и 21% женщин.

---

[6] Опросы ВЦИОМ от 19–20 апреля и 10–11 мая 2008 г. Опрашивалось каждый раз по 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4% //http//wciom.ru//Пресс-выпуски № 945 и № 1116.

Причем женщины более активно, чем мужчины, участвуют в религиозных ритуалах не только в России, но и во всех остальных странах–участницах исследования, включая выделенные выше Кипр (там сильно вовлечены в религиозную жизнь 41% мужчин и 72% женщин), Польшу (71% и 85%), Румынию (55% и 74%) и Норвегию (13% и 24%).

Степень религиозности женщин выше, чем мужчин, во всех 25 странах. В России совсем не религиозными себя считают 21% мужчин и 9% женщин; к крайне религиозным людям себя относят 3% мужчин и 7% женщин.

Таким образом, в 21 стране (включая Россию) процент респондентов, относящих себя к какой-либо конфессии, среди женщин выше, чем среди мужчин; доли представителей обоих полов, принадлежащих к конфессии, одинаковы в четырех странах (Кипр, Румыния, Польша и Норвегия). Во всех 25 странах женщины более активно вовлечены в религиозную жизнь и более религиозны, чем мужчины.

По данным ESS, в России доля тех, кто относит себя к конфессии, возрастает с 36% в группе молодежи 15–17 лет до 66% в группе тех, кому за 60 лет (табл. 8).

Чем старше респонденты, тем более они вовлечены в религиозную жизнь и тем более религиозны. В России доля тех, кто сильно вовлечен в ритуалы, возрастает с 7% среди молодежи 15–17 лет до 37% респондентов 60 лет и старше. И наоборот, доля совсем не вовлеченных в религиозную жизнь сокращается с 45% в самой молодой группе опрошенных до 25% в самой старшей. Эта же закономерность проявляется, когда речь идет о религиозности. Доля крайне религиозных респондентов увеличивается с 3% до 10% в указанных возрастных группах, а доля совсем не религиозных сокращается с 24% до 12% соответственно.

В остальных 24 странах старшее поколение тоже, как правило, наиболее активно вовлечено в религиозные практики и наиболее религиозно. В 22 странах оно заявляет о своей принадлежности к конфессии чаще других возрастных групп опрошенных. Выбиваются из этого ряда только Болгария, Кипр и Румыния. На Кипре принадлежат к конфессии почти все, независимо от возраста. В Болгарии и Румынии процент респондентов, относящих себя к конфессии, среди молодежи и людей пожилого возраста практически одинаково высок. Данное обстоятельство может быть объяснено не только сходным социальным положением самой молодой и самой старшей групп опрошенных в этих двух странах, но и активным обращением молодежи к национальным традициям, поискам идентичности.

Кроме того, в ряде стран в жизни самых молодых опрошенных – 15–17 лет – религия играет более существенную роль, чем среди молодежи 18–24

Таблица 8

Отношение к религии мужчин и женщин, %

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Мужчины	40	9	3
Женщины	57	28	7

лет. Для 15–17-летних опрошенных более характерна ситуация, когда они еще не «вырвались» из-под опеки старшего поколения, не отдалились от семейных традиций, тогда как в возрасте 18–24 лет респонденты уже, как правило, менее зависят от старших членов семьи.

Относят себя к конфессии опрошенные 15–17 лет чаще, чем респонденты 18–24 лет, в 9 государствах – Германии, Венгрии, Ирландии, Нидерландах, Польше, Португалии, Румынии, Швеции и Словении. Сильно вовлечены в религиозную жизнь в первой из этих возрастных групп чаще, чем во второй, в 11 странах (в Австрии, Швейцарии, на Кипре, в Дании, Испании, Венгрии, Нидерландах, Польше, Португалии, Словении и Словакии). Крайне религиозны в первой группе чаще, чем во второй, в 5 странах (в Швейцарии, Дании, Испании, Румынии и Украине). То есть более значимая роль религии в жизни самой молодой группы (по сравнению с 18–24-летними) выражается в первую очередь в отождествлении себя с конфессией и исполнении религиозных ритуалов, и только во вторую очередь в религиозности.

Однако в большинстве стран – участниц ESS молодое поколение в целом реже других поколений заявляет о принадлежности к конфессии, менее вовлечено в религиозную жизнь и менее религиозно. Видимо, в молодом возрасте у человека сильны ощущения, что он способен достичь многого в этой жизни; и благодаря этому социальному оптимизму потребность в религии как спасении и смирении менее выражена (см. табл. 9).

Потребность сохранения традиций, поиск идентичности особенно актуальны не для тех, кто принадлежит к наиболее крупному в стране этносу, а для менее многочисленных национальных групп. В России русские реже, чем представители других национальных групп, заявляют о своей принадлежности к конфессии, менее вовлечены в религиозную жизнь и менее религиозны.

Эта закономерность действует в 21 стране–участнице опроса, за исключением Кипра (где почти все принадлежат к конфессии), Венгрии, Румынии и Польши (в последней представители национальных групп реже говорят о своей религиозности, чем респонденты из наиболее крупного в этой стране этноса). Особенно ярко общая закономерность проявляется в Бельгии (принадлежат к конфессии 72% респондентов из национальных групп и 43% остальных опрошенных), Великобритании (70% и 47% соответственно), Эстонии (49% и 19%) и Латвии (64% и 40%), где национальный вопрос, видимо, стоит наиболее остро.

Таблица 9

Отношение россиян к религии в зависимости от возраста, %

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
15–17 лет	36	7	3
18–24 года	38	11	3
25–34 года	44	11	4
35–44 года	46	17	4
45–59 лет	49	19	5
60 лет и старше	66	37	10

Для изучаемых стран характерна также такая тенденция: религия имеет больше значения для менее образованных респондентов. Так, в России доля принадлежащих к конфессии в группе учившихся не более 11 лет составляет 53%, свыше 15 лет – 48%, сильно вовлеченных в религиозную жизнь – 26% и 18% соответственно, очень религиозных 8% и 5% (табл. 9).

Относят себя к конфессии респонденты, обучавшиеся не более 11 лет, чаще, чем те, кто учился 15 лет и более, в 18 странах. Сильно вовлечены в религиозную жизнь в первой группе чаще, чем во второй, в 20 странах. Первые чаще крайне религиозны, чем вторые, в 14 странах.

Религиозные традиции более других чтут самые образованные респонденты лишь в двух странах – Латвии и Швеции – и то лишь отчасти. В Латвии принадлежат к конфессии 52% опрошенных, получавших образование свыше 15 лет, и только около 40% респондентов, обучавшихся менее продолжительный период своей жизни. В Швеции на свою принадлежность к религии указывают 38% наиболее образованных опрошенных и 27–31% респондентов, получавших образование менее 15 лет. Однако, если судить по степени вовлеченности в религиозную жизнь и религиозности, то и Латвия, и Швеция остаются в русле тенденции, характерной для большинства стран.

Аналогичная картина складывается, если мы определяем уровень образования не по количеству лет, сколько человек обучался, а по стадиям образования. Согласно данным Европейского социального исследования, относят себя к конфессии 74% россиян с начальным образованием и только 48% с высшим и незаконченным высшим образованием. Сильно вовлечены в религиозную жизнь 49% и 18% опрошенных в этих группах, крайне религиозны 13% и 5%.

Эта закономерность проявляется, когда речь идет не только об уровне формального образования, но и о склонности респондента к непрерывному обучению. Как правило, религия играет меньшую роль в жизни тех, кто продолжает обучаться. Принадлежат к конфессиям 40% тех россиян, кто в течение последнего года посещал курсы, тренинги, и 52% тех, кто не обучался за это время; сильно вовлечены в религиозную жизнь 15% обучающихся и 22% не обучающихся.

Для тех, кто в течение последнего (перед опросом) года посещал курсы, тренинги, меньше свойственно относить себя к какой-либо конфессии в 19 странах, среди них меньше сильно вовлеченных в религиозные ритуалы в 21 стране, меньше крайне религиозных людей в 9 странах. В остальных случаях показатели, касающиеся всех трех аспектов – формальной конфессиональной принадлежности, ритуальной и духовной сторон, примерно одинаковы среди обучавшихся и не обучавшихся опрошенных. Исключение составляет лишь Латвия, где респонденты, посещавшие курсы, тренинги, относят себя к конфессии чуть чаще, чем те, кто не продолжал обучения – 44% и 41% соответственно.

Подтверждает общее правило и отношение к религии людей, обладающих навыком пользования Интернетом, и – не обладающих этим навыком. В России принадлежат к конфессии 44% тех, кому приходилось пользоваться Интернетом, и 52% тех, кто не имеет доступа в сеть; сильно вовлечены в

Таблица 10

Отношение к религии в зависимости от уровня образования, участия в непрерывном образовании и навыка пользования Интернетом, %

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Сколько лет Вы проучились всего?			
Не более 11 лет	53	26	8
12–14 лет	49	17	–
15 лет и старше	48	18	5
В течение последнего года посещали ли Вы курсы, тренинги?			
Да	40	15	4
Нет	52	22	6
Пользовались ли Вы когда-нибудь Интернетом?			
Да	44	11	3
Нет	47	18	4
Нет доступа в Интернет	52	22	6

религиозные ритуалы соответственно 11 и 22%; крайне религиозны 3% и 6% в этих группах (табл. 10).

Сходные тенденции прослеживаются и в большинстве других исследуемых стран. В 21 государстве обладающие данным навыком респонденты реже относят себя к конфессии, чем те, у кого нет доступа в Интернет. В 24 странах первые реже бывают сильно вовлечены в религиозную жизнь (исключение – Румыния, где показатели примерно равны). В 21 стране первые менее религиозны, чем вторые (особенности оставшихся 4 стран состоят в том, что в Эстонии, Финляндии и Великобритании степень религиозности от умения пользоваться Интернетом не зависит, а в Румынии доводилось входить в Сеть менее 1% населения, т.е. эта группа слишком мала для анализа). Отметим также, что Интернетом чаще других поколений пользуется молодежь, которая уделяет религии в различных ее аспектах меньше внимания, чем старшие поколения.

Таким образом, в большинстве стран выявляется устойчивая зависимость: *чем выше уровень образования респондентов, чем более они склонны участвовать в обучении на протяжении всей жизни (life long learning), тем менее они вовлечены в религиозную жизнь и тем менее религиозны.* Религия имеет большее значение для социально незащищенных групп населения, малообразованных, не имеющих привычки непрерывно обучаться, не владеющих навыком пользования Интернетом. Эти группы получают низкие доходы и у них меньше шансов приспособиться к быстро меняющимся требованиям на рынке труда.

В жизни финансово неблагополучных респондентов религия играет бо-

лее значимую роль, чем в жизни опрошенных с высокими доходами. Принадлежат к конфессии 56% тех россиян, чей семейный доход составляет менее 150 евро в месяц, и 41% тех, чей доход превышает 1000 евро; сильно вовлечены в религиозные ритуалы 28% и 13% в этих группах, религиозны 8% и 3% соответственно.

Аналогичная закономерность выявляется, когда вместо конкретной суммы доходов используется субъективная оценка уровня доходов. Среди тех, кто не испытывает материальных затруднений, относят себя к конфессии 48% россиян, а среди тех, кому очень трудно жить на имеющийся у них доход, — 55%; сильно вовлечены в религиозную жизнь — 16% и 28% соответственно; очень религиозны — 5% и 8% соответственно.

Тот вывод, что хорошо материально обеспеченные респонденты, как правило, придают религии меньше значения, подтверждают и результаты ESS в других странах. Опрошенные, указывающие, что живут на свои доходы без особых материальных затруднений, реже, чем те, кому жить на их доходы трудно, относят себя к какой-либо конфессии в 16 странах, менее вовлечены в религиозные ритуалы в 19 странах, менее религиозны в 22 странах. В остальных случаях, как правило, роль религии примерно одинакова как в жизни тех, кто в целом доволен своими доходами, так и тех, кто испытывает финансовые затруднения. Однако исследование фиксирует и противоположную тенденцию, хотя такие примеры редки. Так, те, кто не испытывает материальных трудностей, чаще менее обеспеченных респондентов относят себя к той или иной конфессии в Германии и Ирландии; сильнее вовлечены в религиозную жизнь в Германии. В этих двух странах оправдывается наша гипотеза о том, что жизненный успех и материальное благополучие иногда зависят от принадлежности к конфессии и исполнения религиозных ритуалов.

Когда речь идет об оценках своего положения — удовлетворенности жизнью в целом и материальным статусом в частности (подчеркнем, что оценки эти субъективны, как в известной пословице: кому суп жидковат, кому жемчуг мелковат), то здесь зависимость между этими факторами и отношением к религии нелинейная (см. табл. 11). Россияне, удовлетворенные своей жизнью (т.е. социально адаптированные люди), реже тех, кто не доволен тем, как складывается их жизнь, принадлежат к конфессии (49% и 53% соответственно), а также реже молятся и посещают религиозную службу (18% и 24% в этих группах опрошенных соответственно). Степень религиозности обеих групп примерно одинакова. Ситуация, сложившаяся в России, характерна еще для трех стран — Дании, Эстонии и Латвии.

Уровень удовлетворенности материальным положением россиян влияет только на степень их вовлеченности в религиозные ритуалы. Россияне, считающие себя финансово благополучными, более вовлечены в религиозную жизнь, чем те, кто не доволен материальным статусом (сильно вовлечены в ритуалы 68% и 62% в этих группах опрошенных соответственно).

В других странах оценка своего материального положения оказывает неоднозначное влияние на отношение к религии. Респонденты, довольные финансовым статусом, чаще недовольных принадлежат к конфессии в 7 странах, реже — в 5. Чаще вовлечены в религиозные ритуалы в 7 странах (в том

Таблица 11

Отношение россиян к религии в зависимости от удовлетворенности своей жизнью и материальным статусом, %

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Удовлетворенность жизнью в целом			
Скорее не удовлетворен	53	24	5
Отчасти удовлетворен, отчасти нет	51	22	5
Скорее удовлетворен	49	18	6
Удовлетворенность материальным положением			
Скорее не удовлетворен	51	62	5
Отчасти удовлетворен, отчасти нет	52	65	5
Скорее удовлетворен	49	68	6
Высказывание, наиболее точно описывающее уровень дохода Вашей семьи			
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	49	16	5
Этого дохода нам в принципе хватает	46	18	5
Жить на такой доход довольно трудно	52	20	5
Жить на такой доход очень трудно	55	28	8
К какой группе по уровню дохода принадлежит Ваша семья?			
Меньше 150 евро	56	28	8
150 – 300	51	20	5
300 – 500	47	17	4
500 – 1000	44	12	4
Больше 1000 евро	41	13	3

числе в России), реже – в 10. Более религиозны в 4 государствах, менее – в 10. Причем такие колебания в сторону то одной тенденции (когда религия более важна для финансово неблагополучных респондентов), то другой (противоположной) не зависят напрямую от уровня жизни в исследуемых странах, во всяком случае одна и та же тенденция проявляется в странах с самым разным уровнем жизни населения.

Следует подчеркнуть, что *реальный уровень доходов, т.е. объективный показатель материального статуса, существенно больше влияет на взаимоотношения человека с религией, чем субъективное восприятие своего дохода, и особенно такие показатели, как удовлетворенность материальным статусом и жизнью в целом.* Как показывает Европейское социальное исследование, *религия во всех ее аспектах важна более всего для действительно бедных россиян,* а не для тех, кто склонен сетовать, что жить нелегко, что материальное положение могло бы быть и лучше (табл. 11).

К социально незащищенным слоям населения, несомненно, относятся не только малообеспеченные респонденты, но и опрошенные со слабым здоро-

Таблица 12

Отношение россиян к религии в зависимости от состояния здоровья, %

Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Очень хорошее	38	9	3
Хорошее	44	13	3
Среднее	50	20	5
Плохое	63	37	10
Очень плохое	67	52	15

вьем (табл. 12).Чем лучше состояние здоровья россиян, тем меньше они ищут утешения в религии. Доля тех, кто принадлежит к конфессии, сокращается с 67% среди опрошенных, оценивающих свое здоровье как очень плохое, до 38% среди тех, кто считает себя абсолютно здоровым. Одновременно сокращается доля сильно вовлеченных в религиозную жизнь (с 52% до 9% в указанных группах респондентов) и крайне религиозных людей (с 15% до 3% соответственно).

Аналогичная закономерность преобладает и в остальных странах. Самые здоровые опрошенные (по самооценке) реже самых больных относят себя к конфессии в 22 странах (исключение из общего правила – Болгария, Кипр и Словения); менее активно молятся и посещают религиозные службы во всех 25 странах, менее религиозны в 16 государствах (в остальных 9 опрошенные примерно одинаково религиозны, независимо от состояния здоровья).

Продолжая тему «смирения с судьбой», рассмотрим, как *властный ресурс* респондента и потребность в данном ресурсе влияет на отношение к религии. Как правило, те россияне, для кого важно самим решать, что и как делать, в чьи обязанности входит руководить сотрудниками, испытывают меньше надобности в религии как институте, реже участвуют в религиозных ритуалах. Однако эта закономерность едва ли распространяется на духовную составляющую религии, которая примерно одинаково важна для респондентов, независимо от их властного ресурса (табл. 13).

Такое положение дел, когда респонденты, имеющие возможность решать, как им организовать повседневную работу, реже, чем те, у кого скорее нет такой возможности, принадлежат к конфессии, характерно для 10 стран и только для одной – Дании – свойственна противоположная тенденция (63% в первой группе и 59% во второй). В остальных 14 странах (включая Россию) доли принадлежащих к конфессии опрошенных примерно одинаковы в обеих группах респондентов, выделенных в зависимости от их способности влиять на принятие значимых решений на работе. Первая группа опрошенных слабее, чем вторая, вовлечена в религиозную жизнь в 11 государствах (в том числе в России), сильнее – ни в одном; в каждой из остальных 14 стран показатели в двух группах опрошенных примерно равны. Первая группа менее религиозна, чем вторая, в 8 странах; более религиозна – ни в одной,

Таблица 13

Отношение россиян к религии в зависимости от властного ресурса и потребности в этом ресурсе, %

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Вы можете решать, как организовать свою повседневную работу?			
Скорее не влияю	52	23	6
Отчасти влияю, отчасти нет	49	20	6
Скорее влияю	52	19	5
Вы можете влиять на принятие важных решений о деятельности организации, где работаете?			
Скорее не влияю	52	23	6
Отчасти влияю, отчасти нет	49	19	6
Скорее влияю	52	19	5
Входит ли в Ваши обязанности руководить сотрудниками?			
Да	47	18	5
Нет	53	22	6
Человек, которому важно самому принимать решения о том, что и как делать			
Очень похож на меня	46	19	6
В значительной степени похож	50	17	4
Немного похож на меня	51	21	5
Чуть-чуть похож на меня	55	28	7
Не похож на меня	55	36	13
Совсем не похож на меня	51	38	10

в оставшихся 17 государствах (включая Россию) степень религиозности практически одинакова как среди тех, кто может решать, как организовать повседневный труд, так и тех, кто не может.

Респонденты, скорее имеющие возможность влиять на ключевые решения организации, где работают, реже, чем те, кто не обладает подобным властным ресурсом, принадлежат к конфессии в 8 государствах, чаще — только в 4 (Болгарии, Германии, Франции и Швеции — и лишь с небольшим перевесом). В остальных 13 странах (к ним относится и Россия) в обеих группах опрошенных доли тех, кто принадлежит к религии, практически равны. Первая группа слабее второй вовлечена в религиозную жизнь в 7 государствах (в том числе в России), чуть сильнее лишь в Латвии (26% и 22%). В 17 странах вовлеченность обеих групп опрошенных в ритуалы примерно одинакова. Первая группа менее религиозна по сравнению со второй, в 5 государствах (Венгрии, Румынии, Словении, Словакии, Украине), более религиозна — ни

в одном; в остальных 20 (включая Россию) этот властный ресурс на степень религиозности не влияет.

Опрошенные, в чьи обязанности входит руководить сотрудниками, реже, чем те, в чьи обязанности это не входит, принадлежат к конфессии в 9 государствах (включая Россию), чаще только в 2 (Великобритании – 52% и 47%, Латвии – 49% и 44%). Первая группа менее, чем вторая, вовлечена в религиозную жизнь в 15 государствах (в том числе в России), чаще только в одном (Великобритании – 32% и 25%). Первая группа менее религиозна в 6 странах, более – ни в одной, в остальных 19 государствах (включая Россию) данный властный ресурс на степень религиозности не влияет.

В обобщенном виде влияние властного ресурса на отношение к религии в 25 странах представлено в табл. 14. Как видим, в целом в Европе (по край-

Таблица 14

Отношение опрошенных 25 стран к религии в зависимости от их властного ресурса
(указано количество стран)

	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Вы можете решать, как организовать свою повседневную работу?			
Страны, где доля людей, которые НЕ влияют на такие решения, превышает долю тех, кто влияет	10	11	8
Страны, где эти две группы одинаковы	14	14	17
Страны, где доля людей, которые влияют на такие решения, превышает долю тех, кто не влияет	1	0	0
Вы можете влиять на принятие важных решений о деятельности организации, где работаете?			
Страны, где доля людей, которые НЕ влияют на такие решения, превышает долю тех, кто влияет	8	7	5
Страны, где эти две группы одинаковы	13	17	20
Страны, где доля людей, которые влияют на такие решения, превышает долю тех, кто не влияет	4	1	0
Входит ли в Ваши обязанности руководить сотрудниками?			
Страны, где доля людей, в обязанности которых НЕ входит руководить сотрудниками, превышает долю тех, в обязанности которых это входит	9	15	6
Страны, где эти две группы одинаковы	14	9	19
Страны, где доля людей, в обязанности которых входит руководить сотрудниками, превышает долю тех, в обязанности которых это не входит	2	1	0

ней мере в той ее части, которая была исследована) преобладает тенденция, что в жизни респондентов, обладающих тем или иным властным ресурсом, религия играет скорее меньшую роль, чем в жизни тех, кто не имеет этих ресурсов. Россия развивается в русле общей тенденции. Разумеется, речь идет о взаимном влиянии двух факторов — власть и религия. В определенном смысле *мы имеем некий баланс, или компенсацию одного фактора другим: в той части общества, где меньше власти, — там больше роль религии, и наоборот.*

Россияне, не являющиеся последователями религии, оценивают свой социальный статус примерно так же, как мусульмане. Согласно этим самооценкам, и те и другие принадлежат к более высоким социальным слоям, чем православные христиане. Как правило, более низким статусом обладают россияне, сильно вовлеченные в религиозную жизнь и крайне религиозные.

Если сравнить ответы жителей разных типов поселений, то выявляется определенная закономерность (табл. 15). В России респонденты из больших городов более охотно, чем сельские жители, заявляют о своей принадлежности к конфессии (53% и 47% соответственно), но при этом менее религиозны (4% и 7% соответственно). Ритуальной стороне религии в больших городах и их пригородах уделяется больше внимания, чем в малых городах и сельской местности: сильно вовлечены в религиозную жизнь 21–22% жителей больших городов и пригородов и 13–15% опрошенных из малых городов и сел.

Ситуация, когда самый высокий процент респондентов, имеющих отношение к религии, наблюдается в больших городах, характерна, помимо России, еще только для Эстонии. Однако в большинстве стран (в 17) действует иная закономерность: наибольшая доля принадлежащих к конфессии респондентов фиксируется в сельской местности. Жители сельской местности, как правило, более вовлечены в религиозную жизнь и более религиозны, чем горожане.

Еще одна закономерность. Среди православных 17% — сельские жители, а большинство составляют горожане. Состав мусульман иной: среди представителей этой конфессии городских и сельских жителей примерно поровну. Обратимся к классификации религий М. Вебера, согласно которой жизненное поведение слоев населения было определяющим для каждой религии. По этой классификации, «ислам был вначале религией воинов-завоевателей, рыцарского ордена, состоявшего из дисциплинированных борцов за веру», а христианство «было вначале... специфически городской религией по своему

Таблица 15

Отношение россиян к религии в зависимости от типа поселения, %

Какая из фраз наилучшим образом описывает место, где Вы живете?	Принадлежат к конфессии	Сильно вовлечены в религиозную жизнь	Религиозны
Большой город	53	22	4
Пригород или окраина большого города	48	21	6
Небольшой город или поселок городского типа	50	13	6
Деревня, село, ферма, хутор	47	14	7

характеру и оставалось таковой во все времена своего внешнего и внутреннего расцвета»[7]. В современной России православное христианство сохраняет традицию, оставаясь преимущественно городской религией. А ислам меняет «социальную базу», превращаясь из религии воинов в конфессию горожан и селян, хотя в республиках России, где преобладают мусульмане – прежде всего, в Чечне и Ингушетии, – сохраняется традиция, согласно которой военному воспитанию мальчиков уделяется много внимания. Впрочем, это в значительной степени обусловлено тем, что эти республики остаются «горячими точками», и соблюдение древней традиции помогает выжить в современных условиях.

Таким образом, ESS показало, что в современной России (и в других европейских странах) к религии обращаются в первую очередь наиболее уязвимые слои населения. Религия занимает больше места в жизни женщин (чем мужчин), а также людей пожилого возраста, менее образованных респондентов, не имеющих привычки к непрерывному обучению на протяжении всей жизни, с низкими доходами, не обладающих властным ресурсом, т.е. в жизни людей, менее защищенных в социальном плане.

Использование религии как социального лифта не носит массового характера в современной России, а принадлежность к конфессии, участие в религиозных ритуалах не являются важным условии карьеры или успеха. В то же время представляется вполне реальным, что для достижения определенных целей принадлежность к конфессии оказывает влияние на карьерный успех, поскольку степень доверия россиян к Русской православной церкви, другим религиозным организациям выше, чем у подавляющего большинства других институтов государства и общества. Об этом свидетельствуют данные мониторинговых исследований всех ведущих центров изучения общественного мнения в России.

Подводя итог, остановимся на следующих моментах. Исследование религиозности в России подтвердило ее амбивалентный характер. Россия остается страной светской, а приверженность к определенным конфессиям зачастую выступает как способ идентификации с определенной культурной традиций, чем проявлением веры в Бога, поэтому и граница между верующими и неверующими не является непреодолимой. Это позволяет России сохранять свою цивилизационную устойчивость. Неверующие также совершают различные культовые практики, как и позиционирующие себя как последователи конфессий говорят о своей абсолютной нерелигиозности. Исторический опыт сосуществования в России различных конфессий приводит к иным, менее болезненным, чем в Европе, формам их взаимодействия, что отражается и в обрядовой стороне. Но одновременно верующие в России отрицательно относятся к миграции и мигрантам. Несмотря на видоизменение социального портрета верующего в сторону его «осовременивания», менее образованные и незащищенные социальные слои остаются хранителями традиционности.

---

[7] *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение // Избранное. Образ общества. – М., 1994.

Сравнение религиозности в России и в других странах Европы позволило расширить и углубить понимание общих культурно-цивилизационных трендов и специфики России как самобытного культурного образования. Современные социальные и культурные сдвиги резко трансформируют привычный уровень и образ жизни, социальный статус и ценностные ориентации людей и в России, и в Европе. Поэтому конкретное раскрытие различных сторон религиозности, ее влияния на общество, на традиционную культурную матрицу, на возможности и желания людей понимать *другого* представляется важным не только для научного анализа, но и для выработки качественной и конструктивной политики.

А.И. Антонов,
О.Л. Лебедь,
А.А. Соколов

Глава 11

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ, СЕМЬЯ И БРАК В РОССИИ И ЕВРОПЕ

СЕМЬЯ и брак, как и вся приватная сфера человеческого бытия, неотъемлемы от представления о стиле, качестве или образе жизни вообще. Жизненное благополучие, в свою очередь, в значительной мере зависит от состояния брачно-семейных отношений и здоровья. При этом качество семейной жизни определяется не только по «объективным» параметрам семейного цикла жизни, семейного поведения (социализационного, репродуктивного, бракоразводного), но и по «субъективным» оценкам. Ценностные приоритеты в обществе и индивидуальные ценностные ориентации являются существенными компонентами образа жизни, в том числе семейного благополучия.

В Европейском социальном исследовании – 2006 прямого вопроса об удовлетворенности семьей и браком нет, однако определить такую удовлетворенность можно по многим другим косвенным показателям. Во-первых, имеется возможность сконструировать индекс «семейной атмосферы», выражающий степень комфортности пребывания в лоне семьи, индекс принятия альтернативных семье форм жизни, индекс семейного общения или коммуникации. Во-вторых, целесообразно имеющиеся вопросы об удовлетворенности жизнью вообще сопоставить с ответами состоящих или не состоящих в браке респондентов, что фактически позволит выявить дифференциацию по удовлетворенности семейной жизнью. Наконец, сопоставление этих индексов между собой позволит установить наличие различий в семейности между россиянами и европейцами.

При этом в массиве респондентов можно выделить несколько групп по семейному благополучию, противоположными полюсами которого являются те, кто довольны и жизнью в целом и семьей (один полюс), а также те, кто недоволен и тем, и другим (другой полюс). Между этими группировками будут те, кто одновременно доволен браком и недоволен жизнью в целом, и кто недоволен семьей, но доволен жизнью.

Из всего набора переменных, имеющихся в анкете и так или иначе относящихся к оценке разных сторон образа жизни с точки зрения «удовлетворен-

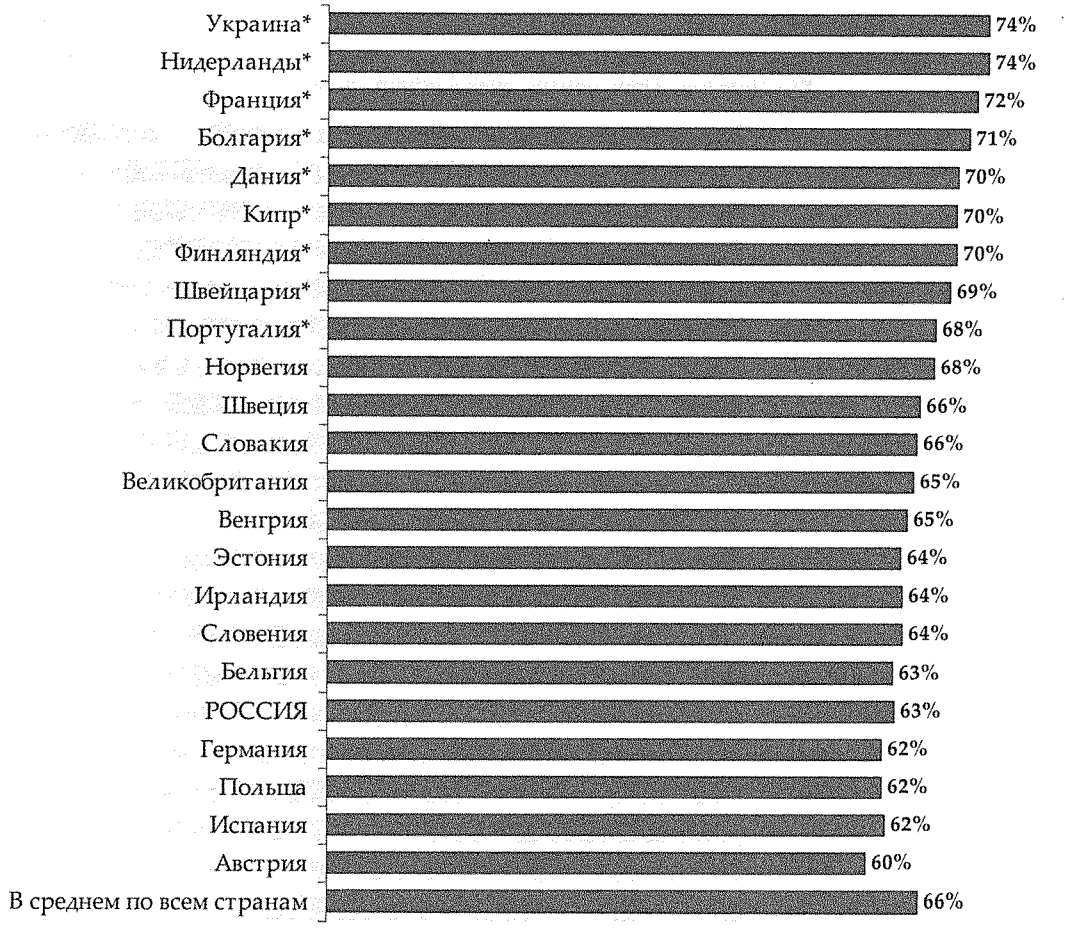
и примерно половина женщин в возрастах от 15 лет и старше) не может считаться состоящей в браке (графики 1 и 2).

В демографии взрослым населением обычно считается население в возрастах от 15 лет и старше, поскольку в 15 лет уже имеют место случаи сожительства и даже рождения детей. Поэтому в анкете Европейского социального исследования вопрос о совместном проживании в одной семье с супругом или партнером задавался всем респондентам, начиная с 15 лет.

В России среди мужчин в возрастах от 15 лет и старше 63% живут с супругами (или гражданскими партнершами) в одной семье. Однако с учетом различий в величине этого показателя и численности взрослых мужчин-

График 1

Доля мужчин в возрастах от 15 лет и старше, живущих с супругами или гражданскими партнершами в одной семье, в %

Примечание: * — страны, в которых данный показатель статистически достоверно выше, чем в России (на уровне значимости $p<0,05$); ** — страны, в которых данный показатель статистически достоверно ниже, чем в России (на уровне значимости $p<0,05$). Данное примечание относится и к графикам 2, 3 и 4, а также к табл. 1 и 2.

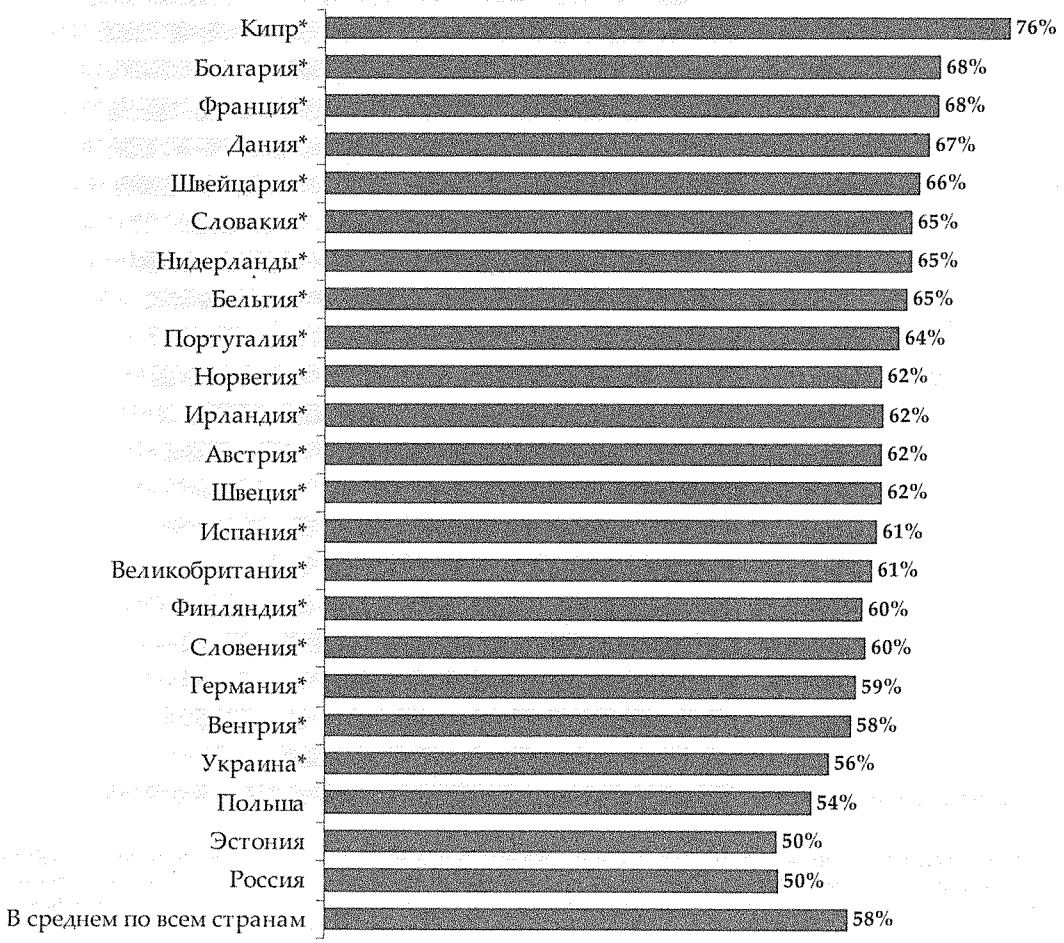
респондентов в каждой стране следует признать, что лишь в 9 из этих стран (Португалия, Швейцария, Финляндия, Кипр, Дания, Болгария, Франция, Нидерланды и Украина) данные показатели статистически достоверно выше, чем в России (на уровне значимости $p<0,05$) и составляют от 68 до 74%.

Лишь в четырех странах доля фактически женатых мужчин меньше, чем в России, и только в одной из них, а именно в Австрии, этот показатель (60%) статистически достоверно ниже, чем у нас. Различия между Россией и Европой в целом, и 12 европейскими странами в отдельности (Испания, Польша, Германия, Бельгия, Словения, Ирландия, Эстония, Венгрия, Великобритания, Словакия, Швеция, Норвегия), где эти показатели составляют от 62% до 68%, не являются существенными.

Среди женского населения ситуация с фактическими брачными отношениями носит совсем иной характер (график 2).

График 2

Доля женщин в возрастах от 15 лет и старше, живущих с супругами или гражданскими партнерами в одной семье, в %

Доля женщин в возрастах от 15 лет и старше, живущих с супругами (гражданскими партнерами) в одной семье, в России *самая низкая* из 23 европейских стран. Эта доля равна 50%, т.е. половина взрослых женщин в стране не имеет не только супругов, но даже и сожителей. Различия по данному показателю с Европой в целом (58%) и со *всеми* европейскими странами, кроме Польши и Эстонии, статистически достоверны.

Доля состоящих в браке во всех возрастах сильно зависит от соответствующего показателя среди пожилого населения, в составе которого много овдовевших, особенно среди женщин. В России проблема вдовства особенно актуальна из-за высокой смертности мужчин, причем не только в пожилых, но и в средних возрастах. Но если рассчитать долю состоящих в браке отдельно для лиц активных репродуктивных возрастов (18–39 лет), то ситуация (по сравнению с другими европейскими странами) существенно не меняется.

В демографии нижней границей репродуктивного возраста для женщин принято считать 15 лет, верхней – 50 лет, хотя бывают и отдельные, крайне редкие случаи рождения детей у матерей в возрастах 14 лет и моложе либо 50 лет и старше. Верхнюю границу репродуктивного возраста для мужчин можно определить лишь условно.

Однако границы «активного репродуктивного возраста» гораздо у́же. Нижнюю границу можно принять за 18 лет, поскольку в 2006 г. в России лишь 2,4% детей родилось у матерей до 17 лет включительно. Верхней границей можно считать 40 лет, так как лишь 1,2% новорожденных приходится на матерей 40 лет и старше. Почти все дети (более 96%) рождаются у матерей от 18 до 39 лет включительно, из них около 90% – у матерей до 34 лет. Возраст отцов не всегда известен, так как 29% детей (по данным за 2006 г.) рождаются вне зарегистрированного брака[4]. Поскольку в среднем мужья старше жен лишь на два–три года, можно считать, что и для мужчин верхняя граница активного репродуктивного возраста не превышает 40 лет.

Однако среди мужчин активных репродуктивных возрастов (18–39 лет) в фактических брачных отношениях состоят лишь 48%, что близко к среднеевропейскому уровню (49%). Из 23 стран Россия в данном случае занимает среднее, 11-е место. Лишь в пяти странах (Нидерланды (64%), Финляндия (60%), Швеция (60%), Украина (59%) и Франция (56%)) доля фактически женатых среди мужчин 18–39 лет существенно больше, чем у нас. И только в трех странах (Австрия (36%), Испания (41%) и Германия (41%) доля мужчин активных репродуктивных возрастов, состоящих в фактическом браке, еще ниже, чем в России.

В 14 остальных государствах уровень фактической брачности мужчин в возрастах 18–39 лет примерно такой же, как и в нашей стране. Различия не превышают обычной статистической погрешности. Однако с брачностью женского населения в тех же возрастах положение совсем иное.

Лишь половина российских женщин (50%) в активных репродуктивных возрастах (18–39 лет) состоят в фактических брачных отношениях. По этому

---

[4] Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2007: Стат. сб. /Росстат. – М., 2007. – С. 124, 130, 159.

показателю наша страна занимает *предпоследнее* место. Еще ниже он только в Австрии (48%), но различие между Россией и этой страной — в рамках статистической погрешности.

Доля женщин, живущих в одной семье с мужьями и партнерами, в нашей стране достоверно ниже, чем по Европе в целом (57%) и чем в 13 странах (Бельгия (59%), Болгария (60%), Норвегия (60%), Венгрия (61%), Словакия (62%), Швейцария (64%), Швеция (65%), Нидерланды (66%), Кипр (67%), Финляндия (67%), Украина (67%), Дания (68%) и Франция (73%)).

Демографическая политика в нашей стране направлена главным образом на стимулирование рождения вторых и последующих детей в *уже существующих семьях.* Эта политика не предусматривает никаких мер для стимулирования создания новых семей, хотя *половина* мужчин и половина женщин активных репродуктивных возрастов вообще не имеют своих семей и не состоят ни в браке, ни даже в сожительстве.

Следует иметь в виду, что такие категории, как «зарегистрированный брак» и «фактический брак», т.е. совместное проживание, ведение общего хозяйства и воспитание детей (если, конечно, в семье есть дети от данного брака или от предыдущих браков) чаще всего совпадают. Большинство зарегистрированных браков являются фактическими, хотя бывают случаи, когда брак «де-факто» распался, супруги уже не живут вместе в одной семье, но развод еще не оформлен. В то же время большинство фактических браков являются зарегистрированными. По данным Европейского социального исследования, можно определить, сколько мужчин и сколько женщин, совместно проживающих в семье со своими супругами (гражданскими партнерами), не узаконили своих отношений, и сколько мужчин и сколько женщин, состоящих в законном браке, проживают отдельно от своих супругов и не считают их членами своей семьи.

В нашей стране лишь 5% фактически женатых мужчин не узаконили своих отношений с женами. Это — 20-е место в Европе, т.е. существенно ниже среднеевропейского уровня (11%) и статистически достоверно меньше, чем в 16 странах (Ирландия (11%), Швейцария(11%), Венгрия(12%), Испания(12%), Германия(13%), Великобритания (15%), Австрия (17%), Бельгия (17%), Словения(17%), Франция(18%), Нидерланды (19%), Дания (19%), Эстония (20%), Финляндия (23%), Норвегия (26%), Швеция (34%). Особенно сильно мы «отстаем» от Скандинавских стран и Эстонии, где кризис семьи еще острее, чем у нас. Близки к России по частоте незарегистрированных браков Словакия, Португалия, Болгария и Польша (различия с этими странами — в пределах статистической погрешности). Значительно ниже, чем у нас, данные показатели только в Украине и на Кипре. Сходная ситуация существует и по аналогичным показателям для женщин.

У женщин в России доля фактических незарегистрированных браков несколько больше, чем у мужчин — 7%. Следует иметь в виду, что в нашей стране, по данным всех переписей населения, число замужних женщин превышает число женатых мужчин. Вероятно, это хотя бы отчасти объясняется тем, что в некоторых парах даже при совместном проживании и ведении общего хозяйства мужчина все-таки считает себя «холостым» (поскольку брак не зарегистрирован) и рассматривает свои отношения с подругой про-

сто как сексуальную связь, а она считает эти же отношения «гражданским браком».

По доле незарегистрированных браков для женщин Россия занимает 18-е место из 23 стран. Это заметно и статистически существенно ниже данного показателя по Европе в целом и по 15 странам в отдельности. В число этих стран входят: Испания (10,8%), Германия (11%), Венгрия (13%), Ирландия (13%), Австрия (14%), Бельгия (15%), Великобритания (15%), Словения (18%), Дания (18%), Нидерланды (20%), Финляндия (21%), Эстония (22%), Норвегия (23%), Франция (23%) и Швеция (32%). Близкие к российским показатели наблюдаются в Швейцарии (9%), Словакии (7%), Португалии (6%), Польше (5%) и Болгарии (4%). Существенно ниже, чем у нас, этот показатель только в Украине (2%) и на Кипре, где он вообще равен нулю.

В России лишь 1,7% мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, не проживают в одной семье со своими женами. Это примерно соответствует среднеевропейскому уровню — 2%. Существенно выше, чем у нас, — этот показатель только в Норвегии, но и там он невысок — 4%. Существенно ниже, чем у нас, — только на Кипре, где он вообще равен нулю. Различия между Россией и остальными европейскими странами невелики и статистически незначимы.

Почти во всех странах доля замужних женщин, проживающих отдельно от своих мужей, выше доли женатых мужчин, проживающих отдельно от своих жен. Тем не менее и среди женщин эта доля невелика. В России она равна 3,3% и очень близка к среднеевропейскому уровню (3,2%).

Судя по ответам женщин, раздельное проживание супругов в нашей стране встречается в два раза чаще (3,3%), чем по ответам мужчин (1,7%). По-видимому, это расхождение во мнениях тоже отражает различия в понимании брачных отношений с мужской и женской точек зрения.

В ситуации сожительства, которое часто предшествует регистрации брака (но может завершиться и разрывом отношений вместо свадьбы)[5], многие женщины считают, что они УЖЕ замужем, хотя их партнеры могут быть совсем иного мнения. В ситуации же, когда семья фактически распалась и муж в ней больше не живет, некоторые женщины полагают, что они ВСЕ ЕЩЕ замужем, поскольку брак формально не расторгнут. Однако их супруги рассматривают себя как «свободных» или как женатых «гражданским браком» на других женщинах.

Раздельное проживание супругов, даже весьма длительное, не всегда означает фактический распад семьи. Оно может вызываться и тем, что один из них уехал на заработки в другой город или за границу на несколько месяцев или даже на несколько лет. Однако, поскольку замужние женщины указывают в анкетах на раздельное проживание гораздо чаще, чем женатые мужчины,

---

[5] По данным исследования Фонда «Общественное мнение», лишь немногие сожительства продолжаются больше трех–пяти лет. Затем партнеры обычно либо все-таки регистрируют брак, либо расстаются. См.: *Вовк Е.* Смыслы и значения незарегистрированных отношений: разновидности брака или альтернативы ему? (Часть 2) // Социальная реальность. — 2005. — № 2. — .http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number1_05/gur050205

во многих случаях это раздельное проживание все же можно считать симптомом распада семьи.

По частоте раздельного проживания с мужьями нет статистически достоверных различий между нашей страной и почти всеми другими европейскими странами, за исключением Словакии и Кипра, где менее 1% замужних женщин проживают отдельно от своих супругов.

Было бы неправильно делить респондентов только на две группы — состоящих или не состоящих в браке в настоящее время, то есть на момент опроса. Не состоящие в браке делятся, как минимум, на две принципиально разные группы: то есть на тех, кто никогда не состоял в браке, и на тех, кто ранее состоял в браке, но в настоящее время не состоит по причине развода, вдовства или разрыва отношений с супругом либо партнером. В связи с широким распространением в наше время сожительств и внебрачных рождений, вероятно, более правильно считать никогда не состоявшими в браке тех людей, которые никогда не жили вместе с супругами или партнерами сколько-нибудь продолжительное время, независимо от того, были ли данные отношения зарегистрированы как брак.

На графике 3 представлено распределение мужчин-респондентов по трем видам брачной биографии. Никогда не состоявшими в фактическом браке считаются люди, которые не живут в одной семье с супругами (гражданскими партнерами) в настоящее время (т. е. на момент опроса) и в прошлом тоже никогда не жили с супругом или партнером более трех месяцев. Фактически они имеют досупружеский статус.

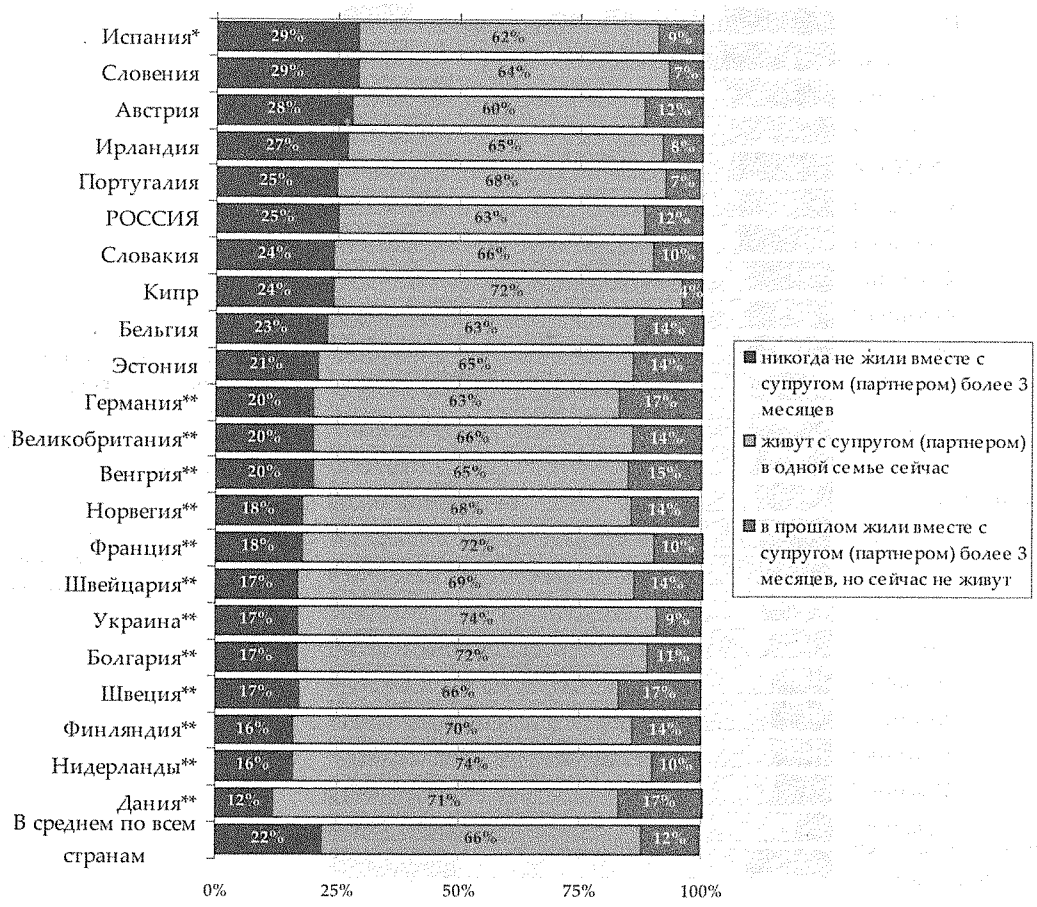
Состоящими в фактическом браке считаются лица, которые в настоящее время живут в одной семье с супругами (гражданскими партнерами). Фактически они имеют супружеский статус. Послесупружеский статус имеют те респонденты, которые в прошлом жили с супругами или партнерами не менее трех месяцев, но в настоящее время ни с кем совместно не проживают в составе одной семьи.

В России в досупружеском статусе пребывает 25% мужчин-респондентов, а целом по Европе — 22%. Различие между этими двумя цифрами не выходит за рамки статистической погрешности. В данном случае наша страна занимает седьмое место среди 23 государств. Существенно выше, чем у нас, доля мужчин-холостяков только в двух странах: Польше и Испании. В 8 странах: Ирландии, Словакии, Австрии, Словении, Португалии, Кипре, Бельгии и Эстонии доля холостых мужчин примерно такая же, как у нас, различия в пределах статистической погрешности. В 12 странах: Германии, Великобритании, Венгрии, Норвегии, Франции, Швейцарии, Украине, Болгарии, Швеции, Финляндии, Нидерландах и Дании, где широко распространены сожительства в очень молодых возрастах, доля мужчин-холостяков существенно ниже, чем у нас. Таким образом, россияне вступают в фактические брачные отношения позже, чем в большинстве стран, включая самые большие и населенные из них — Францию, Германию и Великобританию. Еще в большей степени характерно откладывание фактического брака для россиянок (график 4).

В нашей стране каждая пятая женщина (20%) никогда не состояла в фактических брачных отношениях. Правда, это только на 3% ниже, чем в целом по Европе. Хотя в данном случае Российская Федерация занимает «только»

График 3

Распределение мужчин в возрасте 15 лет и старше по фактическому брачному статусу (досупружеский, супружеский и послесупружеский), в %

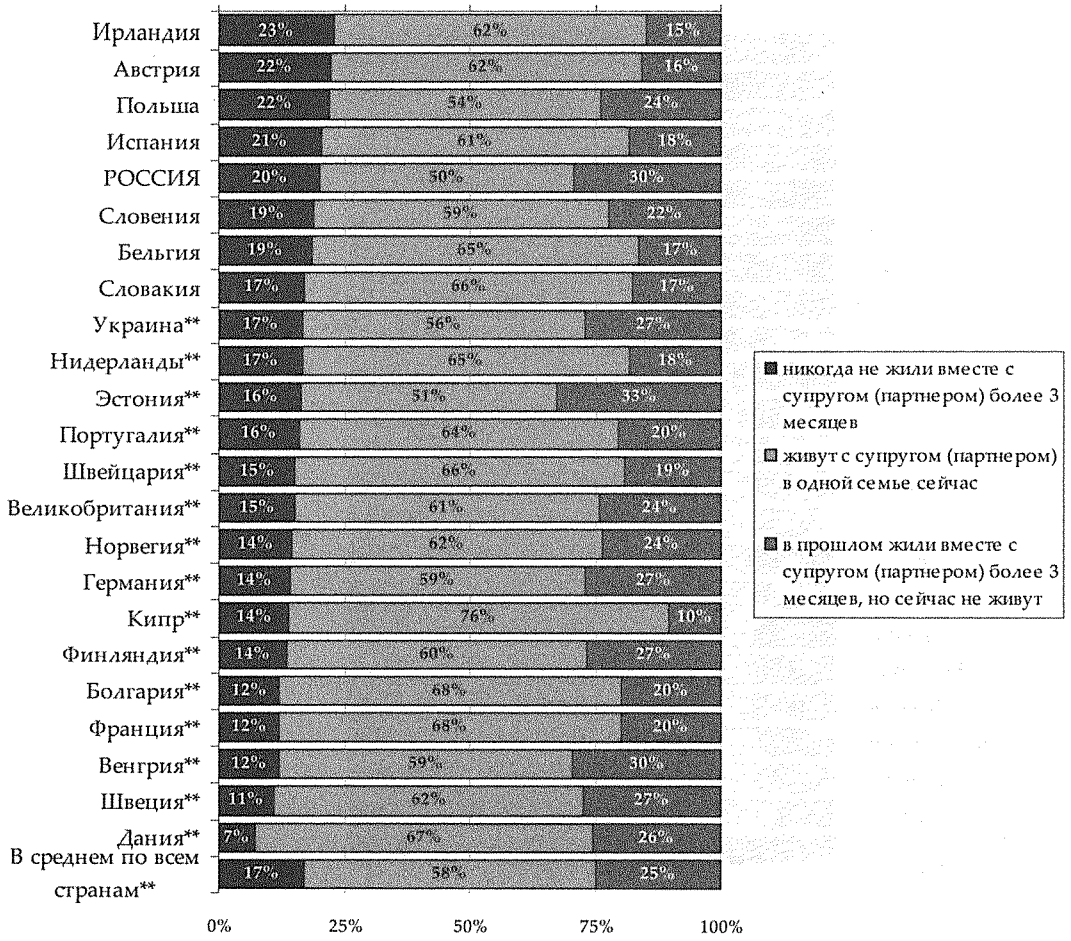
Примечание: страны расположены в порядке уменьшения доли лиц, которые никогда не жили вместе с супругом (партнером) более трех месяцев. Из-за округлений сумма показателей по строке не всегда равна 100%. Данные о доле состоящих в браке незначительно отличаются от аналогичных данных на графике 1, поскольку в графике 3 не учтены лица, которые не ответили на вопрос о том, жили ли они с супругами (гражданскими партнерами) в прошлом.

пятое место после Ирландии, Австрии, Польши и Испании, но различия с этими странами статистически незначимы. То же самое можно сказать о различиях между Россией и еще тремя странами: Бельгией, Словенией и Словакией.

В десяти странах (Дания, Швеция, Венгрия, Болгария, Франция, Финляндия, Норвегия, Великобритания, Португалия и Германия) доля никогда не состоявших в фактическом браке существенно ниже, чем в России. Однако в нашей стране этот показатель близок к среднеевропейскому уровню, хотя по доле женщин, не состоящих в фактическом браке в *настоящее* время,

График 4

Распределение женщин в возрасте 15 лет и старше по фактическому брачному статусу (досупружеский, супружеский и послесупружеский), в %

Примечание: страны расположены в порядке уменьшения доли лиц, которые никогда не жили вместе с супругом (партнером) более трех месяцев. Из-за округлений сумма показателей по строке не всегда равна 100%. Данные о доле состоящих в браке незначительно отличаются от аналогичных данных на графике 2, поскольку в графике 4 не учтены лица, которые не ответили на вопрос о том, жили ли они с супругами (гражданскими партнерами) в прошлом.

мы — на последнем месте в Европе. Очевидно, что высокий уровень женского одиночества определяется у нас не столько *первичным* безбрачием, сколько *вторичным* безбрачием после распада семей, вызванного разводами, смертью мужей и просто разрывом отношений с ними. Данные о вторичном безбрачии будут анализироваться несколько ниже. Сперва рассмотрим данные о доле никогда не состоявших в фактическом браке в активных репродуктивных возрастах (18–39 лет).

Как уже упоминалось выше, в России почти половина (48%) среди мужчин 18–39 лет не состоят в фактическом браке. Подавляющее большинство среди

них (42%) составляют люди, которые никогда не состояли в фактических брачных отношениях более трех месяцев. Это очень близко к среднеевропейскому уровню (42%). По данному показателю наша страна занимает 14-е место в Европе. Существенно выше, чем у нас, эти показатели — в пяти странах (Австрия, Словения, Кипр, Испания и Португалия). Во всех этих странах мужчины вступают в фактические брачные отношения позже, чем в России.

Однако в пяти других странах (Франция, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания) доля мужчин, никогда не состоявших в фактическом браке, заметно ниже, чем в России. Для этих стран характерно более раннее начало фактических брачных отношений и более длительный период сожительства перед регистрацией брака (если в итоге она вообще происходит).

Более позднее вступление в фактические брачные отношения повышает долю никогда не состоявших в браке в возрастах моложе 30 лет. Но после 30 лет при любых условиях подавляющее большинство мужчин и женщин успевают вступить в фактический брак хотя бы один раз. Среди мужчин в возрастах от 30 до 39 лет в России только 8% никогда не были женаты. Это заметно ниже, чем по Европе в целом (13%).

Доля никогда не состоявших в браке в возрастах старше 40 лет и тем более старше 50 лет характеризует уже уровень окончательного безбрачия. Среди российских мужчин 40–49 лет эта доля составляет лишь 4% — в два с лишним раза меньше, чем в целом по 23 европейским странам (8%).

В возрастах же старше 50 лет доля «старых холостяков» в России совершенно ничтожна (0,5%). Это в 13 раз ниже, чем в целом по Европе, где каждый 15-й мужчина этого возраста (6%) никогда не был женат ни де-юре, ни де-факто (табл. 1).

Несколько иная ситуация наблюдается среди женского населения (табл. 2). В активных репродуктивных возрастах (18–39 лет) больше трети российских женщин (36%) никогда не состояли в фактическом браке. Это — заметно больше, чем по Европе в целом (32%). В данном случае наша страна занимает шестое место из двадцати трех, но сам показатель такой, что чем ближе к последнему месту, тем лучше.

Только в одной стране (Австрии — 44%) доля лиц, никогда не состоявших в фактическом браке, среди женщин 18–39 лет существенно больше, чем в России. В девяти странах (Испания (40%), Словения (37%), Португалия (37%), Польша (37%), Ирландия (36%), Кипр (36%), Словакия (36%), Бельгия (32%) и Эстония (32%) показатели близки к российским — различия в рамках статистической погрешности.

В двенадцати странах (Германия (30%), Украина (30%), Болгария (29%), Нидерланды (28%), Великобритания (27%), Венгрия (27%), Швейцария (26%), Норвегия (23%), Финляндия (20%), Франция (18%), Швеция (18%) и Дания (16%) этот показатель существенно ниже, чем в России.

Во всех этих государствах женщины (а в некоторых — см. выше, также и мужчины) раньше начинают фактическую брачную жизнь. Как правило, это означает не более раннее вступление в зарегистрированный брак, чем у нас, а более длительный период сожительства перед регистрацией брака.

Две трети российских мужчин 18–29 лет (67%) никогда не состояли в

фактическом браке (табл. 1). По этому показателю можно судить об откладывании начала фактических брачных отношений. В данном случае Россия занимает 13-е место, однако существенно более высокие показатели наблюдаются только в двух странах – Испании и Словении. В четырех странах (Швеция, Норвегия, Финляндия и Нидерланды) соответствующие показатели существенно ниже, чем у нас. То есть у мужчин в этих странах совместная жизнь в составе одной семьи с постоянными «гражданскими партнершами» начинается раньше, чем у нас. В 16 странах данные показатели примерно такие же, как в России.

Однако в возрасте 30–39 лет аналогичный показатель свидетельствует уже не об откладывании брака, тем более что речь не идет о его регистрации, а скорее о принципиальном отказе какой-то части мужского населения от длительных (более трех месяцев) фактических брачных отношений с кем

Таблица 1

Доля никогда не состоявших в фактическом браке
(% мужчин соответствующих возрастных групп)

	Всего	В том числе в возрасте (лет)				
		18–29	30–39	40–49	50 и старше	18–39
Австрия	28	72	10	3	2	52*
Бельгия	23	69	6	8	6*	40
Болгария	17**	63	17	5	1	43
Швейцария	17**	69	9	4	2	38
Кипр	24	76	10	2	1	49
Германия	21	70	17*	8*	3*	44
Дания	12	55	7	4	2	27**
Эстония	21	62	8	6	3*	39
Испания	29*	76*	22*	6	7*	50*
Финляндия	16**	45**	8	10*	5*	27**
Франция	18**	60	7	5	3*	34**
Великобритания	20**	60	11	4	5*	38
Венгрия	20**	67	17*	3	3*	44
Ирландия	27	67	13	11*	11*	42
Нидерланды	16**	55**	10	5	6*	30
Норвегия	18**	54**	8	5	4*	30
Польша	29*	69	15*	7	6*	48
Португалия	25	75	20*	10*	2*	50*
Россия	25	67	7	4	1	42
Швеция	17**	48**	7	8	3*	27**
Словения	29	77*	20*	9	5*	53*
Словакия	24	72	9	9	2	41
Украина	17**	58	8	9	2*	35
В среднем	22	66	12*	6	3*	41

бы то ни было. Поскольку совместная жизнь, даже без регистрации брака, все-таки предполагает какие-то обязательства перед сожительницей, наиболее вероятная причина такого отказа — нежелание ограничивать свою личную свободу.

В России это менее популярная линия брачного поведения, чем в большинстве европейских стран. Среди мужчин в возрастах от 30 до 39 лет лишь 7% не жили с супругами или гражданскими партнершами на момент опроса и в прошлом никогда не состояли в таких отношениях более трех месяцев. Это существенно ниже среднеевропейского уровня (12%). По данному показателю наша страна — на 19-м месте в Европе. Нет ни одной страны, где этот показатель был бы существенно ниже, чем у нас. Существенно выше он в шести странах: Германии, Испании, Венгрии, Польше, Португалии и Словении.

По данному показателю в возрастах от 40 до 49 лет можно судить уже об уровне окончательного безбрачия. Среди мужчин данного возраста в России этот показатель равен 4%, что соответствует 20-му месту в Европе. В целом по Европе этот показатель равен 6%, однако различие с Россией статистически незначимо. Существенно выше, чем у нас, данные показатели только в четырех странах: Германии, Финляндии, Ирландии и Португалии. Нет ни одной страны, где этот показатель был бы существенно ниже, чем у нас.

В возрастах от 50 лет и старше в России доля мужчин, никогда не состоявших в браке, — самая низкая в Европе (23-е место). Она составляет лишь 0,5%. Это в семь раз ниже среднеевропейского уровня (3%) и статистически достоверно меньше, чем в 16 странах. Несущественны различия только с шестью странами: Австрией, Бельгией, Швейцарией, Кипром, Данией и Словакией.

Хотя уровень окончательного безбрачия мужчин в возрасте 40—49 лет у нас невысок (4%), он все же в 7 раз выше, чем в возрастах от 50 лет и старше. Отсюда можно сделать вывод о том, что в более молодых поколениях уровень окончательного безбрачия будет увеличиваться. Тем более что в возрастах от 30 до 39 лет доля мужчин, никогда не состоявших в фактическом браке, заметно выше, чем в возрастах от 40 до 49 лет. Аналогичные закономерности наблюдаются почти во всех европейских странах. Это касается не только мужчин, но и женщин.

Более половины россиянок в возрасте от 18 до 29 лет (55%) не жили вместе в одной семье с мужьями или гражданскими партнерами (табл. 2). По данному показателю наша страна на шестом месте в Европе. Однако статистически значимы различия только с Австрией, где этот показатель еще больше — 66%, и с пятью другими странами (Дания, Финляндия, Франция, Швеция, Норвегия и Украина), где данные показатели существенно меньше, чем у нас, и составляют от 30% до 39%. В остальных 16 странах показатели примерно такие же, как у нас. Различия с ними — в пределах статистической погрешности. Отличие от среднеевропейского уровня, который составляет 51%, тоже не выходит за рамки ошибки выборки.

В возрасте 30—39 лет каждая десятая женщина в России (10%) незамужем и никогда не была замужем раньше (табл. 2). Это несколько выше среднеевропейского уровня (8%), однако такое различие статистически не значимо. По

Таблица 2

Доля никогда не состоявших в фактическом браке
(% женщин соответствующих возрастных групп)

	Всего	В том числе в возрасте (лет)				
		18–29	30–39	40–49	50 и старше	18–39
Австрия	22	66*	8	3	3	43*
Бельгия	19	57	4**	2	6*	31
Болгария	12**	47	8	2	1**	28**
Швейцария	15**	49	4**	4	7*	23**
Кипр	14**	54	5	6	3	31
Германия	14**	50	5	6	4	28**
Дания	7**	34**	4**	2	0,5**	16**
Эстония	16**	50	5	3	7*	31
Испания	21%	65	13	5	4	39
Финляндия	14**	30**	6	4	6*	19**
Франция	12**	34**	6	2	3	18**
Великобритания	15**	47	6	3	4	26**
Венгрия	12**	48	4**	0**	2	26**
Ирландия	23	54	9	7	10*	32
Нидерланды	17**	47	8	2	11*	24**
Норвегия	14**	39**	3**	0,5**	4	22**
Польша	22	55	12	4	5	37
Португалия	16**	64	13	4	3	37
Россия	20	55	10	4	3	36
Швеция	11**	32**	2**	2	3	18**
Словения	19	60	9	5	4	37
Словакия	17	53	6	5	4	29**
Украина	17**	38**	4**	6	10*	23**
В среднем	17**	51	8	4	4**	30**

данному показателю наша страна занимает 4-е место в Европе после Польши, Испании и Португалии, но различия с этими странами статистически несущественны. Существенно ниже, чем у нас, эти показатели в семи странах (Бельгия, Швейцария, Дания, Венгрия, Швеция, Норвегия и Украина).

В этом возрасте почти во всех странах доля никогда не состоявших в фактическом браке среди мужчин выше, чем среди женщин. Однако в России ситуация противоположная: среди мужчин никогда не состояли в браке — 7%, а среди женщин — 10%.

В возрасте 40–49 лет остаются незамужними лишь 4% россиянок. Таким образом, уровень окончательного фактического безбрачия у нас невысок и очень близок к среднеевропейскому (4%). По данному показателю мы занимаем в Европе девятое место. Однако нет ни одной страны, где этот показатель был бы статистически достоверно выше, чем у нас. В Норвегии он

статистически достоверно ниже, чем в России, а в выборочной совокупности по Венгрии вообще не оказалось ни одной незамужней женщины данного возраста, хотя по данным переписей населения в этой стране такие женщины, разумеется, есть, и их доля не ниже, чем во многих других странах.

В возрастах старше 50 лет никогда не были замужем лишь 3% россиянок. Это 20-е место из 23 стран, т.е. существенно ниже, чем в семи странах (Бельгия, Швейцария, Эстония, Финляндия, Ирландия, Нидерланды и Украина), а также, чем по Европе в целом (4%). Только в Дании и Болгарии данные показатели еще ниже, чем у нас.

Уровень окончательного безбрачия среди российских женщин не высок. Однако есть тенденция к его увеличению. Среди 40–49-летних доля незамужних (и не бывших ранее замужем) выше, чем среди женщин в возрастах от 50 лет и старше. А среди 30–39-летних никогда не была замужем (ни де-юре, ни де-факто) каждая десятая. Это в два с половиной раза выше, чем среди женщин от 40 до 49 лет, и в три с лишним раза выше, чем среди женщин старше 50 лет. Даже, если каждая вторая из женщин, которым сейчас от 30 до 39 лет и которые никогда не состояли в фактическом браке, впоследствии найдут себе супругов или гражданских партнеров, то уровень окончательного безбрачия среди женщин старше 40 или 50 лет все равно будет выше того, который имеет место у женщин данных возрастов в настоящее время.

Доля мужчин и женщин, не состоящих в браке, зависит не только от возраста вступления в фактический брак и уровня окончательного безбрачия, но и от вероятности распада браков (как законных, так и «гражданских»), а также от вероятности создания новой семьи для тех, у кого брак распался. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

В России среди всех взрослых мужчин (в возрастах от 15 лет и старше) 12% составляют люди, которые в прошлом состояли в законном браке или гражданском партнерстве, но на момент исследования в нем не состоят. Этот показатель в точности соответствует среднеевропейскому, который тоже равен 12% (график 3). Среди женщин таких людей гораздо больше – 29% (график 4). Это намного превышает соответствующий показатель по всем 23 странам, вместе взятым (25%), и по каждой из них в отдельности, кроме Венгрии, где в послесупружеском статусе пребывает 30%, т.е. практически столько же, сколько в России.

В возрастах от 18 до 39 лет пребывают в послесупружеском статусе 10% российских мужчин и 13% женщин. Это немного выше аналогичных показателей в целом по 23 странам (соответственно 9% и 11%).

Следует иметь в виду, что категория лиц, пребывающих в послесупружеском статусе, крайне неоднородна. В нее входят: 1) разведенные; 2) лица, у которых законный брак распался, но развод не оформлен; 3) лица, у которых прекратились фактические брачные отношения «гражданского партнерства»; 4) овдовевшие. Последняя группа резко отличается от трех остальных. Распад брака из-за развода или неформального разрыва брачных отношений относится к сфере *брачного поведения*, которое у лиц, не состоящих в браке, направлено на вступление в брак или на отказ от этого, а у лиц, уже состоящих в браке, направлено либо на сохранение данного брака, либо на его расторжение. Разрыв брачных отношений всегда является результатом

брачного поведения одного или обоих супругов либо гражданских партнеров. Овдовение же с поведенческим фактором никак не связано, оно представляет собой воздействие одного демографического процесса, то есть, смертности, на другой демографический процесс — брачность. В демографической литературе «брачность» в узком смысле это процесс заключения браков, а в широком смысле — совокупность процессов вступления в брак и прекращения браков из-за развода или смерти одного из супругов[6].

Среди всех взрослых мужчин-респондентов в России вдовцы[7] составляют лишь 4%, а по 23 странам вместе — 3,5%. Различия между этими двумя цифрами статистически незначимы. Однако среди женщин доля вдов значительна — 16%, причем она заметно выше среднеевропейского уровня, который составляет 14%. Повышенная доля вдов среди российских женщин по сравнению с большинством европейских стран объясняется высоким уровнем смертности мужского населения в нашей стране. Этим отчасти объясняется и тот факт, что доля замужних среди взрослых женщин у нас самая низкая в Европе.

Однако высокая смертность мужчин существенно влияет на показатели вдовства только среди женщин старше 40 лет. Среди женщин в молодых возрастах от 18 до 39 лет вдовы составляют лишь 1,8%[7]. Правда, это заметно меньше, чем по Европе в целом (0,7%). Разница между этими показателями составляет 1,1%. Она формально статистически достоверна, но составляет весьма небольшую часть от разницы между долями женщин этих возрастов, не состоящих в браке. В России эта доля равна 49%, в 23 странах, вместе взятых, — 43%. Разница между этими показателями равна 7%, и лишь 1/6 часть этой разницы (1,1%) может быть отнесена на счет повышенной частоты вдовства в нашей стране.

Однако доля вдов и вдовцов среди мужчин и женщин того или иного возраста не в полной мере отражает саму частоту овдовения, поскольку в число вдовых не включаются люди, вступившие в повторный брак после смерти супруга. В анкете Европейского социального исследования нет вопросов о том, пережил ли человек в прошлом смерть супруга или разрыв отношений без формального развода с супругом или «гражданским партнером». Поэтому нельзя определить частоту овдовения или неформального разрыва отношений. Однако в анкете есть вопрос о том, «были ли Вы когда-нибудь официально разведены?».

Показателем частоты разводов является доля лиц, которые когда-либо разводились (включая вступивших в повторный брак). Эта доля определяется как

---

[6] Демографический понятийный словарь. — М.: ЦСП, 2003. — С. 24.

[7] По данным переписи 2002 г., среди мужчин от 16 лет и старше вдовые составляли 3,6%, среди женщин — 18%, в том числе в возрастах 18—39 лет — 0,2% мужчин и 1,6% женщин. (Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — М., 2004. — Том 2 «Пол, возраст и состояние в браке», табл. 3. Электронное издание. См. www.perepis2002.ru.) Данные переписи оказались весьма близки к данным Европейского социального исследования по России. Правда, в нашей стране, как и во многих других, в выборке вообще не оказалось ни одного вдовца моложе 40 лет, но это не удивительно, учитывая ничтожную долю вдовцов среди мужчин этих возрастов во всем населении.

пропорция между числом лиц, которые официально являются разведенными на момент опроса или были разведены когда-либо в прошлом, с одной стороны, и числом лиц, которые когда-либо вступали в законный брак, с другой стороны. В число последних входят женатые мужчины, замужние женщины, лица, проживающие отдельно от супругов, если их брак формально не расторгнут, разведенные, а также вдовы и вдовцы, за исключением овдовевших в «гражданском» браке.

Среди всех взрослых мужчин в России частота разводов составляет 16,5%, что очень близко к среднеевропейскому уровню (16%). По данному показателю наша страна занимает 12-е место из 23 государств, т.е. находится в середине списка. Существенно выше, чем у нас, частота разводов среди мужчин в семи странах (Финляндия, Дания, Великобритания, Норвегия, Венгрия, Швеция и Эстония). В этих странах данные показатели составляют от 21% до 24%. Самый высокий показатель — в Финляндии.

Интересно, что во всех этих странах, кроме Венгрии, большинство среди верующего населения исповедует протестантизм. Большая часть протестантских церквей относятся к разводу более либерально, чем православная и католическая церкви.

В восьми странах (Словакия, Словения, Испания, Ирландия, Кипр, Болгария, Португалия и Польша) частота разводов у мужчин существенно ниже, чем в России, и составляет от 6% до 12%. Самый низкий показатель — в Польше.

В населении шести из этих стран преобладают католики, а в Болгарии и на Кипре — православные. Католическая церковь относится к разводу крайне негативно. Благодаря влиянию церкви на общество, это отражается и на светском законодательстве о расторжении брака. Почти то же самое можно сказать о влиянии Православной церкви на Кипре.

В социалистический период в православной Болгарии церковь не могла оказывать такого сильного влияния, но правительство этой страны в 1985 г. ввело строгие законы о расторжении брака, предусматривающие правила раздела жилья и другого имущества, крайне невыгодные для виновных в разводе супругов (и выгодные для невиновных). Последствия этих законов ощущаются до сих пор. Несмотря на рост влияния Русской православной церкви и ее весьма негативное отношение к разводам[8], российское законодательство о расторжении брака в стране, является весьма либеральным. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации, действующему с 1996 г., в случае, когда супруги, даже имеющие общих несовершеннолетних детей, разводятся в суде по обоюдному согласию, суд расторгает брак вообще без выяснения мотивов развода[9].

Показатели частоты разводов для женщин в большинстве стран несколько выше, чем для мужчин (в России 21% и 16%, в целом по Европе — 18% и 16%).

Отчасти это может объясняться повышенной смертностью среди разве-

[8] Основы социальной концепции Русской православной церкви. — М., 2000. http://sobor2008.ru/419128/index.htmlhttp://sobor2008.ru/419128/index.html

[9] Семейный кодекс Российской Федерации. — М., 2008.

денных мужчин – данный феномен, характерный также для вдовцов и холостяков, давно известен демографам[10]. Кроме того, те разведенные мужчины, которые уступили (или были вынуждены уступить) свое жилье бывшим женам и в результате лишились постоянного места жительства, имеют пониженные шансы попасть в выборку.

Поскольку для нашей страны из-за жилищной проблемы эта ситуация весьма типична, то возможно, что именно поэтому у нас разрыв между показателями для мужчин и женщин больше, чем по Европе в целом.

По частоте разводов для женщин Россия находится уже не на 12-м, а на 8-м месте. Существенно выше, чем у нас, этот показатель только в четырех странах: Эстонии, Дании, Финляндии и Великобритании. Существенно ниже, чем у нас, он в 11 странах (Австрия, Швейцария, Украина, Словения, Словакия, Ирландия, Болгария, Кипр, Польша, Португалия и Испания).

Особый интерес представляют разводы в семьях, где супруги моложе 40 лет, поскольку это отражается на рождаемости и на воспитании детей. В таких семьях дети, как правило, несовершеннолетние.

По частоте разводов у мужчин 18–39 лет (22%) Россия занимает уже не 12-е, а второе место, уступая (причем незначительно) лишь Эстонии. Этот показатель в нашей стране статистически существенно выше, чем по Европе в целом (15%) и чем в 15 странах (Украина, Великобритания, Словакия, Австрия, Кипр, Финляндия, Швейцария, Франция, Норвегия, Испания, Португалия, Ирландия, Словения, Нидерланды и Польша).

По частоте разводов у женщин 18–39 лет (20%) Россия занимает четвертое место, но различия с теми странами, где эти показатели еще выше (Эстония, Венгрия, Великобритания), не выходят за рамки статистической погрешности. Впрочем, различие с общеевропейским уровнем (16%) тоже статистически незначимо.

В 12 странах (Словакия, Франция, Португалия, Нидерланды, Словения, Кипр, Швейцария, Испания, Австрия, Болгария, Ирландия и Польша) данный показатель у женщин значительно ниже, чем в России. Самый низкий показатель – в Польше (2%). Видимо, это объясняется влиянием католической церкви и строгостью бракоразводного законодательства.

При расчете показателей частоты разводов учитывались все люди, когда-либо пережившие развод. Естественно, что представляет большой интерес степень компенсации разводов повторными браками. Степень этой компенсации определялась долей лиц, которые когда-то пережили развод, но на момент опроса жили вместе в одной семье с новыми супругами или «гражданскими партнерами» (или вернулись к своим бывшим супругам).

Степень компенсации разводов повторными браками у мужчин в нашей стране равна 58%. Это очень близко к среднеевропейскому уровню (60%). В Европе по этому показателю мы находимся на 16-м месте. Но, несмотря на довольно широкий диапазон величины показателя по разным странам, только в двух странах Франции (70%) и Ирландии (почти 80%) данные по-

[10] *Волков А.Г.* Семья – объект демографии. – М., 1986; *Шахотько Л.П.* Воспроизводство населения Белорусской ССР. – Минск: «Наука и техника», 1985. – С. 81.

казатели существенно выше, чем в России. С другой стороны, нет ни одной страны, где эти показатели существенно ниже, чем у нас.

Абсолютные числа когда-либо разведенных мужчин (и женщин тоже) в выборочных совокупностях большинства стран невелики. Поэтому даже такое заметное различие как между Россией (58%) и Болгарией (44%) статистически не значимо.

«Средний уровень» компенсации разводов повторными браками нельзя считать нормальным. Тот факт, что около 40% разведенных мужчин, как в России, так и во всей Европе в целом не могут или не хотят вновь вступать в брак и даже в «гражданское партнерство», является одним из симптомов глубокого кризиса семьи (как бы ни трактовалось само понятие «семья»). Этот кризис имеет место не только в России, но и во всех других экономически развитых странах, причем не только европейских.

У женщин степень компенсации разводов повторными браками еще ниже. В России она составляет лишь 30%. Это почти вдвое ниже соответствующего показателя для российских мужчин и существенно ниже среднеевропейского уровня для женщин, который тоже весьма невысок (41%).

По данному показателю Россия занимает 21-е место среди 23 стран. Еще ниже степень компенсации разводов повторными браками только у польских и болгарских женщин, но различия с ними статистически незначимы. В 17 европейских странах (Ирландия, Кипр, Великобритания, Дания, Норвегия, Испания, Франция, Словения, Словакия, Австрия, Бельгия, Швейцария, Германия, Нидерланды, Финляндия, Эстония и Швеция) шансы разведенных женщин на повторное замужество существенно выше, чем в России.

Однако сами эти шансы, особенно у женщин, зависят от возраста, в котором был расторгнут предыдущий брак. Поскольку значительная часть разводов приходится на возраста старше 40 лет, рассмотрим отдельно степень компенсации разводов повторными браками для респондентов в возрастах от 18 до 39 лет.

У российских мужчин 18–39 лет степень компенсации разводов повторными браками равна 56%, что очень близко к аналогичному показателю для всех мужчин, независимо от возраста и несколько выше, чем для мужчин 18–39 лет в целом по 23 странам (52%). Однако такое различие не является статистически достоверным. По данному показателю Россия занимает 13-е место в Европе. Однако с учетом абсолютной численности мужчин-респондентов от 18 до 39 лет, которые указали в анкете, что когда-либо разводились, только в двух странах (Ирландия и Бельгия) эти показатели существенно выше, чем у нас, и только в одной стране (Украина) — они существенно ниже.

У женщин 18–39 лет степень компенсации разводов повторными браками существенно ниже, чем у мужчин.

В России степень компенсации разводов повторными браками у женщин 18–39 лет равна лишь 32%, что почти в два раза ниже, чем степень компенсации разводов повторными браками у мужчин 18–39 лет и практически совпадает с данным показателем для всех женщин, независимо от возраста. По данному показателю российские женщины находятся на *предпоследнем*, 22-м месте среди 23 стран. Еще хуже ситуация только в Польше, но разница с этой страной очень мала (менее 1%) и статистически незначима.

Хотя большая дифференциация этого показателя для женщин по разным странам (как и у мужчин) вызывается тем, что численность женщин-респондентов от 18 до 39 лет, когда-либо переживших развод, во многих государствах (особенно со строгими законами о разводах) очень невелика, но, тем не менее, в 13 странах (Ирландия, Словения, Кипр, Испания, Дания, Франция, Финляндия, Великобритания, Швеция, Нидерланды, Германия, Бельгия, Украина) шансы разведенных женщин на повторное замужество статистически существенно выше, чем в России. В остальных странах (кроме Польши) эти шансы тоже выше, чем в нашей стране, но из-за малой численности женщин-респондентов, переживших в прошлом развод, различия статистически незначимы.

Ситуацию по всем странам, участвующим в исследовании, нельзя считать нормальной. В целом по Европе вновь выходят замуж де-юре или де-факто (и остаются замужем до момента опроса) *менее половины*, а в России — *менее трети* даже среди относительно молодых разведенных женщин, которым нет еще и сорока лет.

Столь низкие показатели отчасти объясняются тем, что многие повторные браки тоже распадаются. Если после этого люди остаются в одиночестве, то о какой «компенсации» разводов повторными браками можно говорить? Вопреки распространенному мнению вероятность развода в повторных браках гораздо выше, чем в первых браках. Демографическая статистика давно установила эту закономерность[11]. Повышенный риск развода в повторных браках отчасти объясняется тем, что в эти браки вступают люди, у которых УЖЕ распался первый брак. Большинство из них прошли отбор по негативному принципу — нетерпимости к недостаткам супруга, неспособности к компромиссам, нежеланию сохранить семью.

Это относится как к лицам, для которых свойственны пьянство, неверность, скандальность, грубое и жестокое обращение с членами семьи и другие нарушения элементарных правил семейной жизни, так и к тем, кто по чисто субъективным причинам требуют развода, не будучи спровоцированы на это подобными поступками своих супругов. Для первой группы разведенных вышеупомянутое неадекватное поведение может помешать вступлению в новый брак или привести к его распаду. Вторую группу составляют люди, которые могут покинуть своих супругов по чисто субъективным причинам («любовь прошла», «полюбил другую или другого»). Люди, которые поступили так один раз, вполне способны сделать то же самое и во всех последующих браках.

Для женщин дополнительным «фактором риска» развода в повторных браках являются их дети от первых браков. Нередко они не одобряют решения своих матерей о разводе, особенно если эти решения вызваны чисто субъективными причинами, непонятными для детей, например, сексуальной неудовлетворенностью, и не связаны с пьянством, грубостью или жестокостью отцов. В таких случаях дети конфликтуют даже с хорошими и заботливыми отчимами, что нередко приводит к уходу последних из семьи.

Многие разведенные мужчины и женщины вообще не хотят вступать в

[11] *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. — М., 1986. — С. 146—147.

законный повторный брак и даже в «гражданское партнерство», поскольку это все-таки ограничивает их личную свободу и «портит» отношения с сексуальными партнерами. Они считают, что «быт убивает чувства». Но если изъять из определения понятия «брак» такие критерии как «совместное проживание», «ведение домашнего хозяйства» и «воспитание детей», то в этом случае понятие «брак» отрывается от понятий «семья» и «общесемейная деятельность», из-за чего рушится институциональное единство «родительство-супружество-родство»[12], а сами понятия «брак» и «семья» уже не могут рассматриваться как социальные институты.

Однако само население, во всяком случае, в России, такого разрыва не хочет. По данным исследования «Религия, семья, дети», проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2003–2006 гг., у всех групп респондентов (христиан, иудеев, мусульман и вообще нерелигиозных людей) понятие семейный образ жизни сильнее всего ассоциируется с наличием законного супруга, затем с наличием хотя бы одного ребенка, затем — с наличием двух детей[13].

Если считать браком любую устойчивую сексуальную связь, хотя бы и без совместного проживания и ведения общего хозяйства, то в этом случае придется признать, что в России (да и в любой другой европейской стране) весьма широко распространены «многоженство» и «многомужество». Многие мужчины и женщины, в том числе и состоящие в браке, поддерживают устойчивые и продолжительные сексуальные связи с несколькими партнерами, которые даже и не догадываются о существовании друг друга. Так было во все времена, но никогда эти связи не считались браком, даже «гражданским», если они имели место без совместного проживания и ведения общего хозяйства.

Даже если исходить из либерального определения понятия «брак», основанного только на критерии совместного проживания партнеров независимо от регистрации их отношений, то и в этом случае нельзя не видеть, что социальный институт семьи, который основан на браке, претерпевает острый кризис. Как в России, так и во всех других странах, где проводилось Европейское социальное исследование, огромная часть взрослого населения, а в активных репродуктивных возрастах (18–39 лет) — половина мужчин и женщин — не состоит ни в браке, ни в «гражданском партнерстве». Многие люди надолго откладывают вступление в эти отношения или вообще не могут, либо не хотят их установить и поддерживать. От поколения к поколению постепенно увеличивается доля мужчин и женщин, которые никогда не вступали ни в брак, ни в «гражданское партнерство». В России к этой категории относится уже каждая десятая женщина в возрастах от 30 до 39 лет. Это вряд ли может объясняться только откладыванием браков. Ведь речь

---

[12] *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. — М., 2000. — С. 82.

[13] *Синельников А.Б.* Семейная жизнь и религиозность//Демографические исследования. — 2006. — № 2. (Интернет-издание (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=247)

идет о женщинах, у которых никогда не было не только законного мужа, но и постоянного «гражданского партнера».

Очень высока вероятность распада законных браков для тех, кто в них все-таки вступил. Шансы же на повторный брак (законный или «гражданский») после развода весьма невелики. В России среди мужчин, которые когда-либо пережили развод, состоят в повторном браке или «гражданском партнерстве» лишь *немногим более половины*, а среди женщин — менее трети. Для женщин этот показатель самый низкий в Европе (за исключением Польши и Болгарии). Нельзя считать, что это связано только с количественной нехваткой мужчин. Ведь и среди мужчин доля одиноких людей очень велика. По-видимому, многие мужчины и женщины вообще не хотят вступать в брак и даже в «гражданское партнерство», чтобы не ограничивать свою личную свободу какими-либо обязательствами. Скорее всего, они выдвигают слишком завышенные требования к роли супруга или партнера и предпочитают оставаться одинокими, но не снижать уровень своих притязаний.

Сам факт широкого распространения не только юридического, но и фактического безбрачия (в том числе и послеразводного) доказывает социальную приемлемость этого явления для россиян и всех прочих европейцев. Положение может измениться только тогда, когда общественное мнение станет осуждать людей, отказывающихся создать семью либо не способных ее сохранить.

С.В. Захаров

Глава 13

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ «РАСПИСАНИЯ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН О ТОМ, КОГДА ДЕВУШКА СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛОЙ

ИНТЕРЕС к междисциплинарному изучению жизненного цикла современного человека и ценностно-нормативных регуляторов, определяющих характер изменений в календаре событий в жизни человека, резко возрос в последние годы.

С одной стороны, возрастает понимание того, что фундаментальные демографические сдвиги, квинтэссенцией которых выступает старение населения, вызывают необратимые изменения в возрастной стратификации общества, что приводит, в свою очередь, к кардинальному изменению социально-экономического баланса между поколениями и соответствующим структурным преобразованиям во всей экономике, к глубокой трансформации социальной структуры общества и соответствующим институциональным изменениям. Социально-психологическое взаимодействие поколений также переживает сдвиги, не часто имевшие прецеденты в прошлом. По меткому выражению М.Ю.Арутунян: «Взрослые не стареют, дети не растут».

Систему представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию, И.С. Кон очень точно назвал «возрастным символизмом культуры»[1]. Когда-то в прошлом календарный возраст для человека значил немного. Средневековый человек плохо знал собственный возраст и возраст своих детей, а если и знал, то использовал его почти исключительно в астрологических целях. Понятие хронологического возраста появляется по мере того, как индивидуальная жизнь обретала права самостоятельной ценности, а господствующая в традиционном обществе идея извечных природных циклов (детство-взрослость-старость) сменялась идеей развития социализирующегося индивида. Усложнение социально-экономической реальности, в которую должен быть интегрирован индивид, приводит к усложнению критериев его развития. Социальное созревание все более обретает черты

[1] *Кон И.С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). — М.: Наука, 1988.

многомерного процесса, имеющего множество критериев, важнейшие из которых — завершение образования, приобретение стабильной профессии, начало трудовой деятельности, материальная независимость от родителей, политическое и гражданское совершеннолетие, вступление в брак, рождение первого ребенка[2].

Очевидно, что взросление не только многомерный, но и гетерохронный процесс во всех проекциях процесса становления личности (Ананьев, Болотова, Кон)[3]. За каждым из перечисленных выше событий и их последовательностью в жизненном цикле стоит социокультурная нормативная система возрастных предпочтений («возрастных символов»), которая подвержена неизбежным историческим подвижкам. Обретение человечеством юности как особого, необходимого периода развития личности — «прелюдии зрелости», а затем и увеличение его длительности, непрерывного расширения многомерности составляющих его процессов приводит к увеличению временного разрыва между физическим, психологическим и социальным созреванием среднестатистического индивида. С какого момента человека можно считать взрослым, становится все менее очевидно. Молодые люди сегодня достигают социокультурной зрелости задолго до того, как обретают экономическую независимость от родителей. Современное общество благоприятствует раннему наступлению совершеннолетия — прежде всего в области потребления, а также в сексуальных и других межличностных отношениях. Молодые, еще не став производителями, уже являются потребителями. Компетентное участие подростков в потреблении делает их более зрелыми с социокультурной точки зрения, чем это было у предыдущих поколений в том же возрасте[4]. Не случайно предлагаемые возрастные периодизации онтогенеза личности с каждым новым автором ставятся все более сложными по структуре и все менее определенными в отношении возрастных границ[5].

Взаимодействие социально-возрастных страт на экономической и политической арене в XXI в. будет принципиально иным, чем было прежде, и хотелось бы знать хотя бы общие черты будущей социальной организации. От того, кого мы будем считать детьми, требующими патерналистской заботы, кого — людьми социально зрелыми, способными принимать самостоятельные решения и кого — стариками, взывающими о помощи, зависит, в каком направлении будет развиваться процесс институциализации межпоколенных взаимодействий: отношений на рынке труда, отношений, связанных с со-

---

[2] *Кон И.С.* Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. — М.: Наука, 1979; *Кон И.С.* Психология ранней юности. — М.: Просвещение, 1989.

[3] *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. — М.: Изд-во СПГУ, 1980. — Т. 1; *Болотова А.К.* Человек и время в познании, деятельности, общении. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007; *Кон И.С.* Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. — М.: Наука, 1979.

[4] *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) // Пер. с нем. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997.

[5] См., например, подробный критический обзор различных возрастных периодизаций в работе: *Болотова А.К.* 2007. — С. 57–85.

циальной мобильностью, отношений распределения и перераспределения социальных благ и др.

С другой стороны, параллельно макросистемным тектоническим сдвигам, а вероятнее всего, и во взаимообусловленности с ними, происходят не менее фундаментальные подвижки на уровне индивидуальных жизненных стратегий. Расширяется индивидуализация поведения человека, нацеленного на самоидентификацию, поведенческие практики освобождаются от прежней жесткости соционормативных регуляторов в самых различных сферах жизнедеятельности. Параметры жизненного цикла современных поколений гораздо более вариабельны, чем они были у их родителей. Более того, оставаясь полностью или частично зависимыми от родителей, молодежь ведет себя независимее от нормативных представлений последних, особенно в сексуальной, матримониальной и репродуктивной сфере. На смену стандартной, предопределенной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей. Возможности каждого человека управлять своей индивидуальной судьбой, собственной биографией несоизмеримо возросли в XX веке и особенно заметно во второй его половине[6]. Происходит ли замещение слабеющих пут внешних воздействий и ограничений механизмами внутренних регуляторов настройки индивидуальных календарей жизненных циклов, как указывают некоторые авторы[7]? Если да, то означает ли это, что адаптационные возможности современного человека по отношению к макросистемным изменениям становятся настолько безграничными, что теряет значение политика в узком значении — в качестве инструмента побуждений и принуждений к выполнению социально значимых функций?

Планирование собственного жизненного цикла (событийного ряда и времени наступления событий) все более становится неотъемлемой частью подготовки индивида к будущим социальным действиям и взаимодействиям, а последующее «выполнение планов» — частью успешной самореализации и самоидентификации[8]. Если это действительно так, то тогда имеет прямой смысл социологическими методами заглянуть в «кухню» разработки и принятия индивидуальных планов «построения собственной судьбы». Оценив неслучайную вариабельность индивидуальных планов в разрезе поколений и социальных групп, можно получить представление о доминирующем векторе

---

[6] *Inglehart R.* 1990. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press; *Beck U.* 1992. Risk Society. Towards a New Modernity. London: Sage; *Lesthaeghe R.* (Ed.). 2002. Meaning and Choice: Value Orientations and Life Course Decisions. NIDI Monograph Nr. 37. The Hague: Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute.

[7] *Heckhausen J.* 1999. Developmental regulation in adulthood: Age-normative and sociostructural constraints as adaptive challenges. New York, NJ: Cambridge University Press.

[8] *Абульханова-Славская К.А.* Типология активности личности // *Психологический журнал.* 1985. — Т. 6. — № 5; *Giddens A.* 1991. Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press; *Clausen J.A.* 1991. Adolescent Competence and the Shaping of the Life Course. *American Journal of Sociology,* 96(4): 805–842; *Clausen J.A.* 1993. American Lives: Looking Back at the Children of the Great Depression. Berkeley, CA: University of California Press.

будущих изменений в базовых социальных процессах. В первую очередь это касается трансформации моделей брачно-семейных отношений и рождаемости, изменений в образовательных и трудовых стратегиях, социальной активности пожилых.

В программу третьей волны международного сравнительного социального исследования («Европейское социальное исследование» / ESS), проведенного в 2006–2007 гг. впервые был включен специальный блок вопросов, посвященный нормативно-ценностным представлениям о жизненном цикле европейцев[9]. Целая серия вопросов касалась представлений населения о нормативном («идеальном») возрасте наступления важнейших событий начального этапа «взрослой» жизни человека, в том числе: признания права считаться «взрослым», обретения прав на начало сексуальной жизни, прав на создание собственной семьи. Для изучения этого же ценностно-нормативного пространства были призваны вопросы, касающиеся наилучшего возраста завершения образования, рождения детей, прекращения репродуктивной и трудовой деятельности. Наконец, вопросы, характеризующие массовые представления о возрастных границах перехода в стадии жизненного цикла, определяемых как «зрелость» («средний возраст») и «старость», завершают общую конструкцию измерителей общественного мнения о стадиях жизненного цикла современного человека.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением представлений об идеальном возрасте наступления событий начального этапа жизненного цикла, обозначающих вступление девушек во взрослую жизнь. Речь пойдет о наилучшем возрасте завершения для девушки образования, расставания с родительским домом, начала сексуальной жизни, обретения постоянного партнера, вступления в брак и материнства. Ключевым же для анализа будет ответ на вопрос о том, начиная с какого возраста, девушка может считаться взрослой. Важность акцентирования внимания на начальных этапах жизненного цикла женщины связана с тем, что плотность событий в этот период высока, как ни в какой другой период жизни[10], и от того, какой поведенческий сценарий будет избран, во многом зависит, как сложится ее дальнейшая судьба. В то же время именно в жизненном цикле взрослеющей девушки в последние десятилетия наблюдаются наиболее фундаментальные изменения, касающиеся образовательных и профессиональных стратегий, в сексуальном, матримониальном и репродуктивном поведении. Более того, как показывают некоторые исследования, женщины имеют склонность к управлению ориентациями молодых мужчин, связанных с переходом к взрослой жизни, корректируя и «настраивая» в желательную для себя сторону

[9] Данный модуль был разработан под руководством F. Billari (Universit Bocconi, Italy). Теоретическое обоснование программных вопросов, подготовленное разработчиками в форме заявки, представлено на официальном сайте программы ESS: «The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe». http://www.europeansocialsurvey.org/index.php?option=com_content&view=article&id=220:r3-rotating&catid=116:questionnaire&Itemid=309

[10] *Rindfuss R.R.* 1991. The Young Adult Years: Diversity, Structural Change, and Fertility. *Demography*, 28(4): 493–512; *Billari F., Liefbroer A.* 2007. Should I stay or should I do? The impact of age norms on leaving home. *Demography*, 44(1): 181–198.

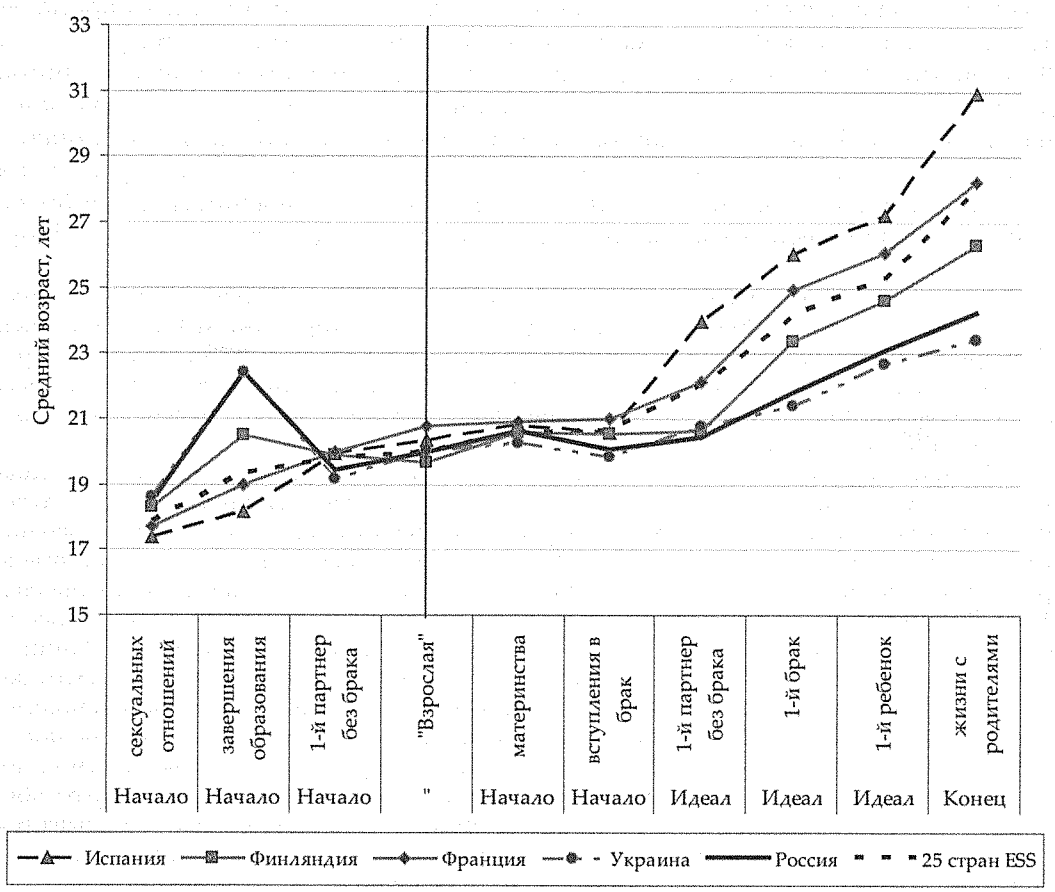
хронологию связанных с этим ключевых событий в межличностных отношениях[11].

Идеальный календарь событий, связанных с вхождением девушки во взрослую жизнь

На графике 1 представлена идеальная возрастная последовательность ключевых социально-демографических событий для некоторых (типичных) из 25 стран, охваченных исследованием, а также усредненная для всей со-

График 1

Идеальная возрастная последовательность ключевых событий для женщины, вступающей во «взрослую» жизнь (данные ESS)

[11] *Hockey J.* 2009. The life course anticipated: gender and chronologisation among young people. *Journal of Youth Studies.* 12(2): 227–241.

вокупности опрошенных[12]. В качестве иллюстрации индивидуальных профилей на графике выделена Франция как страна, в которой «идеальный» календарь событий близко соответствует усредненному профилю для европейских стран, а также Испания и Финляндия — западноевропейские страны, демонстрирующие систематические полярные отклонения от усредненной кривой. Наконец, выделен также профиль для России, контрольной парой для которой выступает Украина.

Еще не «взрослая», но уже не «ребенок»

Для всех стран первым из рассматриваемых событий в жизни взрослеющей девушки (в соответствии с возрастом его наступления) является сексуальный дебют[13]. Можно считать, что одобряемый возраст этого события варьирует по европейским странам в пределах от менее 17 лет (в Австрии и Германии) до 19 лет в Ирландии при общей средней в 17,8 года. В России одобряемый возраст начала сексуальных отношений выше, чем в среднем по Европе, — 18,5 года. Близкие к России значения (18,3—18,6 года) демонстрируют Кипр, Финляндия, Венгрия, Польша и Украина. Заметим, что полученная величина для России полностью соответствует данным о среднем возрасте фактического начала половой жизни россиянок, полученным с помощью разных опросов, что свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь значимого конфликта на массовом уровне в России между нормативными представлениями и наиболее распространенными практиками сексуального поведения молодежи[14]. Нор-

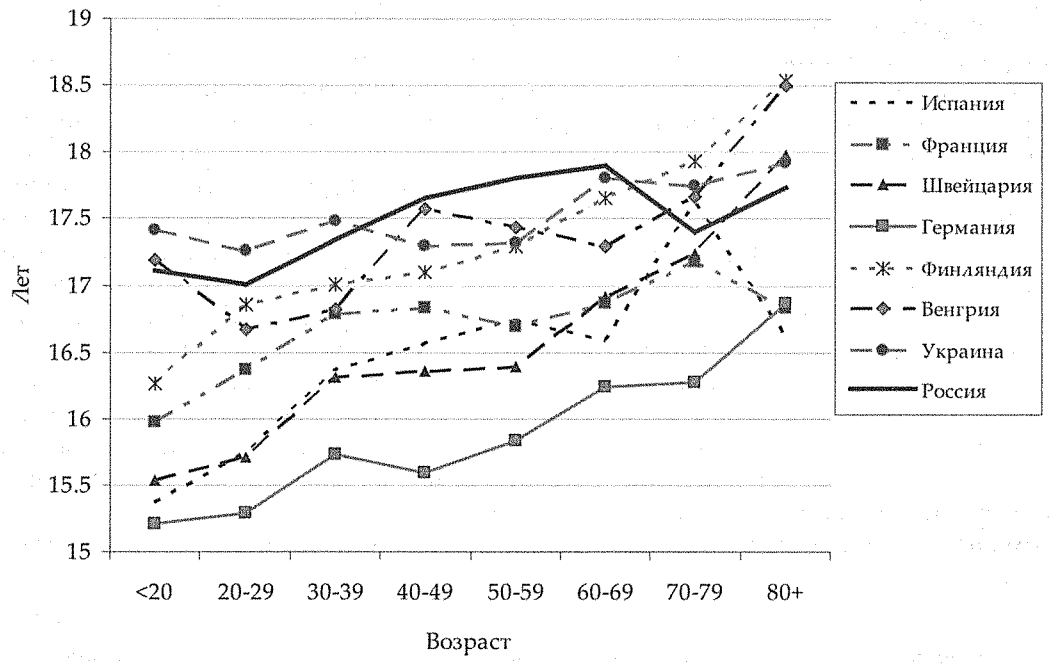
[12] На интересующие нас вопросы ответило более 23 000 респондентов обоего пола из 25 стран (от около 500 чел. на Кипре до более 1400 в Германии и 1139 в России). Это примерно половина от общего числа респондентов. Методика проведения опроса предполагала, что половина респондентов обоего пола отвечает на все вопросы данного блока, но применительно к женщинам, а другая половина отвечала на те же вопросы применительно к мужчинам.

[13] Вопрос ставился следующим образом: «**До какого возраста женщина, как правило, еще слишком молода, чтобы начинать сексуальные отношения?**» Для получения оценки социально одобряемого возраста возможного начала сексуальной жизни (показанного на графике 1 и в таблице Приложения), к рассчитанному среднему возрасту, полученного непосредственным счетом по результатам ответов, прибавлялся 1 год. Таким способом мы условно переводили стрелки «часов» жизненного цикла на один год вперед, чтобы получить ответ на не поставленный прямо вопрос: «Начиная с какого возраста, можно (уже не рано) начинать сексуальные отношения?». Этот же прием был использован для аналогично поставленных вопросов, в которых использовалась конструкция «слишком молода». Тем самым была достигнута универсальность в построении «идеальной» (желательной), по мнению респондентов, возрастной последовательности наступления рассматриваемых событий. Возможно, кому-то обоснованность данной процедуры покажется спорной, хотя она нередко используется на практике. Желающие вернуться в исходное состояние могут выполнить обратное действие, отняв один год от всех аналогично построенных средних величин.

[14] Так, по данным 10-й волны РЭМЗ/RLMS (2001), для всех опрошенных в возрасте от 14 до 49 лет средний возраст начала половой жизни составил 18,5 года. См.: Мониторинг сексуального поведения населения Российской Федерации. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения 2001 г. Университет Северной Каролины в Чэпел Хилле, Институт социологии РАН. Апрель 2002. — С. 6.

График 2

Возраст, в котором «женщина еще слишком молода, чтобы начинать сексуальные отношения» по возрастным группам опрошенных в России и некоторых других странах, лет (данные ESS)

мативные представления о возрасте для девушки, когда «еще рано начинать сексуальные отношения», во всех странах меняются в сторону более низкого возраста сексуального дебюта при переходе от более старших возрастных групп опрошенных к более молодым (график 2). Вероятнее всего, за этим стоит реальная межпоколенная динамика в сторону более раннего начала сексуальной активности от поколения к поколению, отмечаемая повсеместно в развитых странах, и российские тенденции с некоторым запаздыванием встраиваются в общеевропейский контекст[15].

Следующее во временной цепочке событие по результатам усредненного «европейского» профиля — «завершение образования». По европейским меркам задумываться о том, учиться ли дальше, сегодня не предосудительно в 19 лет (соответственно 18-летняя девушка еще «слишком молода», чтобы завершать образование[16]). В то же время вариация социально одобряемых возрастов завершения образования по странам велика, намного выше, чем для социально одобряемого возраста сексуального дебюта.

---

[15] *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2005; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. — М.: ОГИ, 1997.

[16] Вопрос ставился следующим образом: «**Как Вы считаете, до какого возраста девочка, девушка или женщина, как правило, еще слишком молода, чтобы заканчивать получение образования?**»

В Австрии, Великобритании, Болгарии и на Кипре завершать образование допускается до 18 лет, а в Норвегии, Швеции, Финляндии и Венгрии — от 20 до 21 года. Россия и Украина продемонстрировали самые завышенные требования к длительности обучения для девушки: возраст, в котором, по мнению респондентов, можно завершать образование — 22,4 года, он соответствует возрасту получения диплома о высшем профессиональном образовании в этих странах. Близко к максимальным уровням находится Дания — 22,2 года (график 3). В то же время по среднему числу лет, фактически затраченного на обучение, — 13,6, российские женщины все еще сильно отстают от женщин в западноевропейских странах (кроме Португалии), и тем более от Финляндии и Дании, в которых этот показатель вплотную приблизился к 16 годам (график 4). Кроме того, Россия и Украина выделяются высокой долей респондентов (соответственно 36% и 27%), полагающих, что девушка/женщина «никогда не бывает молода», чтобы завершать образование. Чуть более низкие проценты мы находим в Латвии, Румынии и Дании (около 20%), в Австрии — 16%, Швейцарии — 14%. В остальных странах этот процент, как правило, не достигает и 10%. Не есть ли это косвенные свидетельства скрытого недовольства уровнем образования женщин в России, особенно характерного для лиц средних и пожилых возрастов, для которых разрыв между фактически полученным и желательным уровнями образования максимален? Если это так, то можно ожидать, что в России будет продолжаться

График 3

Возраст, в котором «женщина еще слишком молода, чтобы заканчивать получение образования» по возрастным группам опрошенных в России и некоторых других странах, лет (данные ESS)

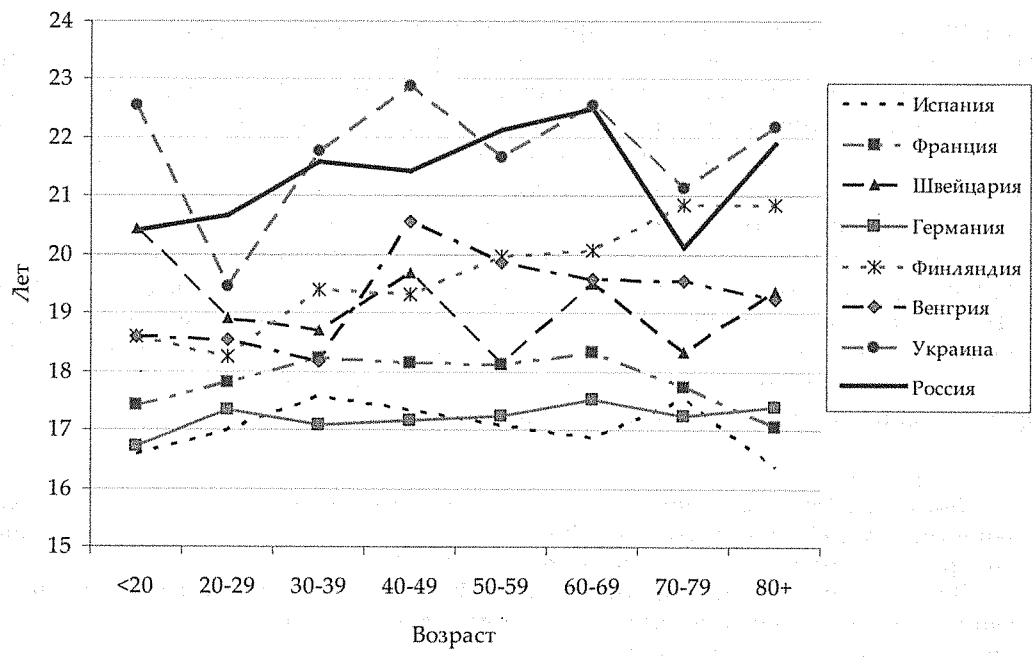
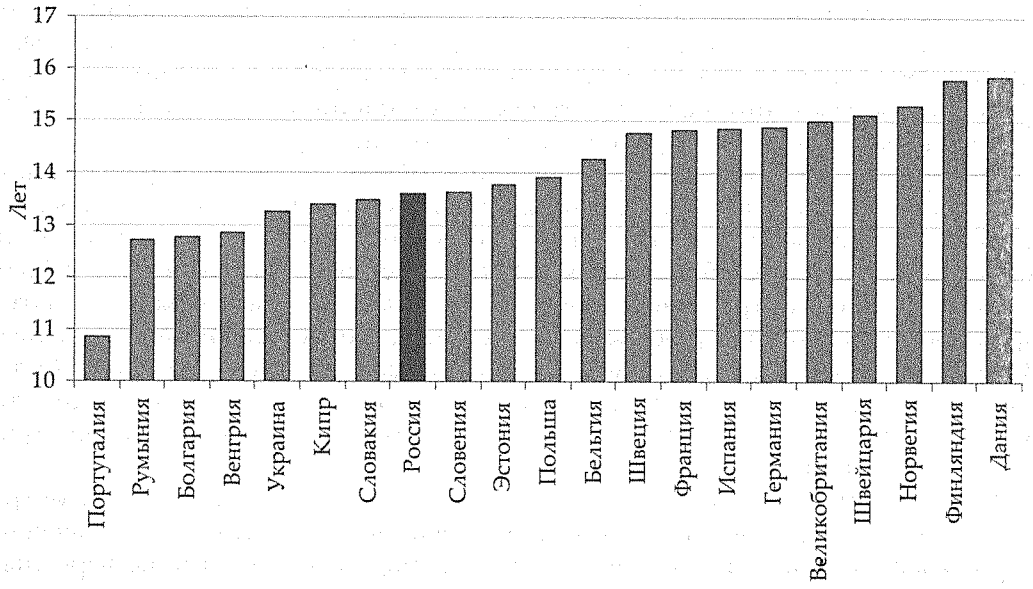

График 4

Среднее число лет, фактически затраченных на обучение женщинами в России и в других странах, лет (данные ESS)

процесс приобщения женщин к высшему образованию, резко ускорившийся в последние два десятилетия.

На величине одобряемого возраста завершения образования сказывается принятая в той или иной стране система уровней профессионального образования. Поэтому, с некоторой долей условности, можно выделить группу стран, в которых уже стало достижительной нормой высшее образование (не ниже бакалавра), группу стран, в которых для девушки желательны, как минимум, промежуточные, послешкольные уровни образования (типа лицея, специальных училищ и т.п.), и страны, в которых полное школьное образование с 11–12-летним обучением считается вполне достаточным. К первой группе тогда будут отнесены: Россия, Украина, Дания, Словения, Польша, Норвегия, Швеция, Финляндия, Венгрия, ко второй – Швейцария, Бельгия, Эстония, Франция, Ирландия, Латвия, Португалия, Словакия, а к третьей (школьной) – Австрия, Болгария, Кипр, Германия, Испания, Великобритания, Нидерланды, Румыния.

Обращает на себя внимание, что в группе стран с самым высоким допускаемым возрастом завершения образования, куда входит и Россия, возрастной порог перехода из «детского» или «подросткового» статуса во «взрослый» расположен ниже порога завершения образования. Означает ли это, что профессиональное образование в этих странах стало атрибутом «взрослой» жизни, когда решение, сколько учиться и на кого учиться принимается самим уже «взрослым» учеником? Возможно, для Скандинавских стран это и так. Но в России – это, безусловно, не так. Присутствие России в ряду стран с самыми высокими образовательными притязаниями для девушки заставляет

сомневаться, что студентка и в Скандинавских странах рассматривается как «взрослый», самостоятельный человек. По всей видимости, мы сталкиваемся с реальным противоречием в «идеальном» расписании человеческой жизни современного человека: учиться надо бы дольше, чем прежде, но признание того, что в этом случае «ребенком» следует считать 20-летнюю или даже еще более старшую девушку, дается с трудом. Совершенно очевидно, что завершение образования не тождественно наступлению взрослости. Кон И.С. еще в далеких 1960-х гг. обращал на это внимание[17].

Интересно, что, несмотря на очевидное общее увеличение фактической длительности получения образования от поколения к поколению, ясная межпоколенная динамика допускаемого (нормативного в общественном мнении) возраста завершения образования в Европе, видимо, отсутствует — в большинстве развитых стран юные, зрелые и пожилые респонденты сообщают о примерно одинаковом среднем возрасте, когда можно заканчивать учиться. В то же время в ряде стран молодые люди даже склонны называть более ранний возраст завершения образования, чем от них ожидают их родители. К числу таких стран относятся, в частности, Россия, Финляндия и ряд стран в Восточной Европе (график 3).

Первый опыт проживания с партнером под одной крышей без регистрации брака в представлениях «среднего» европейца завершает юношеский период жизненного цикла девушки (т.е. период до признания ее взрослым человеком). Вариация возраста, с которого допускается наступление такого события, по странам незначительна — укладывается в пределы 19–20 лет (исключение — 21,5 лет в Ирландии), и российский показатель — 19,5 лет находится на среднем уровне. Гораздо важнее оказываются различия между странами по признанию на массовом уровне права девушки на столь нетрадиционное поведение. Толерантность к добрачному/безбрачному сожительству в Европе удивительна — лишь в Украине, Румынии и Польше сохраняется остаточная распространенность традиционного неприятия такого модуса поведения для женщины («никогда нельзя жить с партнером, не вступив в брак») на уровне 14–15% от числа опрошенных. В Северной и Западной Европе добрачное сожительство стало нормой, чуть ли не обязательной прелюдией к брачно-семейной жизни (табл. 1). Похоже, что повсеместно в Европе признание права считаться «взрослой» наступает позже и, по логике, первый партнерский союз должен был бы считаться «подростковой забавой». В России, как и в целом ряде других восточно-европейских стран, негативное отношение к сожительствам все еще встречается часто. На прямой вопрос того же обследования: одобряют ли респонденты проживание партнеров без брака, 37% россиян дали отрицательный ответ (сумма ответов «полностью

[17] *Кон И.С.* Юность как социальная проблема // Бой идет за человека / Под ред. В.Г. Лесовского. — Л.: Наука, 1965. См. также: *Кон И.С.* Психология ранней юности. — М.: Просвещение, 1989 и др. В этих работах, в частности, справедливо замечается, что зависимый социальный статус студенчества не означает автоматически для них более позднего социального созревания, по сравнению с работающими сверстниками. Как правило, опережение в культурно-образовательном отношении связано с приобщением к более сложным формам социальной ответственности — неотъемлемого атрибута взросления.

Таблица 1

Распределения ответов на вопрос: «Как Вы считаете, каков идеальный возраст для девочки, девушки или женщины, чтобы начать жить вместе со своим партнером, не вступая с ним в брак?», %

	Указали конкретный возраст	«Нет идеального возраста»	«Никогда нельзя жить с партнером, не вступив в брак»	Затруднились или отказались отвечать
Австрия	55	33	2	10
Бельгия	94	3	1	1
Болгария	74	5	8	13
Швейцария	74	21	2	4
Кипр	84	6	7	3
Германия	76	17	2	5
Дания	81	14	1	5
Эстония	77	13	4	6
Испания	78	9	6	7
Финляндия	89	5	3	4
Франция	92	4	1	3
Великобритания	79	11	4	6
Венгрия	72	18	4	6
Ирландия	60	23	8	9
Латвия*	61	22	8	10
Нидерланды	86	8	3	4
Норвегия	92	3	3	3
Польша	68	9	14	9
Португалия	70	19	4	7
Румыния*	64	10	15	11
Россия	68	14	9	9
Швеция	85	10	1	3
Словения	76	16	3	5
Словакия	75	12	7	7
Украина	63	16	15	6
Все страны	76	13	5	6

* Здесь и далее результаты для Латвии и Румынии получены без использования процедуры взвешивания по причине отсутствия в доступной базе данных дизайн-весов для этих стран.

не одобряют», «не одобряют», а 23% высказались одобрительно (оставшиеся 40% свое мнение держат «где-то посередине»). Близкая к российской доля критически настроенных респондентов по отношению к неформальным союзам наблюдается в Болгарии, Польше, Словакии, а в Румынии и Украине таковых даже еще больше – соответственно 41% и 54%. Переходной восточноевропейской морали противостоит уже полностью модернизированная мораль Западной Европы, где доля неодобрительно высказывающихся не превышает 15% (за исключением Ирландии, в которой традиционалистов около 20%).

В то же время представляется бесспорным, что и сексуальная революция, и модернизация матримониального поведения близки к завершению во всех развитых странах без исключения. Тем более, если вспомнить, что допускаемый возраст сексуального дебюта для девушки повсеместно достиг весьма низкого уровня – возраста официально признаваемого совершеннолетия или немного ниже[18].

«Взрослая» женщина – это жена и мать?

Бесспорно, социальное признание права вступать в брак и быть родителем тесно связано с понятием взрослости. Однако, как будет показано ниже, ассоциативная связь между «взрослым» статусом женщины и замужеством, материнством сегодня становится не столь однозначной, как в прежние эпохи.

С одной стороны, действительно, возрастные границы периода, когда признается возможность для девушки выйти замуж и родить первенца, во всех странах находятся очень близко к среднему возрасту обретения девушкой статуса взрослой женщины. Более того, вариация возрастов, когда допускается начало матримониальной и репродуктивной карьеры по странам очень незначительна – 19–21 год (графики 5 и 6).

С другой стороны, представления о том, когда ***следует*** вступать в брак и рожать детей (идеальные возраста для данных событий), сегодня сильно оторвались от представлений, начиная с какого возраста уже ***можно*** выходить замуж и становиться матерью[19]. Идеальные возраста вступления в брак

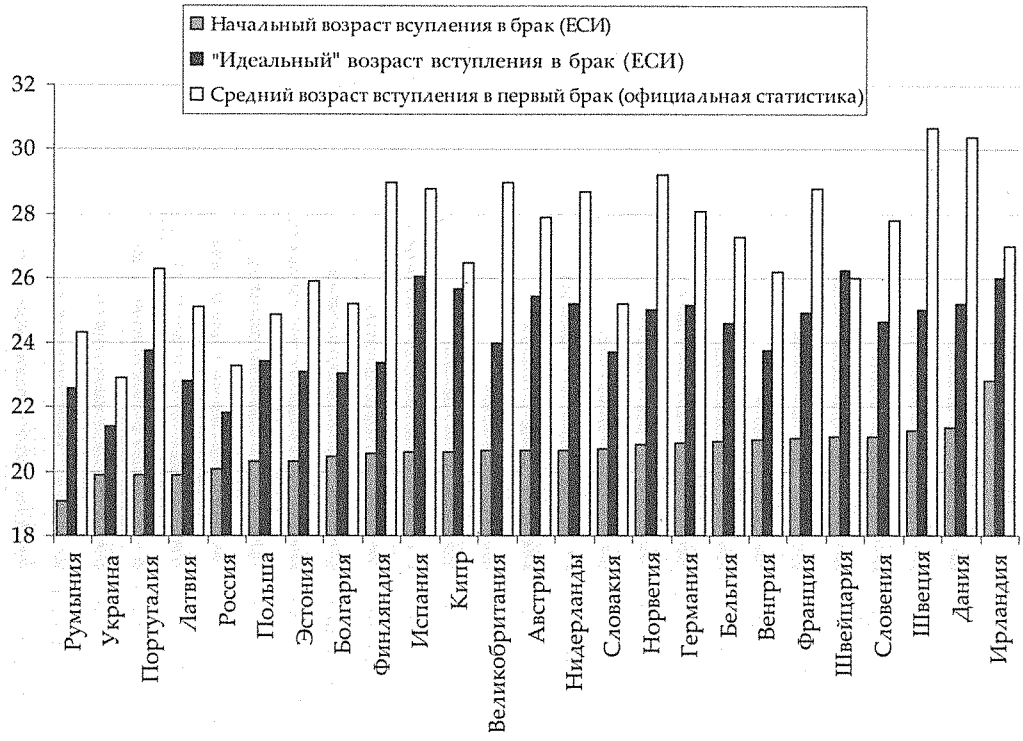
---

[18] Наиболее распространенный возраст, по достижении которого закон разрешает самостоятельно принимать решение о браке в Европе, – 18 лет.

[19] Согласно Ивину А.А., трем классам действий соответствуют три основных вида норм: обязательные, нормативно-безразличные (разрешающие) и запретительные, которые имеют различную модальность по отношению к одному и тому же действию в различных нормативных системах: что обязательно в одной, разрешается или запрещается в другой (см.: *Ивин А.А.* Логика норм. – М., 1973; Норма //Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М., 2006). В отношении системы семейно-матримониальных норм мы сегодня являемся свидетелями как перехода от практически обязательной к преимущественно нормативно-безразличной модальности норм, так и размывания временной относительности действия основополагающей нормы: «Выйти замуж и родить ребенка». Возрастные рамки вступления в первый брак и рождения первенца для женщины после Второй мировой войны значительно расширились во всех развитых странах, не исключая и Россию (см.: *Захаров С.В.* Возрастная модель брака // *Отечественные записки.* – 2006. – № 4 (31).

График 5

Возраст, начиная с которого женщине «можно» вступать в брак, «идеальный» возраст вступления в брак (средние значения для каждой страны по данным ЕСС, 2006—2007 гг.) и фактический средний возраст заключения брака по данным официальной регистрации в первой половине 2000-х гг. Расчеты автора по данным ЕСС, а также база данных ИДЕМ ГУ ВШЭ (доступна на сайте: www.demoscope.ru)

Примечание: Страны ранжированы по значению возраста, начиная с которого, по мнению опрошенных, не возбраняется для женщины вступление в брак.

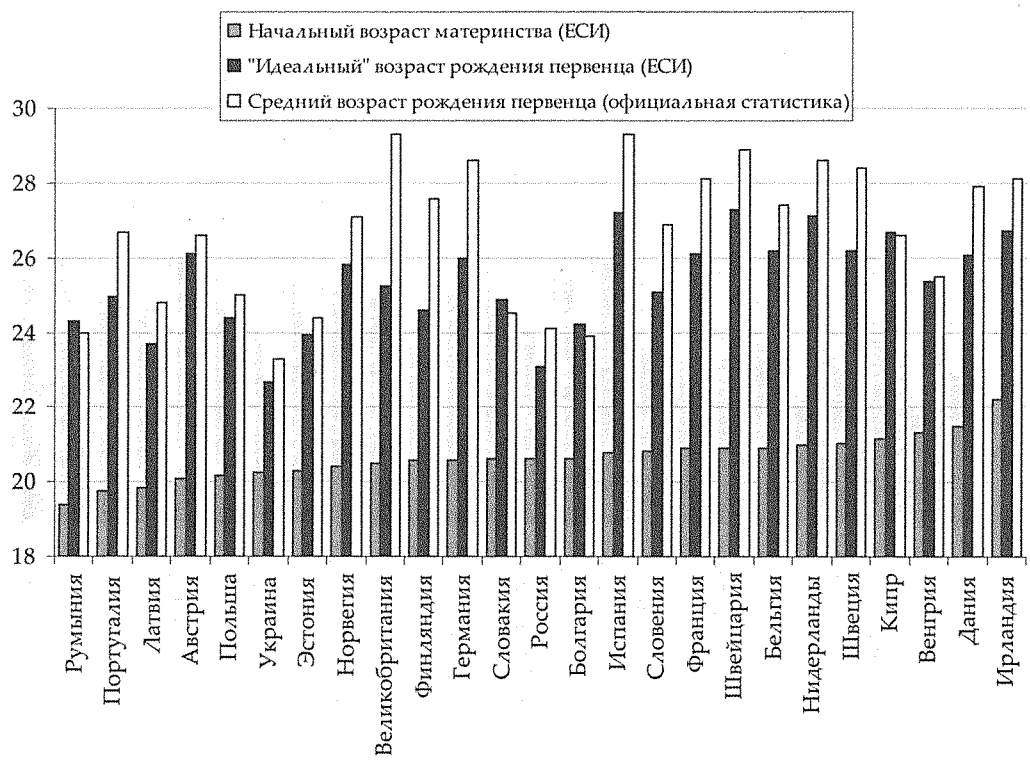
и рождения первенца для женщин во всех странах существенно превышают возраста, начиная с которых допускается вступление в брак и рождение ребенка. Кроме того, не наблюдается никакой корреляции между распределениями стран по «минимальному» и «идеальному» возрасту для данных событий (графики 5 и 6).

Тенденция к постарению возрастных моделей брачности и рождаемости — ведущая тенденция для развитых стран с начала 1970-х годов, охватившая два десятилетия спустя и Россию с ее соседями по Восточной Европе[20]. Несинхронность перехода к модели более позднего начала формирования семьи в Европе привела к большим межстрановым различиям возрастных

[20] Подробнее об изменении возрастных профилей брачности и рождаемости в России и других развитых странах см.: Население России. Ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. — М., 1997—2008.

График 6

Возраст, начиная с которого женщине «можно» становиться матерью, «идеальный» возраст рождения первенца (средние значения для каждой страны по данным ЕСС, 2006—2007 гг.) и фактический средний возраст матери при рождении первого ребенка по данным официальной регистрации в первой половине 2000-х гг. Расчеты автора по данным ЕСС, а также база данных ИДЕМ ГУ ВШЭ (доступна на сайте: www.demoscope.ru)

Примечание: Страны ранжированы по значению начального возраста материнства.

профилей брачности и рождаемости. Так, средний возраст вступления в первый брак для женщины в начале 2000-х годов варьировал по европейским странам от 23 лет в Украине и России до 30 лет в Швеции и Дании, а средний возраст матери при рождении первого ребенка от 23 лет в Украине, 24 лет в России, Болгарии и Румынии до 29 лет в Швейцарии, Германии, Испании, Великобритании и Нидерландах (приведены данные официальной статистики). Напомним, что еще в конце 1960-х — начале 1970-х годов средние возраста регистрации брака и рождения первого ребенка слабо различались по европейским странам, включая и европейские республики бывшего СССР[21].

Интересно сравнить фактические значения среднего возраста вступления

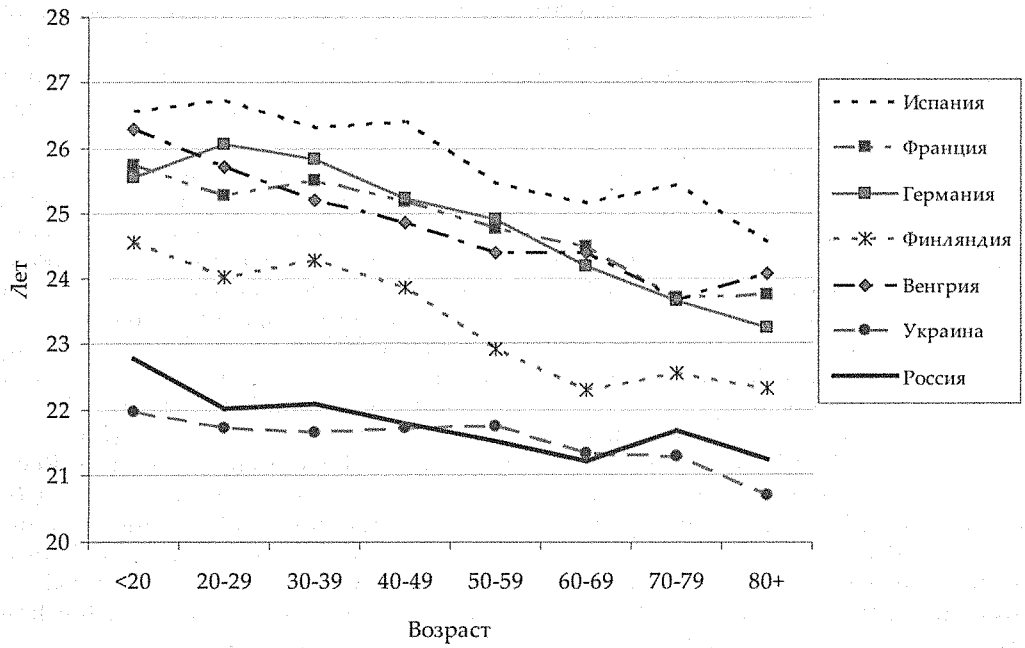
[21] См., например: Население России 2005. Тринадцатый ежегодный доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 47—52.

в первый брак и рождения первого ребенка (по данным официальной регистрации за последние годы) со средними значениями идеального возраста для тех же событий, полученными по результатам ESS в тех же странах (график 6).

Связь между «идеальным» возрастом брака, идеальным возрастом рождения первенца по данным опросов, с одной стороны, и фактическими средними возрастами наступления этих событий по данным демографической статистики, с другой стороны, оказывается очень сильной – коэффициент линейной корреляции «идеального» и фактического брачных возрастов по странам составил 0,7, а «идеального» и фактического возраста материнства – 0,8. Следует также отметить, что во всех странах идеальный возраст рассматриваемых событий ниже фактического среднего возраста. Объяснение заключается в том, что чем моложе респондент, тем он более склонен демонстрировать предпочтительность более позднего начала формирования семьи: двадцатилетние респонденты во всех странах указывают в качестве оптимального возраста для начала брачной жизни величину примерно на два года больше, чем их бабушки и дедушки (т.е. респонденты в возрастах 60 лет и старше) – график 7. Поскольку именно двадцатилетние определяют текущую ситуацию с брачностью, то и фактический средний возраст вступления в брак по данным официальной регистрации выше, чем «идеальный» возраст, средняя величина которого для всех опрошенных занижается старшими когортами,

График 7

«Идеальный» возраст вступления в брак для женщины по возрастным группам опрошенных в России и некоторых других странах, лет (данные ESS)

сохранившими прежние представления о желательности более раннего брака. Точно такая же ситуация и с возрастом рождения первенца.

Итак, один из важных выводов заключается в том, что фактическое матримониальное и репродуктивное поведение тесно связано с идеальными представлениями населения о том, когда лучше обзаводиться семьей и детьми, и определяющим здесь оказывается собственное мнение поколений, осуществляющих эти действия, т.е. молодежи, а мнения родителей и тем более, прародителей, опирающихся на собственный прошлый опыт, — влияет на эти действия меньше.

Должна ли «взрослая» женщина покинуть родительский дом?

Возраст, по достижении которого девушка/женщина должна покинуть родительский дом, венчающий период взросления, — наиболее сложный для интерпретации нормативный параметр жизненного цикла. Дело не только в том, что, например, в странах Восточной и Южной Европы, как известно, еще сохраняется некоторая распространенность сложных семей, когда под одной крышей могут уживаться несколько поколений: родители с взрослыми детьми, уже состоящими в браке и имеющими, в свою очередь, малолетних детей. Нужно еще иметь в виду, что, когда речь идет о девушке или молодой незамужней женщине, то встает еще один вопрос: в какой мере действующие традиции и общественное мнение позволяют проживать молодым девушкам и одиноким женщинам самостоятельно, т.е. без родителей или мужа[22]?

Вековые традиции по всей Европе были настроены против такой практики, и сегодня они еще кое-где поддерживаются. По этой причине нас не должно удивлять, что в целом ряде стран большинство респондентов оказалось не готово ответить на вопрос: «после какого возраста наступает время, когда женщина, как правило, выходит из того возраста, чтобы жить со своими родителями?». Так, в Болгарии, Латвии, Румынии, Португалии, Эстонии, Венгрии, Ирландии, Польше — в лучшем случае лишь половина респондентов при ответе на данный вопрос указали конкретный возраст.

---

[22] Вступление в брак не только в традиционном, аграрном обществе, но и в индустриальную эпоху долгое время оставалось главной причиной ухода из родительского дома для девушки, сильно ограничивая для нее доступ к профессиональному образованию и соответственно права на экономическую независимость. Ассоциация покидания родительского гнезда с браком достигает своего максимума повсеместно в западных странах в 1950–1960-х гг. в связи со снижением возраста вступления в первый брак после Второй мировой войны. Начиная с 1970-х гг., на фоне увеличения возраста заключения брака связь выделения из родительской семьи с браком быстро ослабевает, в первую очередь в странах Северной и Западной Европы, США (см., например: Kiernan K. 1989. The departure of children. In E.Grebenik, et al. (Eds.), *Later phases of the family cycle.* Oxford: Clarendon Press: 120–144; Goldscheider F. 1997. Recent changes in U.S. young adult living arrangements in comparative perspective. *Journal of Family Issues* 18(6): 708–724; Cordon J. 1997. Youth residential independence and autonomy: A comparative study. *Journal of Family Issues* 18(6): 576–607; Reher D. 1998. Family ties in Western Europe: Persistent contrasts. *Population and Development Review,* 24(2): 203–235; Gutmaun M.P., Pullum-Pinon S.M., Pullum T.W. 2002. Three eras of young adult home leaving in twentieth-century America. *Journal of Social History.* 35(3): 533–576.

Таблица 2

Распределения ответов на вопрос: «Как Вы считаете, после какого возраста наступает время, когда женщина, как правило, уже выходит из того возраста, чтобы жить со своими родителями?», %

	Указали конкретный возраст	«Никогда» не наступает	Затруднились с ответом или отказались отвечать
Австрия	62	19	19
Бельгия	84	13	4
Болгария	38	42	20
Швейцария	82	11	7
Кипр	71	20	9
Германия	82	8	10
Дания	88	6	6
Эстония	54	29	18
Испания	72	18	10
Финляндия	80	15	5
Франция	92	3	5
Великобритания	70	23	7
Венгрия	55	35	9
Ирландия	53	32	15
Латвия*	39	46	15
Нидерланды	85	11	4
Норвегия	91	5	4
Польша	55	32	13
Португалия	48	40	12
Румыния*	47	32	22
Россия	61	16	23
Швеция	83	10	7
Словения	64	25	11
Словакия	58	30	12
Украина	60	24	17
Все страны	67	21	12

В России, Украине, Словакии, Словении и Австрии процент тех, кто смог определиться с возрастом ухода из-под присмотра родителей не многим выше, – около 60%. Более того, в Эстонии, Венгрии, Ирландии, Латвии, Польше, Португалии, Румынии и Словакии 30–40% респондентов считают, что «никогда» не наступает время, когда женщина выходит из того возраста, чтобы жить с родителями (табл. 2). В России, как и в большинстве стран Восточной Европы (с примыкающей Австрией), респонденты вопросом об

обязательном покидании родительского дома для женщины оказались застигнутыми врасплох: процент затруднившихся с ответом или отказавшихся отвечать очень высок – до одной пятой от числа опрошенных.

С другой стороны, в странах на западе и севере Европы традиции «запирания невесты в светлице» уже давно забыты – в Бельгии, Швейцарии, Дании, Финляндии, Нидерландах, Швеции более 80%, во Франции и Норвегии более 90% респондентов согласны с тем, что после определенного возраста женщине «засиживаться» в родительском доме уже «неприлично», даже если (наше предположение) она и не вышла замуж.

Итак, при международных сравнениях расчетной оценки среднего возраста «обязательного» покидания родительского дома для девушки следует соблюдать большую осторожность – доля указавших конкретный возраст и соответственно участвующих в расчетах средней величины сильно различается по странам в зависимости от того, сохраняется или нет для девушки традиция ухода из родительского дома исключительно «под венец».

В то же время представляется очевидным, что господствующая в прошлом традиция обязательного проживания незамужней женщины в родительском доме повсеместно размывается в Европе, хотя этот процесс идет на севере и юге, на западе и востоке с разной скоростью[23]. Возраст расставания с родителями уже не задается идеальным возрастом замужества, на что, в частности, указывает отсутствие по странам корреляционной зависимости между этими двумя переменными. Более позднее завершение образования, «постарение» идеальной возрастной модели брачности и рождаемости, вероятно, отодвинули нормативный порог выделения детей из родительской семьи. Однако ввиду отсутствия для сравнения соответствующих данных за предшествующие периоды мы не можем с достоверностью об этом судить.

Заметим, что в России и Украине средний возраст, когда женщине следует покинуть родительский дом – 24,3 и 23,4 лет – не намного превышает средний идеальный возраст брака (21,8 и 21,4), причем, как уже было показано, он наиболее ранний из всех стран. В большинстве стран считается нормальным, если девушка «задержится» в родительском доме до 26–29 лет, а в ряде стран до 30 и более лет, что разводит возрасты «идеального брака» и покидания родителей на существенно большую величину, чем в России и Украине.

---

[23] Полученные нами результаты хорошо согласуются с другими хорошо известными исследованиями, посвященными изучению фактического возраста выделения из родительской семьи в различных странах (Wall, R. 1989. Leaving home and living alone: an historical perspective. *Population Studies*, 43(3): 369–389; Cordon J. 1997. Youth residential independence and autonomy: A comparative study. *Journal of Family Issues* 18(6): 576–607; Kuijsten A.C. 1998. Recent trends in family and households in Europe: An overview. In E. Van Imhoff et al. (Eds.), *Household Demography and household modeling*. New York: Plenum Press: 53–84; Reher D. 1998. Family ties in Western Europe: Persistent contrasts. *Population and Development Review*, 24(2): 203–35; Billari F.C., Castiglioni M., Martin T.C., Michielin F., Ongaro F. 2002. Household and Union Formation in Mediterranean Fashion: Italy and Spain. In E.Klijzing and M.Corijn (Eds.). *Dynamics of fertility and partnership in Europe*. Insights and lessons from comparative research. Vol. II. United Nations, N.Y. and Geneva: 17–41.

«Взрослость» как размытая возрастная и социальная категория

«... взрослый человек – это лицо, обладающее физиологической, психологической, социальной, нравственной зрелостью, экономической независимостью, жизненным опытом и уровнем самосознания, достаточным для ответственного и самоуправляемого поведения».

Из учебника[24].

«Мне кажется, что мы имеем дело с совершенно новым массовым явлением – исчезновением взрослости».

М. Арутюнян. Взгляни на мир по-детски! // Отечественные записки. – № 3. – 2006.

Не стоит торопиться взрослеть

Рассмотрев выше «идеальную» хронологию социально-демографических событий, связанных с процессом вхождения девушки во взрослую жизнь, мы обнаружили ряд странностей и противоречий. Так, завершение образования в целом ряде стран позиционируется как событие, находящееся за возрастным порогом наступления взрослости, будто учащийся во всех случаях уже обладает «социальной зрелостью, жизненным опытом и экономической независимостью», а обретение постоянного партнера для «сексуальных игр», в результате которых, между прочим, случаются и вполне взрослые ситуации, требующие «ответственного и самоуправляемого поведения» (выбор контрацепции, беременности, роды, аборты), – напротив, представляется как событие еще не взрослой жизни. Рассогласование, нарушение традиционной последовательности в календаре процесса взросления современной девушки налицо. С одной стороны, оставаясь «юной», уже можно делать то, что раньше дозволялось только взрослым – жить с мужчиной (или еще с «мальчиком»?), а с другой – формально («по возрасту») считаясь «взрослой», продолжать учиться, не обременяя себя узами официального брака и детьми. Конфликтное пересечение возрастной относительности ключевых событий в жизненном цикле особенно ярко выражено в России и у некоторых ее соседей по Восточной Европе. Одна из важных причин – существенно более позднее начало в этих странах, по сравнению со странами западнее «берлинской стены», трансформационных изменений возрастных моделей сексуальных и брачно-партнерских отношений. Общественное мнение еще не готово однозначно принять эти изменения в массовых практиках как данность, рационально соотнести их с подвижками в образовательных стратегиях и соответственно сформировать новое, менее противоречивое нормативное представление о возрастной последовательности событий в жизни женщины.

В наше поле зрения попала интернет-конференция на одном из российских молодежных сайтов, на которой обсуждалась та же тема, что и в данной

[24] Цитата взята из первого, попавшегося под руку учебника, доступного в Интернете: *Змеёв С.И.* Андрагогика: теоретические основы обучения взрослых. – М., 2000.

статье: что есть «взрослость»? Посмотрим, как определяют это состояние наши молодые современники[25]:

– *«взрослость – это осознание того, что просто так кусок хлеба с неба не свалится ...осознание своей ответственности за семью/любимого/ребенка»* (Анфиска);

– *«взрослость – это когда уже ни от кого не зависишь ни материально, ни духовно»* (~Т Мас~);

– *«взрослость – это сформировавшийся и устоявшийся внутренний мир, образованность, грамотность, воспитанность»* (Anti_Freez);

– *«взрослость – это когда человек самостоятелен... и имеет на все свою точку зрения, которую способен отстоять»* (Acid_Trauma);

– *«взрослость – это когда вы сами оплачиваете жилье, продукты, одежду, решаете все повседневные и жизненные задачи и вопросы. Без мамы, папы...»* (WITCHER26);

– *«взрослый» будет и в полуторке (имеется в виду квартира, а не грузовик 30-х гг. – С.З.) с двумя детьми счастлив, а «ребенок» – и в собственном дворце плакаться о своей нелегкой судьбе»* (Dice).

Итак, перед нами достаточно детально описанный образ взрослого человека, полностью удовлетворяющего расхожему определению, вынесенному в эпиграф. Подавляющее большинство участников определяли взрослого человека в точном соответствии с трафаретным определением, воспроизводимым в различных вариациях в специальной и учебной литературе по социальной и возрастной психологии и педагогике, — как «социально сформировавшуюся личность, способную к самостоятельному и ответственному принятию решений, субъекта общественно-трудовой деятельности, ведущего самостоятельную жизнь: производственную, общественную, личную». Не часто встречается столь очевидное единодушие обыденного и научного сознания.

И все-таки в общем хоре в равной степени правильных и банальных суждений нашлось мнение одной девушки, которое представляется настолько важным по сути рассматриваемой проблемы, что позволю себе привести его полностью:

«Извините, я, может, немного не по теме, но... очень хочется поделиться... Что значит – я повзрослел? Я не считаю себя совсем «взрослым» человеком, хотя отдаю отчет своим поступкам и прочее, но... кто-то тут писал, что главное – это внешний вид, то, как тебя воспринимают окружающие. Я с этой точкой зрения не согласна. Но недавно решила, все таки возраст (как-никак уже 19 и все такое), одним словом, пора выглядеть серьезнее... немного «сменила имидж», и... смотрю на себя в зеркало... вроде бы вот и каблучок, вот тот женственный силуэт... словом девушка, но это не я... мне в тот момент очень грустно стало, я поняла, что действительно уже не та девочка, что качалась на качелях во дворе и играла в догонялки на переменах... в этом «образе взрослого человека» мне не очень комфортно... На следующий день я вновь надела башмаки на плоском ходу, старую любимую куртку, и, наверное, на моем лице было безграничное счастье, т.к. прохожие оборачивались и смотрели мне вслед... Все это я написала к тому, что (опять же повторюсь, как мне кажется)

[25] Желающие изучить подробнее молодежную дискуссию о «взрослом человеке» могут обратиться по следующему адресу: http://city.is74.ru/forum/archive/index.php/t-217232.html

нужно оставлять в себе чуточку того маленького мальчика или девочки, которыми мы когда-то были... Многие стремятся скорее повзрослеть, стать сильными и независимыми ни от кого... и это правильно и хорошо, но, я думаю, не стоит так сильно торопиться... Сейчас все чаще вспоминаю детство и хочу туда вернуться... может быть, это и есть та самая степень моего взросления? (funny).

В этом искреннем высказывании, помимо не столь уж неожиданных для переходного возраста переживаний на тему поиска «я» в собственном зеркале, нас заинтересовало, как можно догадаться, точное указание возраста, в котором девушку настигло осознание того самого нормативного порога «взрослости», через который она уже одной ногой перешагнула («пора выглядеть серьезнее»), но еще чувствует себя неуверенно на «взрослых» каблуках. Ей — «уже 19», и, следовательно, нормативный возрастной порог, за которым осталось детство, в которое хочется вернуться, пролегает где-то рядом: может быть, на одну ступеньку ниже — на уровне 18 лет или выше — 20 лет?

Приведенные высказывания юношей и девушек равносильны записям на полях, предназначенных для ответов на «открытый вопрос» в вопросниках. Обращает на себя внимание, что приводимые в них содержательные определения взрослого человека не слишком соответствуют возрастной границе взрослости, оцененной с помощью средней величины на данных ЕСС (19–20 лет). Очевидно, что статус взрослого человека, удовлетворяющий критериям, распространенным в массовом сознании (и тем более приводимым в специальной литературе), приобретается в более позднем возрасте. Логично предположить, что существуют по крайней мере две возрастные индентификации обретения взрослого статуса, а не одна, подобно тому, как мы замеряли возрастные границы вступления в брак («минимально допустимый» и «идеальный» для данной эпохи): а) возраст, начиная с которого социальные нормы (включая юридически-правовые), *требуют* или *ожидают* от индивида быть взрослым; б) возраст, в котором индивид вполне осознанно совершает поступки, которые общество расценивает как поступки взрослого человека (*«идеальный» взрослый*). Очевидно, что вторую характеристику эмпирически замерить намного сложнее, чем первую, она исторически более подвижна, менее определенна на индивидуальном и социальном уровне.

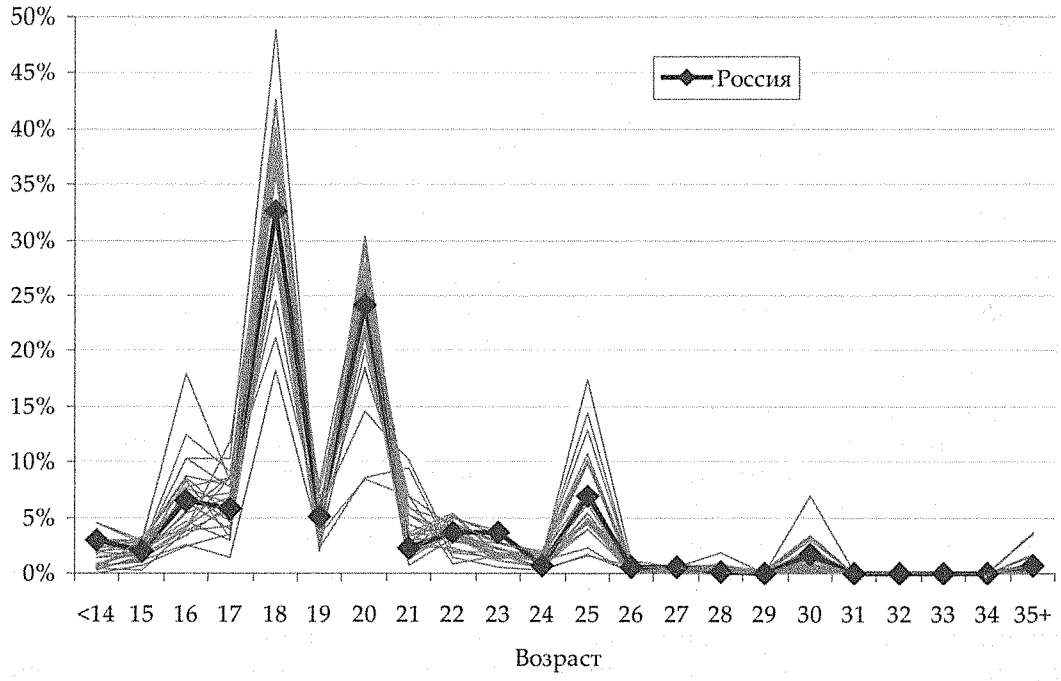
Чтобы стать взрослой в 18 лет, надо либо покинуть родителей, либо стать матерью

Вернемся к данным ЕСС и постараемся разобраться, что же фактически мы замеряем ответами на ключевой вопрос: *«Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, девочки, девушки или женщины становятся взрослыми?»*

На графике 8 представлены детальные (по однолетним возрастным группам) распределения ответов на поставленный вопрос во всех странах. Обращает внимание наличие нескольких модальных возрастов, из которых доминирует 18-летняя норма, но и 20-летняя норма ей не слишком уступает. Еще одна мода в 25 лет, хотя и не слишком выражена, но также заслуживает

График 8

Возраст обретения статуса взрослого для женщин в России и других странах, лет (данные ESS)

внимания. В результате расчетные средняя арифметическая и медиана (обе около 19 лет) оказываются «проваленными» между двумя модами — респонденты, выбравшие 19-летний порог взрослости, составляют едва различимое статистическое меньшинство во всех странах (в среднем около 5%). Такие средние величины со времен Коррадо Джинни величают фиктивными средними, т.е. когда варианта, равная средней величине, не обладает признаком типичности. Появляется подозрение, что статистические совокупности, с которыми мы столкнулись, сильно неоднородны даже на национальном уровне. Видимо, респонденты, по сути, отвечали на «разные вопросы» (по-разному понимали поставленный вопрос). Заметим, что ни с одной другой возрастной характеристикой жизненного цикла, рассматриваемой в данной статье, такие проблемы не возникали.

Вполне логично предположить, что респонденты, выбравшие 18-летний возраст (от 14% в Болгарии до 44% в Ирландии), скорее всего ориентировались на возраст официально признаваемого совершеннолетия (к примеру, во всех европейских странах нижний электоральный возраст установлен именно на этой планке) и не сильно задумывались над тем, может ли среднестатистическая 18-летняя девушка в той или иной стране считаться в полной мере самостоятельной личностью (взрослой по существу). Косвенным подтверждением нашей гипотезы может служить такой показатель, как доля респондентов, выбравших подсказы «***Это зависит от обстоятельств***»

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, девочки, девушки или женщины становятся взрослыми?», %

	Указали конкретный возраст, в том числе:					«Зависит от обстоятельств»	Затруднились с ответом или отказались отвечать
	До 18	18	19-20	21+	Всего		
Австрия	5	20	26	22	73	21	6
Бельгия	24	31	22	19	96	4	0
Болгария	4	14	24	35	76	12	11
Швейцария	18	31	22	12	82	16	2
Кипр	14	34	21	20	89	9	1
Германия	16	27	26	17	86	11	3
Дания	13	28	25	20	86	12	2
Эстония	14	32	24	18	88	7	5
Испания	18	25	20	25	88	7	5
Финляндия	17	36	30	14	97	1	1
Франция	15	20	32	26	93	–**	7
Великобритания	30	40	10	13	94	4	2
Венгрия	18	34	23	13	88	9	3
Ирландия	23	44	11	13	90	6	4
Латвия*	11	22	23	17	73	23	4
Нидерланды	21	37	19	16	93	5	2
Норвегия	9	29	34	26	98	2	1
Польша	20	34	23	17	94	3	3
Португалия	13	23	26	21	83	14	3
Румыния*	12	34	27	17	89	7	3
Россия	14	26	24	17	81	13	6
Швеция	12	39	30	12	92	6	2
Словения	12	21	27	26	85	13	3
Словакия	10	36	29	15	90	6	4
Украина	12	30	27	14	84	12	4
Все страны	15	30	24	18	87	9	4

** Такой ответ не был предусмотрен в национальном вопроснике.

и «***Затрудняюсь ответить***», допускаемые при ответе на данный вопрос. Эта доля в подавляющем большинстве стран на удивление низка для такого непростого вопроса (табл. 3). Неопределенностью ответов выделяются лишь Болгария, Латвия и Австрия, в которых от 1/4 до 1/3 опрошенных не смогли определиться с конкретным возрастом (в России показатель несколько

выше среднего уровня – 20%, из которых 13% составляют те, кто сослался на зависимость ответа от «обстоятельств»).

Итак, если столь многие респонденты уверены, что они точно знают, в каком возрасте для девушки наступает взрослая жизнь, то не замеряем ли мы данным вопросом нижнюю границу легитимного (формального), а не фактического наступления взрослости?

Еще больше нас в этом выводе убеждают данные, приведенные в табл. 4,

Таблица 4

Какие события в жизни женщины должны произойти, чтобы считать ее взрослой?
(доля ответивших «важно» и «очень важно», %)

	Начать жить отдельно от родителей	Начать работать полный день	Начать жить с партнером или мужем	Стать матерью
Австрия	42	42	23	24
Бельгия	28	40	20	28
Болгария	31	67	58	73
Швейцария	36	33	19	31
Кипр	37	53	40	53
Германия	36	33	27	39
Дания	54	34	22	45
Эстония	37	42	29	37
Испания	27	29	21	29
Финляндия	39	35	16	14
Франция	41	58	29	45
Великобритания	25	32	14	18
Венгрия	13	29	17	19
Ирландия	21	34	10	13
Латвия*	30	35	35	44
Нидерланды	24	20	13	15
Норвегия	38	21	7	9
Польша	28	42	38	51
Португалия	38	52	53	62
Румыния*	33	57	51	56
Россия	42	48	55	64
Швеция	33	15	6	8
Словения	27	40	22	30
Словакия	15	41	18	24
Украина	47	58	56	70
Все страны	33	39	27	35

где представлены результаты ответов на вопросы, поставленные, чтобы прояснить, с какими событиями в жизни женщины ассоциируется наступление для нее взрослого статуса. Предлагалось последовательно оценить «важность» — «неважность» наступления следующих четырех событий: начать проживать отдельно от родителей, начать работать полный рабочий день, начать жить со своим мужем/партнером, стать матерью[26]. Заметим, что все указанные события оказались (если судить по средним величинам) в «идеальном» календаре взрослеющей девушки позже, чем возраст, начиная с которого, по мнению респондентов, женщина может считаться взрослой.

При всех межстрановых различиях в оценках важности того или иного события, нельзя не отметить факта, что практически во всех странах хотя бы одно из указанных событий оценивается как важное для обретения женщиной взрослого статуса (доля ответивших, что данное событие «важно» и «очень важно» составляет 30% и более). Очень немного стран, для которых все рассматриваемые события представляются не очень важными (например, Нидерланды, Венгрия). В странах Восточной Европы, на Кипре, в Португалии и Франции большое значение придается созданию семьи и материнству, нередко в сочетании с полной занятостью, а в странах Западной и Северной Европы акцент делается на начале трудовой карьеры, выделении из родительской семьи и меньше обращается внимание на важность взрослому человеку иметь семью. Интересно, что по важности материнства страны Северной Европы и Восточной Европы (с примкнувшими Португалией и Кипром) находятся на разных полюсах. В первой группе стран для того, чтобы называться взрослой, женщине совсем не обязательно становиться матерью, а во второй, наоборот — крайне рекомендуется, и это притом, что сегодня рождаемость в Северной Европе существенно более высока, чем в Восточной Европе и Португалии.

Пара переменных «работать полный рабочий день» и «жить отдельно от родителей» логично положительно закоррелирована на межстрановом уровне, так же как нельзя отказать в логике еще более высокой положительной связи между переменными «жить с мужем/партнером» и «стать матерью». В то же время между парами этих закоррелированных переменных зависимость отсутствует (график 9). Получается, что Европа неоднородна в том, с какими поступками на нормативном уровне связывается признание девушки взрослой: с материнством или с независимостью от родителей.

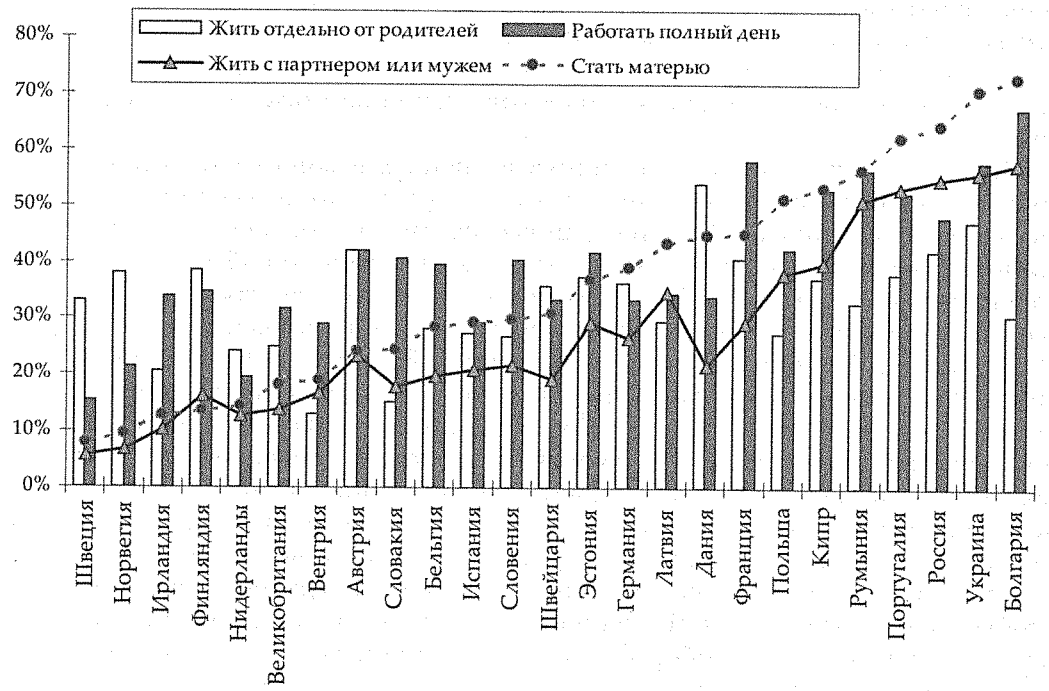
Итак, мы фиксируем противоречие: респонденты ассоциируют наступление взрослости для женщины с событиями (трудовой карьерой, материнством), которые в современной Европе при нормальном развитии индивидуального жизненного цикла реально случаются в существенно более позднем возрасте,

---

[26] Интересно, что разработчики не предусмотрели в списке такое событие, как завершение образования, которое в этом ряду было бы более чем уместным. Не рассматриваются и гражданско-правовые события, за исключением регистрации демографических событий (заключение брака, рождение ребенка). С другой стороны, полноценная занятость (второе событие в списке), обычно предполагает, что получение основного профессионального образования завершено.

График 9

Доля респондентов, ответивших «важно» и «очень важно» на вопросы о событиях, которые в жизни женщины должны произойти, чтобы ее можно было бы считать взрослой: 1. «стала жить отдельно от родителей»; 2. «начала работать полный рабочий день»; 3. «стала жить со своим мужем или партнером»; 4. «стала матерью» (данные ESS)

Примечание: Страны ранжированы по доле ответивших «важно» и «очень важно» женщине стать матерью, чтобы ее считать взрослой.

чем декларируемый респондентами средний возраст обретения женщиной взрослого статуса. Мы склонны объяснять это тем, что значительная часть респондентов на прямой вопрос о возрасте наступления взрослости ориентировалась в большей степени на формальную сторону дела – на юридически нормативный возраст обретения человеком гражданских прав (возраст совершеннолетия), т.е. в данном случае неформальные нормы тяготеют к формально-правовым.

Для того чтобы окончательно убедиться в нашей гипотезе, выделим только тех респондентов, которые указали, что женщина может считаться взрослой с 18 лет, и рассмотрим, как они ответили на вопрос о том, насколько важно для женщины работать полный рабочий день, чтобы считаться взрослой (табл. 5). Известно, что средний возраст начала непрерывной трудовой деятельности для женщины в Европе в настоящий момент перешагнул за двадцатилетний порог. Следовательно, настаивая на 18-летнем пороге обретения девушкой статуса взрослого человека, респондент не должен был бы его ассоциировать с началом трудовой деятельности. В действительности

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важно, на Ваш взгляд, то, что женщина начала работать полный рабочий день, чтобы считать ее взрослой» для респондентов, указавших, что девочки/девушки/женщины становятся взрослыми в 18 лет.

	«Совершенно не важно» и «не важно»	«Где-то посередине»	«Важно» и «очень важно»
Австрия	43	17	40
Бельгия	52	12	36
Болгария	23	14	64
Швейцария	52	15	33
Кипр	33	13	55
Германия	48	20	32
Дания	53	16	31
Эстония	47	14	39
Испания	55	10	35
Финляндия	45	23	32
Франция	32	11	57
Великобритания	54	18	28
Венгрия	59	12	29
Ирландия	56	13	32
Латвия*	31	23	46
Нидерланды	72	10	19
Норвегия	62	18	20
Польша	47	14	40
Португалия	28	23	49
Румыния*	27	16	60
Россия	31	19	51
Швеция	69	19	13
Словения	48	10	43
Словакия	44	11	46
Украина	21	15	64
Все страны	48	15	36

оказывается, что только в Швеции, Нидерландах и Норвегии респонденты логичны в своих рассуждениях – женщине, ставшей взрослой в 18 лет, совершенно не обязательно (еще рано?) работать. Как тут не вспомнить о мощных социальных программах поддержки молодых безработных в этих странах. Ответы респондентов в других странах демонстрируют явное нару-

шение элементарной логики, ассоциируя наступление взрослости с полной занятостью: неужели каждый третий–второй респондент считает, что девушка становится взрослой женщиной в 18 лет, потому что в этом возрасте большинство женщин начинает трудовую карьеру? Столь явное незнание социальной реальности сомнительно.

Такую же проверку логичности рассуждений респондентов, настаивающих на 18-летнем пороге взрослости, мы провели и в отношении важности материнства. Результат практически тот же: 30–40% респондентов в Германии, Франции, Дании, Испании и Бельгии, 50–70% – в Восточной Европе, Португалии и на Кипре из числа указавших столь ранний порог взросления настаивают на том, что для того, чтобы быть взрослой, надо стать матерью. И это притом, что возраст матери при рождении первого ребенка в Европе уже очень высок – больше 25 лет для большинства стран (в России, Румынии и Украине – 24 года – самый низкий в Европе). Опять же, только жители Скандинавских стран последовательны в своем выборе, и те из них, кто декларирует 18-летний порог взрослости для девушки, не требуют от нее рождения ребенка для приобретения социально зрелого статуса.

Итак, у нас есть все основания полагать, что в ответах на прямой вопрос о возрасте, по достижении которого женщина может считаться взрослой, очень многие респонденты в различных странах имели в виду признание (или знание?) существующей возрастной границы обретения девушками нового правового статуса – возраста дееспособности (совершеннолетия), дающего права на принятие самостоятельных решений, а не наиболее распространенный возраст достижения взрослого состояния per se (само по себе).

Выводы

В рамках очередной волны сравнительного Европейского социального исследования, проведенного в 2006–2007 гг., была предпринята попытка оценить кросс-культурную вариабельность «возрастных символов» – ценностно-нормативных представлений, регулирующих процесс перехода индивида из юношеского состояния во взрослое в современном обществе. Отталкиваясь от принципа многокритериальности данного процесса, была разработана достаточно широкая палитра вопросов, позволившая впервые на репрезентативном уровне и одновременно в различных странах количественно оценить возрастные параметры «идеального» расписания целого ряда событий, символизирующих смену социально-возрастного статуса.

В данной статье внимание было сконцентрировано на изучении общественного мнения относительно возрастных параметров основных событий для девушек в период их взросления. К каким же выводам мы пришли?

1. Европейские страны, безусловно, не представляют собой единообразную модель как в смысле идеального календаря событий, связанных с вхождением девушки во взрослую жизнь, так и в смысле конкретных ключевых событий, с которыми ассоциируется завершение этого процесса. Является ли наблюдаемая дифференциация стран следствием стадиальных различий

в рамках общего для развитых стран переходного процесса к некоему «новому» расписанию человеческой жизни или следствием изначально присущих историко-культурных особенностей в каждой стране (группе стран), остается дискуссионным вопросом. По-видимому, как чаще всего бывает, мы имеем дело с проявлениями обоих дифференцирующих моментов в социальной динамике.

2. На межстрановом уровне менее всего различаются социально «невозбраняемые» возраста добрачных межличностных отношений, когда уже можно иметь сексуальные отношения (16,7–19,1 лет), проживать с партнером без регистрации брака (18,9–21,5 лет), произвести на свет первенца (19,4–22,2 лет) – для этих событий минимаксный разброс средних значений по странам составляет менее трех лет. Итак, вся Европа, по сути, едина в том, что в интервале от 18 до 21 лет в настоящий момент находится возрастная норма обретения опыта сексуальных отношений, в результате которых допускается, что может появиться и ребенок (вероятнее всего, в результате незапланированной беременности). Следует особо подчеркнуть, что в России для данных событий возрастная норма очень близка среднеевропейской.

3. Различия между странами увеличиваются, если речь заходит об этапе жизненного цикла, когда сексуальные отношения перерастают в серьезные межличностные отношения, имеющие экономические и правовые последствия. Возрастная норма, когда можно «*начинать задумываться*» о браке (можно вступать в брак, как это сформулировано в вопроснике), лежащая в интервале 19,1–22,8 года и одобряемый (идеальный) возраст начала жизни с партнером без заключения брака (20,5–24,3 года) создают в значительной степени пересекаемое в возрастном диапазоне событийное пространство. Традиционная норма, что совместную/супружескую жизнь надо начинать именно с брака, очевидно, безвозвратно ушла в прошлое во всех странах, в том числе и в России, для которой средний возраст, когда можно вступать в брак, и средний идеальный возраст для начала совместной жизни с партнером без регистрации брака, статистически едва различимы (соответственно 20,1 и 20,5). Выбор формы семейной жизни, по крайней мере на ее стартовом отрезке, становится все более равновероятным по факту[27], и общественное мнение относится к этому все более толерантно.

Существенно большую неоднородность мнений демонстрируют представители разных стран в отношении вопросов о социально одобряемых, идеальных возрастах для замужества и материнства. Разброс средних значений на межстрановом уровне достигает почти 5 лет: идеальный возраст брака находится в интервале 21,4–26,2 года, идеальный возраст для рождения первенца – 22,7–27,3 года. Поскольку известно, что сегодня во всех странах повышается фактический возраст вступления в брак и материнства, но процесс этот начался не одновременно (с разрывом в два десятилетия), различия в предпочтениях относительно возрастных моделей формирования семьи, скорее всего, также носят в основном стадиальный характер. В

[27] О тенденции распространения незарегистрированных союзов в европейских странах и России см.: Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад. – М., 2007. – С. 53–65.

России и Украине усредненная норма все еще тяготеет к достаточно раннему возрасту замужества и материнства, в результате чего именно эти страны во всем континууме стран очерчивают нижнюю границу варьирования. В то же время и в этих странах, как и во всей Европе, молодежь предпочитает формировать семьи в более позднем возрасте. Так что прогноз очевиден – возрастная модель брака и рождаемости будет продолжать повсеместно стареть, и завершение этого процесса пока не просматривается даже в наиболее продвинутых странах.

4. Особо следует сказать о возрастной норме завершения образования. В соответствии с формулировкой вопроса речь идет о нижней границе возраста, ранее которого не следует покидать стены образовательных учреждений. К сожалению, программа обследования не позволяет более детально изучить мнения о возрастных пределах получения образования. Так, возможность задать вопрос о наилучшем возрасте завершения образования, дополненного вопросом о желательном классификационном уровне образования, была бы чрезвычайно полезной.

Полученные результаты представляются столь же интересными, сколь и дискуссионными. Дело не только в том, что допустимые возраста завершения образования демонстрируют высокую вариабельность в Европе (от 17,6 до 22,4 года, т.е. разброс практически равен 5 годам), но и в том, что позиционируется это событие в общем событийном ряду жизненного цикла по-разному в разных странах. В целом ряде стран нормативные возрастные пределы получения образования для девушки конфликтуют с наилучшим периодом, отведенным ей для замужества и рождения первенца. Так, в России, где по результатам опроса образовательные притязания едва ли не самые высокие в Европе, 22% опрошенных указали допустимый возраст завершения образования для девушки более высокий или равный ими же декларируемому идеальному возрасту рождения первенца. По-видимому, дилемма «учиться» или «жениться» в странах, подобных России, на сегодняшний день составляет основу для наиболее острого конфликта в формировании массовой идеальной модели жизненного пути, отвечающей изменившимся социальным условиям. В западноевропейских странах выбор в пользу получения профессионального образования уже отодвинул формирование семьи на более поздний возраст, в результате чего сложилась более логичная, более рациональная, с социально-экономической точки зрения, модель событийного ряда. В то же время и она не лишена противоречий.

5. Удлинение периода обучения, более позднее начало трудовой деятельности (нередко усиленное безработицей) расшатали несущие конструкции прежнего канона взрослости, зафиксированного в массовом сознании и в теории. Так, по нашим расчетам, в 11 странах (из 25) расчетный средний возраст, когда можно завершать образование, получился выше среднего возраста, начиная с которого респонденты полагают, что женщина может считаться взрослой. Выделение из родительской семьи, отмечаемое во многих странах в качестве ключевого параметра для обретения девушкой взрослого статуса, имеет наиболее широкие границы возрастного норматива – жить с родителями не пристало в одних странах в 23 года, а в других – в 33 года. Однако во всех странах без исключения можно оставаться с родителями,

обретя формальный статус «взрослого человека». Итак, необходимость пересмотра социокультурной матрицы «возрастных символов» становится актуальной задачей для всего современного общества. Серьезность вызовов для всей системы «социального государства» («welfare state»), в немалой степени опирающейся на идею возрастной стратификации, очевидна.

6. Единообразия в том, кого из женщин можно считать взрослым человеком, в Европе не наблюдается: в 6 странах в качестве ведущего критерия указывается на отдельное проживание женщины от родителей, в 11 странах — на ее работу в режиме полной занятости, в 9 — на материнство. Замужество и отдельное проживание с партнером во всех странах отмечается как сопутствующий критерий, однако важность его также значительно варьирует по странам. При всей мозаичности образа «взрослости» и логически-временной взаимосвязанности событий, с которыми ассоциируется обретение женщиной этого статуса в Европе, условно можно выделить два ведущих вектора событийного ряда, к которому в разной степени тяготеют страны. В одних странах превалируют представления об экономической и пространственной независимости девушки от родителей (наиболее четко просматривается в Скандинавских странах), в других — создание семьи и обретение обязанностей по воспитанию собственных детей (наиболее сильно выражены в восточноевропейских странах). Вопрос о возможной переходности модели, сложившейся на сегодняшний день в России и близких к ней странам, остается дискуссионным и требует дальнейших углубленных исследований. В то же время во всех странах без исключения возраст обретения легитимно-правового статуса «взрослого» человека потерял связь с теми событиями, с которыми принято ассоциировать поведение взрослого человека. Возможно, формулировка вопроса в исследовании о том, «в каком возрасте девочки/девушки/женщины становятся взрослыми», оказалась не совсем удачной, и ее надо пересматривать, если задача состоит в том, чтобы отделить неформальные возрастные нормы от формально-правовых.

7. Главная специфика России (и родственной ей Украины) заключается в особо высокой концентрации событий, с которыми связывается процесс взросления женщины, на коротком временном отрезке жизненного пути (в чрезвычайно узком возрастном интервале). На среднем уровне от обретения опыта сексуальной жизни до выделения из родительской семьи, по мнению респондентов, должно проходить в России менее 6 лет, а в Украине — менее 5 лет (оценка на основе расчета средних возрастов для указанных событий). Среднеевропейский интервал (при исключении России и Украины) — 11 лет, т.е. почти вдвое длиннее. Означает ли это, что россиянки и украинки сегодня взрослеют раньше и быстрее, чем в остальной Европе? И да, и нет. Взрослые обязанности, связанные с замужеством и материнством, которые сваливаются на голову женщине в раннем возрасте в этих странах, с одной стороны, приводят к раннему приобщению к высокоответственным социальным практикам, с другой стороны, частичная или полная зависимость от родительского и государственного патернализма в выборе жизненных стратегий становится для них неизбежной. Требования, предъявляемые сегодня российским обществом к социальной политике, зачастую выходят за

рамки возможности государства[28]. Едва ли сложившаяся ситуация отвечает интересам современной молодежи и государства, претендующего на повышение динамизма социально-экономического развития. В связи с чем представляется, что происходящая перенастройка идеального календаря, в первую очередь демографических событий, в России будет продолжена. Подталкивать к изменению возрастных норм создания семьи и деторождения будут отмечаемые исследователями[29] возросшие притязания к уровню образования и экономическому базису собственного благополучия в целом[30].

[28] Как тут не вспомнить бесконечную дискуссию о том, кого считать «молодежью», «молодым ученым», «молодой семьей» в связи совершенствованием молодежной и семейной политики в нашей стране! Сегодня на получение различных льгот, в том числе при решении жилищных проблем, исключительно по возрастному критерию претендуют 35-летние «молодые ученые», «молодые семьи», возраст одного из супругов в которых не превышает 30 и даже 35-летнего возраста и т.п. Помнится, в 1970–1980-х гг. в подобных дискуссиях речь шла о 25-летнем возрастном барьере.

[29] *Магун В., Энговатов М.* Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 // *Вестник общественного мнения.* – 2004. – № 4 (72); Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / Под ред. В.С. Магуна. – М.: ИС РАН, 1998.

[30] «Каждое следующее поколение молодых людей все больше перераспределяет свои и чужие ресурсы в пользу решения задач собственного профессионального образования» (Магун и Энговатов. – 2004. – С. 82). При сохранении данной тенденции относительно ранняя модель формирования семьи, характерная для России, не имеет будущего, подобно тому, как она по тем же причинам ушла в прошлое в других странах.

Приложение

Средний возраст наступления некоторых важнейших событий в жизни женщины, лет

	Возраст, когда можно начинать сексуальные отношения	Возраст, когда можно завершать образование	Возраст, когда можно начинать жить с партнером, не заключая брак	Возраст, когда девушка может считаться взрослой	Возраст, когда можно становиться матерью	Возраст, когда можно вступать в брак	Идеальный возраст для начала жизни с партнером, не заключая брак	Идеальный возраст для вступления в брак	Идеальный возраст для рождения первого ребенка	Возраст, к которому женщине следует покинуть родительский дом
Австрия	16,7	17,6	19,4	21,5	20,1	20,6	22,0	25,4	26,1	28,7
Бельгия	17,9	19,1	20,2	19,6	20,9	20,9	22,7	24,6	26,2	29,5
Болгария	18,0	17,9	19,7	22,6	20,6	20,5	21,2	23,0	24,2	28,8
Швейцария	17,4	19,6	19,9	19,4	20,9	21,1	22,9	26,2	27,3	27,6
Кипр	18,3	17,9	20,3	20,2	21,1	20,6	24,3	25,7	26,7	32,4
Германия	16,8	18,2	19,6	19,9	20,6	20,9	22,5	25,2	26,0	27,6
Дания	17,5	22,2	19,8	20,3	21,5	21,3	22,0	25,2	26,1	24,6
Эстония	18,1	19,3	19,4	19,8	20,3	20,3	21,0	23,1	23,9	27,2
Испания	17,4	18,2	20,0	20,4	20,8	20,6	24,0	26,1	27,2	30,9
Финляндия	18,3	20,5	19,9	19,7	20,6	20,6	20,6	23,4	24,6	26,3
Франция	17,7	19,0	20,0	20,8	20,9	21,0	22,1	24,9	26,1	28,2
Великобритания	18,1	17,9	19,9	18,6	20,5	20,6	21,5	24,0	25,3	28,7
Венгрия	18,3	20,3	20,2	19,5	21,3	21,0	22,1	23,8	25,4	30,3
Ирландия	19,1	19,0	21,5	18,9	22,2	22,8	23,0	26,0	26,7	29,3
Латвия*	17,6	18,6	18,9	20,2	19,8	19,9	21,0	22,8	23,8	29,1
Нидерланды	17,6	18,4	19,9	19,1	21,0	20,6	22,7	25,2	27,2	28,3
Норвегия	17,7	20,9	19,9	20,9	20,4	20,8	22,3	25,0	25,8	26,6
Польша	18,5	21,3	20,2	19,5	20,2	20,3	22,4	23,4	24,4	28,1
Португалия	17,6	18,6	19,6	20,3	19,8	19,9	23,3	23,7	25,0	31,8
Румыния*	17,5	18,1	18,9	19,9	19,4	19,1	21,2	22,6	24,3	29,9
Россия	18,5	22,4	19,5	20,0	20,6	20,1	20,5	21,8	23,1	24,3
Швеция	17,6	20,4	19,8	19,7	21,0	21,3	21,5	25,0	26,2	26,6
Словения	17,9	21,4	20,4	20,9	20,8	21,1	22,9	24,6	25,1	30,2
Словакия	18,2	18,8	20,2	19,9	20,6	20,7	21,8	23,7	24,9	30,5
Украина	18,6	22,4	19,2	20,0	20,3	19,9	20,8	21,4	22,7	23,4
Все страны	17,8	19,3	19,8	20,0	20,6	20,6	22,1	24,2	25,3	28,1

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ПОИСК ответа на вопрос о том, является ли Россия Европой — одна из наиболее любимых и интригующих тем общественной мысли России на протяжении многих десятилетий. Почему так занимает нас этот вопрос? На первый взгляд кажется, что различий между Россией и Европой так много, что отнести Россию к Европе никак нельзя. О том, что Россия не похожа на Европу, говорит и внешний вид российских городов и сел, их архитектурный, облик, состояние транспортной системы и коммуникаций, знаменитые российские дороги, отсутствие материального изобилия и комфорта, вежливости и доброжелательности, европейской неагрессивности, — словом, всего того, что так притягивает россиянина к Европе и что кажется столь недоступным в России.

Однако прежде чем рассуждать о том, является ли Россия Европой, стоит задаться вопросом о том, что такое сегодня «Европа». На фоне интенсивных интеграционных процессов внутри Европы, когда унифицируются валюта, законы, социальные и государственные институты, одновременно происходит расширение ее границ — как географических, так и психологических, культурных, духовных, Европа все больше приобретает новые для нее черты — славянские, турецкие, азиатские.

Изменяется Россия, изменяется и Европа. При этом границы и различия между ними постепенно стираются с обеих сторон. Если в экономике, политике, культуре России происходит движение в сторону Европы, то и Европа приобретает все больше лингвистических, культурных, религиозных, психологических черт, сходных с Россией. И риторический вопрос, является ли Россия Европой, становится уже и не столь актуальным. Все труднее говорить об этом в терминах дихотомии, все бессмысленнее разделять мир на разные лагеря. Зато гораздо интереснее и важнее сегодня понять, в чем именно состоят отличия и сходства, с какой именно частью Европы такие различия наиболее велики или, наоборот, малы, в каком направлении происходит движение, развитие, в каких областях и почему.

Мир после падения «железного занавеса», разрушения Берлинской стены получил возможность постоянно сравнивать «нас» и «их». Теперь пришло

время научному осмыслению таких различий. Развитие методологии сравнительных исследований, усовершенствование методов опросов привело к возможности создать исследовательский инструмент, который позволяет проводить довольно точные и надежные межстрановые сравнения характеристик, поведения и взглядов людей в разных частях Европы. И практической реализацией таких возможностей стало Европейское социальное исследование (ESS), на данных которого основана эта книга.

Чрезвычайно важным выводом, который можно сделать на основе большого научного материала, представленного в этой работе, является то, что ценностные представления и модели поведения людей в разных странах не имеют непреодолимых различий и часто определяются не страновыми особенностями, а личностными характеристиками.

Данная книга основана на анализе лишь одной, первой волны Европейского социального исследования в России (третья волна в Европе). Мы смогли получить ценностную и структурную картину России в статике, сравнить положение России с другими странами Европы. В 2008 г. была проведена вторая волна этого исследования, и эти данные уже находятся в открытом доступе[1]. В 2010 г. планируется следующий этап исследования, который будет уже третьим для России. При наличии таких данных появится возможность провести не только статический, но и динамический анализ, проанализировать направления изменений, подтвердить или опровергнуть выдвинутые гипотезы и предположения. Мы все очень ждем эти данные и надеемся на то, что все больше российских ученых будут их использовать в своем анализе происходящих в России изменений. Что-то удалось сделать уже сейчас, но еще больше предстоит сделать. Работа над анализом данных ESS только начинается, и мы надеемся, что впереди нас всех ждут новые интересные открытия и более глубокое понимание себя, своего общества и других.

Соредактор Андреенкова А.В.

[1] Доступ к материалам ESS и базам данных на английском языке можно получить на сайте www.europeansocialsurvey.org, на русском языке — на сайте www.ess-ru.ru

Сведения об авторах

Андреенков Владимир Георгиевич, канд. филос. наук, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)

Андреенкова Анна Владимировна, канд. полит. наук, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Руководитель проекта «ESS – Россия»

Андреенкова Нина Владимировна, канд. филос. наук, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Член Научного Совета «ESS – Россия»

Антонов Анатолий Иванович, доктор филос. наук, социологический факультет МГУ им. Ломоносова

Арутюнова Екатерина Михайловна, канд. соц. наук, Институт социологии РАН

Беляева Людмила Александровна, доктор соц. наук, Институт философии РАН. Член Научного Совета «ESS – Россия»

Дробижева Леокадия Михайловна, доктор ист. наук, Институт социологии РАН. Член Научного Совета «ESS – Россия»

Захаров Сергей Владимирович, канд. экон. наук, Институт демографии ГУ ВШЭ

Кофанова Елена Николаевна, канд. соц. наук, Институт социологии РАН

Лапин Николай Иванович, член-корр. РАН, Институт философии РАН. Руководитель Научного Совета «ESS – Россия»

Лебедь Ольга Леонидовна, канд. соц. наук, социологический факультет МГУ им. Ломоносова

Магун Владимир Самуилович, канд. псих. наук, Институт социологии РАН, представитель России в Центральном Международном Научном Совете ESS

Монусова Галина Алексеевна, канд. истор. наук, ИМЭМО РАН

Мчедлова Марина Михайловна, канд. филос. наук, Институт социологии РАН

Руднев Максим Геннадьевич, канд. социол. наук, Институт социологии РАН

Синельников Александр Борисович, канд. экон. наук, социологический факультет МГУ им. Ломоносова

CONTENT

Preface
Andreenkova A.V., Belyaeva L.A. 7

Chapter 1. Methodological issues and solutions in modern international comparative surveys
Andreenkov V.G. 13

Chapter 2. Russia in socio-cultural map of Europe
Lapin N.I. 47

Chapter 3. Russia and Europe: the structure of population and social inequality. Comparative analysis
Belyaeva L.A. 53

Chapter 4. Political attitudes and political behavior of Russians
Andreenkova A.V. 95

Chapter 5. Subjective evolutions and objective characteristics of working life: cross-country comparisons
Monusova G.A. 141

Chapter 6. Comparative analysis of the satisfaction with life as a whole and life domains
Andreenkova N.V. 170

Chapter 7. Ethnic-civic identity and interethnic tolerance
Drobizheva L.M., Arutyunova E.M. 194

Chapter 8. Similarities and dissimilarities between basic human values of the Russians and other Europeans: country level and individual level comparisons
Magun V.S., Rudnev M.G. 225

Chapter 9. Population's values of macro economic regions of Russia on the dimension «openness-preservation»
Lapin N.I. 271

Chapter 10. Religiosity in Russia and in Europe
Kofanova E.N., Mchedlova M.M. 285

Chapter 11. Satisfaction with life, family and marriage in Russia and Europe
Antonov A.I., Lebed O.L., Sokolov A.A. 320

Chapter 12. Family and marriage on European background
Sinelnikov A.B. 326

Chapter 13. The normative views of the people in different countries about the beginning of female adulthood
Zakharov S.V. 347

Instead of conclusions
Andreenkova A.V. 380

Appendix-About authors 382

Научное издание

РОССИЯ В ЕВРОПЕ

По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»

Под общей редакцией
А.В. Андреенковой и Л.А. Беляевой

Издательство «Academia»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 8-499-238-21-23, 8-499-238-21-44, 502-08-90
Эл. почта: info@academpress.net
Интернет-магазин:http:// www.academpress.net

Генеральный директор
и главный редактор издательства
В. А. Попов

Редактор
Н.И. Карпенко

Арт-директор
Е.Ю. Салтыкова

Художник
А.В. Кубанов

Верстка
Т.Н. Гризунова

Корректор
Н.Н. Цыркова

Редактор-организатор
Н.В. Капустина

Подписано к печати 25.12.2009. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «NewBaskerville».
Физ. печ. л. 24, 00. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2266.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685